СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

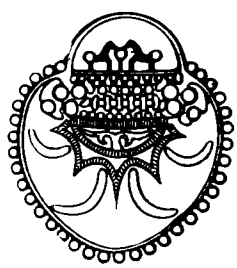
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-04534. Подписано к печати 4 IV -1962 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 8,5
Печ. л. 23,29+4 вкл. Уч.-изд. л. 25,5 Тираж 1950 экз. Заказ 81

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

А. Л. МОНГАЙТ

АРХЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

В решениях XXII съезда КПСС отмечено, что в условиях строительства коммунистического общества первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников общества, воспитание людей в духе научно-материалистического миропонимания, преодоление религиозных предрассудков. В этой связи чрезвычайно возрастает значение антирелигиозной работы.

Преодоление религиозных предрассудков должно вестись не только путем разоблачения современной деятельности церковников. В Программе КПСС сказано: «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений»[1]. Археологи, вооруженные богатыми материалами по истории религии, постоянно наблюдающие формы ее проявления в различные эпохи существования человека, должны включиться в общую работу по борьбе с религиозными мировоззрениями, разоблачая религиозные мифы, ведя активную научно-атеистическую пропаганду.

Для большинства представителей советской интеллигенции такой вопрос мировоззрения, как отношение к религии, представляется давно решенным. Мы материалисты и атеисты, и люди, верующие в бога, если они не старики, кажутся нам какими-то выходцами из другого мира. Может быть, поэтому борьба с религией не стала органической частью нашей работы, вызванной потребностью откликнуться на актуальные вопросы современности; может быть, поэтому атеистическая пропаганда кажется чем-то уже пережитым в первые годы революции, чем-то второстепенным в наши дни. И часто, с усмешкой поглядывая на то, как неумело ведут такую пропаганду некоторые антирелигиозники, мы не даем им в руки тех материалов, которые обязаны были бы дать. Между тем из сообщений печати мы вдруг и неожиданно для себя узнаем, что не только за рубежом, где религия продолжает оставаться важнейшим фактором общественной жизни, но и в нашей стране для многих людей вопрос об отношении к религии является далеко не решенным, иногда мучительно болезненным и важным.

Могут ли археологи стоять в стороне от борьбы с враждебной нам религиозной идеологией? Прежде всего следует сказать, что археологи не стоят в стороне и, сетуя на то, что мы недопонимаем подчас важности борьбы с религией, я был бы несправедлив, если бы утверждал, что мы такой борьбы не ведем. Но как-то случилось, что эта борьба стала уделом главным образом археологов-первобытников, специалистов по каменному веку, сражающихся со своими противниками — католически-

---

[1] Программа КПСС. Часть вторая, V, 1, е.

ми учеными. Может быть, активность противника побуждала здесь к более энергичным действиям, и, несомненно, почва здесь для идеологической борьбы на редкость благоприятная.

Уже первые открытия в области первобытной археологии в середине XIX в. вызвали острую реакцию церковников. Открытие примитивных каменных орудий эпохи палеолита показало, что человек, создавший эти орудия, стоял на такой низкой ступени развития, что нельзя было допустить никакого образа и подобия божьего; происхождение человека отодвигалось в такую глубь тысячелетий, что совершенно опрокидывалась вся библейская хронология. Клерикальные ученые встретили эти открытия в штыки. И хотя Буше де Перт сам верил во всемирный потоп, его сочинения были изъяты из продажи по требованию церковников. Археологи вступили в борьбу с церковью. Так, крупнейший французский археолог Г. де Мортилье конечной целью своих исследований ставил разрушение религиозного мировоззрения. Он боролся с религией на своем конкретном археологическом материале. В противовес библейской хронологии он подчеркивает древность человеческого рода, доказывает безрелигиозность палеолитического человека, доказывает, что символ креста появился задолго до христианства. «Он был не просто атеистом, а атеистом воинствующим. Свою антирелигиозную пропаганду он ведет с пылом и ненавистью. Самые отвлеченные вопросы развития первобытной культуры он увязывает с антирелигиозной пропагандой. Его антирелигиозная деятельность вызывала естественную ненависть клерикалов и коробила окружавшую его академическую среду» [2].

Католические священники занялись исследованиями о доисторическом человеке. Среди видных ученых археологов и антропологов можно назвать духовных лиц: Г. Обермайера, А. Брейля, Г. и А. Буиссони и др. Католическая церковь — воинствующая церковь, если она поручает или хотя бы позволяет своим слугам заниматься археологией, значит эта наука находится где-то на передовом участке идеологического фронта, там, где, с точки зрения церкви, происходит борьба за души человеческие.

В наши дни, когда человек все глубже проникает в тайны природы, все труднее отстаивать библейскую легенду, и современная церковь бессильная отрицать, как это было в средние века, науку, вынуждена пытаться согласовать выводы науки с догматикой религии. Поэтому среди видных зарубежных археологов мы встретим имена церковных деятелей. Не случайно католическая церковь благословила французских аббатов и австрийских патеров на занятие археологией.

Папа Пий XII в энциклике «Divino afflante Spiritu» (1943 г.) обращает внимание богословов на то, что археологические раскопки дают материал, позволяющий истолковывать многие неясные места в Библии.

В письме папской Библейской комиссии к архиепископу парижскому кардиналу Зухарду в 1948 г. указано, что христианская экзегетика должна принимать во внимание весь материал, который дает современная палеонтология, археология, эпиграфика и т. п. [3]

Наряду с библейской археологией, помогающей трактовать Ветхий и Новый заветы, особенно большое внимание церковь уделяет первобытной археологии.

Идеологическая борьба вокруг проблем ранней истории человечества приняла новые формы: не отрицание очевидных фактов, а попытка найти новые факты, якобы разрушающие выводы ученых, направленные против религиозных догматов. Так, например, если удастся удревнить

---

[2] П. И. Борисковский и С. Н. Замятнин. Габриель де Мортилье. ПИДО, № 7—8, М.— Л., 1934, стр. 99—100.

[3] Сб. «Gott, Mensch, Universum. Die Antwort des Christen auf den Materialismus der Zeit». Herausgegeben von Jacques de Bivort de la Saudée. Graz, 1956.

некоторые явления в истории человеческой культуры, если удастся доказать, что первобытный человек был похож на современного, то легче будет утверждать, что он создан по образу и подобию божьему. Если удастся доказать, что искусство, обряд погребения и т. п. возникли из религиозных побуждений и в глубокой древности, значит религия извечна, религиозное чувство является врожденным у человека, такой же чертой человеческого облика, как, скажем, прямохождение, человек на протяжении всей своей истории был религиозным, и атеизм — это аномалия в человеческом характере. Вот почему отвлеченный и, казалось бы, малоинтересный вопрос о первых человеческих погребениях стал предметом ожесточенных споров.

Вот почему вопросы о том, как развивалось мышление первобытного человека, было ли оно только конкретным или также и абстрактным, для чего он рисовал, вызвано это было практическими потребностями или возникшим эстетическим чувством, или религиозными убеждениями и т. п.,— и поныне являются объектом полемики не только между археологами, но и учеными других специальностей, в том числе и философами.

Утверждение идеи о чрезвычайной роли религии в развитии человеческой культуры и истории является темой многих книг видных буржуазных ученых. И археологические аргументы играют не малую роль в попытках утвердить теолого-метафизическую философию истории. В споре о том, чем отличаются первобытные общества от цивилизованных, с чего начинается цивилизация, вместо выделявшихся ранее признаков — письменность, государство и т. п. — говорят о степени развития религиозного чувства, о возникновении новых религий, которым отводится центральная роль в формировании и развитии новых обществ.

Как в наше время оправдать старый религиозный миф о сотворении человека, миф, согласно которому человек как высшее существо, наделенное бессмертной душой, противопоставляется всей остальной живой природе? Для этого делаются попытки доказать, что человек произошел не от древних обезьян, а от принципиально иных животных, обладавших, несмотря на общую примитивность, высокоорганизованным мозгом и психикой[4]. История развития физического типа человека главным образом основана на археологических данных. В поисках археологических доказательств древности существования человека современного типа используются все данные вплоть до фальсифицированного «пилтдаунского черепа».

Конечно, в пилтдаунской фальсификации ученые не виноваты, Но тот факт, что в течение четырех десятилетий верили в фальшивку, придавая ей значение научного довода, может быть объяснен только тем, что «пилтдаунский человек» служил для подтверждения определенной концепции, авторы которой в конечном итоге стремились опорочить учение об эволюции человека. Если отношение к пилтдаунской находке со стороны советских археологов и антропологов было определенно отрицательным еще до окончательного ее разоблачения, то нельзя их не упрекнуть в некоторой косности и очень медленной реакции на новые открытия ископаемого человека, в частности в связи со спором о том, был ли неандерталец всеобщей стадией в развитии физического типа человека или представлял лишь вымершую, не имевшую потомков ветвь. Попытка в течение некоторого времени закрывать глаза на очевидные новые факты и придерживаться устаревших взглядов не является формой борьбы с реакционными учеными, а скорее уходом от этой борьбы.

[4] В речи, которую папа произнес в ноябре 1951 г. перед Ватиканской академией наук, отмечено как одно из незыблемых положений Библии, что «родоначальник и предок человека не мог быть не чем иным, как человеческим существом, иными словами, первый человек не мог быть потомком животного, в действительности от него произошедшим» (И. А. Крывелев. Современное богословие и наука. М., 1959, стр. 81)

Ведь спорить приходится чаще всего не по поводу фальшивок, а по вопросу об интерпретации несомненных фактов, которые могут быть поразному истолкованы, спорить приходится отнюдь не с проходимцами, а с серьезными и даже выдающимися учеными.

Те, кто хотят доказать, что человек современного типа существовал изначально, и таким образом примирить данные археологии и религии, не сдаются. Одна из новейших работ, содержащих это утверждение,— книга Ф. Гиббена, автор которой считает, что многочисленные научные открытия показали, что процесс развития от первобытного к современному человеку, вопреки Ч. Дарвину, не был прямым и что, таким образом, нет никакого противоречия между духовной точкой зрения и фактами, доказывающими эволюцию. «Многие аргументы религии,— пишет автор,— состоят просто в том, что „человек не происходит от обезьяны". С технической точки зрения это правильно» [5].

Одним из важнейших догматических положений теологии является тезис об извечности религии, о том, что религиозность является высшим признаком человечности, важнейшим отличием человека от животного. Для доказательства этого тезиса привлекаются данные этнографии и археологии; вопросами истории первобытной религии занимаются крупные зарубежные ученые.

В связи с этим интересен спор о неандертальских погребениях. Не вызывает сомнений преднамеренность захоронений. Но для чего они сделаны; является ли это результатом возникающих религиозно-мистических представлений и связанных с ними обрядов или продиктовано другими соображениями, или является «проявлением инстинкта опрятности и чистоплотности», как говорят некоторые ученые?

Католический священник, видный археолог Г. Обермайер утверждал, что неандертальцы уже верили в загробную жизнь. Он считал их погребения «драгоценным доказательством существования весьма древнего культа умерших, связанного с верой в иную жизнь после смерти» [6]. По этому же поводу австрийский археолог О. Менгин писал: «Как ни низко в отношении материальной культуры стоял первобытный человек, однако он обращал свои взоры к высшему существу» [7].

Французский археолог аббат А. Брейль, убежденный в том, что богооткровенное происхождение религии является аксиомой, находит археологические подтверждения веры первобытного человека в потусторонний мир и почитание божества.

Советские ученые решительно выступили против попыток истолкования неандертальских погребений как доказательства «изначального» существования религии. Отсутствие в неандертальских погребениях развитого обряда как в самой форме погребения, так и в том, что в могилу не клали какие-либо приношения, отсутствие каких-либо указаний на то, что было истинным мотивом погребения — страх перед мертвыми или гигиенические соображения, и, наконец, даже сомнения в достоверности некоторых исследованных за рубежом погребений заставляют отвергнуть их как доказательства зарождения религиозных представлений.

Это отдельный, частный вопрос, но в целом проблема первобытных религий не заняла нужного места в советских археологических исследованиях последних лет.

Археологи сталкиваются с церковниками не только в вопросах первобытной истории. Археологические открытия, относящиеся к позднейшим эпохам, также пытаются использовать для доказательства истинности религиозных легенд. В 1922—1934 гг. англо-американская архео-

[5] F. C. Hibben. Prehistoric Man in Europe. University of Oklahoma Press, 1958, стр. 24.

[6] H. Obermayer. Fossil Man in Spain. London, 1925, стр. 96.

[7] O. Menghin. Der Nachweis des Opfers im Altpaleolithikum. Wien, 1926, стр. 14.

логическая экспедиция под руководством Леонарда Вулли производила раскопки города Ура на Евфрате. Среди замечательных находок дворцового и храмового архивов, царских гробниц и т. п. одно на первый взгляд скромное открытие вызвало чрезвычайный интерес. На глубине 20 *м* под слоем, в котором находились остатки гробниц, Вулли наткнулся на слой ила примерно в 3,5 *м* толщины, под которым снова шел культурный слой. Ил является осадочной породой, и присутствие здесь этого наносного слоя могло быть объяснено только тем, что некогда в стране шумеров произошел настоящий потоп.

Нельзя ли в исторически достоверном потопе, открытом раскопками, увидеть библейский потоп и, таким образом, установить правоту Библии? Оказывается, при желании, можно. Вулли очень крупный ученый-археолог. Это, однако, не мешает ему без всякой критики быть уверенным в реальности библейских рассказов. Он верит в то, что праотец Авраам, о котором в Библии сообщается, что он был родом из города Ура,— реальная личность и называет этим именем специальную книгу, хотя собственные раскопки Ура не дали Вулли никаких конкретных памятников, относящихся к Аврааму. Он верит в то, что открытый им слой ила свидетельствует о библейском потопе. С удивительной для опытного археолога наивностью Л. Вулли сопоставляет данные раскопок с рассказом Библии о потопе: «Ной построил свой ковчег из легкого дерева, а затем просмолил его битумом. Как раз в самом верхнем слое наносов потопа мы нашли большой ком битума, со следами корзины, в которой он хранился» [8].

Такой же слой «библейского потопа», какой нашел Вулли у Ура, английский археолог С. Ленгдон нашел при раскопках Киша, лежащего в 250 *км* северо-западнее Ура. Однако дальнейшие исследования показали, что слои ила, лежащие под древними городами Уром, Кишем, Уруком и Шуруппаком, различной древности и отражают не одно наводнение, не один «потоп», а несколько разновременных. Казалось бы, ясно, что археология свидетельствует всего лишь о катастрофических наводнениях в бассейне Тигра и Евфрата, бывших в особенности значительными до создания здесь ирригации. И только! Где же подтверждение «истинности» Библии? С точки зрения людей, живших в Месопотамии 4000 лет назад, постигшее их наводнение действительно могло казаться катастрофой всемирного масштаба, но в действительности потоп не был всемирным, как утверждает Библия, а охватил лишь незначительный по сравнению со всей Землей район. Археология не подтверждает библейскую легенду. Однако это не помешало сторонникам достоверности Библии организовать археологические поиски Ноева ковчега, якобы находящегося где-то на склонах горы Арарат.

В 1876 г. англичанин лорд Брайс нашел на горе Арарат на высоте 4500 *м* над уровнем моря кусок дерева, который он принял за остатки Ноева ковчега. После этого неоднократно, со ссылкой на весьма недостоверные источники, журналисты разных стран вспоминали о Ноевом ковчеге на горе Арарат, но никаких научных доказательств его существования не было.

В 1949 г. американцы предприняли экспедицию на Арарат для поисков ковчега, но она ничего не нашла.

В 1951 г. американский историк и миссионер д-р Арон Смит с 40 сотрудниками провел 12 дней на ледяной вершине Арарата и ничего не нашел. В 1952 г. французский путешественник Жан де Рике продолжал эти поиски и также вернулся ни с чем [9].

---

[8] Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, стр. 36.

[9] Подробно и критически о попытках поисков Ноева ковчега рассказано в статье швейцарского археолога Андрэ Парро. См. Andre Parrot. Déluge et Arche de Noé. Cahiers d'archéologie. N. 1. Neuchatel et Paris, 1953.

И все же ученые-теологи ищут возможности согласовать данные археологии с библейскими легендами. Они даже возражают тем авторам, которые, пытаясь целиком отстоять Библию, своим чрезмерным усердием компрометируют Священное писание в глазах современного читателя.

На западе пользуется большим успехом и неоднократно была издана на немецком, английском и других языках книга западногерманского журналиста В. Келлера «И все-таки библия права»[10]. Автор рассматривает отдельные библейские легенды и при помощи археологического материала старается доказать, что события, о которых в них рассказывается, действительно произошли. Но против этих утверждений выступают не только атеисты, но и некоторые католические ученые. Вот что пишет один из них: Библейский потоп ограничен географически и этнографически только Месопотамией. На Арарате искать ковчег ни к чему, он далеко от места библейского потопа. Верующие в Библию католики становятся жертвами легковерия и журналистских сенсаций. Просто племя Авраама перенесло из южной Вавилонии в Ханаан предание о большом потопе, но очищенное от политеизма вавилонян и обогащенное идеей единого бога.

В Библии идет речь не о подлинной истории. Она является религиозным и моральным учением, изложенным богом через своих пророков на том языке, который был понятен народам (израильтянам и иудеям), которым это учение было передано. Для того чтобы быть понятым, бог должен был исходить из того культурного и природного окружения, в котором жили эти народы.

Задача современных католических теологов и экзегетов — божье слово, изложенное в понятиях, доступных библейскому народу, перевести на язык наших дней[11].

Не трудно увидеть, что за всем этим рассуждением скрывается капитуляция церковников перед данными науки, в том числе и археологии. Есть множество форм, в которых эта капитуляция происходит[12]. Историкам науки уже можно приступить к систематизации и классификации этих форм, так они разнообразны. Для нас же важно, что наиболее разумные церковники поняли, что невозможно в связи с новыми достижениями науки толковать Библию так, как это делали теологи до начала XX в. Археология играет большую роль в разрушении религиозного мифа.

Одно из важнейших археологических открытий — находка рукописей Мертвого моря — лишний раз подтвердило тот неоспоримый факт, что произведения, вошедшие в состав Библии, не возникли единовременно в результате божественного откровения, а прошли сложный и длительный путь развития.

Это открытие вызвало большое беспокойство среди христанских богословов и церковных деятелей, и Ватикан колебался в принятии решения, сначала объявив исследование рукописей Мертвого моря опасным для католической веры, а потом поручив теологам самое усердное их истолкование.

Новые рукописи показали, что многие христианские идеи были заимствованы из учения безвестной секты, существовавшей задолго до Христа. Разгорелись страстные споры, в которых клерикалы пытаются отстоять основной тезис христианской церкви о божественности Христа. Но сделать это теперь не так просто. Историки выясняют одно за другим ряд событий, приведших к становлению христианства. Богословам очень важно подтвердить реальность событий, о которых рассказано в

---

[10] W. Keller. Und die Bibel hat doch recht. Düsseldorf, 1958.
[11] T. Schwegler. Die biblische Urgeschichte. München, 1960.
[12] Об этом см. И. А. Крывелев. Книга о библии. М., 1958.

Евангелии, и здесь немалую роль играют археологические документы [13]. Например, в 1945 г. израильский археолог проф. Е. Л. Сукеник изучил могилу, открытую в предместье Иерусалима Тальпиоте, датируемую монетами Агриппы I (42—43 гг.). Здесь похоронены, судя по арамейским надписям, Симеон Барсаба и его дочь Мириам. На могиле есть греческая надпись, которая расшифровывается как «Иисус помоги!». Сукеник считает, что это склеп христианской семьи [14]. Отсюда он делает вывод, что христианство существовало среди иудеев чуть ли не при жизни Христа и найденная могила является древнейшим свидетельством о христианстве. Внешне все выглядит весьма убедительно. Однако если вдуматься в существо вопроса, то это археологическое открытие отнюдь не опровергает тех критиков Библии, которые указывают, что тексты Евангелий, в которых Иисус Христос представлен богом, ставшим человеком, сложились только во II в. н. э. Начало отделения христианства от иудейской религии относится только ко второй половине I в. н. э. До этого о Иисусе Христе как о человеке еще нет речи [15]. Надпись на могиле, обращенная к Иисусу-богу, а не бого-человеку, ничего не изменяет в исторической критике Евангелия.

Мы видим, что наряду с теологами, отказывающимися считать, что в священном писании изложены исторически достоверные факты, есть и такие, которые пытаются отстоять каждое слово Ветхого и Нового заветов. Этим теологам приходится также считаться с археологией, но они стараются в свою пользу истолковать археологические факты [16]. Археологи-материалисты следуют традиции, установившейся в нашей области науки со времен Мортилье, и являются воинствующими атеистами. К сожалению, выводы, заключенные в ученых трудах, в очень малой степени становятся знакомыми широким слоям населения, очень мало используются в пропаганде атеистических взглядов. Хочется пожелать, чтобы археологи, придерживающиеся таких взглядов, и в первую очередь советские ученые, написали специальные книги по вопросам взаимоотношения археологии и религии и не только противопоставили подлинные знания потоку археолого-теологической литературы, издающейся на Западе, но и дали прекрасный материал в руки атеистов-пропагандистов.

---

[13] Речь, конечно, идет о подлинных археологических фактах, по которым только и может вестись спор учеными, а не о фальсификациях культовых древностей, которой прославилась христианская церковь с самой начальной поры своего существования. Еще в IV в., когда Константин сделал христианство официальной религией Римской империи, его мать, царица Елена, предприняла «археологическую» экспедицию в Иерусалим, в результате которой якобы были обнаружены и «гроб господен», и крест, на котором был распят Иисус Христос, и т. п. Позднее, после завоевания Палестины крестоносцами эта фальсификация была повторена в еще более грандиозных размерах: было якобы обнаружено множество памятников, упоминаемых и в Ветхом, и в Новом заветах.

[14] E. L. Sukenik. The Earliest Christian Records. AJA, октябрь — декабрь, 1947.

[15] В первой книге Нового Завета — Апокалипсисе, написание которого относится ко второй половине I в. н. э. (68—69 гг.), еще нет ни слова о Иисусе Христе как о живущем на земле человеке. Речь идет о сыне бога, небесном существе.

[16] См., например, книги: J. A. Thompson. Archaeology and the Old Testament (From Abraham to the Exile). 1957; его же. Archaeology and the New Testament. Grand Rapids. Michigan, 1960; L. N. Grollenberg. Kleine Atlas van de Bijbel. Amsterdam — Elsevier, 1959 и др.

В. Л. ЯНИН

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА

(12/24. IV. 1862 г.— 14. IV. 1936 г.)

Исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Петровича Лихачева, крупнейшего русского историка дооктябрьской поры, в трудах которого источниковедение истории достигло наивысшего для буржуазной историографии предела.

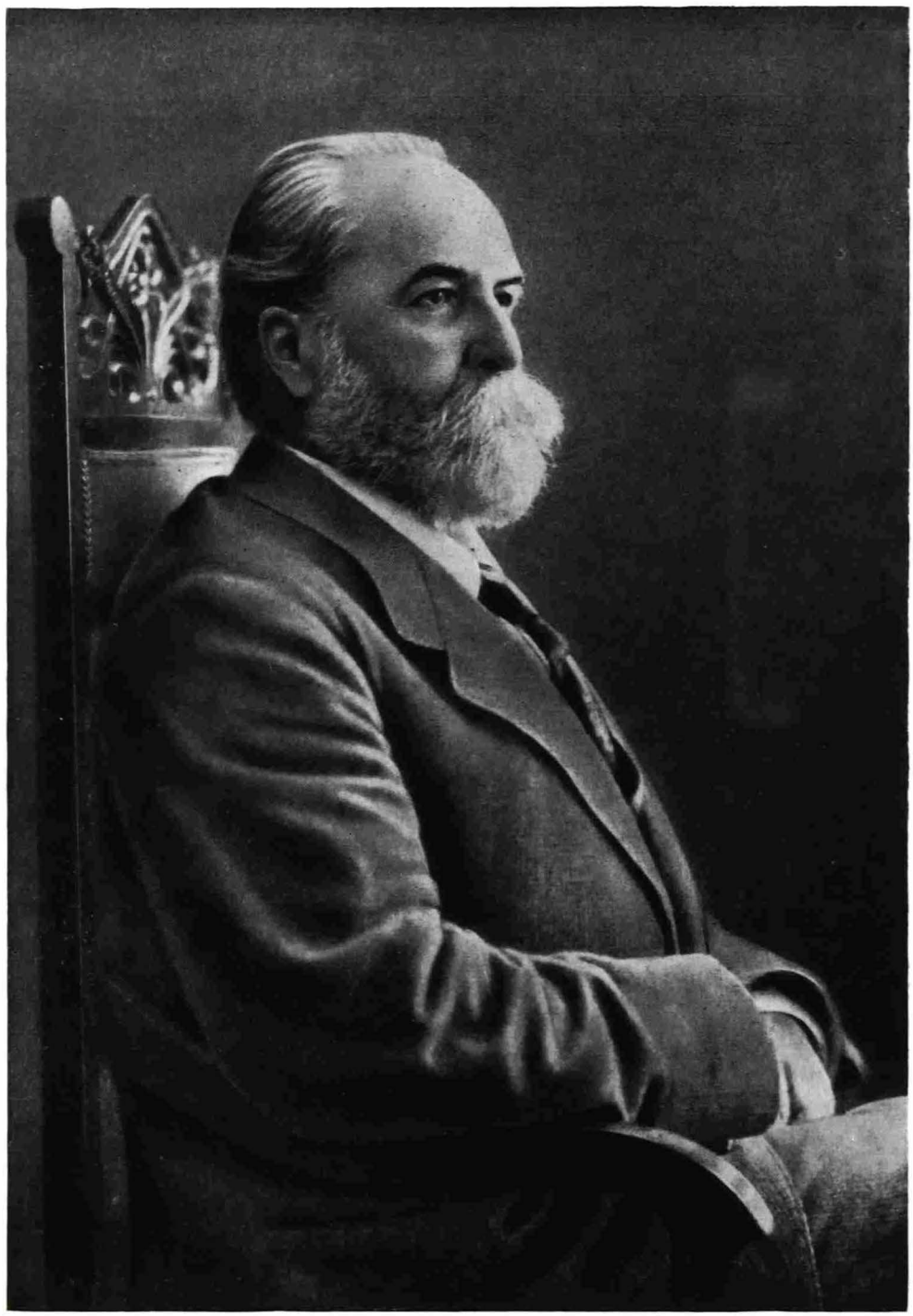
Самой характерной чертой научной деятельности Н. П. Лихачева была необычайная разносторонность его научных интересов, сочетавшаяся с неизменным успехом исследований во всех, подчас очень далеко стоявших друг от друга областях истории, которые входили в круг его изысканий. Историкам он известен как автор капитального исследования «Разрядные дьяки XVI века» (СПб., 1888), как издатель важнейших документов по истории средневековой Руси. Его трехтомный труд «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899) до сих пор остается основным пособием для датировки древних рукописей. Искусствоведы знают Н. П. Лихачева как автора классических изданий «Материалы для истории русского иконописания» (СПб., 1906), «Манера письма Андрея Рублева» (СПб., 1907), «Историческое значение итало-греческой иконописи» (СПб., 1911). Для библиографов он остается крупнейшим авторитетом по истории книгопечатания в Казани и истории собирания книг. Н. П. Лихачев опубликовал ценные труды по генеалогии и был одним из главных организаторов генеалогических исследований в России. Он также много занимался историей русского спорта, собрав выдающуюся коллекцию изданий по этому вопросу. Его интерес к этой области знания хорошо объясним: Н. П. Лихачев сам был спортсменом-тяжелоатлетом международного класса и в 1887 г., будучи уже магистром русской истории, одержал победу над известными силачами Манцони и Уильямом.

Крупнейший вклад был сделан Н. П. Лихачевым в изучение специальных археологических дисциплин — нумизматики, эпиграфики и особенно сфрагистики. На этой стороне его деятельности хочется остановиться особо не только потому, что она представляет специальный интерес для читателя-археолога, но и потому, что история археологических исследований Н. П. Лихачева еще не получила освещения в литературе [1].

При всем разнообразии научных устремлений Н. П. Лихачев на протяжении всей своей жизни испытывал неослабевавший интерес к вещественным памятникам истории. Он писал о себе: «Необыкновенно

---

[1] Общая оценка научной деятельности Н. П. Лихачева содержится в статье: А. Соболевский, Е. Карский, В. Перетц, С. Платонов. Записка об ученых трудах Н. П. Лихачева. Изв. АН СССР, VI серия, т. XIX, 1925, № 18, стр. 844—849. Наиболее полный список ученых трудов Н. П. Лихачева опубликован в приложении к этой статье. Там же, стр. 849—858.



сильная, все затмевающая любовь к книгам началась с восьмилетнего возраста (в тринадцать лет пробовал уже составлять каталоги), в 4 классе гимназии углубился в нумизматику, а в 5-м классе определилась задача для всей жизни — изучение истории»[2]. Связанный в гимназические и студенческие годы с Казанью (Н. П. Лихачев родился в г. Чистополе Казанской губернии), молодой исследователь в 1880-х годах принимает непосредственно участие в полевых работах по изучению булгарских древностей и публикует первые археологические заметки. В Казани же начинается его коллекционерская деятельность, определившая в дальнейшем особенности его творческого пути.

После переезда в Петербург (1886 г.) одним из объектов наиболее целеустремленного собирания для Н. П. Лихачева становятся вислые печати, русские и византийские. Оценить это устремление по достоинству можно, лишь приняв во внимание, что русские ископаемые печати в это время не привлекали серьезного внимания исследователей. Русская сфрагистика, зародившаяся еще на рубеже XVIII—XIX вв., имела дело с печатями, сохранившимися при документах, и оставалась только второстепенной, вспомогательной областью дипломатики. Отдельные печати, находимые в земле, и целые группы пломб типа дрогичинских хотя и были к этому времени опубликованы, но комментировались крайне беспомощно и не рассматривались в качестве серьезного исторического источника. Между тем перед глазами Н. П. Лихачева был пример использования массового ископаемого сфрагистического материала для важнейших исторических выводов, предпринятых при изучении византийских печатей. Вышедший в 1884 г. в Париже капитальный труд по византийской сфрагистике Г. Шлюмберже, предшествовавшие ему работы А. Мордтмана, связь успехов византийской сфрагистики с историей собирания печатей в России (деятельность П. Сабатье, С. Г. Строганова) предопределили задачи дальнейшего изучения не только византийской, но и русской сфрагистики. Эти задачи были Н. П. Лихачевым поставлены очень широко. Его программой стало собирание исчерпывающих сведений. Только полнота источников способна, по его мнению, уберечь исследователя от ошибок и поспешных выводов.

Следует особо отметить, что интерес Н. П. Лихачева к русской сфрагистике не был случайным увлечением коллекционера. Он закономерно возник на стыке двух ведущих тем его научного творчества, связывая воедино его исследования по истории документа и по истории древнерусской администрации.

На протяжении 30 лет Н. П. Лихачев из года в год пополняет свое собрание печатей, стремясь к исчерпывающей полноте коллекции. В 1931 г. в письме к А. В. Орешникову он дал такую характеристику своей деятельности: «Я скупал почти все, что было находимо в Новгороде, Пскове, Киеве. Благодаря Вам знал и относительно всего того, что ускользало из моих рук. Это в России. А за границей я постепенно приобрел коллекции Фотианса-паши, Френера, самого Шлюмбергера, осмотрел собрание Британского музея, Национальной библиотеки, Афинского музея, Археологического института в Константинополе и по возможности покупал у антикваров Парижа, Константинополя, Вены и Венеции что только попадало на рынок. Одна лишь коллекция Сорлэн-Дориньи не попала ко мне в руки и осталась недоступной, но этим собранием пользовался Шлюмбергер в своем корпусе»[3].

Стремление к исчерпывающей полноте материала и определило, казалось бы, непонятную медлительность в подготовке печатей к публикации. Хорошо осознавая, что только корпус печатей может служить

---

[2] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 2, ед. 12.

[3] ГИМ, Отдел письменных источников, фонд А. В. Орешникова, письмо Н. П. Лихачева из Астрахани 13.IX. 1931 г.

источником для серьезных выводов, Н. П. Лихачев был врагом случайных публикаций, подготовленных в отрыве от той гигантской совокупности фактов, которая собралась в его руках. Высоко оценивая важность общих установок работы А. В. Орешникова «Материалы к русской сфрагистике» (М., 1903), Н. П. Лихачев скептически относился ко многим предложенным в ней атрибуциям, но критиковал ее с таким тактом, что не кто иной, как А. В. Орешников уже в год выхода своей работы сделался главным инициатором издания корпуса русских печатей и вместе с Н. П. Лихачевым осуждал намерение некоторых исследователей (И. А. Шляпкин, М. И. Полянский, Н. И. Петров) выступить со скороспелыми публикациями сфрагистических выводов, называя эти намерения «наездничеством в науке».

А. А. Шахматов, характеризуя исследовательскую манеру Н. П. Лихачева, писал, что каждая его статья, каждая заметка о наших древностях ясно отражает не только обширнейшие знания, но также неудержимое стремление к стройной их систематизации.

Около 1904 г. возникло сыгравшее решающую роль в подготовке корпуса содружество Н. П. Лихачева, А. В. Орешникова и С. И. Чижова. Первоначально предполагалось опубликовать обзорную статью Н. П. Лихачева в одном из томов «Трудов Московского нумизматического общества», подготовив исподволь фототипические таблицы печатей из собрания Н. П. Лихачева и государственных хранилищ. К 1906 г. было отпечатано 26 таблиц, в 1908 г. их было уже 34, в 1912 г.— 48. К этому времени было решено занять под корпус целый том «Нумизматического сборника». Однако публикация из года в год приостанавливалась из-за того, что Н. П. Лихачев медлил предоставить текст исследования. Сохранилась переписка Н. П. Лихачева с А. В. Орешниковым тех лет. Из Москвы в Петербург отправлялось порой не менее двух писем в неделю, и в каждом письме А. В.Орешников торопил исследователя, досадовал на задержку, угрожая разрывом. На каждое письмо он получал обнадеживающий ответ, но дело не двигалось. Медлительность Н. П. Лихачева понятна. Именно в предреволюционные годы наряду с усилившимся коллекционированием печатей собирателями-дилетантами (И. С. Остроухов, П. И. Юкин, А. С. Гудков-Беляков и др.) быстро растет и его коллекция, меняя его отношение к одним проблемам, отменяя другие, ставя на очередь новые, неожиданные. Поток новых находок, нуждавшихся в осмыслении и не всегда доступных, вызывал у Н. П. Лихачева боязнь, что некоторые гипотезы могут «пойти прахом от кусочка свинца» [4]. Теперь, спустя 50 лет, когда количество зарегистрированных печатей возросло вдвое, можно особенно хорошо оценить осторожность исследователя, хотя большинство наблюдений и выводов Н. П. Лихачева остается незыблемым и поныне.

Знакомство с трудами Н. П. Лихачева обнаруживает еще одну причину некоторой «приостановки» исследования русской сфрагистики. Н. П. Лихачев придерживался спорного мнения о том, что сфрагистике разных времен и народов присущи единые закономерности, благодаря которым такие разные ее отрасли, как сфрагистика Месопотамии, Византии, Руси, Ватикана, Венеции, Испании и южной Франции, принадлежат к побегам одного мощного дерева. Он пристально изучал аналогии, чтобы найти ответ на вопросы, касающиеся русских печатей. Еще в 1907 г. им опубликован этюд по шумерской сфрагистике «Древнейшие буллы и печати Ширпурлы» (ЗКОРАО, т. IV). В 1900 г. появляется обширное исследование «Печати патриархов Константинопольских» (Труды Московского нумизматического общества, т. 2), а в 1911 г. «Некоторые старейшие типы печати византийских императоров» (Нумизмати-

[4] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 136, ед. 31, л. 1, письмо Н. П. Лихачева — А. В. Орешникову из Петербурга 20.I.1910 г.

ческий сборник, т. I, М.). В лекциях по сфрагистике, курс которой читался Н. П. Лихачевым в Петербургском археологическом институте, он также все внимание сосредотачивает на ранних отдаленных аналогиях, пытаясь выяснить общие закономерности исследовательской методики и ограничивая программу курса изложением древнейшей сфрагистики Месопотамии и общих сфрагистических понятий [5].

В то же время к узловым проблемам древнерусской сфрагистики XI—XV вв. исследователь пытается подойти, вооружившись новейшими аналогиями XVI—XVII вв. В 1914 г. он публикует интереснейшее исследование «Земская печать Московского государства в Смутное время» (Нумизматический сборник, т. III, М.), а в 1915 г. выступает с итоговым докладом «История образования русской государственной печати» (основные положения доклада изложены в «Биржевых ведомостях», утренний выпуск от 15.V. 1915 г., № 14843). Результатом всех этих важных для укрепления методической позиции исследователя разведок было возвращение к непосредственному исследованию древнерусской сфрагистики. В 1917 г. Н. П. Лихачев вместе с А. В. Орешниковым и С. И. Чижовым дополняет «Сфрагистический альбом» таблицами 49—57, на которых собраны новые находки русских печатей, и печатает 26 таблиц византийской части «Альбома» (табл. 58—83). К сожалению, дальнейшее печатание таблиц из-за трудностей военного времени прекратилось осенью 1917 г., однако рукописный текст «Альбома» содержит описание 119 таблиц. Параллельно с работой над «Альбомом» Н. П. Лихачев подготавливает обширное исследование византийской сфрагистики, вполне завершенное им к 1920 г. В 1920 г. происходит несчастье: в результате вокзальной кражи Н. П. Лихачев лишился рукописи своего труда [6]. О том, какого богатства лишилась русская наука, дает представление простой перечень утраченных работ: 1) «Печати-матрицы византийской эпохи»; 2) «К вопросу о находке в Риме в половине XVI в. исторических перстней-печатей»; 3) «Моливдовулы Херсонской фемы и связанные с ними»; 4) «Должность, чин, звание и сан в Византии»; 5) «Моливдовулы св. Софии и хронологическое их определение»; 6) «Моливдовулы вселенских патриархов»; 7) «Печати мизотеров»; 8) «Новый вариант печати каммеркиария»; 9) «Деятельность Мордтмана и Шлюмберже как основоположников изучения византийской сигиллографии»; 10) «Изучение византийской сфрагистики в России. Деятельность П. Сабатье»; 11) «Значение строгановской коллекции моливдовулов»; 12) «Моливдовулы славянских государств. Печать Немани»; 13) «Византийские отражения: сфрагистика пап, латинского Востока, Италии, Испании, Южной Франции»; 14) «Металлическая сфрагистика Венеции»; 15) «Подделки моливдовулов и способ их определения. Копирование и фальсификация» [7].

Легко заметить, что в основе труда лежал интерес к методике и к тем сюжетам, которые могли бы дать плодотворные аналогии для осмысления сфрагистических проблем древней Руси.

В начале 1920-х годов Н. П. Лихачев переживает тяжелый кризис. Утрата многолетнего труда, угрожающее состояние его громадных кол-

---

[5] Лекции Н. П. Лихачева издавались неоднократно на правах рукописи в записях слушателей Археологического института и не включались автором в списки своих трудов. Наиболее полные записи — «Из лекций по сфрагистике» в приложении к книге: Н. П. Лихачев. Дипломатика. Из лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1901; его же. «Древнейшая сфрагистика», из лекций по дипломатике. СПб., 1906. См. также Я. И. Трусевич. Западная и русская дипломатика и сфрагистика древнего Востока (по прогр. и чтениям проф. Н. П. Лихачева). СПб., 1907.

[6] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 136. ед. 32. л. 45. Письмо Н. П. Лихачева — А. В. Орешникову от 7.V.1920 г. из Петрограда.

[7] ГИМ, Отдел письменных источников, фонд А. В. Орешникова, письмо Н. П. Лихачева из Астрахани от 13.IX.1931 г.

лекций в морозном, неотапливаемом Петрограде, временная неактуальность его научных занятий, показавшихся ему ненужными, болезни — все это глубоко травмирует его. «Телом-то я всегда был мощен, а вот духом слаб»,— грустно шутит он в письме к А. В. Орешникову. Нельзя не сказать о благородной роли А. В. Орешникова, возродившего исследовательский дух Н. П. Лихачева практической научной перепиской и собственным примером неутомимого исследовательского труда в тяжелых условиях разрухи. При активном воздействии А. В. Орешникова Н. П. Лихачев выступает в ГАИМК (сотрудником которой он был с 1919 г.) с устным изложением утраченных им византийских этюдов. Он полностью восстанавливает и печатает в 1924 г. один из этих этюдов «Датированные византийские печати» (ИГАИМК, т. III), позднее появляются еще два этюда: «Моливдовул Влахернитисы» (Сборник АН СССР, № 101) и «Печать патриарха Игнатия» (на французском языке; Брюссель, 1935).

В 1920-х годах Н. П. Лихачев отдает свои силы организации на базе своих коллекций небывалого в истории науки Музея палеографии, осуществляя исходную мечту своего коллекционирования — передать науке и русскому народу систематизированный научный кабинет по истории книги, документа и письма. Будучи до революции богатым человеком, он обращал свои средства в осуществление этой патриотической идеи, породнившей его с такими деятелями русской культуры, как братья Третьяковы, братья Щукины, А. А. Бахрушин, П. В. Зубов. Музей палеографии, в котором были объединены такие разнообразные материалы, как египетские стелы и папирусы, клинописные таблетки Двуречья и хеттов, китайские гадальные кости, памятники коптского, греческого, латинского и арабского письма, надгробья, пергамены и бумага, дипломы и хартии, многочисленные акты Западной Европы, папские бреве, банди и эдитти итальянских государств, мазаринады и летучие издания Французской революции, инкунабулы, палеотипы и русские провинциальные издания XVIII—XIX вв., многим современникам казался эклектическим, отражающим лишь коллекционерские вкусы собирателя, но в действительности он воплощал в себе идею единого критического подхода исследователя к историческим источникам, мысль о необходимости их сопоставления и взаимной проверки [8].

В 1925 г. Н. П. Лихачев передал организованный им Музей в ведение Академии наук СССР и был назначен его директором. В том же году его выдающиеся научные заслуги были отмечены единогласным избранием в действительные члены Академии наук СССР (членом-корреспондентом Академии наук он был с 1902 г.). К этому времени относится новый, завершающий этап сфрагистических исследований Н. П. Лихачева. В 1928 г. выходит, наконец, первый выпуск его главного труда о русских печатях «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» (Труды Музея палеографии, вып. I, Л.), посвященный общим методическим проблемам, вопросам принципиальной атрибуции древнерусских булл и атрибуции древнейших русских печатей. Спустя два года заканчивается печатание второго выпуска этой книги, в котором наряду с этюдами о некоторых группах домонгольских булл содержится монографическое исследование вопроса о знаках собственности на древнерусских печатях. Здесь перекрестному сопоставлению подвергнуты памятники ранней геральдики на печатях и монетах Руси, Джучидов, Джагатаидов, Крымского ханства, Генуи, Польши. По обилию и полноте использованных материалов второй выпуск труда Н. П. Лихачева незаменим при исследованиях не только русской сфрагистики, но также русской и восточной нумизматики и польской сфрагистики и геральдики. Эта книга до сих пор мало известна исследователям только потому, что

[8] Музей палеографии. АН СССР. 1725—1925. Л., 1925; 2-е издание — Л., 1927.

в результате гибели тиража она сохранилась лишь в нескольких драгоценных экземплярах.

В последние годы жизни Н. П. Лихачев продолжает работу над своим изданием. Он редактирует подготавливавшуюся на протяжении 25 лет рукопись описательного текста к «Сфрагистическому альбому», который, по мысли автора, должен был составить четвертый выпуск «Материалов», и готовит издание третьего выпуска, посвященного сфрагистике республиканского Новгорода, Пскова и истории русской государственной печати. Смерть прервала эту работу Н. П. Лихачев успел вчерне разработать новгородскую сфрагистику и отделать этюд о псковских печатях, уже посмертно опубликованный в журнале «Советская археология» (1960, № 3). После смерти Н. П. Лихачева Музей палеографии, превращенный в Институт книги, документа и письма, распался. Его специализированные разделы влились в соответствующие собрания Государственного Эрмитажа, Института истории АН СССР и Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Подготовленные и незавершенные труды по сфрагистике остались неизданными и в течение долгого времени не вызывали должного интереса у историков и археологов. Трудная судьба ожидала и несравненное собрание вислых печатей, ценность которого прямо пропорциональна его полноте. Часть русских печатей и византийские моливдовулы перешли в Эрмитаж; собрание наиболее интересных русских печатей, пройдя через руки акад. Н. К. Никольского, оказалось в Библиотеке АН СССР (Ленинград); еще одна часть русских печатей и большинство дрогичинских пломб остались в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В 1959 г. коллекции Библиотеки АН СССР и Государственного Эрмитажа объединились на базе Эрмитажного собрания, которое теперь обнимает основную часть сфрагистического наследства Н. П. Лихачева, однако печати Института истории АН СССР продолжают оставаться отторгнутыми от него.

Следует заметить, что судьба наследства Н. П. Лихачева по существу была предопределена несколькими причинами, одна из которых связана с тем местом, которое Н. П. Лихачев занимал в истории нашей науки. Будучи последним представителем буржуазной историографии в области источниковедения, Н. П. Лихачев выражал и отразил кризисное состояние буржуазной исторической науки, характерными чертами которой в то время был критический пересмотр источников и стремление, но очевидная неготовность к их синтезу. «Все внимание на критику источников, анализ. Синтез только на основании свода»,— призывал сам Н. П. Лихачев [9]. Его Музей палеографии отражал не столько состояние науки, сколько ее порыв к цели, пути достижения которой еще не были изведаны. Все лучшее, что сделано Н. П. Лихачевым, сделано им в области исторического анализа. Пытаясь идти дальше, он становился на путь формального синтеза, греша, таким образом, против последовательного историзма, одним из главных требований которого является критический свод источников, однородных в хронологическом и территориальном отношении или находящихся в прямой исторической связи. Поэтому ликвидация Музея палеографии закономерна и целесообразна. Его специализированные отделы, слившись с богатейшими собраниями Эрмитажа, Академии наук, не только пополнили их, но и сами пополнились за их счет, приобретя ту степень исчерпывающей цельности, о которой мечтал сам исследователь. Этого нельзя сказать о сфрагистическом собрании, вопрос о воссоединении которого давно назрел и ждет решения.

В том, что судьба сфрагистической коллекции Н. П. Лихачева сложилась не совсем правильно, повинна еще одна причина, которая опре-

[9] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 2, ед. 12.

делилась еще в конце XIX в. В своей неопубликованной автобиографии Н. П. Лихачев писал: «В конце университетского курса ясно сказались и основные склонности: отвращение к административной деятельности, хладнокровное отношение к педагогической и всепоглощающая страсть к архивным и кабинетным изысканиям» [10]. Только «хладнокровным» отношением к преподаванию возможно объяснить отсутствие у Н. П. Лихачева учеников и непосредственных преемников, способных защитить его систематизационные идеи и поддержать целостность сфрагистического собрания. Только отсутствием учеников возможно объяснить превращение почти подготовленных к печати рукописей исследователя в архивный документ, доступный сравнительно узкому кругу специалистов.

Недостатки формального синтеза, о которых говорилось выше, отчетливо проступают в основных сфрагистических работах Н. П. Лихачева; они ощущались и самим исследователем, который, сталкивая разнородные материалы и противоречивые мнения, подчас умалчивал о собственном выводе и предпочел главному труду своей жизни дать скромное название «Материалы». Как исследователь Н. П. Лихачев принадлежит прошлому, но его труды нужны современному и будущему историку. В них не только подведен итог целого этапа развития русской сфрагистики, но и обнажены проблемы, без решения которых трудно двигаться дальше.

На очереди дня стоит вопрос об издании главного наследства Н. П. Лихачева — его сфрагистических трудов. В различных архивах сохранились тираж таблиц «Сфрагистического альбома», рукопись описания 119 таблиц (в том числе 36 ненапечатанных), черновик незавершенного 3-го выпуска «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики». Нуждается в переиздании и 2-й выпуск, библиографически редкий. В какой-то мере восстановим и византийский труд Н. П. Лихачева, материалы которого отчасти сохранены в черновых записях автора и протоколах ГАИМК. Некогда, еще в 10-х годах этого века, очередной раз откладывая печатание своей книги, Н. П. Лихачев написал: «С каждым годом материал не стареет, а уясняется» [11]. Хочется добавить, что теперь с каждым годом все более уясняется значение работы, проделанной Н. П. Лихачевым и до сих пор ожидающей опубликования. «Много книг и статей пропадут в моей голове с моей смертью,— писал Н. П. Лихачев,— но надеюсь, что материалы по русской сфрагистике увидят свет» [12].

---

[10] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 2, ед. 12.

[11] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 136, ед. 31, л. 106, письмо Н. П. Лихачева — А. В. Орешникову из Петербурга от I.XII.1914 г.

[12] Там же.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ В 1960—1961 гг. [1]

Работавшие на территории Вьетнама в течение ряда десятилетий французские геологи и археологи — А. Мансюи, М. Колани, Э. Патт, Ж. Фромаже, Э. Сорен и другие — открыли и раскопали большое число памятников каменного века [2]. Но французские ученые работали в полном отрыве от вьетнамского народа и не подготовили ни одного археолога-вьетнамца. Ни в одной из весьма многочисленных французских работ по первобытной археологии Вьетнама, печатавшихся в Ханое, Сайгоне, Париже и в других городах, невозможно найти ни одного имени вьетнамского ученого, принимавшего участие в исследовании памятников каменного века. В результате, когда в 1954 г. колонизаторы были изгнаны, в Демократической Республике Вьетнам не оказалось ни одного вьетнамца-археолога. Но этот пробел стал быстро восполняться. За последние годы вьетнамские ученые добились серьезных успехов в археологических исследованиях. Начали выходить в свет обобщающие работы, посвященные первобытной археологии Вьетнама [3]. В 1959 г. вьетнамские исследователи впервые организовали раскопки неолитического поселения в провинции Фу-Тхо, к северо-западу от Ханоя [4]. Еще шире полевые исследования в области каменного века Вьетнама развернулись в 1960—1961 гг. Они проводились в ряде провинций, охватили разнообразные памятники, от древнепалеолитических до позднеолитических, и дали важные результаты. Эти работы были организованы Ханойским университетом, Вьетнамским историческим музеем и Вьетнамским институтом истории. В полевых исследованиях в качестве консультанта принимал участие автор этих строк вместе с группой своих учеников — сотрудников названных учреждений. В нашей статье будут кратко освещены основные результаты этих полевых археологических работ.

---

[1] Доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР в апреле 1961 г.

[2] H. Mansuy. La préhistoire en Indochine. Paris, 1931; M. Colani. L'âge de la pierre dans la province de Hoa-Binh (Tonkin). Mémoires du Service Géologique de l'Indochine, т. XIV, вып. I, Hanoi, 1927; ее же. Recherches sur le préhistorique Indochinois. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient, т. XXX, Hanoi, 1931; E. Patte. L'Indochine préhistorique. Revue anthropologique, 1936, № 10—12, Paris; J. Fromaget. Les récentes découvertes anthropologiques dans les formations préhistoriques de la Chaîne Annamitique. Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East. Singapore, 1940; E. Saurin. Études géologiques et préhistoriques. Bulletin de la Société des Etudes Indochinoises, новая серия, т. XXVI, № 4, Paris, 1951.

[3] Trần Quốc Vúóng — Hà Văn Tấn. Lịch sử chế đô công sản nguyên thùy ở Việt-Nam. Hanoi, 1960.

[4] Nguyên Văn Nghĩa. Báo cáo về công tác phát hiện và thăm dó di chí tàı thach khi Cô-nhuê. Nghiên cứu lịch sử, № 11, 1960; Đao Tử Khái. Vài ý kiến góp về vấn đề di chí đô đá mới Cô-nhuê. Nghiên cứu lịch sử, № 12, 1960.

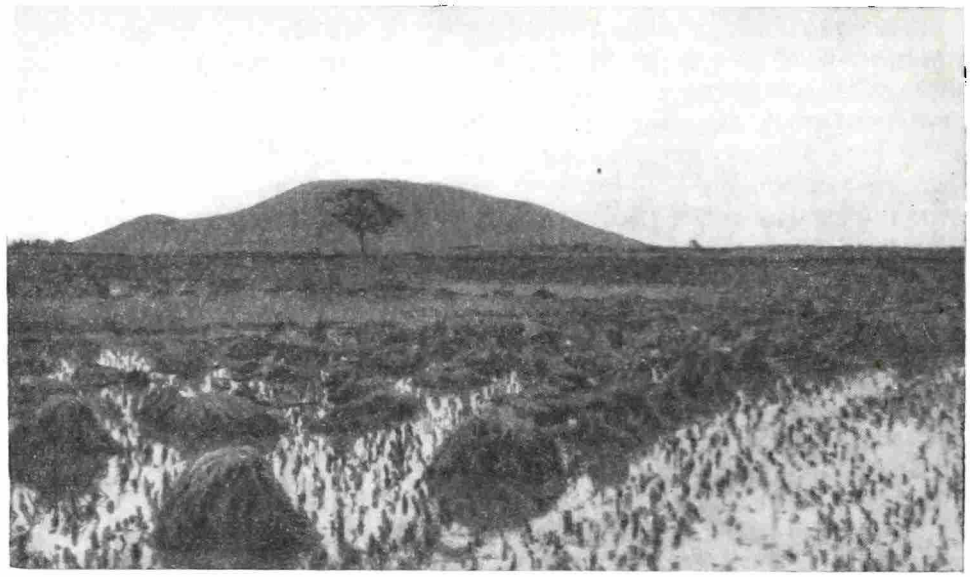


Рис. 1. Гора До

Пожалуй, наибольший интерес представляет открытие древнепалеолитического местонахождения на горе До, сделанное в ноябре 1960 г. товарищами Нгуен Донг Ти, Хуан Хын и Ле Ван Лан. Гора До находится на правом берегу р. Шонг-Тю, притока р. Шонг-Ма, на территории провинции Тхань-Хоа, примерно в 170 *км* к югу от Ханоя и в 8 *км* к северо-западу от г. Тхань-Хоа. В нескольких километрах от горы До расположен богатый могильник позднего бронзового века Тхиеу зыонг (донгшонская культура), большие раскопки которого (также при нашем участии) производились зимой 1960—1961 г. Историческим музеем. Гора До видна издалека. Она имеет высоту свыше 150 *м* и возвышается над окружающими ее рисовыми полями, в большей своей части затопленными (рис. 1). Гора сложена из базальта. В нижней части склонов горы на выветренной поверхности базальта лежит делювиальный покров 20—30 *см* толщиной. На высоте 20—40 *м* выше подножия горы на поверхность выходят коренные обнажения базальта, дающие осыпи. Материалы этих осыпей и использовались древними обитателями горы До для изготовления орудий. Среди базальта здесь встречается туфобрекчия, но она крошится при раскалывании, и из нее не изготовлено ни одного отщепа. Первобытный человек производил отбор материала, наиболее пригодного для изготовления орудий. Таким материалом был базальт, очень твердый и вязкий, раскалывающийся с большим трудом, дающий при раскалывании острые режущие края (петрографическое определение материала, из которого изготовлены орудия горы До, произведено Н. И. Рямзиной). Интересно отметить, что древнепалеолитические обитатели Кавказа тоже широко употребляли базальт для изготовления своих орудий[5]. Вероятно, в выборе людьми для своего обитания горы До сыграло известную роль изобилие здесь хорошего сырья, пригодного для обработки.

Древние каменные изделия залегают на поверхности горы До, на ее довольно пологих склонах, поднимающихся под углом 20—25°, на высоте примерно 20—40 *м* над окружающими рисовыми полями. Отдельные предметы встречаются и выше, до высоты 90 *м*. Изделия залегают среди огромного количества глыб, кусков и осколков базальта, не носящих признаков обработки рукой человека.

[5] М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1960, стр. 44.

Среди находок преобладают отщепы базальта. За время работ на горе До (с ноября 1960 г. по январь 1961 г.) здесь было собрано свыше 1500 отщепов, но памятник отнюдь не является исчерпанным. Для всех отщепов характерны общие черты (рис. 2). Это типичные клектонские или шелльские отщепы, представленные в древнепалеолитических местонахождениях Западной Европы[6], юга СССР[7], Южной Азии[8], Китая[9] и других территорий. Они толстые, массивные, неправильных очертаний, имеют широкую, гладкую ударную площадку, которая расположена под тупым углом к нижней плоскости отщепа. Противоположная, верхняя плоскость отщепа («спинка») иногда целиком или частично сохранила выветренную, желтоватую желвачную корку, но чаще носит следы нескольких предварительных сильных сколов. Размеры отщепов довольно крупные. В поперечнике они имеют в среднем от 5 до 20 *см*. Толщина их — от 0,6 до 3 *см*. Чешуйки и мелкие отщепы, имеющие до 3 *см* в поперечнике, отсутствуют. Как правило, отщепы не отретушированы. Если грубая ретушь иногда и встречается, то она не формует орудие, а следует за очертаниями неровных краев отщепа.

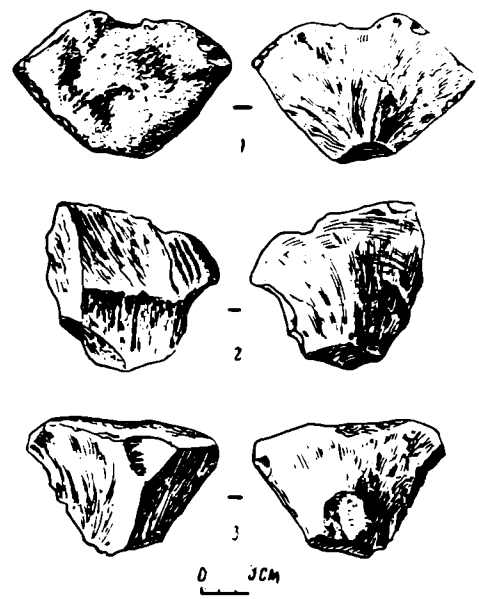


Рис. 2. Гора До. Древний палеолит. Шелльские отщепы. Подъемный материал

Среди огромного большинства таких архаичных отщепов, характеризующих шелльскую или клектонскую технику раскалывания камня, на горе До встречено несколько десятков леваллуазских отщепов, тоже массивных, но более правильных, близких к овальным очертаний, с ударной площадкой, имеющей несколько фасеток.

Ядрищ, нуклеусов собрано свыше 40 экз. По своему характеру они вполне соответствуют найденным здесь же отщепам, которые от них откалывались. Нуклеусы крупные, 10—30 *см* в поперечнике, неправильных очертаний, почти не имеют следов подправки ударных площадок. На поверхности нуклеусов видны следы скалывания с них нескольких крупных массивных отщепов.

Грубые рубящие орудия, choppers, представлены десятью экземплярами. Это массивные куски базальта, имеющие до 20 *см* в поперечнике, оббитые с нескольких сторон немногими грубыми сколами. Форма их неправильная, все они сильно различаются между собой. Как известно, подобные грубые рубящие орудия, наряду с отщепами, ручными рубила-

[6] H. Breuil. Les industries à éclats du paléolithique ancien, I. Le Clactonien. Préhistoire, т. I, Paris, 1932.

[7] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 13—14; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.— Л., 1953, стр. 44—47; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, № 79, 1960, стр. 48—52.

[8] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951, стр. 108; H. L. Movius. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. Transactions of the American Philosophical Society, новая серия, т. 38, вып. 4, Philadelphia, 1949, рис. 24, 26.

[9] Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Chow Ming-chen, Liu Hsien-ting, Wang Chieh-yi. Report on the Excavation of Palaeolithic Sites at Tingtsun, Hsiangfenhsien, Shansi Province, China. Institute of Vertebrate Paleontology, Academia Sinica. Memoir № 2, Peking, 1958, стр. 110—111 и относящиеся к ним таблицы.

ми и нуклеусами, образуют важный элемент древнепалеолитической техники и встречаются почти во всех шелльских местонахождениях Европы, Азии и Африки [10].

Незадолго до окончания работ 1960—1961 гг. на горе До здесь было найдено типичное шелльское ручное рубило (рис. 3). Оно сделано из куска того же эпидотизированного базальта, что и весь остальной инвентарь; у его поверхности тот же характер. Оно имеет 14 *см* длины, около 10 *см* максимальной ширины и около 7 *см* максимальной толщины. С обеих поверхностей рубило оббито несколькими грубыми, широкими сколами, идущими от краев к середине. Мелкая вторичная подправка краев отсутствует. Края неправильных очертаний, волнистые На одном конце орудие заострено, слегка уплощено. Противоположный конец, предназначенный для захвата рукой,— широкий, толстый, тупой, имеет «пятку», довольно широкую плоскость, расположенную почти под прямым углом к длинной оси орудия и, вероятно, при захвате орудия рукой упиравшуюся в ладонь.

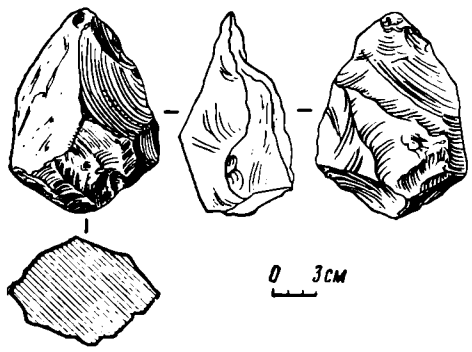


Рис. 3. Гора До. Древний палеолит. Шелльское ручное рубило. Подъемный материал

Рубило с горы До гораздо толще, грубее, архаичнее ашельских рубил и ничем существенным не отличается от шелльских или аббевильских ручных рубил, найденных во многих местах Старого Света. Все базальтовые изделия слегка окатаны и сильно патинизированы, их поверхность обесцвечена, посветлела; острые края отщепов заглажены.

На горе До, как и во многих других древнепалеолитических местонахождениях, отсутствует культурный слой. Сделанные здесь находки каменных орудий не связаны и с ископаемыми фаунистическими остатками. Все же датировка каменных орудий горы До не вызывает сомнений. Это не единичные экземпляры, а большие, устойчивые серии повторяющих друг друга изделий, хорошо выраженный культурный комплекс. Комплекс каменных орудий горы До резко отличается от памятников хоабиньской культуры, бакшонской культуры, от позднего неолита и энеолита Вьетнама (культура топоров с плечиками). Он не имеет с этими памятниками ничего общего и не может быть помещен в мезолит, неолит или в энеолит Вьетнама. Отсутствуют на горе До и какие-либо элементы техники позднего палеолита (удлиненные пластинки, призматические нуклеусы и т. д.). Но зато весь комплекс всеми своими элементами сходен с шелльскими и ашельскими местонахождениями Индии (культура Соан), Кавказа, Центральной и Западной Европы.

Большой интерес представляет находка на горе До типичного шелльского ручного рубила. Как известно, Х. Л. Мовиус выдвинул гипотезу, согласно которой в развитии древнепалеолитической культуры Старого Света существовали две большие самостоятельные культурные области: 1) область распространения ручных рубил (Европа, Африка, часть Индии) и 2) область, где ручные рубила отсутствовали и где вместо них были распространены грубые рубящие орудия, choppers (часть Индии, Китай, Индокитай, Индонезия) [11].

---

[10] С. Н. Замятнин. Ук. соч.; М. З. Паничкина. Ук. соч.; В. П. Любин. Ук. соч.; H. L. Movius. Ук. соч.; см. также H. Alimen. Préhistoire de l'Afrique. Paris, 1955.

[11] H. L. Movius. Ук. соч.

С резкой и, как мне представляется, совершенно справедливой критикой взглядов Мовиуса выступил С. Н. Замятнин [12], показавший широкое распространение как ручных рубил, так и грубых рубящих орудий, а в равной степени и характерных архаичных отщепов и нуклеусов на всех территориях Европы, Азии и Африки, заселенных древнепалеолитическими людьми. С. Н. Замятнин писал: «В свою очередь позволительно также питать полную уверенность, что ручные рубила в их наиболее характерных формах, не отмеченные или почти не отмеченные в большинстве нижнепалеолитических местонахождений юго-восточной Азии, открытых за последние годы, при последующих систематических сборах будут обнаружены в достаточном числе» [13]. Находка на горе До ручного рубила хорошо подтверждает мысль, высказанную С. Н. Замятниным свыше 10 лет назад, и дает важный аргумент в пользу взглядов на древний палеолит и его особенности, развиваемых, в противовес взглядам Мовиуса, С. Н. Замятниным, автором настоящей статьи и рядом других исследователей.

Таким образом, на горе До можно констатировать древнепалеолитическое местонахождение, относящееся к шелльскому или ашельскому времени. Это открытие имеет большое значение. Мысль о том, что территория Вьетнама была заселена уже начиная с древнего палеолита, давно высказывалась в литературе [14], но не была подтверждена археологическими находками. Фромажэ и Сорен обнаружили в пещерах Верхнего Лаоса, сравнительно недалеко от Луанг — Прабанга, атипичные древнепалеолитические каменные орудия вместе с остатками ископаемой фауны и с костями, возможно принадлежащими древнейшему обезьяноподобному человеку [15]. Но древнейшими археологическими памятниками, известными на территории Вьетнама, оставались до конца 1960 г. хоабиньские пещеры [16]. Хоабиньская культура относится к мезолиту. Колани утверждала, что наиболее древние хоабиньские слои относятся к концу позднего палеолита [17]. Эти утверждения Колани справедливо критиковали Патт [18] и Сорен [19], обращавшие внимание на то, что в хоабиньских слоях совершенно отсутствует ископаемая фауна, а представлены только современные виды животных. Как и названные исследователи, я полагаю, что нет оснований датировать хоабиньскую культуру временем более древним, чем мезолит. Теперь же, в 1960 г., молодыми вьетнамскими археологами впервые доказана заселенность людьми территории Вьетнама начиная с древнего палеолита.

Советские геологи А. Е. Довжиков, А. И. Жамойда, А. М. Мареичев и Ш. К. Китовани, обследовавшие вместе с нами гору До и ее окрестности и оказавшие нам большую помощь своими советами, пришли к следующим выводам: окрестности горы До представляют собой аккумулятивную, прибрежную аллювиальную равнину с останцами погребенного эрозионного рельефа. Никаких признаков морской абразии этих останцев не имеется: склоны полого погружаются под аллювий, нет ни абразионных уступов, ни абразионных террас; высоты этих останцев разнообразные, и никаких следов выравнивания их морем не наблюдается. Таким образом, нет оснований предполагать, что в древнем палеолите

---

[12] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, стр. 112—116.

[13] С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 115.

[14] H. Mansuy. Ук. соч., стр. 18 сл.

[15] J. Fromaget. Ук. соч.; J. Fromaget et E. Saurin. Note préliminaire sur les formations cénozoiques et plus récentes de la Chaîne Annamitique septentrionale et du Haut Laos. Bulletin du Service Géologique de l'Indochine, т. XII, вып. 3, Hanoi, 1936.

[16] E. Saurin. Ук. соч.; Trân Quôc' Vuőng-Hà Văn Tân. Ук. соч.

[17] M. Colani. L'âge de la pierre dans la province de Hoa-Binh.

[18] E. Patte. Ук. соч.

[19] E. Saurin. Ук. соч.

здесь была морская бухта, напоминавшая, скажем, современную бухту Ха-Лонг, и что гора До представляла собой остров в этой бухте, на котором жили древнепалеолитические люди.

Разумеется, находки на горе До — только начало. Продолжение поисков палеолита во Вьетнаме несомненно приведет к открытию ряда аналогичных местонахождений, а также древнепалеолитических стоянок и пещер с непотревоженным культурным слоем, с остатками очагов и костей ископаемых животных. Так было на Кавказе, где первоначально в 1934—1935 гг. обнаружили только древнепалеолитические орудия, лежавшие на поверхности [20].

Перейдем к более поздним памятникам каменного века, явившимся объектом полевых работ зимой 1960—1961 г.

В 3 *км* от горы До, близ дер. Донг-Кхой, у подножия горы «Слон» товарищи Чинь Нью и Нгуен Нок Динь в ноябре 1960 г. обнаружили неолитическую мастерскую. Она расположена в совсем других геологических условиях, нежели древнепалеолитическое местонахождение на горе До, находится очень низко, на заливаемых водой рисовых полях, и занимает площадь, имеющую в поперечнике приблизительно 1,5 *км*. На всей этой площади распространены неолитические изделия, встречающиеся в большом числе прямо на поверхности. Сохранился и непотревоженный неолитический культурный слой. Он темного цвета, имеет толщину около 20 *см*, густо насыщен отщепами камня, залегает на глубине 10—30 *см* от поверхности и перекрыт сверху тонким слоем илистого намыва. Инвентарь, происходящий из Донг-Кхой, очень характерен, особенно пропорциями разных категорий изделий. Только из шурфа № 1 на площади 2 $м^2$ извлечено 1385 отщепов базальта, 14 незаконченных прямоугольных заготовок неолитических шлифованных топоров, несколько маленьких обломков неолитической керамики и один обломок законченного, тщательно отшлифованного, маленького неолитического топорика, почти прямоугольных очертаний. Примерно таков же состав и такова же пропорция находок, происходящих из шурфа № 2, равно как и подъемного материала. Среди последнего количество отщепов измеряется десятками тысяч, количество заготовок неолитических топоров — сотнями (рис. 4, *1*; рис. 5, 1, *2*). Найдены также полировальники, на которых обрабатывались топоры и характерные для неолита крупные удлиненные пластины. Целиком отшлифованные прямоугольные небольшие топоры встречаются среди подъемного материала очень редко (рис. 4, *2*), единицами. Топоры с плечиками отсутствуют. В качестве материала употреблялся тот же базальт, что и на горе До. Возможно, что глыбы и куски этого базальта приносили сюда с горы До. Но изделия из Донг-Кхой слабее патинизированы, менее выветрены, края отщепов являются гораздо более свежими и острыми. Отщепы из Донг-Кхой и в другом отношении отличаются от отщепов из До: они небольшие, тонкие (до 8 *см* в поперечнике и до 0,6 *см* толщины), обычно имеют маленькие ударные площадки, со следами ретуши (рис. 4, *3*).

Мастерскую Донг-Кхой следует отнести к развитому неолиту, ко времени, более позднему, чем бакшонская культура (ранний неолит), и более раннему, чем культура топоров с плечиками (поздний неолит, энеолит). Средний, развитой неолит очень плохо известен на территории Вьетнама и представлен немногими памятниками. В связи с этим открытие мастерской Донг-Кхой представляет значительный интерес. До сих пор мезолит и неолит Вьетнама были представлены почти исключитель-

---

[20] Первые сведения о древнем палеолите горы До опубликованы в журнале «Nghiên cüu lịch sü» («Исторические исследования»), № 24, март, 1961 г., издающемся в Ханое на вьетнамском языке (см. Văn-Tân. J nghĩa viêc phát hiên ra nhũng đô đá cú ó nûi Đo; P. I. Bô-ri-xcôp-xki. Môt số vấn đề nghiên cũu thói đai đô đâ ó Viêt-nam).

но пещерами[21] и раковинными кучами, такими, как Да Бут[22] и Бау Чо[23]. Донг-Кхой — памятник совершенно нового типа, ранее неизвестного на территории Вьетнама.

Во вьетнамских деревнях до сих пор распространен взгляд на неолитические шлифованные каменные топоры как на громовые топоры. Многие крестьяне, главным образом старики, их собирают, тщательно хранят и используют в качестве целебного средства. Колани жалуется в связи с этим на трудности коллекционирования таких неолитических

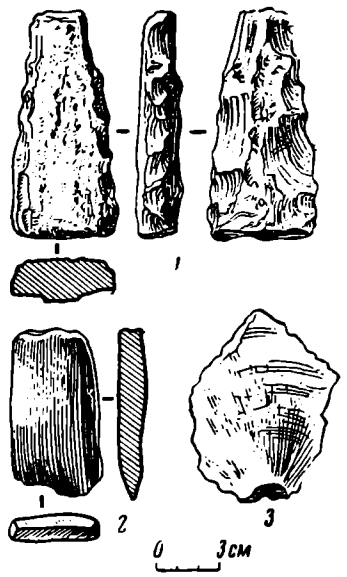


Рис. 4

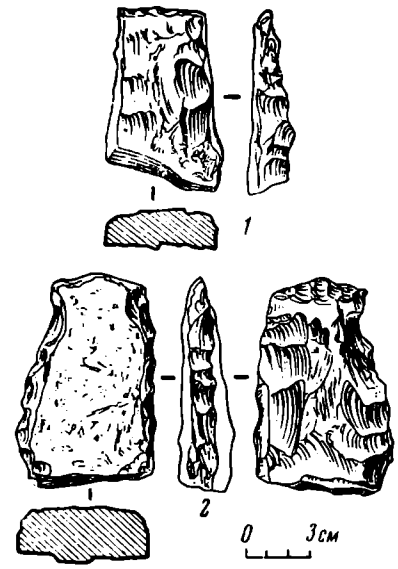


Рис. 5

Рис. 4. Неолитическая мастерская Донг-Кхой. Подъемный материал
1 — заготовка топора, *2* — шлифованный топорик; *3* — отщеп

Рис. 5. Неолитическая мастерская Донг-Кхой. Подъемный материал. Заготовки топоров

топоров, скрываемых вьетнамскими крестьянами от археологов[24]. Во время работ на мастерской Донг-Кхой мы также столкнулись с этим. Среди подъемного материала полностью отсутствовали шлифованные топоры, так как крестьяне, обнаруживая такие топоры при обработке рисовых полей, уносили их домой и там хранили. Но когда жители дер. Донг-Кхой узнали, что работающие здесь вьетнамские и советские археологи интересуются каменными топорами и ищут их, сразу же к нам начали приходить крестьяне и передавать каменные топоры, подобранные ими ранее на окрестных полях. Разительный контраст с фактами, сообщаемыми Колани!

Помимо работ в окрестностях г. Тхань-Хоа, в декабре 1960 г.— феврале 1961 г. были проведены также рекогносцировочные работы в мезолитических и неолитических пещерах в горных районах к западу и северо-востоку от Ханоя. В этих работах, кроме автора настоящей статьи, принимали участие археологи Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан, Чинь Нью, Нгуен Донг Ти, Ле Ван Лан, Фан Дай Зуан, Нгуен Дык Нгинь и Фан Ван Бан. Работы были начаты с уездов провинции Хоа-Бинь, расположенных примерно в 100 *км* к юго-западо-западу от Ханоя. Здесь нахо-

[21] M. Colani. Ук. соч.
[22] E. Patte. Le kjokkenmödding néolithique de Da But et ses sépultures. Bulletin du Service Géologique de l'Indochine, т. XIX, вып. 3, Hanoi, 1932.
[23] E. Patte. Le kjokkenmödding néolithique du Bau Tro á Tam Toa près de Dong-Hoi. Bulletin du Service Geologique de l'Indochine, т. XIV, вып. 1, Hanoi, 1925.
[24] M. Colani. Ук. соч.

дятся многочисленные, давно и хорошо известные в результате работ Колани, Мансюи и других исследователей хоабиньские пещеры, относящиеся к мезолиту, а частично и к неолиту. Мы хотели проверить некоторые заключения Колани и выяснить, в какой мере этот район изучен в археологическом отношении. Оказалось, что здесь налицо немало пещер каменного века, куда еще не ступала нога археолога. За десять дней работ в провинции Хоа-Бинь благодаря повседневному содействию местного населения (мыонгов и вьетнамцев) нам удалось, кроме обследования ряда пещер, опубликованных Колани, открыть три новые, ранее не известные хоабиньские пещеры.

Первая из них — Пещера Соли (Ханг Мой) находится в уезде Тен-Лак, близ д. Ченг-Сен, в нескольких стах метрах от пещеры Ченг-Сен, открытой и описанной Колани [25]. Это легкодоступный, расположенный невысоко, неглубокий скальный навес, открытый на юго-юго-восток. Ширина его — 25 *м*, глубина — 14 *м*, высота — 12 *м*. Многочисленные мезолитические и неолитические культурные остатки лежат прямо на поверхности, как под навесом, так и на пологом склоне, ведущем от навеса в долину. Шурф размерами 4 $м^2$ обнаружил культурный слой мощностью свыше 1,5 *м*, содержащий обычные хоабиньские находки: множество раковин съедобных моллюсков, небольшое количество расколотых костей животных, угли, золу, отщепы и осколки камня, каменные орудия. Отщепов и осколков камня немного, что вообще характерно для хоабиньских и бакшонских пещер Вьетнама. Все орудия, происходящие из Пещеры Соли, сделаны из уплощенных речных голышей, имеющих от 5 до 18 *см* в поперечнике и от 2 до 6 *см* толщины. Так, дисковидные орудия приготовлены из расколотых пополам уплощенных голышей. Одна их поверхность гладкая, необработанная; с противоположной стороны они по всей окружности оббиты стесами, идущими от края к центру. К дисковидным формам приближаются сходные орудия, но овальных очертаний. Представлены здесь и удлиненные топоровидные орудия, оббитые с обеих поверхностей, а также напоминающие поздний палеолит Сибири [26] массивные скребловидные орудия из толстых голышей, носящих следы ряда стесов вдоль одного выпуклого края. Наконец, здесь найдено несколько типичных ранненеолитических бакшонских топоров, представляющих собой плоские, удлиненные голыши довольно правильных очертаний, совершенно не оббитые, но тщательно подшлифованные с обеих поверхностей на одном конце, у самого лезвия.

Вторая хоабиньская пещера (вернее скальный навес) — Хан-Тонг — находится в уезде Ким-Бой, близ дер. Сом-Хуан. Она расположена на довольно крутой, поросшей лесом скале, на высоте около 100 *м* над окружающими полями, труднодоступна. Ширина ее — 60 *м*, глубина — 15 *м*, высота — около 30 *м*. Культурные остатки встречаются на поверхности, а шурф размерами 6 $м^2$ обнаружил культурный слой мощностью свыше 1,5 *м*. Найденные здесь культурные остатки напоминают Пещеру Соли. Много раковин съедобных моллюсков, встречаются обломки костей животных. Налицо дисковидные орудия, скребла, бакшонские ранненеолитические топоры с подшлифованным лезвием, а также так называемые короткие топоры, оббитые со всех сторон, прямоугольных, близких к квадратным очертаний. Инвентарь Хан-Тонг отличается от инвентаря Пещеры Соли большим количеством отщепов, меньшим количеством законченных орудий, некоторой аморфностью.

Третья небольшая пещера, Шао-Донг II, находится также в уезде Ким-Бой, в 40 *м* к северо-востоку от известной пещеры Шао-Донг, опи-

---

[25] M. Colani. Ук. соч.

[26] См., например, А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены. МИА, № 39, 1953, рис. 8, *а*, *б*; 10 *а*, *г*; 14, *а*, *в*, *г*; 16.

санной Колани [27]. На поверхности и в небольшом шурфе было обнаружено много раковин, отщепы камня, обломки неолитической керамики.

Наши работы показали, что Колани, обследуя и раскапывая хоабиньские пещеры, тщательно и полно собирала культурные остатки и что поэтому ее работы дают достаточно полное и объективное представление о хоабиньском инвентаре. В то же время мы убедились в отсутствии каких-либо признаков фоссилизации на фаунистических остатках, происходящих из хоабиньских пещер. Это является дополнительным аргументом в пользу того, что хоабиньские пещеры нельзя относить к позднему палеолиту и что они имеют мезолитический и неолитический возраст.

Вслед за работами в провинции Хоа-Бинь нами было проведено обследование пещер в горном массиве Бак-Шон в провинции Ланг-Шон, примерно в 120 *км* к северо-северо-востоку от Ханоя. Обследованию в числе прочих подверглись известные ранненеолитические пещеры Фо Бинь Зя и Кео Фай, открытые и опубликованные в свое время Мансюи [28]. Обследование (очень кратковременное) местности на северо-западе страны, в окрестностях знаменитого Дьен Бьен Фу, примерно в 300 *км* к северо-западо-западу от Ханоя, привело к открытию небольшого неолитического скального навеса На-ы, расположенного довольно высоко в горах, близ деревни народности мяо того же названия. Здесь шурф обнаружил несколько оббитых каменных орудий и обломки типичной неолитической керамики с отпечатками плетенки. Эта находка интересна, в частности, тем, что, за исключением рекогносцировочных работ, проведенных в 1927 г. Колани в ближайших окрестностях г. Шон-Ла и приведших к обнаружению неолитического навеса Бан-Мон [29], здесь, на северо-западе Вьетнама, еще никогда не производились археологические работы. Тщательное археологическое изучение этих мест несомненно даст еще много важного.

---

[27] M. Colani. Ук. соч.

[28] H. Mansuy. Gisement préhistorique de la caverne de Pho-Binh-Gia. L'Anthropologie, т. XX, 1909; его же. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine IV, V, VI. Mémoires du Service Géologique de l'Indochine, т. XI, вып. II, Hanoi, 1924; т. XII, вып. I, II, Hanoi, 1925.

[29] M. Colani. Notice sur la Préhistoire du Tonkin. Bulletin du Service Géologique de l'Indochine, т. XVII, вып. I, Hanoi, 1928.

Л. С. КЛЕЙН

КАТАКОМБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Для того чтобы установить культурную принадлежность того или иного археологического памятника, его место в археологической классификации, необходимо сопоставить его характеристику с разработанными определениями тех археологических культур, к которым он может относиться.

М. И. Артамонов по этому поводу писал: «Практически дело заключается в том, чтобы решить в отношении каждого данного памятника, представляет ли он особую культуру или принадлежит к какой-либо одной из уже известных и к какой именно. Решение этой задачи вовсе не простое, ибо культура, даже в узком значении этого термина, представляет ряд локальных и хронологических вариантов, к тому же культуры не разделены китайскими стенами между собой, а подчас незаметно переходят одна в другую... Бывают случаи, что в силу этого рода причин памятники, относящиеся к одной культуре, объявляются различными и, наоборот, разные объединяются в одну культуру. Все археологи по опыту знают сложность рассматриваемой задачи...» [1].

Самое трудное в этом деле — разработка четких определений для конкретных археологических культур. Многие археологические культуры, которые издавна фигурируют в исследованиях, до сих пор не имеют точного научного определения. К ним принадлежит и катакомбная культура.

Так, автор книги «Племена катакомбной культуры» [2] уделяет много внимания выявлению хронологических рамок этой культуры, выделению локальных ее вариантов и т. д., без предварительного определения предмета исследования, т. е. не уяснив предварительно, каков же необходимый комплекс типичных признаков этой культуры.

В результате читателю остается совершенно неясным, на каких основаниях те или иные спорные территориальные группы памятников включены в состав катакомбной культуры и ее ареала (например, памятники, расположенные по Днепру) [3], а другие (например, полтавкинские) считаются самостоятельными культурами [4].

Следовательно, прежде чем выяснять территорию катакомбной культуры, ее локальные варианты и т. п., необходимо дать ее научное опре-

---

[1] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 11; см. также О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1, стр. 64—65; Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 7.

[2] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955.

[3] Сомнение по этому поводу было высказано в рецензии С. С. Березанской и О. Г. Шапошниковой на книгу Т. Б. Поповой (см. СА, 1957, № 2, стр. 271—272).

[4] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 11.

деление, найти такое типологическое определение ее культурного комплекса, которое было бы не случайным, а отражающим реально существующую археологическую общность.

До начала XX в. катакомбные погребения эпохи бронзы не выделялись исследователями из общей массы погребений со скорченными и окрашенными костяками — погребений, которые во множестве содержатся в степных курганах европейской части нашей страны.

Раскопав в 1901 г. большое количество таких курганов в б. Изюмском уезде Харьковской губ., В. А. Городцов детально обработал собранный богатейший материал приемами вариационной статистики. Выводы этого исследования подтвердились в 1903 г. в ходе раскопок в б. Бахмутском уезде Екатеринославской губ.[5]. В. А. Городцову удалось нащупать основу для классификации материала, оказавшуюся наиболее удачной. Следуя примеру И. Ворсе[6], он распределил погребения на группы в зависимости от типа устройства могилы. Когда затем на этой основе были рассмотрены другие признаки погребений (положение и ориентировка покойников, формы и орнамент керамики и т. п.), то оказалось, что их группировка совпадает с группировкой погребений по типу могильного устройства.

Для погребений в катакомбах были характерными следующие черты: выведение катакомбы подкопом под стенку ямы; скорченное положение покойника в катакомбе, как правило на правом боку, головой на запад или юг, лицом к выходу из катакомбы; обычное закрытие устья катакомбы деревянными плахами или камнями; в составе погребального инвентаря — плоскодонные глиняные сосуды с выпуклыми боками и прямой шейкой, богато и пышно орнаментированные оттисками тесьмы, веревки или чекана (круги, спускающиеся с плечиков полукруглые фестоны, треугольные городки, «елочка»), сплошь покрывающими всю поверхность сосуда; наличие во многих случаях «жаровен» или курильниц, образованных из обломков большого глиняного сосуда, заполненного углями и красками, каменных полированных топоров-молотов с каннелюрами, парных песчаниковых брусков с желобками (принятых В. А. Городцовым за формочки для отливки медных прутиков-заготовок, а позже интерпретированных как выпрямители древков стрел), медных листовидных ножей-копий с черешком, медных же четырехгранных шильев с утолщением посредине, медных височных колец в полтора оборота, кремневых треугольных наконечников стрел с выемкой в основании и пр.

Собрав сведения о памятниках с таким комплексом характерных признаков, В. А. Городцов предположительно определил, что группа этих памятников (позже названная им «донецкой катакомбной культурой»[7]) располагается неширокой полосой по Северскому Донцу, от среднего его течения до впадения в Дон[8].

Было бы неверно полагать, что поскольку катакомбное устройство могилы послужило В. А. Городцову основой для выделения донецкой катакомбной культуры, то и для отнесения каждого отдельного погре-

---

[5] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 174—225; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 211—297.

[6] См. J. J. A. Worsaae. Danmarks Olditid belyst ved Oldsager og Gravhöje. Kjöbenhavn, 1843 (нем. изд.; J. Worsaae: Dänemarks Vorzeit durch Altertümer und Grabhügel beleuchtet. Kopenhagen, 1844); его же. Den nye Inddeling af Sten og Broncealderen. Kjöbenhavn, 1854; S. Müller. De jydske Enkeltgrave fra Stenalderen. Aarbøger for nordisk oldkundighed og historie, 1898.

[7] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 126, 170 и др.

[8] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 221.

бения к этой культуре можно руководствоваться исключительно наличием катакомбы. В понимании В. А. Городцова критерием для определения культурной принадлежности того или иного памятника должен служить не тот или иной изолированный признак (хотя бы и очень важный), а непременно целый ряд признаков, целый комплекс, причем не обязательно весь комплекс — какой-либо из признаков может отсутствовать, может заменяться чуждым данному комплексу признаком, лишь бы в общем комплекс признаков оставался катакомбным.

Уже в первой серии исследованных курганов — в курганах б. Изюмского уезда — В. А. Городцову встретились погребения со скорченными костяками, лежавшими не в катакомбах, а в простых ямах, но по всем остальным признакам (ритуал, керамика, прочий сопровождающий материал) подобные катакомбным погребениям. В. А. Городцов исключил их из состава типичных ямных погребений [9]. Когда такие же «ямные погребения катакомбного типа» попались ему в Бахмутском уезде, он уже рассматривал их не в разделе, посвященном ямным погребениям, а в разделе о катакомбах [10]. Однако одно погребение в катакомбе (погр. 1 в кург. 4 у Червонной балки, близ слободы Мечебелова Изюмского уезда) он не включил в катакомбную культуру, так как все остальные признаки ясно говорили о сарматской принадлежности погребения [11].

В 1903 г. в Бахмутском уезде В. А. Городцов натолкнулся на два катакомбных погребения, у которых уже не один, а несколько признаков не соответствуют типичной донецкой катакомбной культуре. В обоих случаях устье катакомбы было забито не деревом или камнем, как обычно, а глиной; покойники были ориентированы головами на север; один из погребенных лежал в вытянутом положении на спине. Относительно этих погребений В. А. Городцов заметил, что они «в настоящее время, едва ли могут претендовать на выделение их из общей группы (т. е. на принадлежность к какой-либо другой культуре; разрядка наша.— *Л. К.*): разницу их возможно еще объяснять принадлежностью погребений разным небольшим племенам одной и той же народности» [12].

Уже в 1914 г. В. А. Городцов, просмотрев материалы старых раскопок (Н. Е. Бранденбурга, Д. И. Эварницкого, Ф. А. Брауна и др.), не учтенные им при анализе материалов из бассейна Донца, писал: «Центром распространения катакомбной культуры, насколько это выяснено современными раскопками, служит р. Донец, по имени которой и дается название культуре; но площадь распространения культуры, по-видимому, выходит за пределы Донецкой области, так как катакомбные погребения, несомненно современные и генетически связанные с донецкими, спорадически раскинуты по всему северному Черноморью» [13].

В годы Советской власти Б. А. Латынин произвел учет и изучение de visu хранящихся в центральных и периферийных музеях материалов из старых раскопок курганов со скорченными и окрашенными костяками и создал картотеку, которой, с его любезного разрешения, доныне пользуются многие советские археологи как уникальным источником (некоторые коллекции, зарисованные и описанные в картотеке Б. А. Латынина, погибли во время Отечественной войны). На основе этого широкого сопоставления материалов Б. А. Латынин определил примерные границы

---

[9] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 179—180.

[10] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 222, 278.

[11] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 211—336.

[12] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 227.

[13] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 170.

катакомбной культуры (от правобережья Днепра до левобережья Волги включительно) и выделил в ней семь локальных вариантов. К сожалению, его материалы и исследования по этому вопросу остались неопубликованными.

Выводы Б. А. Латынина в основном подтвердились новыми полевыми исследованиями, давшими более многочисленные серийные материалы.

В 20-х годах П. С. Рыков выделил на Нижней Волге группу памятников, которую он отнес к хвалынской культуре как первую ступень этой культуры (ступень «А»), характеризуемую влиянием катакомбной культуры [14]. Выделенная П. С. Рыковым группа памятников была более детально исследована П. Рау, который назвал ее «полтавкинской ступенью»; позже более употребительным стал термин «полтавкинская культура» [15]. А. Я. Брюсов говорит о ней как о «разновидности катакомбной культуры» [16]. Часть могильного инвентаря полтавкинской культуры совпадает с катакомбным комплексом (например, некоторые медные изделия), но в погребениях полтавкинской культуры катакомбное устройство могилы встречается редко, обычно же покойники лежат в ямах (иногда с уступами), перекрытых деревянными балками. Керамика разных форм (банки и напоминающие катакомбную керамику сосуды) богато орнаментирована, часто в елочку или треугольными городками, как на Донце; но в профиле многих сосудов выделяется небольшой уступ ниже венчика.

В 30-х годах в результате раскопок, произведенных М. И. Артамоновым в степном Прикавказье, была открыта еще одна группа памятников, явно связанная с катакомбной культурой, но со значительными отличиями от типичных катакомбных погребений Северского Донца. Эти отличия особенно заметны в керамике: орнамент на сосудах здесь гораздо беднее, формы сглаженнее, имеется много сосудов, которые на Донце встречаются редко (курильницы на четырехлепестковой ножке, репчатые сосуды [17]).

Незадолго до Великой Отечественной войны Г. В. Подгаецкий закончил изучение археологических материалов из бассейна Среднего Дона. Ему удалось выделить группу памятников, которую он без колебаний отнес к катакомбной культуре и назвал «среднедонским вариантом катакомбной культуры» (в книге Т. Б. Поповой эта группа памятников именуется «харьковско-воронежским вариантом катакомбной культуры»). Кроме признаков, общих для памятников Среднего Дона и Северского Донца (наличие катакомб, присутствие в могилах в качестве курильниц черепков с углем и красной краской, наличие у сосудов прямой шейки

---

[14] П. С. Рыков. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. Тр. Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете, вып. 34, ч. I, Саратов, 1923, стр. 2—48; его же. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 года. Уч. зап. СГУ, 1924, т. 3, Саратов, 1925; его же. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет). ИСНИК, т. I, Саратов, 1926; его же. Бронзовая эпоха Нижнего Поволжья. Саратовский Гос. областной музей (листовка), № 12, стр. 2; его же. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. ИСНИК, т. II, Саратов, 1927, стр. 1—22.

[15] P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Ausgrabungsmaterial des Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik. Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Räte-Republik der Wolgadeutschen, 3. Jahrg. 1928, тетр. 1, Porkowsk, 1928, стр. 12—19, табл. I—III; его же. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 41—57.

[16] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 244—246.

[17] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 305—336.

и отсутствие донной закраины, расположение, мотивы и техника орнамента, формы металлических изделий и т. п.), Г. В. Подгаецкий отметил и признаки, отличающие культуру данного района от донецких памятников (частое использование деревянных конструкций в катакомбах, значительная распространенность погребений в простых грунтовых ямах, приближение формы тулова сосудов к биконической, перевернутость орнаментальных фестонов и городков на сосудах вершинами к венчику, отсутствие некоторых орнаментальных мотивов, очень популярных на Донце, и т. п.). Г. В. Подгаецкий отметил также и на Среднем Днепре наличие памятников, возможно представляющих собой, как он предположил, особый вариант катакомбной культуры, близкий к среднедонскому. Во время войны Г. В. Подгаецкий погиб в осажденном Ленинграде, и его исследования остались неопубликованными, исключая тезисы диссертации, напечатанные посмертно [18].

В предвоенные и послевоенные годы проводились большие полевые исследования на территории Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья, где работали экспедиции, возглавляемые Б. Н. Граковым и А. И. Тереножкиным. В результате этих исследований и здесь была констатирована катакомбная культура в формах, отличных от классических форм донецкого типа. Здесь оказались в большом количестве погребения в катакомбах, но покойники нередко лежат в вытянутом положении на спине; встречаются и могилы без подземной камеры. Керамика также имеет иные контуры и орнамент [19].

Т. Б. Попова объединила памятники Северного Приазовья с катакомбными погребениями Крыма [20] в один вариант, памятники Нижнего Днепра — в другой [21]. Кроме того, она выделила на Среднем Днепре группу поселений, характеризующуюся многоваликовой керамикой, и определила ее как еще один вариант катакомбной культуры, на сей раз не только локальный, но и хронологический, поскольку он появляется позже, чем соседние [22].

Относительно каждой из этих групп памятников возникали споры — относить ли ее к катакомбной культуре в качестве одного из локальных или хронологических вариантов последней, или представлять вариантом какой-либо другой культуры (ямной, срубной, северокавказской), или же считать особой, самостоятельной культурой.

Так, например, Б. А. Латынин и А. Я. Брюсов считали полтавкинскую культуру одним из локальных вариантов катакомбной культуры. И. В. Синицын полагает, что полтавкинская культура является древнейшей стадией (т. е. хронологическим вариантом) срубной культуры, а

[18] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону, ч. I. Доскифский период. Рукопись (хранится в Рукописном архиве ИА АН СССР, ф. 47, д. № 23); его же. Предскифский период на Среднем Дону. Тезисы диссертации. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 134—137. Краткое изложение выводов Г. В. Подгаецкого см. Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии Академии наук УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 165.

[19] Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1, стр. 272; Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 гг. Наукові записки Інституту Історії і Археології АН УРСР, т. II, Киев, 1946, стр. 55—73; его же. Археологічне вивчення Нікопольщини. Археологія, т. III, 1950, стр. 151—167; А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 15—20; его же. Курганы бронзового века на р. Молочной. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 88; его же. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 70—75; отчеты А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, Л. С. Клейна, К. Ф. Смирнова, Д. Т. Березовца и др. в сб. «Археологічні пам'ятки УРСР», тт. VIII и IX, Київ, 1960.

[20] А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. СА, XXVII, 1957, стр. 178—192; П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 53—64; Х. И. Крис и Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. Там же, стр. 65—71.

[21] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 67—75, 84—87.

[22] Там же, стр. 75—78.

О. А. Кривцова-Гракова и вслед за нею Т. Б. Попова представляют полтавкинские памятники в виде особой, самостоятельной культуры [23].

Группа погребений степного Предкавказья, которую А. В. Шмидт рассматривал в составе северокавказской культуры, а М. И. Артамонов выделил в манычский, или северокавказский, вариант катакомбной культуры, возведена А. А. Иессеном в ранг самостоятельной культуры и на карте культур бронзового века в книге А. Л. Монгайта «Археология в СССР» обозначена как «предкавказская культура» [24]. Т. Б. Попова трактует группу памятников Нижнего Поднепровья как вариант катакомбной культуры [25], а С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова оспаривают такую трактовку, полагая более правильным считать эту группу памятников частью ямной культуры с чертами влияния катакомбной культуры; кроме того, они отказываются относить к катакомбной культуре среднеднепровскую группу памятников с многоваликовой керамикой [26].

Можно было бы думать, что причиной этих расхождений является отсутствие общепринятого критерия для выделения археологических культур. Это означало бы, что спор является, собственно говоря, терминологическим.

Действительно, вопрос о критерии выделения археологических культур недостаточно разработан в нашей науке. Правда, внутреннее содержание самого понятия «археологическая культура» (так сказать качественная его характеристика) в общем представляется достаточно ясно. Археологическая культура — это совокупность археологических памятников, объединенных близким сходством типов орудий труда, утвари, оружия и украшений (особенно же сходством деталей в формах вещей, сходством керамической орнаментации и приемов техники), сходством типов построек и погребального обряда [27].

Но остается совершенно неясным количественная характеристика — сколько специфических признаков, объединяющих определенную группу памятников и отличающих эти памятники от соседних групп, следует считать достаточным для того, чтобы можно было констатировать самостоятельную культуру. В связи с этим возникают недоразумения при попытках установить терминологические различия между культурами и их этапами, во-первых, и культурами и их локальными вариантами, во-вторых [28].

Впрочем, некоторые установки в решении подобных вопросов существуют. Так, например, вполне естественно, что по отношению к каждой из общностей, которые различаются между собой лишь одним, хотя бы и существенным признаком или же большим количеством мелких особенностей, термин «культура» обычно не применяется; они трактуются как

---

[23] Там же, стр. 11, примеч. 1.

[24] A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, т. IV, 1929, стр. 9—21. Первобытная культура. Первый выпуск. Под ред. А. А. Иессена (Государственный Эрмитаж. Путеводители по выставкам). М., 1955, стр. 38; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, карта после стр. 120.

[25] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 67—75; ее же. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 40—47.

[26] С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. Ук. соч., стр. 271—272; С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, 1960, № 4, стр. 26—41; ср. Т. Б. Попова. К вопросу о многоваликовой керамике. Там же, стр. 42—45.

[27] Ср. М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 45—47; ее же. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 5, 6; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 20; его же. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 17—21; А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 14—15; «Культура археологическая». БСЭ, 2-е изд., т. 24. М., 1953, стр. 31—32; А. Я. Монгайт. Ук. соч., стр. 13.

[28] См. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 11, 12; его же. Археологические культуры и этнические общности..., стр. 15, 16.

варианты одной культуры. С другой стороны, общность, которая связана только одним, хотя бы и существенным признаком или несколькими незначительными признаками, тоже не заслуживает названия культуры; ее уместнее именовать «группой культур», «зоной» или «провинцией» и т. п.

В отношении катакомбной культуры дело, однако, идет не о таком терминологическом споре.

Здесь необходимо установить, составляют ли все перечисленные группы памятников (донецкая, предкавказская, полтавкинская и др.) одну археологичекую общность или нет (вне зависимости от того, как эту археологическую общность именовать). Что каждая из перечисленных групп памятников представляет собой определенную археологическую общность (как бы такую общность ни именовать) — это ясно. Но можно ли их объединить, и если можно, то все ли они войдут в объединение?

Рассмотрим характер основных элементов археологического комплекса (способ погребения, облик керамики и пр.) по перечисленным группам памятников, принимая признаки классической донецкой группы за эталон при сравнении.

1. Наличие катакомб. На Донце, по материалам В. А. Городцова, погребения данной культуры почти всегда совершались в катакомбах[29]. На Среднем Дону также встречались погребения в катакомбах. Г. В. Подгаецкий убедительно реконструирует разрушенные катакомбы в ряде случаев, где исследователи, ведшие раскопки, констатировали только грунтовые ямы, но признает возможным, что многие погребения катакомбного типа были здесь устроены в грунтовых ямах. Известны и достоверные погребения катакомбного типа на территории Среднего Подонья, устроенные в грунтовых ямах, перекрытых бревнами, в насыпи и даже в срубах[30].

В Северном Приазовье и в Крыму число погребений катакомбного типа в грунтовых ямах невелико — например в бассейне р. Молочной — менее четверти всех погребений, даже если положиться на безошибочность выявления катакомб и определения культурной принадлежности[31]. В предкавказских степях грунтовые ямы, по данным А. А. Иерусалимской, преобладают над катакомбами, составляя 70% от общего числа погребений катакомбной культуры этого района[32].

В полтавкинских памятниках погребения с катакомбным устройством могилы составляют немногим более 10% всех грунтовых погребений, причем обычно это не настоящие катакомбы, а скорее подбои[33]. Наконец, на Днепре, как правило, погребенных помещали в грунтовых ямах или (на нижнем Днепре) в ямах с подбоями; в этих случаях в подбои клали только вещи[34]. Т. Б. Попова утверждает, что катакомб на Днепре вообще нет. Категоричность этого высказывания не оправдана: катакомбы на Днепре и к западу от него все же есть, хотя и в небольшом количестве[35].

---

[29] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 189—190; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 221; Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, № 2, стр. 49—65.

[30] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии. летом 1901 года. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 131—140.

[31] Основой для подсчета мне послужили материалы, опубликованные в АП (т. VIII). Отнесение ряда комплексов без катакомб к катакомбной культуре (особенно в публикации К. Ф. Смирнова) ничем не мотивировано.

[32] А. А. Иерусалимская. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья. (Предкавказский вариант катакомбной культуры). Автореферат диссертации. Л., 1958, стр. 6.

[33] По данным Н. К. Качаловой, которой я очень признателен за эти сведения.

[34] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 73—74, 141.

[35] В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. Отчет Исторического музея за 1915 год. М., 1916, стр. 131—133; П. Д. Либеров. Курганы

Таким образом, этот признак можно было бы признать характерным для всех рассматриваемых групп памятников, если бы не слабое его проявление в Поднепровье, особенно на Среднем Днепре.

2. Закрытие устья катакомб деревянными плахами. В б. Изюмском уезде, по данным В. А. Городцова, это единственный способ закрытия устья катакомбы [36]. Южнее, в бахмутской серии погребений, этот способ все еще преобладает, но к нему присоединяются еще два способа: завалка устья камнями и забивка глиной [37]. По-видимому, здесь ощущается близость соседних групп катакомбных памятников — приазовской и предкавказской, где для этой цели обычно применяются камни и глина [38]. Зато деревянные двери обычны в строительстве подземных камер на Среднем Дону [39]. Стало быть, этот признак не является общим для всех групп, но по данному показателю донецкая группа сближается со среднедонской, а приазовская — с предкавказской.

3. Положение покойника в скорченном состоянии. Это правило неукоснительно соблюдается на Северском Донце [40]. В Приазовье вытянутое положение на спине встречается, хотя и не преобладает (в катакомбах на р. Молочной — менее 20%) [41]. Значительная группа погребений со скелетами в вытянутом положении на спине выявлена и в Предкавказье [42]. Такое же положение погребенных встречается в полтавкинских памятниках [43]. Средний Дон в этом отношении не отличается от Северского Донца [44]. На Среднем Днепре покойников погребали в скорченном положении. Зато для Нижнего Поднепровья характерным является вытянутое положение покойника, на спине [45]. Таким образом, наличие скорченных погребений характерно для всех групп, кроме нижнеднепровской, причем к донецкой группе оказывается снова ближе всего среднедонская, а приазовская схожа с предкавказской (к этим последним примыкает и полтавкинская).

4. Положение покойника на правом боку (лицом к выходу из катакомбы). В донецких катакомбах почти все скелеты лежат на правом боку [46], и все, за исключением одного, обращены лицом к выходу из катакомбы [47].

На Среднем Дону положение покойников в погребениях катакомбного типа не так строго выдержано, как на Донце. Г. В. Подгаецкий отмечает, что покойники здесь иногда лежат на спине с подогнутыми к туловищу ногами, обычно же — на боку, чаще на левом [48]. Т. Б. Попова придерживается того же мнения [49]. Стоит, однако, просмотреть материалы из рас-

у хутора Харчевик. КСИИМК, вып. XLV, М., 1952, стр. 74, 82; А. И. Тереножкин. Комплексная экспедиция на Кременчутской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году. КСИА, вып. 8, Киев, 1959, стр. 5—7.

[36] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 199.

[37] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 221—222, 226, 227.

[38] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 86; А. А. Иерусалимская. Ук. соч., стр. 6.

[39] Г. В. Подгаецкий. Ук. соч.

[40] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 222, 226, 227.

[41] Подсчитано по материалам, опубликованным в АП, т. VIII.

[42] А. А. Иерусалимская. Ук. соч., стр. 6.

[43] Сведения Н. К. Качаловой.

[44] Г. В. Подгаецкий. Ук. соч.

[45] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 155.

[46] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192.

[47] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 222, 226, 227; см. также в том же томе описание погребения, стр. 313—314.

[48] Г. В. Подгаецкий. Ук. соч.

[49] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 84.

копок Е. П. Трефильева и Е. Мельник,чтобы убедиться, что преобладающим здесь является положение на правом боку[50]. В Предкавказье покойники часто лежали на левом боку[51], в Северном Приазовье, по сводке Т. Б. Поповой,— то на левом боку, то на правом, то на спине с подогнутыми к туловищу ногами[52]. По моим полевым наблюдениям, там преобладает все же положение на правом боку[53], в полтавкинской группе господствует положение на спине с поднятыми кверху коленями (половина всех погребений), среди остальных больше на левом боку (сведения Н. К. Качаловой). Так что по этому показателю только донецкая, среднедонская и, может быть, приазовская группы сближаются между собой.

5. Ориентировка покойника головой на запад или юг, преимущественно на юг. Именно такова ориентировка погребенных в донецких катакомбах[54]. Для Среднего Дона Г. В. Подгаецкий считает характерной южную ориентировку[55]. Если привлечь, однако, и здесь упоминавшиеся уже материалы Е. П. Трефильева и Е. Мельник, то большинство погребений окажется с северной ориентировкой. На Среднем Днепре преобладает западная ориентировка, в полтавкинской группе — восточная[56], в Северном Приазовье — южная (по сводке Т. Б. Поповой) [57]. А. И. Тереножкин считает, что в Северном Приазовье погребенные ориентированы беспорядочно[58], однако статистический анализ его же материала показывает, что на восток и юг (вместе с промежуточными румбами), в молочанских катакомбах ориентировано вдвое больше скелетов, чем на север и запад. Выходит, что по этому показателю есть некоторое сходство между донецкой, среднеднепровской и приазовской группами, а общего для всех групп признака нет.

6. Форма керамики: плоскодонные сосуды с выпуклыми боками и прямой шейкой, дно широкое, устойчивое. Эта форма является определяющей для Донца[59]. На Среднем Дону форма керамики почти та же: первые два типа сосудов, выделяемые Г. В. Подгаецким, отличаются от донецких в основном тем, что имеют более вытянутые пропорции, а шейка у них слегка расширяется кверху, третий тип отличается от первых двух резкостью перегиба стенок в средней части, т. е. ребром, придающим сосуду биконическую форму (по-видимому, влияние срубной культуры). Четвертый тип сосудов Г. В. Подгаецкого резко уклоняется от этого стандарта, представляя собой обычные горшки с небольшим, мягко отогнутым кнаружи венчиком[60]. Сходные формы с донецкими имеет и керамика с Нижнего Днепра[61]. Большинство сосудов из предкавказских степей подчиняется тому же стандарту (многие из сосудов I и II типов, по А. А. Иерусалимской), хотя имеются и другие формы сосудов — большие репчатые сосуды, небольшие высокогорлые кувшины, сосуды с уступом и пр.[62]. В Северном Приазовье есть керамика донецкого типа, но

---

[50] Е. П. Трефильев. Ук. соч.; Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии, 1900—1901 гг. Тр. XII АС, т. I, стр. 673—703; ее же. Дневники раскопок. Там же, стр. 703—743.

[51] А. А. Иерусалимская. Ук. соч., стр. 14.

[52] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 56.

[53] См. Л. С. Клейн. Кургани біля с. Троіцького. АП, т. VIII, 1960, стр. 146—162.

[54] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192, 225; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 222, 226, 227.

[55] Г. В. Подгаецкий. Ук. соч.

[56] Сведения Н. К. Качаловой.

[57] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 143—144.

[58] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП, т. VIII, стр. 10.

[59] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 198, табл. VIII—IX; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 232.

[60] Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., текст и альбом.

[61] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 68—71.

[62] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 36—39 и рис. 1; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 90.

ведущая керамическая форма здесь иная: яйцевидные сосуды с небольшим донцем, утолщенным венчиком, без шейки. Керамика эта совершенно не похожа на донецкую катакомбную. Нередко попадаются сосуды с одной или двумя ручками или выпуклинами на плечиках[63]. Полтавкинские формы несколько напоминают эту приазовскую керамику: сосуды яйцевидны, донце небольшое, шейка невысокая. Сосудов, близких по форме к донецким, очень мало. Керамика Среднего Днепра по формам напоминает среднедонскую, но больше, чем та, отличается от донецкой[64]. Таким образом, можно считать, что керамика является в значительной мере общей для всех групп, кроме полтавкинской, и, пожалуй, среднеднепровской.

7. Техника нанесения орнамента на сосуды (тесьма, веревка и густогребенчатый штамп). Почти все сосуды из донецких раскопок В. А. Городцова несут на себе такой орнамент. На Среднем Дону тесьма и веревка используются для нанесения орнамента редко, густогребенчатый штамп — чаще; еще чаще встречаются на посуде налепные валики (по-видимому, имитирующие веревку). Как существенное отличие от керамики Донца можно отметить интенсивное использование в орнаменте нарезных элементов. Та же техника орнаментации встречается на Нижнем Днепре[65], сходная — в предкавказских степях, в Нижнем Поволжье и в Северном Приазовье.

На среднеднепровской керамике встречаются только налепные валики. Налицо, таким образом, признак, общий для всех групп, кроме, пожалуй, среднеднепровской.

8. Расположение орнамента на сосуде (трехпоясное или со сплошным покрытием стенок). Это — характерная черта донецкой керамики. Средний Дон дает ту же схему расположения орнамента; сплошное покрытие стенок здесь преобладает. В Северном Приазовье орнамент обычно занимает только верхнюю часть сосуда, иногда только плечики, в Предкавказье редко покрывается орнаментом шейка. Принцип горизонтального членения на три зоны, однако, соблюдается во всех этих случаях.

9. Мотивы орнамента: заполненные простыми узорами фестоны и городки, «в елочку», иногда концентрические круги; орнаментация обычно пышная и богатая. Донецкие сосуды из раскопок В. А. Городцова общеизвестны своей роскошной орнаментацией. Керамика Среднего Дона дает те же оранаментальные мотивы, только в перевернутом виде. На Нижнем Днепре треугольные фестоны спускаются, как на Донце, от шейки на плечики, дополнительно обрамлены бахромой и заполнены параллельными отпечатками мелкого шнура. В Предкавказье такие треугольники нередко заполнены отпечатками свернутой веревочки.

В Северном Приазовье эти мотивы (круги, треугольные фестоны и полукруглые шевроны) встречаются реже, причем между треугольниками иногда заключены ромбы. Более характерен для Северного Приазовья другой мотив: прямые или косые полотенца, спускающиеся от венчика на плечики и тулово. Эти полотенца состоят из мелких орнаментальных элементов и лишены четкого контурного обвода, столь типичного для других групп катакомбной керамики[66]. Легко заметить, что такой орнамент гораздо более напоминает фатьяновский, чем катакомбный донецкий.

На Среднем Днепре есть узоры в виде треугольных городков на посуде и елочные узоры, но последние — с вертикальной основой. Кроме

[63] Там же, стр. 86 и рис. 19.
[64] С. С. Березанская. Ук. соч., рис. 5—11.
[65] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 58—93 и др.
[66] См. Т. Б. Попова. Ук. соч., рис. 15 на стр. 85. Сводка мотивов катакомбной керамической орнаментации приведена в статье Т. Б. Поповой «Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры» (СА, XXII, 1955, стр. 21—60).

того, такая орнаментация широко известна в самых различных культурах. В остальном же не видно, чтобы здесь в многоваликовой технике воспроизводились обычные катакомбные мотивы [67]. Таким образом, по расположению орнамента наблюдается сходство в керамике всех рассматриваемых групп, кроме среднеднепровской.

10. Наличие курильниц или заменяющих курильницы обломков днища (либо стенки) большого сосуда, наполненных краской и углем. Курильницам посвящены специальные статьи Ф. Ганчара, Т. Б. Поповой и А. А. Иерусалимской [68]. Из сводок этих авторов видно, что курильницы в большом количестве найдены в предкавказских погребениях катакомбного типа, встречаются на Днепре, на Донце и в Северном Приазовье, иногда также в полтавскинских погребениях и на Среднем Дону. А. А. Иерусалимская указывает, что если в предкавказских погребениях зафиксировано в настоящее время около 80 курильниц, то на всей остальной территории катакомбной культуры курильницы эти исчисляются единицами [69]. Однако на Северском Донце и на Северном Дону найдено много «импровизированных» курильниц (В. А. Городцов называет их «жаровнями») [70]. Краска и уголь, лежащие в этих «импровизированных» курильницах, не оставляют сомнения в идентичности их назначения назначению настоящих курильниц.

11. Отсутствие поселений со значительным культурным слоем. Поселения катакомбной культуры в массе обнаружены только на Среднем Дону и на Днепре; в остальных районах они известны единицами. Если учесть, что разведки в этих местах предпринимались не раз, то приходится делать какие-то выводы об отличиях в образе жизни южных и восточных племен катакомбной культуры от северных и западных племен.

12. Кремневые изделия: орудия, изготовленные из длинных больших ножевидных пластин, и продолговатые треугольные наконечники стрел с выемкой в основании. Такой кремневый инвентарь прослеживается на Донце, в Северном Приазовье и Поднепровье [71]. На Среднем Дону кремневый инвентарь имеет другой облик: здесь много скребков, треугольных наконечников стрел с выпуклым основанием [72].

13. Каннелированные и уступчатые топоры-молоты, обушковые и ромбические. Они распространены по всей территории, занятой рассматриваемыми памятниками [73].

14. Песчаниковые выпрямители древков стрел или литейные формочки. Эти предметы имели в эпоху бронзы весьма широкое распространение также и за пределами катакомбной культуры [74], но пока не известны в некоторых районах распространения памятников катакомбного типа.

15. Специфический медный инвентарь: листовидные ножи-копья с узким черешком, четырехгранные шилья с утолщением посередине и без него, спиральные височные кольца в полтора оборота. Распростра-

---

[67] С. С. Березанская. Ук. соч., рис. 5—11.

[68] F. Hančar. Kreuzförmige Räucherschalen aus dem Tale des Manyč. Suomen Museo, XLV, 1945, стр. 65—80; Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах северокавказского типа. СА, 1957, № 1, стр. 161—178; А. А. Иерусалимская. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа. Сообщ. Гос. Эрмитажа, т. XII, 1957, стр. 45—47; см. также Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр., 116—118 и карта на стр. 111.

[69] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры..., стр. 40.

[70] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 198.

[71] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 163—164.

[72] М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Оскол. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941 (см. материалы стоянки Шелаево I).

[73] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 90, 167—168.

[74] Там же, стр. 27—28.

нение этих колец не ограничено рамками катакомбной культуры, как во времени, так и в пространстве[75]. Вообще же все эти медные изделия в основном группируются в южных районах распространения катакомбных памятников и очень редки в северных районах[76].

Так выглядит проявление ряда признаков катакомбных памятников на различных территориях. В число признаков не включены специфические формы костяных изделий (молоточковидные булавки и т. п.) ввиду нового решения вопроса о правомерности их увязки с катакомбными погребениями по преимуществу[77].

Не принята во внимание также деформация черепа, так как в наших степных погребениях рассматриваемого времени она достаточно резко проявилась пока только на Нижнем Донце, на Нижней Волге и в Предкавказье[78].

Итак, из перечисленных признаков только один характерен для всех рассматриваемых групп памятников — специфическое расположение орнамента на сосуде. Этого, конечно, недостаточно для выделения особой археологической общности, культуры.

Исключение среднедонской или нижнеднепровской группы прибавило бы к этому общему для всех групп признаку еще только один элемент. исключение среднеднепровской группы увеличило бы количество общих признаков еще на три.

Полученные четыре признака (наличие катакомб или подбоев, а также техника, расположение и мотивы керамической орнаментации), охватывая все рассмотренные группы памятников, кроме среднеднепровской (т. е. кроме памятников с многоваликовой керамикой), позволяют объединить эту группу в одну археологическую общность. Можно ли считать эту общность катакомбной культурой, да и можно ли называть ее культурой вообще? Вряд ли. Ведь, собственно говоря, здесь общность органичивается лишь устройством могилы и характером керамической орнаментации, а это очень узкая сфера! Но все же эта общность вполне реальна, она, конечно, имела какое-то историческое основание и должна быть учтена. Я бы предложил для нее условное название «катакомбной провинции». Если исключить из этой общности полтавкинскую группу, то окажется, что для всех остальных групп общими будут уже не четыре признака, а семь.

Эти семь признаков характерны для всех рассмотренных групп памятников, кроме среднеднепровской[79]. Это и есть тот комплекс, который составляет специфику катакомбной культуры как особой археологической общности: 1) наличие катакомб (иногда подбоев); 2) наличие плоскодонных сосудов с выпуклыми боками и прямой шейкой, с широким устойчивым дном; 3) тесьма, веревка и густогребенчатый штамп как технические элементы орнамента на сосудах; 4) трехпоясное расположение орнамента на сосудах или сплошное покрытие стенок; 5) мотивы орнамента — фестоны и городки, елка, иногда концентрические круги;

---

[75] Там же, стр. 25.

[76] Там же, карта на стр. 99.

[77] Имеется в виду доклад Б. А. Латынина на пленуме ИИМК АН СССР, в 1958 г.

[78] С. А. Локтюшев. Среднедонецкие курганные погребения с оригинальной бытовой индустрией С.-Кавказского и Средиземноморского влияний. Труды Научного общества Донбасса, т. 1, Луганск, 1928, стр. 5—16; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата», в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 118—119, 124; М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 131; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78, 1960, стр. 153—154.

[79] Здесь имеется в виду только та группа памятников, которая выделена Т. Б. Поповой в качестве среднеднепровского «территориального и хронологического» варианта катакомбной культуры и которая характеризуется многоваликовой керамикой. Этим не снимается вопрос о возможности проявления катакомбной культуры на Среднем Днепре в других формах.

6) наличие курильниц на четырехлепестковой ножке или на четырех ножках (или имитаций курильниц из обломков сосуда); 7) наличие каннелированных или уступчатых топоров, обушковых и ромбических.

Поскольку ни один из выделенных признаков не имеет дифференциального значения, т. е. среди них нет такого, который прослеживался бы непременно в каждом отдельном памятнике, этим комплексом признаков нельзя руководствоваться как критерием при определении культурной принадлежности того или иного отдельного памятника (отдельного погребения). Это признаки принадлежности целых групп памятников к одной общности, а не отдельных памятников.

Кроме этих признаков, общих для всех групп катакомбной культуры, каждая группа обладает специфическими признаками, отличающими ее от других групп, и такими специфическими признаками, которые отличают ее от других культур данной местности. Из этих специфических признаков многие имеют дифференциальное значение, т. е. проявляются непременно в каждом отдельном памятнике, что и позволяет относить данный памятник к определенной группе катакомбной культуры, а уже тем самым определяется и его вхождение в ту общность, которую составляют с этой группой родственные группы памятников — в катакомбную культуру.

Таким образом, полтавкинскую группу памятников следует исключить из катакомбной культуры, но объединить с нею в одной провинции, а среднеднепровскую группу не включать ни в катакомбную культуру, ни в ее провинцию.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

К ВОПРОСУ О СКИФСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

После совещания, проведенного Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР в мае 1957 г. в Киеве, посвященного раннеславянской проблематике[1], нет необходимости полемизировать со сторонниками мнения о германской принадлежности черняховской культуры. История возникновения этой беспочвенной точки зрения среди немецких исследователей, доложенная М. Ю. Смишко[2], и декларативность подобных взглядов, высказанных некоторыми советскими учеными (М. А. Артамонов[3] и В. Н. Даниленко[4]), показали всю бесплодность попыток связать появление черняховской культуры с приходом готов в Причерноморье. Дискуссия на этом совещании показала, что указанное мнение должно быть или веско обосновано, или отвергнуто окончательно[5].

М. А. Тиханова более осторожно высказывает мнение об особом месте памятников полей погребений Порожистого Днепра, которые якобы оставлены какой-то пришлой с запада группой населения[6]. Между тем археологические факты не позволяют никоим образом противопоставлять памятники Нижнего и Среднего Днепра и, следовательно, считать, что часть первых оставлена германскими племенами. Работы А. Т. Брайчевской в Надпорожье[7] и последние раскопки в районе г. Черкасс[8] доказывают единство поднепровских памятников. До сих пор не удалось получить никаких убедительных доказательств для того, чтобы считать создателями черняховской культуры германские племена В Поднестровье и на Волыни имеются могильники характерного прибал-

---

[1] См. Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, № 4, стр. 274—277.

[2] Там же, стр. 276.

[3] М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Тезисы доклада, прочитанного в Ленинградском гос. университете. Л., 1956.

[4] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 276. Обнаруженные В. Н. Даниленко «руничеcкие письмена» на пряслицах и сосудах из черняховских поселений в основном представляют собой беспорядочно нанесенные по сухой глине царапины. Попытки чтения этих царапин — то же, что чтение орнаментальных врезов на боках горшков III в. н. э. из Силезии. См. G. Raschke. Ein wandalischer Runentopf aus Oberschlesien. Altschlesien, т. 6, тетр. 2, Breslau, 1936, стр. 232—238; W. Krause. Die Inschrift auf der Urne vor Niesdrowitz. Там же, стр. 239—253.

[5] Следует отметить, что в западной литературе с германцами всегда связывали не только черняховскую культуру, но также зарубинецкую и пшеворскую (якобы вандальскую), не считая возможным противопоставлять эти родственные культурные группы.

[6] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 174—176, 194

[7] А. Т. Брайчевська. Поселення черняхівського типу в с. Микольське на Дніпрі. АП, т. V, 1955, стр. 91.

[8] Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 250.

тийского облика (Дитиничи, Городище и др.) [9]. Подобного типа памятники западноевропейские исследователи считают германскими. По времени эти памятники одновременны могильникам культуры полей погребений черняховского типа, но в то же время резко от них отличаются, что, видимо, указывает и на их разную этническую принадлежность [10]. Поиски восточногерманских племен на Нижнем Днепре или в Причерноморье до сего времени не привели к определенным результатам. Северные племена с низким культурным уровнем развития, боровшиеся с Римской империей, соприкоснувшись с высокой античной культурой, сменили в основном комплексы вещей, которыми пользовались. Смешение пришлых элементов с аборигенами делает задачу археологического выявления готов очень трудной, почти невозможной. В то же время картографирование памятников черняховской культуры, произведенное Е. В. Махно, показало их необычайно широкое распространение. На юге СССР они встречены в далеких областях Левобережного Днепра, в Курской и Черниговской областях, о проникновении в которые древних германцев всерьез говорить не приходится.

Не более успешными оказались усилия связать черняховскую культуру с сарматами, а именно объяснить, как это делает Г. Б. Федоров, сарматским влиянием обряд погребения с трупоположением в черняховских могильниках [11] или назвать сарматскими какую-то группу памятников [12]. Существование в Молдавии могильников со смешанным обрядом (трупоположения и трупосожжения) еще не доказывает, что в этом отразился разнородный этнический состав черняховских памятников. Биритуализм в римское время получил широкое распространение в странах Северной и Центральной Европы. Утверждение Б. Штейернквист [13], что возникновение обряда трупоположения в Подунавье, вероятно, надо связывать с сарматами и распространение Г. Б. Федоровым этого положения на черняховскую культуру мне кажутся неубедительными. При такой постановке вопроса невозможно объяснить распространение этого обряда вне областей влияния сарматской культуры, где встречаются черняховские памятники.

Также ошибочным является и утверждение И. И. Ляпушкина о какой-то особой сарматской группе памятников в черняховской культуре. Единичные захоронения в области Поднепровья и Поднестровья, т. е. в районах контакта черняховских памятников с сарматской культурой, естественно, имеют черты сарматизации (деформированный череп в Черняхове, бронзовое сарматское зеркало в Маслове, захоронения с конской сбруей в Кантемировке [14], два подбойных захоронения на Нижнем Днепре — в Каменке и у овчарни совхоза «Приднепровского» [15] и т. п.). Однако перечисленные особенности — только отдельные явления; они не присущи группе памятников. Подобного рода факты составляют ничтожный процент в массе типично черняховских захоронений и свидетельствуют, самое большее, лишь о существовании смешанных браков.

[9] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 223, рис. 6.

[10] Э. А. Сымонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 107.

[11] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958, № 3, стр. 242 сл.

[12] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 15 сл.

[13] B. Stejernquist. Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. Ser. in 4°, № 2, Bonn and Lund, 1955, стр. 67—68; W. Hensel. Poznań w zaraniu dziejów. Wrocław, 1958, стр. 108 (где говорится о распространении биритуализма).

[14] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 118—119.

[15] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 292.

В то же время такие памятники, как Боканский могильник на Днестре, исследованный Г. Б. Федоровым, убедительно говорят об ассимиляции сармат носителями культуры полей погребений черняховского типа [16].

Особенно сильный удар сторонникам сарматской принадлежности черняховской культуры (или какой-то ее части) наносит анализ антропологических материалов. Брахикранность и мезокранность в сарматских могильниках Поднепровья (Ново-Филипповка, совхоз Аккермень, Усть-Каменка) имеют аналогии в антропологических материалах Поволжья. В то же время отсутствие сходства с антропологическими остатками черняховских могильников не позволяет сближать эти культурные области [17]. Таким образом, не представляется возможным выделить какую-то особую группу (вариант черняховской культуры), имеющую корни в сарматских памятниках.

Еще менее реалистична попытка вывести черняховскую культуру из областей распространения гето-фракийских племен. Так, например, продолжает оставаться необоснованным мнение М. И. Артамонова о тиригетской принадлежности погребений с трупоположениями поднестровского, типично черняховского могильника у с. Вила-Яругская [18]. Мнение Г. Б. Федорова о том, что погребения с трупосожжениями в Молдавии являются результатом преемственности обряда местного гетского населения [19], опять-таки не может объяснить широкого распространения этого обряда вне зоны влияния дако-гетской культуры.

Довольно четкая территориальная разобщенность сарматской и черняховской групп памятников и их специфика не позволяют говорить об их генетической связанности, что не исключает взаимных культурных влияний.

Наиболее серьезной является точка зрения археологов, пытающихся связать черняховскую культуру со скифской. Вопрос о связи культуры скифского населения Поднепровья с памятниками первой половины I тысячелетия н. э. был поднят рядом исследователей [20]. Однако в последнее время возникает вопрос не только о связи культур, но и о генетическом родстве носителей этих культур. Наиболее развернуто это мнение изложено Ю. В. Кухаренко в разделе 3 первой главы «Очерков истории СССР» (1958 г.). Отказавшись от взглядов на черняховскую культуру [21] как на культуру раннеславянскую, Ю. В. Кухаренко утверждает, что она принадлежит скифскому населению, хотя и не исключает участия в формировании черняховской культуры славян, готов и сармат. Генетическая связь скифов и черняховского населения, по мнению Ю. В. Кухаренко, доказывается, во-первых, совпадением территории распространения обеих культур, во-вторых, близостью керамических форм, в-третьих, сходством в обряде погребения. Кроме того, показателями скифской принадлежности черняховской культуры является якобы не свойственное ранним славянам первых веков нашей эры высокое экономическое, социальное

[16] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН СССР, № 4, 1956, стр. 63.

[17] Т. С. Кондукторова. Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник, т. I, М., 1956, стр. 170 сл.; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал из могильника у овчарни совхоза Приднепровского Херсонской области. Советская антропология, 1958, № 2, стр. 66 сл.

[18] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 115.

[19] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА 1958, № 3, стр. 237.

[20] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1-е изд. М.—Л., 1948, стр. 37 сл.; сб. «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй». М., 1956, стр. 294—295, стр. 363—364; П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 75—84; его же. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 161.

[21] Ю. В. Кухаренко. Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тысячелетия. Сб. «Очерки истории СССР, III—IX вв. н. э.», стр. 64 сл.

и культурное развитие общества. Характерные для черняховской культуры клады римских монет и их датировка свидетельствуют, как полагает Ю. В. Кухаренко, что их зарывали в тот период, когда скифской земле стали угрожать готы и славяне. О продвижении славян на юг, по наблюдениям Ю. В. Кухаренко, говорит распространение зарубинецких памятников в южном направлении.

При этом следует еще обратить внимание на очень важные, хотя пока и не окончательные данные результатов антропологического анализа. Неоднократно отмечалось сходство славянского и скифского физического типа (А. П. Богданов, Г. Ф. Дебец и др.). В результате новых исследований Т. С. Кондукторовой также отмечена близость антропологического строения европеоидных долихокранных скифских и черняховских черепов, хотя первые все же отличаются бóльшей массивностью [22]. Накопление новых материалов для проведения подобных сопоставлений во всех деталях на широкой основе является насущной задачей.

После вышесказанного возникает необходимость ответить на вопрос: не принадлежала ли в самом деле черняховская культура скифам? Прежде всего следует остановиться на доводах, приводимых Ю. В. Кухаренко в пользу скифского этнического начала в черняховской культуре. Но какие племена следует считать собственно скифскими, т. е. ираноязычными? На конференции ИИМК АН СССР в 1952., констатировавшей состояние изучения проблем скифо-сарматской археологии, «наиболее запутанным оказался вопрос об этническом единстве или этническом различии скифов и связанный с этим вопрос об их участии в этногенезе славян» [23]. В советском скифоведении наметилась тенденция противопоставлять обитателей степи и лесостепи и считать «целостными в этническом отношении лишь скифов-кочевников и царских скифов» [24]. В обобщающей работе «Очерки древней истории Украинской ССР» в главе «Племена скифского периода» В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, например, утверждают, что жившие в лесостепи скифы-пахари были «скифами» только по названию. В этих нескифских племенах Скифии авторы видят автохтонные протославянские племена. На прилагаемой к главам карте область скифов-пахарей покрывает почти всю лесостепную зону Украины [25]. При совмещении этой карты с картой памятников черняховского типа, составленной Е. В. Махно и опубликованной в этом же томе [26], прослеживается удивительное совпадение территории. Совпадение нарушают только черняховские памятники Западной Украины (где, кстати, граница поселений скифов-пахарей не проведена определенно) и расселившееся в зону степи по течению больших водных магистралей черняховское население (рис. 1). Таким образом, Ю. В. Кухаренко следовало бы сказать, с какими именно скифскими — ираноязычными областями или скифскими только по названию, а, возможно, с протославянскими памятниками совпадает область распространения и формирования черняховской культуры. Произведенное выше сравнение карт показало, что памятники черняховского типа перекрывают зоны оседлого земледельческого населения скифского времени. В то же время необходимо указать на опасность строить на основе такого совпадения далеко идущие этнографические выводы. Даже если признать скифов-пахарей ираноязычными, «подлинными скифами» (как думают некоторые ученые, буквально следуя описаниям Геродота), все же было бы неисторич-

[22] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологический материал..., стр. 66 сл.

[23] Н. Н. Погребова. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 16.

[24] Б. М. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 17.

[25] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 132 сл., карта на стр. 192.

[26] Там же, карта на стр. 320.

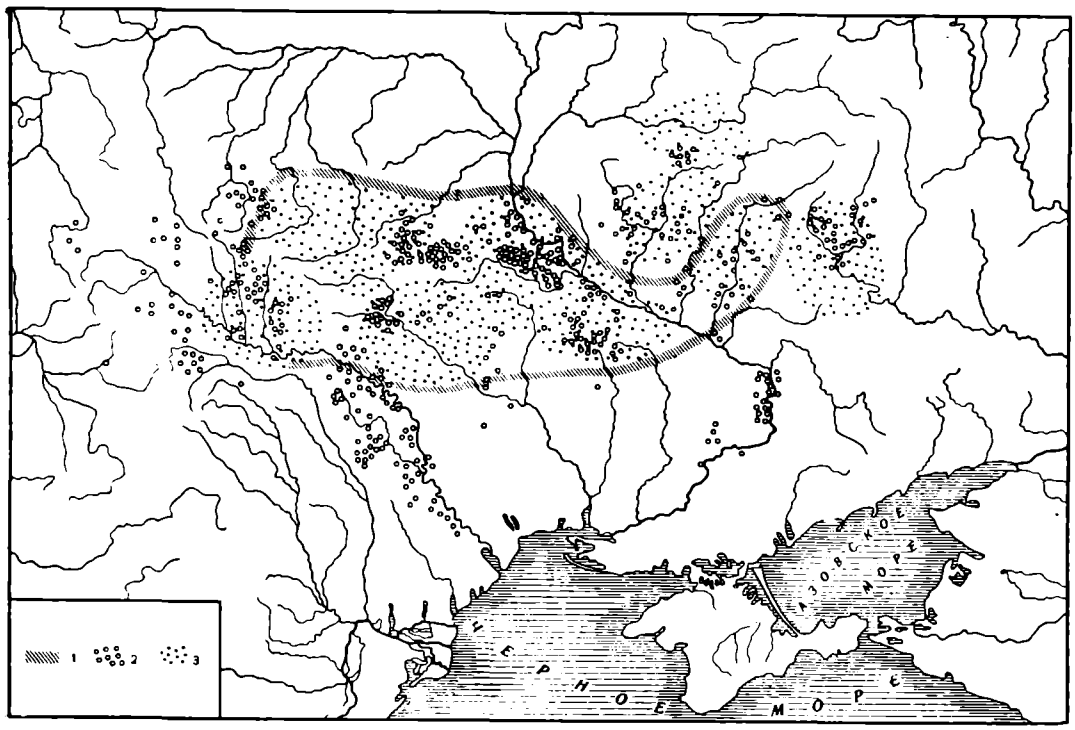


Рис. 1. Совмещенная карта памятников чернолесского типа и черняховской культуры (по картам А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, Е. В. Махно)

1—область распространения чернолесских памятников; *2*—памятники культуры полей погребений; *3*—локальные группы лесостепной культуры скифского времени (VII—III вв. до н. э.)

ным считать жившее на том же месте, но гораздо позднее, население обязательно их потомками. Те и другие сравниваемые памятники отделены друг от друга более чем полутысячелетием. Если же обратиться к периоду, предшествующему времени широкого распространения памятников черняховской культуры, то увидим, что областью размещения собственно скифских памятников остаются низовья Днепра и степной Крым. Учитывая специфику этих памятников, невозможно даже предположить, что им обязана своим возникновением черняховская культура, занимающая огромные пространства лесостепной Украины. Особенно показательно сосуществование бок о бок позднескифских городищ и характерных черняховских поселений открытого типа. Я уже отмечал существование двух типов памятников римского времени в южнорусских степях: раннечерняховских поселений с углубленными в землю жилищами столбовой конструкции, со стенами, сплетенными из прутьев, и других поселений этого же времени с каменными многокамерными постройками, оставленными в Причерноморье, по-видимому, сарматизированными и славянизированными потомками эллино-скифов [27]. А. Т. Брайчевской были резко отчленены от собственно черняховских памятников места поселений старых насельников степной зоны Украины [28].

Разобравшись в несостоятельности доводов, будто бы доказывающих генетическую связь скифского и черняховского населения путем сопоставления территории размещения обеих культур, мы вплотную подошли к сравнению комплекса находок обеих групп памятников. В частности, необходимо сравнить керамические комплексы, на которые ссылается

[27] Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 131—135.

[28] А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 3—13.

в своих построениях Ю. В. Кухаренко. Мне кажется невозможным и неверным при типологическом изучении керамики сопоставлять комплексы, отделенные многими веками. Прежде всего нужно сравнить позднескифскую керамику городищ Нижнего Днепра с посудой территориально и хронологически близких черняховских поселений.

Процентные соотношения различных групп керамики тех и других памятников существенным образом отличаются. На городищах Нижнего Днепра в основном господствует лепная посуда местного производства с шамотом и песком в составе керамического теста [29]. Эту керамику М. И. Вязьмитина разделяет на грубую, лощеную — столовую и культовую. Интересно, что лощеная посуда, судя по наблюдениям Н. Н. Погребовой на Гавриловском городище, составляла не более 10—15% всей керамики [30]. Связывать ее появление на Нижнем Днепре с расселением так далеко на юг зарубинецких племен вряд ли возможно. Основные формы лепной посуды этих городищ находят прототипы в древнейшей посуде скифского населения. Например, большие корчаги с выступами-налепами, удлиненных пропорций горшки с краем в виде раструба, покрытым ногтевыми вдавлениями, полусферические и конические миски, кружки цилиндрической формы и пр. В то же время на нижнеднепровских городищах несомненен привносной характер ряда форм лепной посуды в результате сарматских и дако-гетских влияний [31]. Общего в этой керамике с черняховской лепной посудой немного. На раннечерняховских поселениях типа Ломоватого I еще встречаются удлиненные лепные горшки с расширяющимися краями. В составе их теста — большая примесь шамота. Известны конические миски — крышки и полусферические миски. Однако не эти формы лепной посуды являются здесь ведущими и не они распространяются в эпоху развития черняховской культуры. Горшки с чуть выделенным отгибом краем, с загнутыми внутрь краями, тарелкообразные и биконические лепные миски резко отличаются от лепной керамики позднескифских городищ. Лощеная лепная керамика распространена на черняховских поселениях еще менее, чем на городищах Нижнего Днепра. Лощили, как правило, только сосуды, подражающие гончарным формам (некоторые типы мисок) и сосуды для питья (кубки) (рис. 2). На нижнеднепровских городищах группа лепной посуды примерно равна проценту привозной античной керамики. Ни на одном черняховском поселении количество импортной причерноморской посуды (прежде всего амфорной тары) никогда не достигает такой величины. В составе импорта также прослеживаются определенные различия. Так, по данным М. И. Вязьмитиной, в Золотой Балке, например, преобладали амфоры с двуствольными ручками и заостренными донцами типа косских или подражающих им. В то же время о сосуществовании этих городищ в течение какого-то периода с черняховскими поселениями говорят находки узкогорлых амфор с рифлеными стенками II—III вв. н. э. и, может быть, еще более поздних [32].

Не менее интересно отмеченное в археологической литературе и докладах существование на нижнеднепровских городищах керамики, напоминающей черняховскую гончарную посуду (Б. Лепетиха [33], Гаврилов-

---

[29] А. В. Добровольский. Розкопкі ділянок А і Г та могильника золотобалківського поселения рубежу нашої ери в 1951 и 1952 роках. АП, т. IX, 1960, стр. 151.

[30] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА. № 64, 1958, стр. 204.

[31] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 243 сл.; М. И. Вязьмитина. Лепные керамические изделия рубежа н. э. из Золотой Балки. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР 29 марта 1957 г.

[32] М. І. Вязьмітіна. Поселення біля с. Золота Балка. Археологія, т. XI, 1957, стр. 121; Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 217—218.

[33] Б. Н. Граков. О работе скифской степной экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 134.

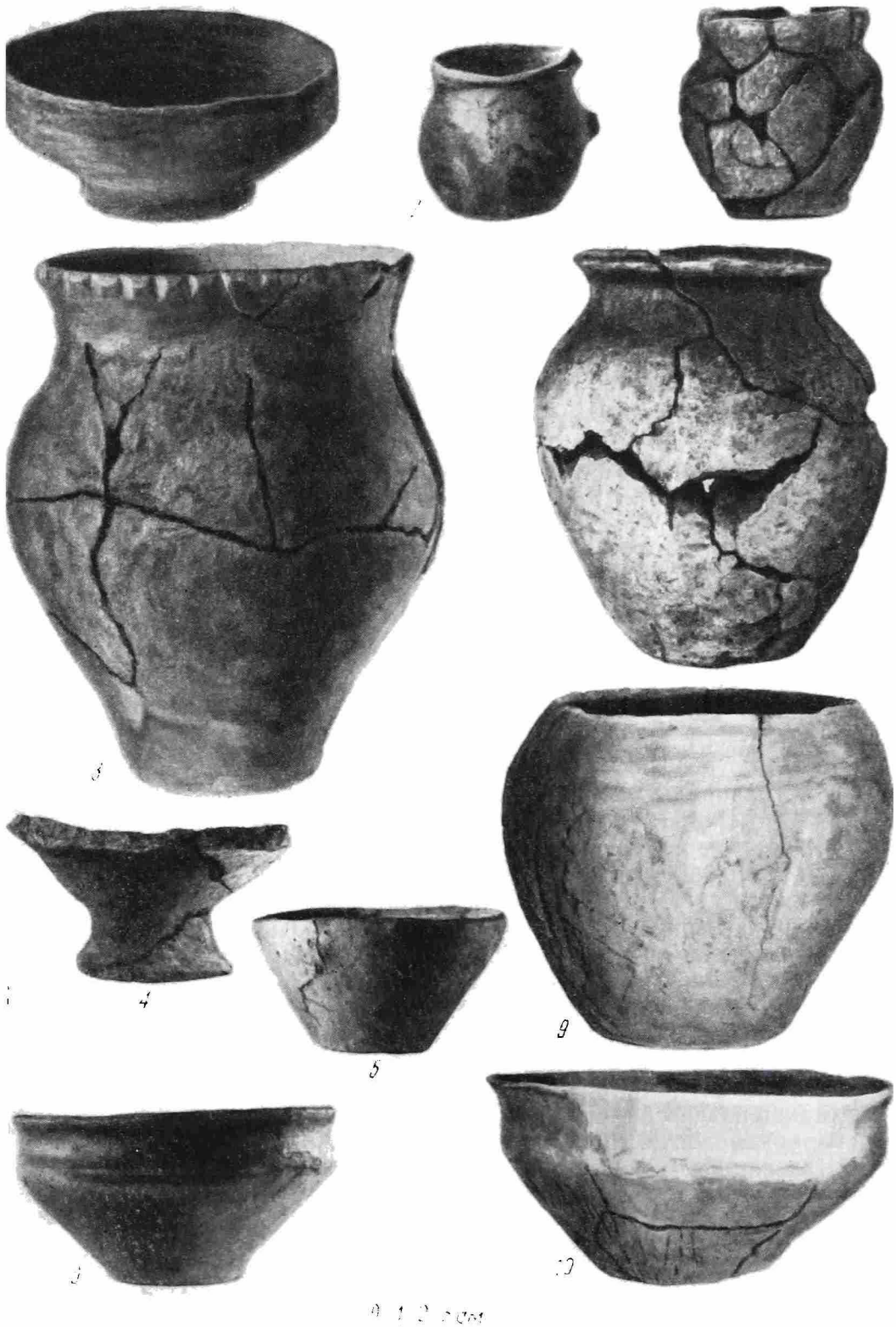


Рис. 2. Типичные формы лепной посуды позднескифских памятников и черняховской культуры с нижнеднепровских памятников

1—6 — сосуды нижнеднепровских городищ и могильников; *7—10* — сосуды из могильника у овчарни совхоза «Приднепровского»

ка[34], Берислав[35] и др.). Как известно, некоторые исследователи относили к памятникам черняховской культуры поселения в Причерноморье и на Ингульце только на основании находок на них серой лощеной гончарной керамики[36].

Между тем производить сравнение гончарной сероглиняной лощеной и нелощеной посуды городищ Нижнего Днепра и культуры полей погребений черняховского типа вряд ли целесообразно. На нижнеднепровских городищах подобная посуда встречается единицами и несомненно является привозной керамикой, чуждой основным формам местной посуды. По мнению Н. Н. Погребовой, появление ее объясняется связями с Ольвией[37]. Действительно, сероглиняная лощеная посуда известна в Ольвии и на ее периферии с эллинистической эпохи. Поэтому, хотя не исключен завоз отдельных образцов подобной посуды с соседних поселений черняховской культуры, однако некоторые формы гончарной лощеной посуды на городищах, и в особенности типы встреченной здесь орнаментации (например, многорядный зигзаг с циркульными кружками на углах), сближают эту посуду с керамикой сарматского происхождения[38]. Такого рода гончарная сероглиняная керамика достаточно хорошо известна по сарматским памятникам Прикубанья и севернопричерноморским поселениям с каменными постройками римского времени. При этом само собой разумеется, чем поселения ближе к гончарным центрам причерноморских городов, тем большее количество на них находок гончарной сероглиняной керамики, иногда очень напоминающей черняховскую посуду (Киселево — около 30%, Капустино, Петуховка и др.). Одновременно наблюдается почти полное отсутствие этой же керамики на нижнеднепровских городищах, территориально близких поселениям черняховского типа. Такое несходство состава керамического комплекса лишний раз подчеркивает невозможность усмотреть генетическую преемственность позднескифских и раннечерняховских памятников. В керамике черняховских полей погребений уже с раннего времени значительный процент составляет гончарная керамика. Например, на Нижнем Днепре при раскопках поселения II—III вв. н. э. у с. Грушевка под Никополем оказалось около 35% всей керамики, сделанной на гончарном круге[39]. На Среднем Днепре на раннечерняховском поселении Ломоватое I гончарная керамика составляет около 47% всей посуды. В погребальных комплексах раннечерняховского времени — еще больший процент посуды, изготовленной на круге. Так, к примеру, в Каменском могильнике II—III вв. н. э. найдены 33 гончарных урны и сосуда, сопровождающих погребения и составляющих не менее 73% всей керамики из могил. Позже, в эпоху расцвета черняховской культуры в III—IV вв. н. э., гончарная посуда решительно преобладает над лепной.

Следует подчеркнуть, что исследователи, говоря о преемственности памятников позднескифских и культуры полей погребений, обычно имеют в виду зарубинецкую группу памятников Украины, в частности Киевщины и Каневщины (Корчеватое, Пилипенкова Гора и др.). Действительно,

---

[34] К. А. Бреде. Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 35; Н. Н. Погребова. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 67; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища..., стр. 222—223.

[35] Е. В. Махно. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 40—42.

[36] Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 58; К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 275.

[37] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища..., стр. 222—223.

[38] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 219, рис. 47, *11*.

[39] В подсчеты не включены обломки импортных сосудов, которые на раннечерняховских памятниках составляют иногда 8—10% всей керамики.

в керамике этих памятников отмечено много скифских черт [40]. Однако основываясь на этом сходстве, вряд ли кто в настоящее время будет говорить о прямой генетической связи скифской и зарубинецкой культуры. Так, Ю. В. Кухаренко находит правдоподобное объяснение этим заимствованиям, рисуя картину расселения зарубинецких племен на скифских землях. Почему же то же сходство отдельных керамических форм посуды памятников черняховского типа со скифскими сосудами (кстати, сходство гораздо меньшее, чем в зарубинецкой культуре) представляется тому же Ю. В. Кухаренко одним из основных признаков, доказывающих создание черняховской культуры потомками скифов?

Такой же вопрос может быть задан, если перейти к рассмотрению третьего, последнего, признака, будто бы подтверждающего скифскую принадлежность черняховской культуры, т. е. обряда погребения.

Вопроса о существовании и развитии на территории СССР обряда погребения с трупоположением и с трупосожжением археологи касались неоднократно. На украинских землях оба эти способа погребения известны с древнейших времен. Так, обычай сожжения трупов существовал уже в эпоху бронзы (Софиевка, Червонный хутор и др.) и не прекращался полностью и в скифское время. Эти наблюдения исследователей приводят к важному выводу о том, что нет необходимости считать появление одного из этих обрядов результатом прихода новой этно-культурной группы. Биритуализм в римское время был широко распространен на обширных пространствах Европы, вне зависимости от этнических племенных границ. Поэтому вряд ли будет верным считать присущими и для древнейших славян исключительно только сожжения или трупоположения вне зависимости от территории и времени [41]. Характерно, что в период, предшествующий всенивелирующему влиянию христианства, одни арабские источники рассказывают о сожжении славянами своих покойников (Ибн-Фадлан, Масуди, ал-Истахри, Ибн-Хаукаль и др.), в то время как другие восточные авторы отмечают обычай трупоположения (Ибн-Русте, Персидский Аноним и др.).

Конкретному рассмотрению обряда погребения скифов и культуры полей погребений на территории Киевской области посвящена работа П. Д. Либерова [42]. Большинство наблюдений, констатирующих некоторые черты сходства двух разновременных групп памятников, остаются справедливыми и в свете новых исследований. Однако прослеживая общие черты для скифских памятников с последующими, П. Д. Либеров, во-первых, не разделяет при сравнении особенности зарубинецких и черняховских памятников, во-вторых, недостаточно подчеркивает, что процент сходных по обряду погребений с сожжением в скифское время необычайно мал (до 15% в курганных группах Киевщины) и не идет ни в какое сравнение с распространением этого обряда в зарубинецкой и черняховской культурах, в-третьих, специфические особенности обряда погребения и культуры зарубинецких, а затем черняховских племен не могут быть объяснены только с помощью анализа культуры скифского времени той же территории.

Важнее всего, мне кажется, в этих поисках сходства и различий то

---

[40] І. Самойловський. Корчуватський могильник. Археологія, т. І, 1947, стр. 104; Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 97.

[41] П. Н. Третьяков считает типичными для древнейших славян трупосожжения, видимо, основываясь на распространении этого обряда в зарубинецких и пшеворских могильниках (П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 72). К этому мнению примыкает точка зрения Ю. В. Кухаренко (Ю. В. Кухаренко. К вопросу..., стр. 112). В статье А. П. Смирнова (А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 35) справедливо отмечено, что сам факт сожжения еще ничего не говорит об этнической принадлежности, важны его детали.

[42] П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 75—84.

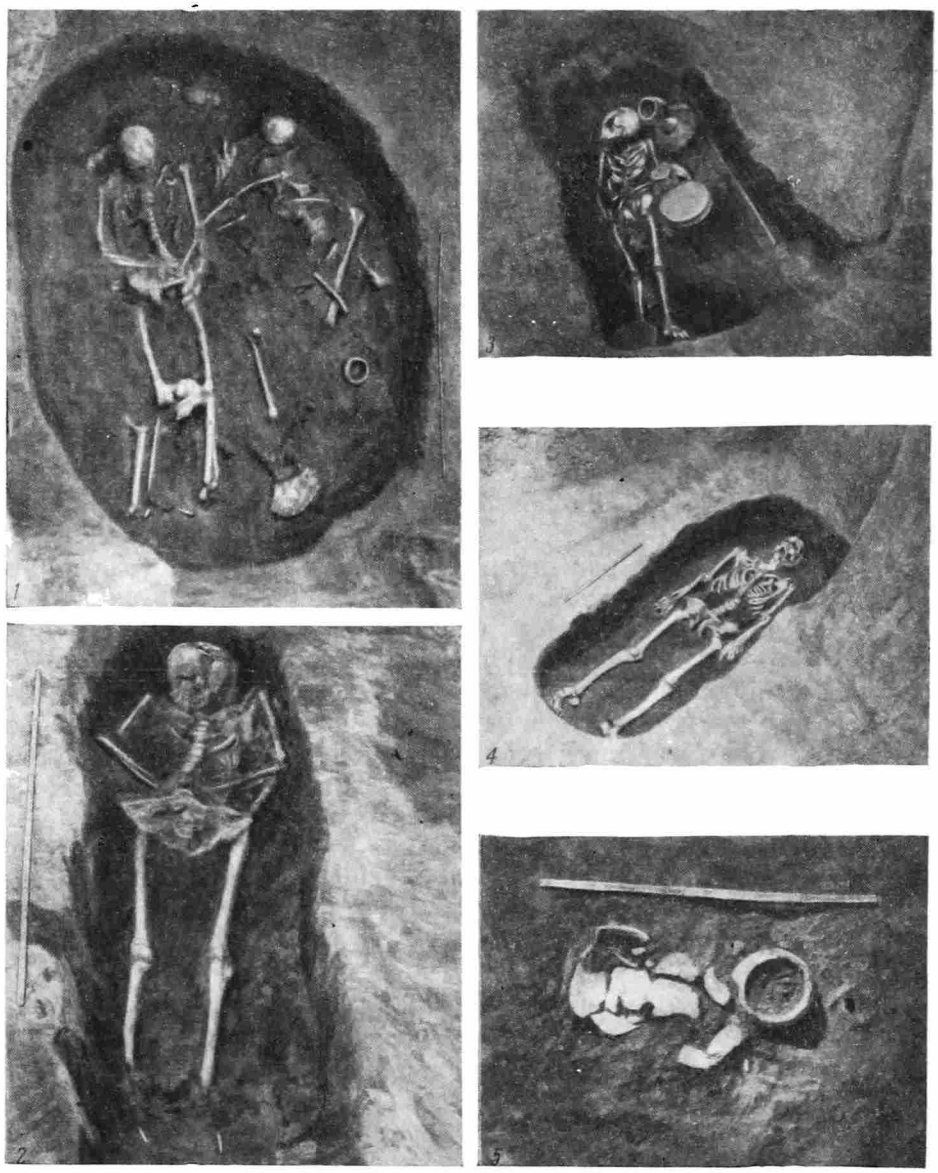


Рис. 3. Характерные могилы позднескифского населения и культуры полей погребений черняховского типа.

1 — Золотобалкинский могильник 1. Камера-склеп (№ 24); *2* — грунтовое погребение (№ 15); могильник у овчарни совхоза Приднепровского; *3* — погребение с северной ориентировкой (№ 12); *4* — погребение с западной ориентировкой (№ 48); *5* — погребение с сожжением в урне (№ 76)

наблюдение, что в эпоху упадка скифской культуры и начала расцвета черняховской, т. е. в первые века нашей эры, путь развития скифского погребального обряда, оказывается, привел к совершенно иным особенностям, чем то же развитие обряда в культуре полей погребений. В позднескифских могильниках Нижнего Днепра и Крыма кремация трупов не прослеживается. На смену курганным могильникам приходят погребения в малых и больших земляных склепах, грунтовые захоронения и, вероятно, в результате влияния сарматов, распространяются подбойные могилы. Вход в склеп закрывает вертикально поставленная каменная плита, а входная яма (дромос) тех и других большей частью бывает забита камнями. Об устойчивости древнейших скифских традиций, судя по особенностям погребений в Восточном участке некрополя Неаполя скифского, говорят некоторые специфические формы лепных сосудов, находки вещей «звериного стиля», бронзовых наконечников стрел VI—IV вв. до н. э. в поздних могилах и пр. (рис. 3).

В то же время в раннечерняховских могильниках II—III вв. н. э., пока, к сожалению, мало изученных, на том же Нижнем Днепре, мы видим явное преобладание погребений с сожжением (Каменка), причем, в отличие от древнескифского сожжения в могильной яме или на горизонте, обязательно на месте погребения [43], сожжение производится на стороне. Изобилуют захоронения в урне и под урной, иногда вместе с вещами и посудой, побывавшей в огне. Уже в это время, во II—III вв. н. э., определенно намечается характерный вещевой погребальный комплекс. Он существенно отличается от находок в могилах поздних скифов. Может быть, в черняховских могилах с трупоположением миска в головах погребенного, кусок мяса и нож возле него, фибула на плече и отдельные вещи (например, сарматские зеркала) иногда и напоминают захоронения поздних скифов, но в целом мы имеем дело с двумя особыми культурными мирами. Спутать их невозможно.

В настоящей статье мы не ставили себе цель объяснить, откуда появились специфические особенности погребального обряда и материальной культуры черняховского населения. Для нас в данном случае важно отметить, что удельный вес скифских особенностей в черняховской культуре настолько невелик, что они не позволяют считать последнюю культурой скифского населения.

В то же время в археологической и этнографической литературе, начиная с В. А. Городцова, отмечалось наличие в русской культуре многих специфических черт, восходящих к скифской и сарматской культурам [44]. Эти наблюдения подкреплены исследованиями Л. А. Динцеса [45], Б. А. Рыбакова [46] и П. Н. Шульца [47]. Особенности культуры, прослеживаемые сперва в зарубинецких памятниках, а затем продолжающие жить в черняховской культуре, позже по традиции укореняются в культуре Руси. Одним из посредствующих звеньев в этой передаче были черняховские племена [48]. Восприятие элементов высокоразвитых культур скифского времени юга СССР подразумевает в свою очередь определенную степень развития производительных сил у общества, подвергшегося влиянию. Памятники культуры полей погребений свидетельствуют именно о таком подъеме производительных сил. Высокий уровень экономического, социального и культурного развития общества в южнорусской лесостепи и степи в первые века нашей эры является фактом и не может служить доказательством для обоснования скифской принадлежности племен, оставивших памятники черняховской культуры.

[43] П. Д. Либеров. Хронология памятников..., стр. 155.

[44] В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 7 сл.

[45] Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.— Л., 1936.

[46] Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1.

[47] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 89 сл.

[48] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 42—43.

Ю. А. РАПОПОРТ

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ НА БАРТЫМСКОМ БЛЮДЕ, НАЙДЕННОМ В 1951 г.

Среди серебряных сосудов, найденных на протяжении ряда лет у дер. Бартым в Березовском районе Пермской области, очень интересно блюдо, обнаруженное в 1951 г. и хранящееся в Государственном Историческом музее[1] (рис. 1). Исчерпывающее описание предмета дано О. Н. Бадером и А. П. Смирновым, которые датируют его VI в. н. э. Указав на трудность определения места изготовления блюда, авторы публикации приводят соображения в пользу его среднеазиатского происхождения.

Некоторые новые находки Хорезмской экспедиции, возглавляемой С. П. Толстовым, подтверждают, как нам кажется, последнее предположение и в то же время позволяют предложить известные дополнения к истолкованию изображения Бартымского блюда.

Центром композиции является ларец прямоугольных очертаний с пирамидальной крышкой, увенчанной шаром или диском, охваченным снизу полумесяцем. Формой и деталями орнаментации этот предмет напоминает некоторые оссуарии, использование которых с середины I тысячелетия н. э. становится характерной особенностью погребального обряда Средней Азии. Известно изображение астодана на знаменитом Аниковском блюде[2]. Можно полагать, таким образом, что оссуарием является и ларец на Бартымском блюде. Для доказательства нобходимо объяснить ряд деталей композиции.

Ларец поддерживают фигуры двух стоящих львов. Есть сведения, что останки иранских царей (а на серебряном блюде изображен, вероятно, оссуарий царя) помещались на драгоценных престолах[3]. Не на троне ли установлен ковчежец рассматриваемого изображения? К тому времени, которым датирована бартымская находка, относятся свидетельства китайских источников о широком распространении в Средней Азии и соседних областях тронов в виде фигур животных, в частности львов[4]. Изображения подобных престолов известны в росписях Варахши и Пенджи-

---

[1] О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (к последним находкам). Сборник Пермского областного музея «На Западном Урале», Пермь, 1952, стр. 190—192, рис. 4; О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М., 1954, стр. 15—17, рис. 6.

[2] А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. Журн. «Искусство», 1939, № 2, ст. 11; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 205.

[3] Ср., например, свидетельство Аристобула о гробнице Кира (Арриан, VI, 29; Страбон, XV, 3, 7), описание погребения Феридуна в Шахнаме (Фирдоуси. Шахнаме, т. I, М., 1957, стр. 151).

[4] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950, стр. 256, 261, 272, 274—276, 282, 284, 285, 287; E. Shavannes. Voyage de Song Jun dans L'Udyana et le Gandhara. Bulletin d'Ecole Française d'Extrême Orient. Paris, 1903, т. III, стр. 405.

Рис. 1. Блюдо, найденное у дер. Бартым в 1951 г.

кента[5], часто встречаются на сосудах из драгоценных металлов[6]. Видимо, на Бартымском блюде изображен трон, у которого фигуры львов, служившие ножками, были обращены мордами вперед, подобно крылатым коням престола Хосрова I Ануширвана на блюде, хранящемся в Гос. Эрмитаже[7]. Отметим, что такой же трон на блюде из коллекции Национальной библиотеки в Париже передан условно, с фигурами, как и на Бартымском блюде, развернутыми в стороны (рис. 2,*2*)[8]. На рассматриваемом изделии изображение престола крайне схематично. Возможно, это объясняется тем, что, как справедливо отмечают авторы публикации, блюдо является грубой ремесленной копией, при изготовлении которой могли быть утрачены некоторые детали оригинала. Однако и на более совершенных изделиях престолы нередко переданы весьма упрощенно. Таково, например, изображение тахта Ормузда[9] или Митры[10] на блюде со сценой инвеституры из Британского музея (рис. 2,*1*). Совершенно отделены от квадратного, переданного в плане сидения, львы на блюде с пирующим царем[11], которое М. М. Дьяконов считает согдийским[12]

---

[5] В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 110, рис. 5; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 116, табл. XXVII.

[6] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVI, № 39; табл. XXIV, №№ 51, 52; табл. XXXV, № 64; И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 13, 18; К. В. Тревер. Новое «сасанидское» блюдце Эрмитажа. Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, стр. 257, рис. 1.

[7] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 13.

[8] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XXIV, №№ 51—52.

[9] Там же, табл. XVI, № 39, стр. 7.

[10] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 419.

[11] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XXXV, № 64.

[12] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 139.

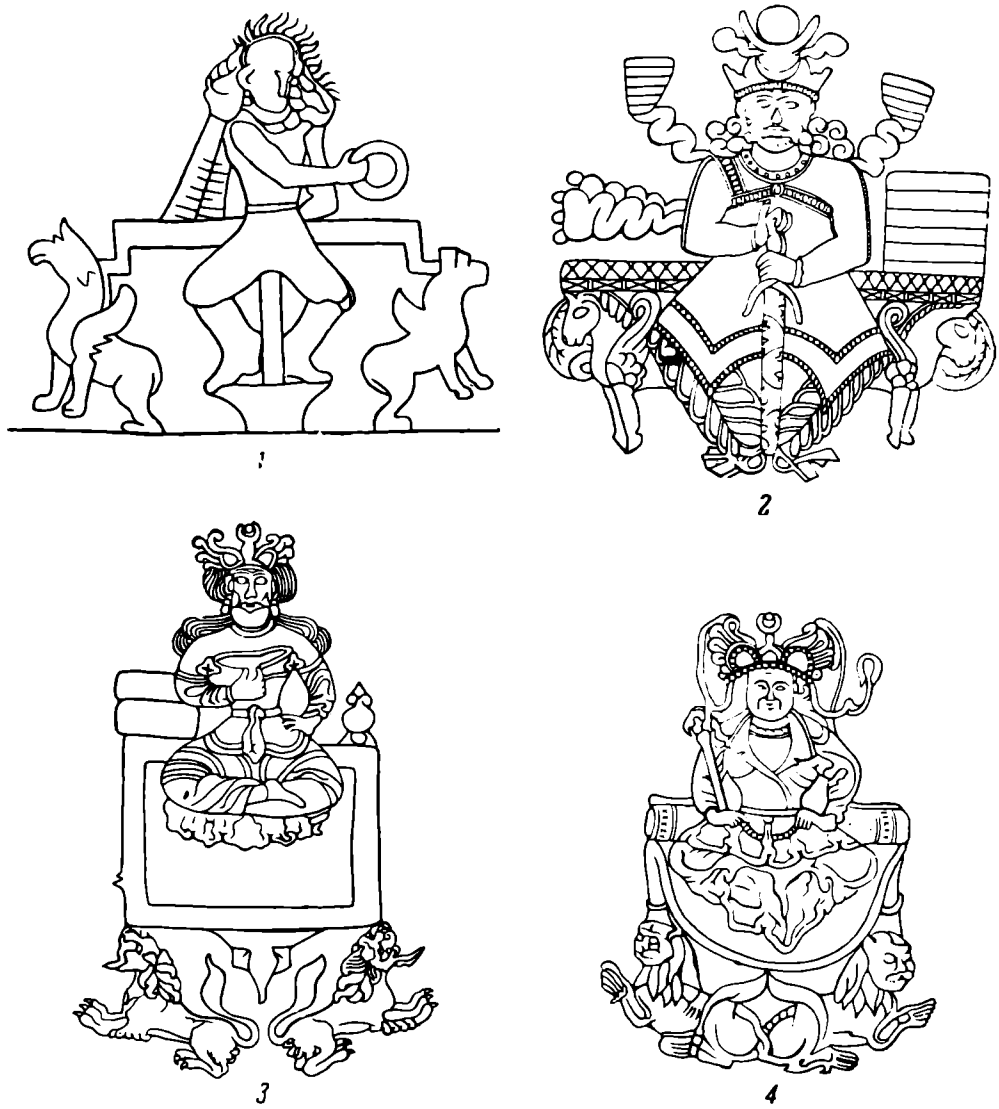


Рис. 2. Изображения тронов на блюдах
1 — Британского музея; *2* — Национальной библиотеки в Париже; *3—4* — Гос. Эрмитажа

(рис. 2,*3*). Однако поступившее в 1951 г. в Гос. Эрмитаж и опубликованное К. В. Тревер серебряное блюдце [13] не оставляет сомнения в том, что и на упомянутом выше блюде львы изображают ножки трона [14] (рис. 2,*4*).

Особенно большое значение для понимания рассматриваемого сюжета имеют свидетельства китайских хроник «Бейши» [15] и «Суйшу» об обряде, практиковавшемся в государстве Ши (Ташкентский оазис). «По юго-восточную сторону дворца есть здание, посреди которого престол поставлен. В 6-е число первой луны и в 15-е число седьмой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля; потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляет жерт-

[13] К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 257, рис. 1.
[14] Как это было замечено в свое время Н. И. Веселовским, см. Н. И. Веселовский. Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры (1163 по Р. Х.). МАР, № 33, СПб., 1910, стр. 17.
[15] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 272—273.

зенное. По окончании обряда владетель с супругою отходит в особливую ставку. Вельможи и прочие по порядку садятся, и по окончании стола расходятся»[16].

Таким образом, документально засвидетельствовано существование в Средней Азии обряда, центральным моментом которого являлось поклонение останкам правителей, установленным на престоле. То обстоятельство, что ритуал совершался дважды, весной и осенью, сопровождаясь подношением цветов и плодов, видимо, говорит о его связи с древними земледельческими культами. Возможно, водружение урны на троне должно было символизировать воскрешение умерших, как бы воцарение обожествленных предков в тот период, когда для земледельческого оазиса покровительство их казалось особенно необходимым. Из приведенного отрывка возможно заключить, что еще до окончания обряда правитель покидал столицу, и ритуальная трапеза проходила без него. Это также могло символизировать передачу власти его обожествленным предшественникам. Если эти предположения правильны, то будет понятно стремление запечатлеть этот весьма важный и регулярно повторявшийся обряд.

Заметим, что на Бартымском блюде отсутствуют какие-либо второстепенные детали засвидетельствованной церемонии, однако вполне возможно существование композиций, включавших также фигуры вельмож с цветами и плодами, музыкантов и т. д. Подобные изображения оказались бы чрезвычайно близкими к традиционным для «сасанидского серебра» сценам с пирующим царем в центре. Если же допустить, что на тронах иногда устанавливались статуарные оссуарии (вероятность этого мы постараемся подтвердить ниже), то сходство было бы почти полным.

Естественно, предлагаемая трактовка композиции Бартымского блюда не является единственно возможной. Не исключено, что на ней запечатлен эпизод погребальной церемонии[17], допустимо также предположение, что, как и на Аниковском блюде, представлена сцена из эпоса.

Приведенные свидетельства китайских источников о государстве Ши сообщают, как мы видели, что предметом поклонения служила устанавливаемая на троне урна. Однако весьма вероятно, что сходный обряд существовал и в других районах Средней Азии, причем урну могли заменять оссуарии. Трудно поэтому сказать с уверенностью урна или астодан изображается на Бартымском блюде. Можно полагать, что и в интересующее нас время по форме они были близки друг другу, подобно тому как весьма схожими были во второй половине I тысячелетия до н. э. хорезмийские погребальные сосуды, содержавшие пережженные кости, и статуарные оссуарии. Такое сходство кажется вполне объяснимым. Изучение археологических материалов позволило предположить, что оссуарный обряд возник в результате слияния восточноиранского обычая «выставления» трупов (не сопровождавшегося первоначально захоронением костей в оссуариях) и трупосожжения[18]. При этом урны превратились в астоданы, форма которых некоторое время оставалась прежней.

---

[16] Там же, стр. 282.

[17] Косвенное подтверждение такого истолкования можно видеть в сообщении Аммиана Марцеллина (XIX, 1—2) о похоронах хионитского царевича (Аммиан Марцеллин. История, вып. I, Киев, 1906, стр. 249). Заметим, что некоторые исследователи считают связанными с эфталитской средой два блюда, наиболее близкие к рассматриваемому предмету: блюдо № 64 атласа Я. И. Смирнова (ср. R. Ghirshman. Notes Iraniennes V, Scènes de banquet sur l'argenterie sassanide. Artibus Asiae, т. XV, № 1/2, 1953, стр. 59—60) и блюдце, поступившее в 1951 в Гос. Эрмитаж (ср. К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 263).

[18] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 122; Ю. А. Рапопорт. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 62; его же. Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

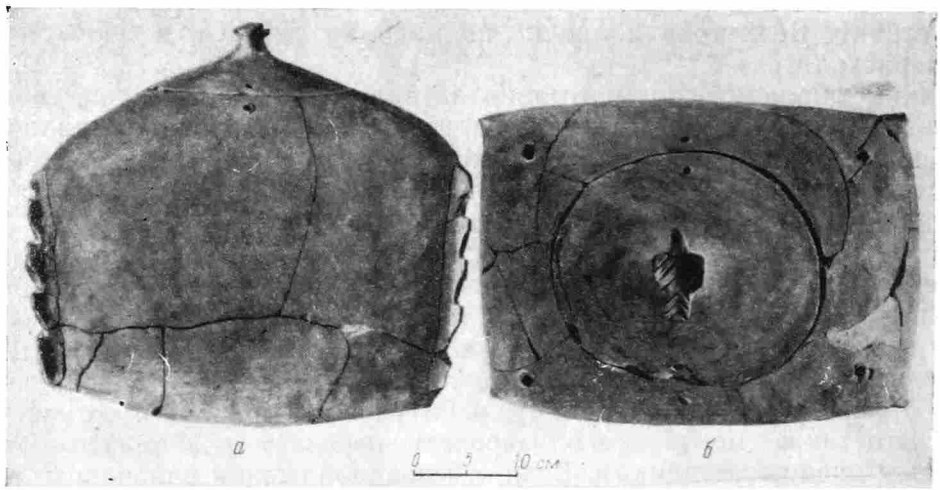


Рис. Оссуарий, найденный на городище Калалы-Гыр I
а—вид спереди, *б*—вид сверху

Таким образом, археологические данные подтвердили мнение ряда ученых, что зороастрийскому погребальному обряду на каком-то этапе предшествовала кремация,— мнение, основывавшееся на лингвистическом анализе терминов Видевдата (daxma, uzdāna), связанных с погребальным ритуалом [19].

Вернемся к рассмотрению изображения Бартымского блюда. По углам ларца у места стыка с крышкой расположены с некоторым наклоном наружу два стрежня со сферическими утолщениями у основания; между верхними концами стержней по дуге, соответствующей окружности центрального медальона, тянется ряд треугольных фестонов. Эти, казалось бы малопонятные, детали находят объяснение при изучении некоторых хорезмийских астоданов.

Один из них был обнаружен в слое оссуарного некрополя II—IV вв. н. э. при раскопках дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1953 г.[20]. Он имеет в плане прямоугольные очертания (40×30 *см*), стенки, достигающие 25 *см* в высоту, переходят в четырехскатную, слегка округленную крышку. Верхняя часть последней, увенчанная фигуркой голубя, срезана еще до обжига (рис. 3,*а*). Общая высота предмета — около 45 *см*. По ребрам ящика расположены вертикальные налепы с глубокими треугольными вырезами. Две пары отверстий на ящике и на съемной крышке служили для привязывания последней. Кроме того, на ящике по углам, несколько выше перегиба сделано еще четыре круглых отверстия (рис. 3,*б*). По форме и расположению они мало напоминают обычные, главным образом для согдийских астоданов, прорези, которые, как полагают, должны были служить для доступа света к костям [21]. Возникает предположение, что в угловые отверстия вставлялись какие-то стержни. Для того чтобы не провалиться внутрь оссуария, они должны были иметь утолщения, подобные тем, которые мы видим на Бартымском блюде.

---

[19] W. Geiger. Ostiranische Kultur in Altertum. Erlangen, 1882, стр. 268; E. Benveniste. The Persian Religion (Ratanbai Katrak Lectures). Paris, 1929, стр. 32: H. Nyberg. Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938, стр. 322; E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 38; его же. Iran in the Ancient East, стр. 216; его же. Zoroaster and his World, т. II, Princeton, 1947, стр. 748—749.

[20] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 153—167.

[21] Ср. Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, МИА, № 37, 1953, стр. 90.

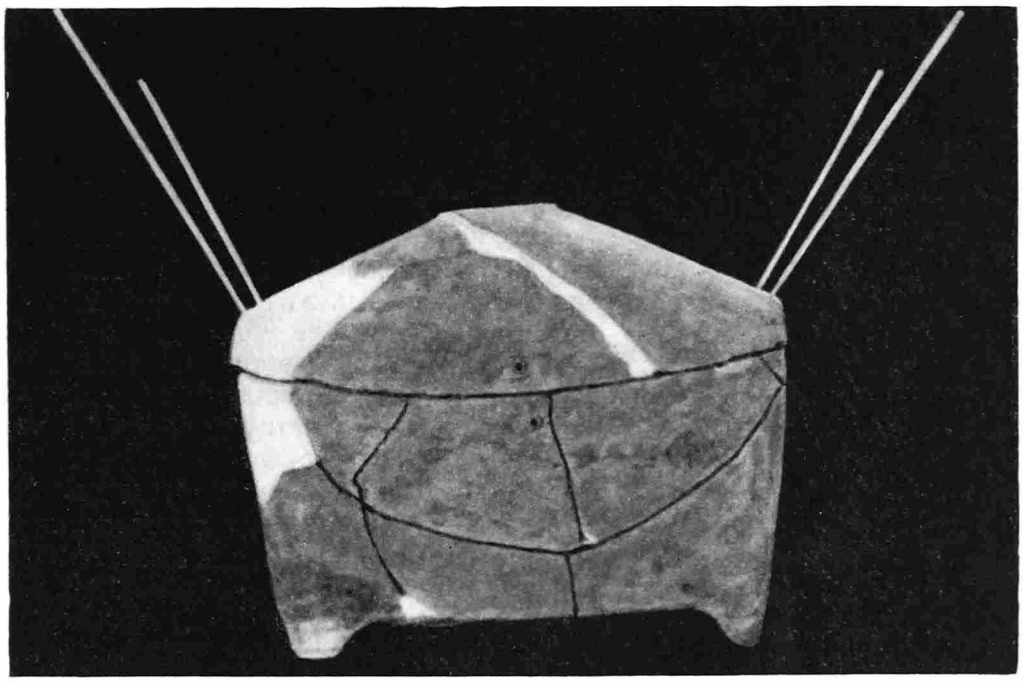


Рис. 4. Оссуарий, найденный в замке № 36 Беркуткалинского оазиса

Несколько иную систему крепления стержней можно наблюдать на оссуарии из замка № 36, раскопанного С. П. Толстовым в 1939 г. и датируемого VIII в. н. э.[22]. Это прямоугольный керамический ящик (50×× 20 *см*, при высоте около 30 *см*) с четырехскатной, уплощенной сверху крышкой (высота ее около 20 *см*). По углам массивной крышки сделано четыре глубоких (до 4 *см*), но не сквозных, вдавления, диаметр которых около 1 *см*. Вставляемые в углубления палочки [23] держатся очень прочно и дают наклон наружу, как и стержни рассматриваемого блюда (рис. 4). Рисунок последнего не оставляет сомнения в том, что на стержнях был натянут небольшой балдахин, изображаемый дужкой из треугольных фестонов [24]. Естественно думать, что ткань фактически располагалась горизонтально; наличие изгиба объясняется тем, что композиция тесно вписана в круг [25].

О. В. Обельченко опубликован оссуарий, найденный в районе Кую-Мазарского водохранилища, который, видимо, также нес балдахин [26]. Полые внутри конусовидные налепы на его стенках служили скорее всего именно для укрепления стержней, а не священных растений или идольчиков.

Таким образом, хронологические и территориальные границы для рассматриваемого варианта оссуариев оказываются довольно широкими. Чем же может быть объяснено его появление? В росписях Варахши [27] и

---

[22] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 145—150.

[23] Стержни могли быть деревянными. Заметим, что керамические астоданы нередко дополнялись деталями из других материалов. Так, очевидно, металлическими были серьги, вставлявшиеся в проколы, как правило, имеющиеся в ушах статуарных оссуариев.

[24] Это было правильно отмечено при первой публикации. Ср. О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 192.

[25] Ср. изображения на некоторых кушано-сасанидских монетах, см. E. Herzfeld. Kushano-Sasanian Coins. Memoirs of the Archaeological Survey of India, N 38, Calkutta, 1930, стр. 41, рис. 21, №№ 3 в, с, d.

[26] О. В. Обельченко. Захоронения костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса. История материальной культуры Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 103—104.

[27] В. А. Шишкин. Варахша, стр. 112.

Пенджикента [28] встречены изображения балдахинов, натянутых над царскими престолами и тахтами вельмож. Близкую конструкцию представляет собой матерчатый купол на известной сцене оплакивания из Пенджикента [29]. Для того чтобы понять, почему деталь, характерная для трона, начинает устанавливаться на оссуариях, следует вернуться к соответствующему хорезмийскому материалу.

На урнах-статуях, еще сохраняющих известное сходство с обычными керамическими сосудами, встречены налепы, передающие ножки трона. Так, мужская фигура урны IV—III вв. до н. э., найденной близ Кой-Крылган-Кала [30] изображена сидящей на кресле типа «sella curulis» (рис. 5; затылочная и теменная часть головы реконструирована условно). Среди статуарных оссуариев позднекангюйского времени (II в. до н. э.—I в. н. э.) также имеются экземпляры, на ящиках которых переданы сходные детали. Таков, например, фрагмент от астодана в виде женской статуи, найденный в оссуарном могильнике на одном из отрогов хребта Султан-Уиз-даг (рис. 6).

Рис. 5. Урна-статуя, найденная близ городища Кой-Крылган-Кала

Наиболее распространенный вариант статуарных оссуариев обычно имеет гладкое основание, однако несомненно, что оно рассматривалось как сидение для изображенной в традиционно-торжественной позе женской фигуры (рис. 7) [31]. Можно думать, что с того времени, когда реально существовавшие в Средней Азии престолы начали снабжаться балдахинами, последние были добавлены и к определенным типам астоданов.

Изучение хорезмийских статуарных оссуариев привело к предположению, что они изображали умерших в виде местных хтонических божеств, прежде всего в образе Анахиты и Сиявуша [32]. Помимо ряда иконографических моментов, это мнение основывается на том, что сходная традиция была широко распространена в Средиземноморье и на Боспоре [33]. Если это заключение правильно, оно хорошо объясняет, почему на многих оссуариях (оссуариях, конечно, не царских) мы встречаем изображения престолов.

Теперь необходимо объяснить появление под балдахином фигурки голубя. Рассмотрим, как шло развитие в том ряду, к которому принадле

---

[28] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 119, табл. XXXVI—XXXVIII.
[29] Там же, стр. 111, табл. XIX—XX.
[30] Ю. А. Рапопорт. Ук. соч., стр. 2—3.
[31] Ср. изображения Ардвисуры-Анахиты на ахеменидских печатях, см. SPA, т. IV, London—New York, 1938, табл. 124; L. I. Ringbom. Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita. Abo, 1957, стр. 6—7, рис. 1.
[32] Ю. А. Рапопорт. Ук. соч., стр. 6—7.
[33] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 59, 179.

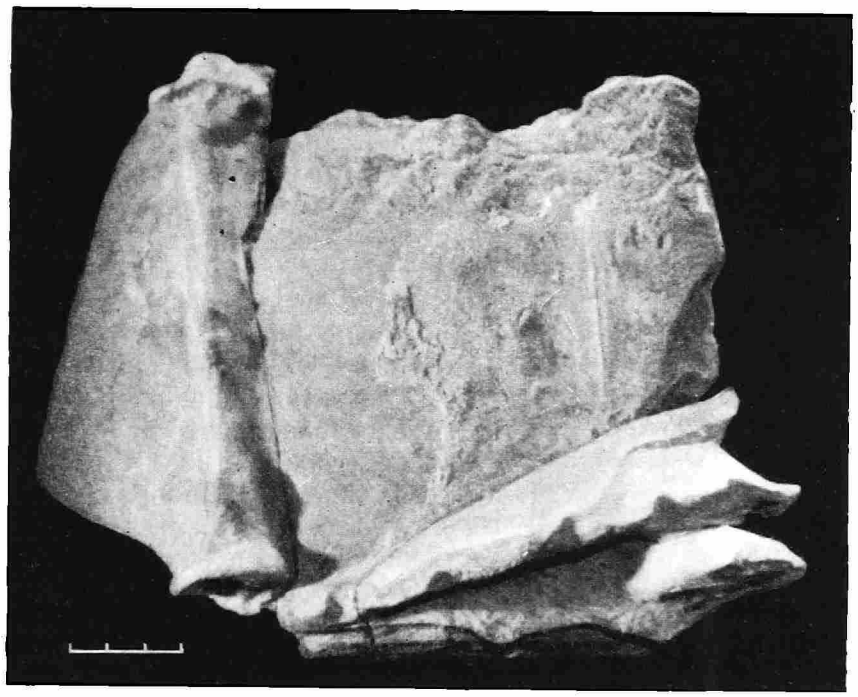


Рис. 6. Фрагмент статуарного оссуария, найденный в горах Султан-Уиз-даг

жит интересующий нас астодан [34]. Наиболее древние из известных в Хорезме погребальных сосудов относятся к IV—III вв. до н. э. Это урны, отчетливо сохраняющие формы бытовых сосудов, причем сосудов VI—V вв. до н. э. Детали фигуры и одежды переданы налепами и прочерченными линиями; лучше моделирована голова, которая вместе с верхней частью корпуса является как бы крышкой урны (рис. 8, *а*).

Во II в. до н. э.— I в. н. э. статуарные оссуарии приобретают форму женской фигуры, сидящей в кресле (еще округлом в плане) или на гладком основании — ящике. Почти вся фигура делается съемной (рис. 8, *б, в*).

Затем следует сильно упрощенный вариант с голубем на крышке и налепами по углам, лишь отдаленно напоминающими ножки трона предшествующих статуй (рис. 8, *г*). Эволюция завершается устойчивой формой афригидских оссуариев VII—VIII вв. н. э., у которых лишь общие очертания и наличие балдахина у некоторых экземпляров напоминают о связи с исходной статуарной формой [35] (рис. 8, *д*). В приведенной схеме переход от оссуариев с женской статуей к варианту с фигуркой птицы является очень резким. Можно думать,что в Хорезме будут обнаружены переходные формы, где тенденция к упрощению находит выражение в крайней схематизации человеческих фигур [36] и голов [37]. Однако отнесение астоданов с фигуркой голубя к тому же эволюционному ряду кажется

[34] Этот эволюционный ряд выглядит несколько фрагментарным, но не следует забывать, что до 1950 г. статуарные оссуарии не были известны. Заметим также, что весьма вероятно сосуществование некоторых вариантов, например, астоданов с женской статуей и с фигуркой птицы. Мы не приводим здесь хорезмийские оссуарии с мужскими изображениями, эволюция которых шла примерно тем же путем.

[35] Представляется возможным, что на верхнюю, всегда уплощенную площадку таких оссуариев иногда клали или ставили изготовленную отдельную статуэтку. В пользу этого свидетельствует углубление в центре крышки оссуария из замка № 36.

[36] Ср. статуэтку обнаженной женщины на оссуарии из Пенджикента (МИА, № 37, табл. XI, 3), которую Б. Я. Ставиский считает изображением богини круга Анахиты (см. Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда Сообщения республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР, вып. 1, 1952, стр. 52).

[37] Встречены главным образом мужские изображения. Ср. довольно крупную голову на крышке оссуария, найденной в 1886 г. (см. Н. И. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1907, стр. 0178, табл. VI, рис. 2, *а—б*); характерна

возможным не только из-за внешнего сходства с оссуариями такого типа, но и по причине вероятной близости смыслового значения некоторых изображений.

Парящую птицу на крышках считают символом отлетающей души умершего [38]. Подобный образ отчетливо зафиксирован у горных таджиков [39]. В то же время следует сказать, что голуби и павлины [40] были посвящены Анахите и постоянно сопровождают ее изображения [41]. Известно, что животные — спутники божеств рассматриваются как их зооморфные прообразы, возникшие еще на стадии тотемистических культов [42]. Этнографические материалы свидетельствуют о широком распространении представления, что душа умершего воплощается в животное — тотем [43]. Нередко гроб украшали изображением последнего [44]. Таким образом, можно полагать, что изображение покойного в образе Анахиты могло заменяться ее символом — птицей. Такая подмена могла казаться тем более естественной, что она, видимо, опиралась на очень давнюю традицию индоиранских племен, для которых была характерна вера в перевоплощение мертвых в растения, зверей и человекоподобные существа [45]. Вероятно, такого рода воплощение символизирует роспись на урне (kumbha) и верхнего слоя могильника «Н» Хараппы, изображающая фигуру павлина, внутри которой простерт умерший человек [46]. В этом случае павлин является спутником-тотемом богини-матери Сарасвати, олицетворяющей также воды реки, т. е. весьма близкой Ардвисуре-Анахите.

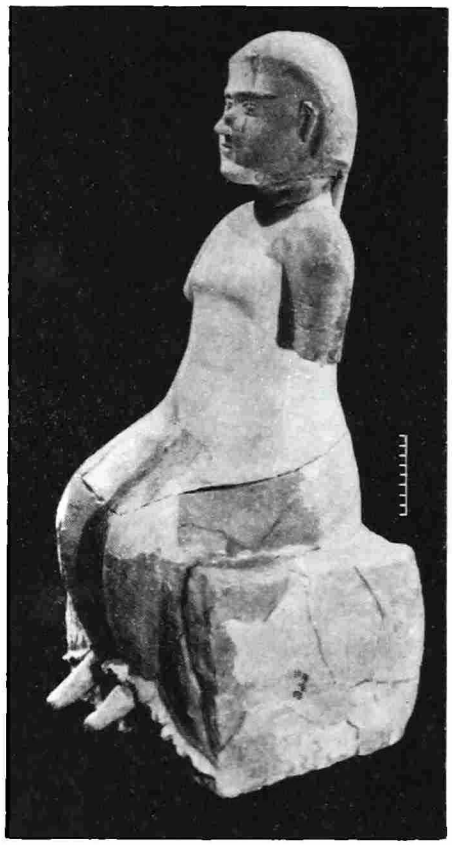


Рис. 7. Статуарный оссуарий. Кой-Крылган-Кала

Нам остается рассмотреть еще одну деталь оссуария Бартымского блюда — изображение на крышке. О. Н. Бадер и и А. П. Смирнов отмечают его близость

серия из г. Джамбула. Ср. Л. И. Рempель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 103—107. Известны также отдельные экземпляры с женскими головками. Ср. Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XII, 1946, ст. 101; С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). Тр. ИИАЭ, АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 175, табл. 14, рис. 2, стр. 193.

[38] К. А. Иностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВОРАО, т. XXIV, Птрг., 1917, стр. 138.

[39] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 96.

[40] Изображение павлина на оссуарии также известно. Ср. Г. В. Григорьев. Туступи (к истории народного узора Востока). «Искусство», 1937, № 1, стр. 134—135.

[41] L. I. Ringbom. Ук. соч., стр. 6, 15, 17; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 322.

[42] Г. В. Плеханов. О религии. Сочинения, т. XVII, М., 1925, стр. 220; ср. А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 41—42.

[43] E. Bendann. Death Customs. An Analitical Study of Burial Rites. London, 1930, стр. 206—207, 220.

[44] B. Spencer and F. Gillen. Across Australia, т. II, London, 1912, стр. 475—476.

[45] Die Religionen der Menschheit. Stuttgart, 1959, стр. 207. Ср. E. Bendann. Ук. соч., стр. 161.

[46] M. S. Vats. Excavations at Harappa, т. II, New-Delhi, 1940, табл. LVII (*в*); D. D. Kosambi. Urvasi and Pururavas. Indian Studies: Past and Present, т. I, № 1; october 1959, стр. 169—170, рис. 9.

к символам, увенчивающим короны ряда сасанидских царей [47]. Действительно, такая эмблема появляется на монетах Ездгерда II (438—457 гг.) и непрерывно чеканится на протяжении почти двухсот лет. Лишь со времени Хормизда V (631—632 гг.) место шара в этой композиции окончательно занимает шестиконечная звезда [48]. Однако шар с полумесяцем под ним характерен не только для сасанидских корон. Мы встречаем его у хорезмийских афригидов, на венцах, изображенных в согдийских росписях, на некоторых серебряных блюдах среднеазиатского происхождения, в том числе и на тех, которые привлечены нами при рассмотрении вопроса о тронах с фигурами львов. Можно думать, что на царском астодане Бартымского блюда, восходящем к статуарным, была изображена важнейшая эмблема корон соответствующей местной династии. Однако дело видимо не только в сохранении каких-то элементов, точнее говоря, теперь символов, статуи умершего.

Известно, что на коронах сасанидских царей воспроизводились символы, характерные для тех или иных божеств и весьма часто связанные с образом Анахиты [49]. Трактовки, предлагаемые для интересующей нас эмблемы, несколько разноречивы. Так, шар считают символизирующим солнце [50], вселенную [51] или небесное происхождение царской фамилии [52]. Полумесяц под шаром рассматривается как символ лунного божества Mâh [53]. Действительно, в египетской иконографии, оказавшей, как известно, большое влияние на Иран [54], диск с полумесяцем под

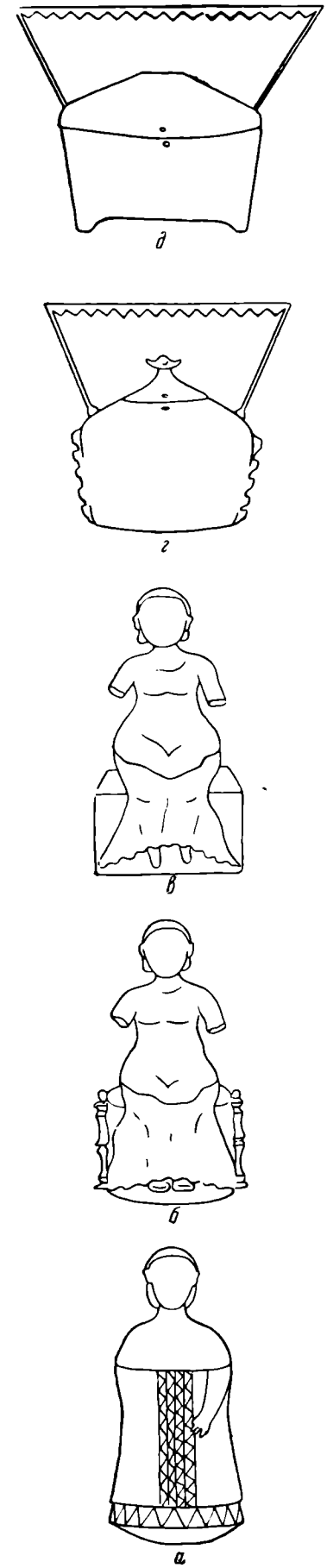


Рис. 8. Схема развития некоторых типов хорезмийских оссуариев

[47] О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 17.

[48] F. Altheim und R. Stiehl. Ein Asiatischer Staat. Wiesbaden, 1954, табл. 7—10.

[49] E. Herzfeld. Ук. соч., стр. 24, 26; R. Göbl. (в указанной выше книге F. Altheim und R. Stiehl) стр. 60; его же. Investitur im sassanidischen Iran und ihre numismatische Bezeugung. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, т. 56, Wien, 1960, стр. 47.

[50] К. В. Тревер. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. Тр. ОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 248.

[51] A. Christensen L'Empire des Sassanides. Kobenhavn. 1907, стр. 89.

[52] E. Herzfeld. Ук. соч., стр. 22.

[53] Там же, стр. 26; K. Erdman. Die Entwicklung der Sasanidischen Krone. Ars Islamica, т. XV—XVI, Ann Arbor, 1951, стр. 88.

[54] R. Ghirshman. Iran. From the Earliest Times to the Islamic conquest. Bungay, Suffolk, 1954, стр. 160.

ним — обычный атрибут лунарных богов. Отметим, что те же элементы характерны для изображений Анахиты[55] и посвященных ей животных[56]. В этой связи большой интерес имеет тот факт, что в Армении и Кавказской Албании Ардвисуре-Анахите соответствовала богиня Луны[57], которую Страбон называет Селеной (XI, 4, 7). Известно также, что образ Анахиты ассоциировался и с другой лунарной богиней — Артемидой[58]. Возникает вопрос, не могут ли шар и полумесяц на Бартымском блюде символизировать великую богиню, изображаемую в росписях[59] и на серебряных сосудах[60] с солнцем и луной в руках. Существует мнение, что богиня эта — Анахита[61]. Таким образом не исключено, что оссуарий Бартымского блюда близок к калалы-гырскому не только внешне, что объясняется общностью исходных форм, но и несет семантически сходные символы.

Подведем некоторые итоги. Предположение О. Н. Бадера и А. П. Смирнова о среднеазиатском происхождении блюда, найденного у дер. Бартым в 1951 г., получает прочное подтверждение, если нам удалось показать, что на нем изображен оссуарий — предмет, характерный только для этой области.

Безоговорочно относить блюдо к какому-либо определенному району Средней Азии в настоящее время было бы преждевременно. Однако к доводам, приводимым авторами публикации в пользу его хорезмийского происхождения, можно добавить тот факт, что оссуарий Бартымского блюда ближе всего к тем, которые пока найдены в Хорезме. Композиция в целом изображает интереснейшую ритуальную сцену, описание которой дано в китайских хрониках. Можно полагать, что сходный обряд совершался во многих государствах Средней Азии и был связан с широко распространенным культом предков[62]. Новые археологические находки позволят проверить предложенную трактовку сцены, изображенной на Бартымском блюде. Но нельзя сомневаться в том, что это весьма интересный памятник культуры Средней Азии и что надпись, имеющаяся на нем, заслуживает серьезного внимания специалистов.

---

[55] SPA, т. IV, табл. 124, 153, 160 B.

[56] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LVI, *90*, табл. CXV, *288*; О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Ук. соч., рис. 7.

[57] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре..., стр. 151, 322.

[58] Ср. E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, стр. 44.

[59] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М. 1959; стр. 21—22, табл. XX—XXII.

[60] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XVIII, №№ 42—44; О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 125—128, рис. 50. Следует подчеркнуть, что это блюдо найдено там же, где и рассматриваемый предмет.

[61] E. Herzfeld. Die Malerein von Samarra. Berlin, 1927, стр. 17; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 200.

[62] Ср. Бируни. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 255, 258.

П. А. РАППОПОРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА X—XIII вв.

История древнерусской архитектуры — молодая наука. Еще в середине прошлого века памятники русской архитектуры вплоть до XVII в. называли «готическими», т. е. рассматривали их как памятники европейского средневековья в целом, совершенно не понимая их специфики, их самостоятельного пути развития.

Трудно даже сравнивать современное состояние изучения истории древнерусской архитектуры с тем, что имело место всего лет 30—40 назад. Основное отличие заключается в совершенно ином методологическом подходе — в понимании развития архитектуры как общественно-исторического явления, которое следует рассматривать вместе со всем развитием культуры древней Руси. Другой важнейшей особенностью является то, что вместо нескольких плохо изученных образцов древнего зодчества в нашем распоряжении имеются сейчас целые большие серии детально исследованных сооружений.

Так, в «Истории русского искусства», изданной в 1909 г.[1], рассматривалось всего около 40 памятников русского зодчества X—XIII вв., в настоящее время их известно около 150 (не считая упомянутых в письменных источниках). Однако из этого числа сохранилось над поверхностью земли менее 60; все остальные обнаружены путем археологических раскопок. Около половины сохранившихся памятников также подверглись в той или иной степени археологическим исследованиям, в результате чего наши представления об их первоначальном виде во многих случаях существенно изменились.

Настоящая статья представляет собой попытку дать очень краткую сводку археологических исследований памятников монументального русского зодчества X—XIII вв., а также перечисление основных проблем, которые возникают в связи с этими исследованиями[2].

Только благодаря раскопкам становится в настоящее время ясной общая картина развития архитектуры Киевской Руси. Особое значение

---

[1] И. Грабарь. История русского искусства, т. I, М., 1909 (главы, посвященные архитектуре X—XIII вв., написаны А. В. Щусевым, В. А. Покровским, И. Э. Грабарем и Г. Г. Павлуцким).

[2] Краткую сводку материалов о раскопках памятников древнерусского зодчества после Великой Октябрьской социалистической революции см. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958, стр. 118—130; см. также «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию». М., 1945, стр. 135—139; Н. Н. Воронин. Воскрешение исчезнувшего мира. Журн. «Культура и жизнь», 1958, № 7, стр. 57—61. Значительное количество вскрытых раскопками памятников архитектуры до настоящего времени не опубликовано. Поэтому в настоящей статье имеются ссылки не только на научные публикации, но иногда и на неопубликованные доклады авторов раскопок. В качестве иллюстраций приводятся в основном планы раскопанных памятников, большей частью реконструированные или дополненные автором настоящей статьи.

имеет здесь полное раскрытие остатков древнейшего памятника каменно-кирпичной архитектуры на Руси — Десятинной церкви, построенной в конце X в.[3]. Несмотря на то, что стены этой постройки не сохранились, общий план церкви удалось проследить целиком по остаткам фундаментов, а там, где не осталось и фундаментов,— по фундаментным рвам. Выяснилось, что Десятинная церковь была трехнефным трехапсидным крестовокупольным храмом с тремя парами столбов в середине и с галереями, окружавшими здание с трех сторон (рис. 1, *А, Б*)[4]. Именно этот тип шестистолпного храма в различных его вариантах — как с галереями, так и без них — получил в дальнейшем чрезвычайно широкое распространение во всех русских землях в период феодальной раздробленности. Какое огромное влияние имели архитектурный характер и типологическая схема Десятинной церкви на все русское зодчество последующих двух столетий стало ясно лишь после этих раскопок.

В районе Десятинной церкви раскопками были вскрыты также остатки нескольких кирпичных зданий — княжеских дворцов[5]. Неподалеку были обнаружены остатки монументальных кирпичных ворот Киевского детинца, так называемых Батыевых ворот[6].

Все эти открытия дали возможность значительно яснее представить себе архитектурную композицию и планировку центральной части Киева конца X в.— «города Владимира».

Большое значение имеют археологические раскопки, проводившиеся в течение нескольких лет в Киевском Софийском соборе[7]. Эти раскопки уточнили первоначальную архитектурную композицию Софии. Так, например, были обнаружены основания двух уничтоженных столбов аркады в западной части центрального нефа, что позволило окончательно решить вопрос о том, какова была композиция центральной части интерьера этого здания. Кроме того, найденные во многих местах остатки первоначального убранства пола дают возможность реконструировать схему композиции замечательных мозаичных полов.

Раскопки вокруг Софийского собора обнаружили здесь остатки кирпичной стены, некогда окружавшей митрополичий двор. Для истории развития древнерусского зодчества имеет также значение открытие близ Софийского собора большой постройки — печи для обжига кирпичей или бани[8].

Неподалеку от Софийского собора были вскрыты фундаменты еще терх пятинефных храмов, относящихся к первой половине или середине XI в. (два из них — так называемые церкви Ирины и Георгия[9]. Рядом были открыты остатки еще одного дворцового здания. Наконец

[3] М. К. Каргер. Древний Киев, т. 2, М.— Л., 1961, стр. 25.

[4] К сожалению, многие вопросы реконструкции Десятинной церкви до настоящего времени остаются спорными. Так, по предположению Г. Ф. Корзухиной, первоначальная Десятинная церковь была окружена узкими галереями, которые в XI в. были расширены (см. Г. Ф. Корзухина. К реконструкции Десятинной церкви. СА, 1957, № 2, стр. 78). М. К. Каргер полагает, что первоначальным ядром Десятинной церкви был шестистолпный храм без галерей, но с небольшим западным притвором: галереи же были пристроены сразу широкими (см. М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 48). Более уверенно можно реконструировать план Десятинной церкви после обстройки ее в начале XI в. широкими галереями, но и здесь пока остается неясным устройство западной части храма.

[5] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 59.

[6] Там же, стр. 87.

[7] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 98; его же. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. Тр. ВАХ, т. I, Л.— М., 1947, стр. 21.

[8] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 206; его же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 246.

[9] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 216; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 167; Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI века в Киеве. Тр. IV съезда русских зодчих. СПб., 1911, стр. 117. Реконструкция планов двух из этих храмов дана в работе К. Афанасьева. См. К. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 174.

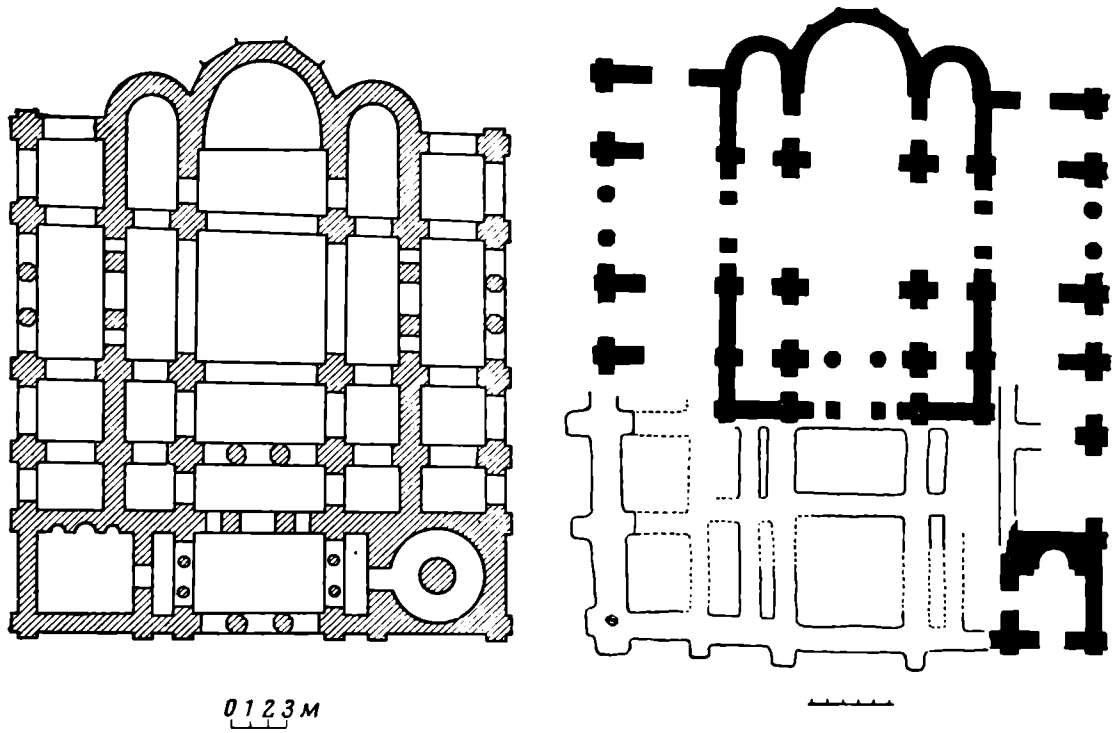


Рис. 1. А — план Десятинной церкви конца X в. (По схеме-реконструкции Г. Ф. Корзухиной с дополнениями автора); Б — план Десятинной церкви. Частичная реконструкция состояния здания в XI в.

для характеристики зодчества эпохи Киевской Руси важны также и небольшие археологические работы, проведенные у Киевских Золотых ворот [10].

Археологические исследования дали очень много также и для изучения киевской архитектуры второй половины XI в. Так, были изучены руины Успенского собора Киево-Печерской Лавры [11]. Раскопки церкви Спаса на Берестове и собора Выдубицкого монастыря позволили восстановить первоначальные планы этих памятников, очень существенно отличавшиеся от их современных планов [12]. Выяснилось, что церковь Спаса на Берестове была шестистолпным храмом с тремя притворами, а собор Выдубицкого монастыря имел чрезвычайно вытянутые пропорции плана, так как между центральным подкупольным пространством и апсидами здесь имелась еще одна, дополнительная пара столбов. Несмотря на необычную для древнерусского зодчества вытянутость плана, здание это было тем не менее крестово-купольным восьмистолпным сооружением и не имело базиликального характера. К тому же своеобразному восьмистолпному типу, как оказалось, относился и разрушенный храм Бориса и Глеба в Вышгороде [13].

В Киеве на усадьбе Художественного института был раскопан до этого совершенно неизвестный небольшой шестистолпный храм, относящийся, по видимому, ко второй половине или даже концу XI в. [14]. Наконец, еще

[10] Е. Д. Корж. Золоті ворота в Києві. Сб. «Архітектурні пам'ятники», Київ, 1950, стр. 18. О первоначальном облике Золотых ворот см. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1956, стр. 123.

[11] Н. В. Холостенко. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской Лавры. СА, XXIII, 1955, стр. 341.

[12] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 287 и 374.

[13] М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. СА, XVI, 1952, стр. 77; его же. Древний Киев, стр. 310.

[14] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 391; его же. Археологические исследования..., стр. 209.

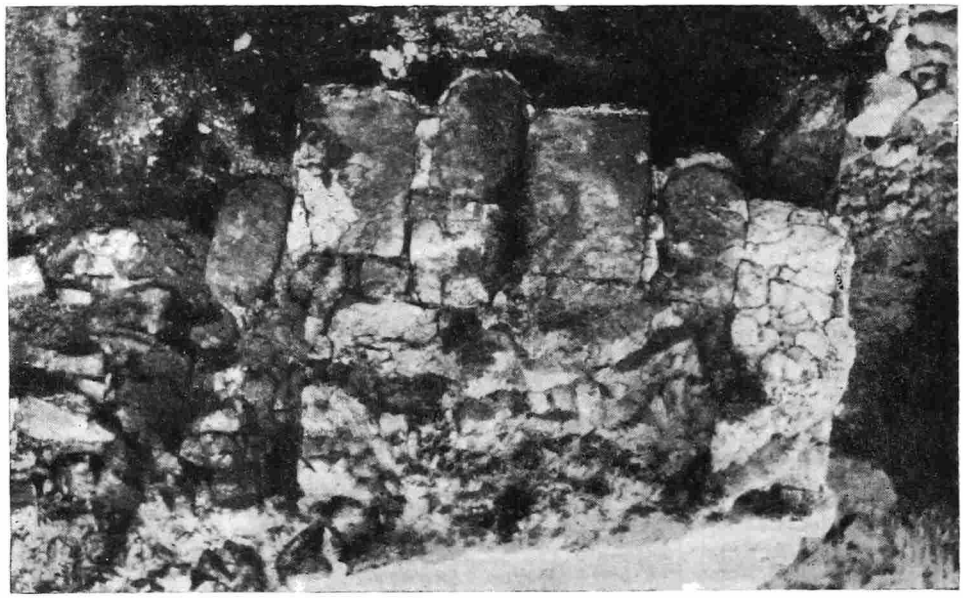


Рис. 2. Деталь профилированной лопатки Васильевской церкви в Овруче. Раскопки П. П. Покрышкина

один храм конца XI в. был раскопан в бывш. Зарубском монастыре (на Днепре, ниже Киева) [15]. Оба здания представляют собой несколько уменьшенный вариант шестистолпного храма, лишенного лестничной башни и, по-видимому, свидетельствуют о тех тенденциях к уменьшению и упрощению объемов храмов, которые привели в XII в. к преобладанию четырехстолпного типа над шестистолпным.

Церковь Зарубского монастыря разрушилась в результате сползания почвы, по-видимому, вскоре после ее сооружения; уже в XII в. вплотную перед ее западным фасадом была построена новая, на этот раз четырехстолпная церковь. Она также была целиком вскрыта раскопками и представляет собой типичный памятник зодчества киевской архитектурной школы XII в. [16]. В результате небольших археологических работ пополнились наши знания о другом памятнике, типичном для зодчества XII в.,— Кирилловской церкви в Киеве [17]. Ко второй половине XII в. относится также обнаруженная раскопками кирпичная стена, некогда окружавшая Киево-Печерскую Лавру [18].

Чрезвычайно существенные данные были получены археологическими раскопками для характеристики киевского зодчества конца XII — начала XIII в. Как известно, из памятников этого времени в Киевской земле сохранилась лишь одна Васильевская церковь в Овруче, реставрированная А. В. Щусевым. Перед реставрацией здесь были проведены археологические раскопки, выявившие своеобразный характер этого замечательного памятника (рис. 2) [19]. Несомненная связь Овручской церкви с именем князя Рюрика Ростиславича позволяет высказать предположение, что ее строителем был знаменитый Петр Милонег, упоминаемый в летописи

[15] М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 33.

[16] Там же, стр. 36.

[17] Н. В. Холостенко. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве. Сб. «Памятники культуры», т. 2, М., 1960, стр. 5.

[18] Ю. С. Асеев и В. А. Богусевич. Военно-оборонні стіни XII віку в Киево-Печерській Лаврі. Вісник Акад. архітектури УРСР, Київ, 1951, № 4, стр. 40.

[19] Раскопки были проведены П. П. Покрышкиным в 1907—1908 гг. (См. «Протоколы реставрационных заседаний Археологической комиссии». ИАК, вып. 32, СПб., 1909, стр. 1). Церковь была восстановлена А. В. Щусевым как одноглавый храм с обычной постановкой купола на подпружных арках; однако сделано это было лишь на основе общих историко-архитектурных данных, так как никаких других сведений для реконструкции завершения храма в натуре не имелось.

как крупнейший зодчий того времени, тесно связанный в своей деятельности с князем Рюриком. Тем же князем Рюриком Ростиславичем в самом конце XII в. была построена церковь 12-ти апостолов в Белгороде (совр. с. Белгородка). План этой церкви, вскрытый археологическими раскопками, свидетельствует о большом числе совершенно новых композиционных приемов, появившихся в эту пору в киевской архитектуре [20]. Там же, в Белгородке, было раскопано второе здание — небольшой бесстолпный однапсидный храмик.

В самом Киеве на высоком холме, господствующем над Вознесенским спуском к Подолу, была раскопана небольшая четырехстолпная церковь, относящаяся к концу XII или даже началу XIII в. [21]. Эта церковь дает возможность судить о последнем этапе развития киевского зодчества домонгольской поры, когда в нем (вследствие утраты значения общерусского политического и культурного центра) начало сказываться влияние архитектурных школ периода феодальной раздробленности. Кроме того, сопоставление таких особенностей этого памятника, как своеобразная форма пучковых пилястр с Черниговской церковью Пятницы и Васильевской церковью в Овруче, позволяет высказать предположение о том, что и Киевский храм входит в круг сооружений, связываемых с именем Петра Милонега. Быть может, и завершение Киевской и Овручской церквей было аналогично тому замечательному ступенчато повышающемуся и украшенному кокошниками верху, который был открыт в Черниговской церкви Пятницы П. Д. Барановским [22]. Возможно, что церковь над Вознесенским спуском является той самой церковью Василия на «Новом дворе» князя Рюрика Ростиславича, строительство которой отмечено в летописи под 1197 г.

Археологические раскопки имели большое значение также и для изучения истории развития архитектуры в древней Черниговской земле. Так, была значительно уточнена первоначальная композиция знаменитого Спасского собора XI века в Чернигове [23]. Выяснилось, что с северо-востока и юго-востока к зданию собора примыкали небольшие приделы-часовни, а у его юго-западного угла, на месте, где теперь расположена более поздняя башня, существовала небольшая крещальня. Неподалеку от собора были обнаружены остатки дворцовых сооружений XI и XII вв. [24]. Еще больший интерес представляет открытие остатков Благовещенского собора, построенного в 80-х годах XII в. [25]. Здание это оказалось большим шестистолпным храмом, окруженным с трех сторон галереей. В средней части собора были обнаружены остатки великолепного мозаичного пола.

Раскопки, проведенные у Борисоглебской церкви в Чернигове, позволили уточнить план этого храма XII в., сильно искаженного в более позднее время [26]. Вокруг церкви были обнаружены остатки галереи.

---

[20] Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в Белгородке. Тр. Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911, стр. 58. О замечательном декоративном убранстве пола этой церкви см. М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера..., стр. 37.

[21] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 462; его же. Археологические исследования..., стр. 193.

[22] П. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 13.

[23] І. Моргилевський. Спасо-Преображенський собор у Чернигові. Чернигів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, стр. 169; М. Макаренко. Біля Чернигівського Спаса. Там же, стр. 184.

[24] В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. КСИА АН УССР, вып. 1, 1952, стр. 32.

[25] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 68.

[26] М. А. Остапенко. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. Сб. «Архітектурні пам'ятники», стр. 64; Н. Холостенко. Неизвестные памятники монументальной скульптуры древней Руси. Журн. «Искусство», 1951, № 3, стр. 84.

В процессе раскопок были найдены также великолепные белокаменные резные капители. Результат исследования этого памятника позволил осуществить его реконструкцию в натуре. Раскопки у Успенского собора Елецкого монастыря выявили наличие у этого здания трех притворов [27]. В Чернигове была раскопана также четырехстолпная Михайловская церковь, относящаяся ко второй половине XII в. [28]. Археологические исследования, проведенные у Пятницкой церкви в Чернигове, дали ценные сведения о первоначальных формах этого здания — одного из самых замечательных памятников древнерусского зодчества [29]. К группе памятников архитектуры Черниговской земли следует отнести и церковь в удельном городке Вщиже. Это небольшая четырехстолпная церковь с богатой профилировкой пилястр и галереей, окружавшей здание с трех сторон [30]. Церковь относится, видимо, к середине XII в.

В далекой Тмутаракани была раскопана маленькая церковь XI в. [31]. К сожалению, очень плохая сохранность остатков этой постройки не дает пока возможности определить ее место в развитии древнерусского зодчества, а также степень ее связи с черниговской архитектурой.

Несмотря на близость к архитектуре Киева, зодчество Черниговской земли обладает и целым рядом особенностей. Так, здесь отмечено широкое распространение клейм на кирпичах, что в целом не характерно для архитектуры Киева. По-видимому, и в типологическом отношении храмы Чернигова несколько отличаются от киевских.

Но если археологические раскопки дали так много для характеристики архитектуры Киевской и Черниговской земель, где значительное количество памятников было известно и без раскопок, то тем большую роль играют археологические исследования для характеристики развития архитектуры в тех районах, где вообще не сохранились памятники, поднимающиеся над поверхностью земли, например в Рязанской и Переяславской землях.

В Рязани (теперь — городище Старая Рязань) были раскопаны три храма XII в.— два шестистолпных и один четырехстолпный [32]. Один из шестистолпных соборов, а также четырехстолпная церковь имели по три притвора, причем у четырехстолпной церкви боковые притворы имели свои самостоятельные апсиды, т. е. церковь была, таким образом, пятиапсидной. Шестистолпный собор с притворами совпадает в плане (вплоть до деталей) с церковью Елецкого монастыря в Чернигове. У этого же храма в процессе раскопок были обнаружены фрагменты белокаменной резьбы.

Близость плановых решений и полная идентичность строительной техники (например, совпадают даже такие детали, как наличие клейм на кирпичах) позволяют объединить рязанские постройки в одну группу с черниговскими и говорить о наличии в XII в. своеобразной рязано-черниговской архитектурной школы.

На территории Рязанской земли была раскопана, кроме того, небольшая церковь на городище у Климентовского погоста, являющемся

---

[27] Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники культуры», т. 3, М., 1961, стр. 51.

[28] Раскопки Б. А. Рыбакова в 1956 г. См. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 123.

[29] Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове. СА, XXVI, 1956, стр. 271.

[30] А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, т. I, М., 1910, стр. 386. Реконструкция первоначального облика этого памятника см. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 119.

[31] Раскопки Б. А. Рыбакова. Упоминание об этих раскопках см. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 123.

[32] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955, стр. 76—97.

очевидно, остатками городка Нового Ольгова[33]. Это был маленький бесстолпный, одноапсидный храм с тремя притворами.

В недавнее время в Новгороде-Северском раскопками был обнаружен четырехстолпный храм с тремя притворами[34]. Сложная профилировка пилястров этого здания свидетельствует о том, что постройка относится, по-видимому, к самому концу XII в. В 1959—1960 гг. была раскопана церковь в другом городке Северской земли — в Путивле[35]. Церковь эта отличается чрезвычайно оригинальной композицией плана,— кроме трех восточных апсид, она имеет еще дополнительные апсиды с севера и юга, что, быть может, свидетельствует о каком-то влиянии плановой схемы византийских афонских церквей. Исключительность этих двух сооружений не позволяет пока решить вопрос — имеем ли мы здесь дело с поздними памятниками черниговской школы или же в Северской земле существовала своя архитектурная школа, отличная от рязано-черниговской

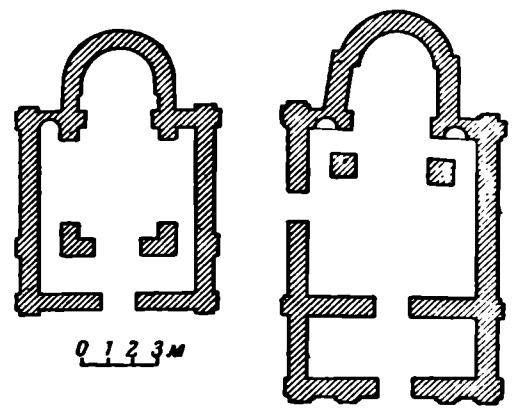


Рис. 3. Слева — «Остерская божница» (по раскопкам М. Константиновича с дополнениями автора), справа — храм-усыпальница в Переяславле (по М. К. Каргеру).

В Переяславле (совр. г. Переяслав-Хмельницкий) были обнаружны восемь древних сооружений. Центральное место среди них занимает Михайловский собор, построенный в 80-х годах XI в.[36]. Это большое и своеобразное сооружение, окруженное целым рядом пристроек, являлось центром городского ансамбля древнего Переяславля. В отделке интерьера собора была использована не только фресковая роспись, но и мозаика. Судя по характеру строительной техники, ко второй половине XI в. относятся также еще четыре маленьких храмика, обнаруженных на территории города; из них три расположены в детинце и один — в окольном городе. Этот последний — так называемая Спасская церковь — представляет собой двухстолпное сооружение с одной апсидой и притвором с западной стороны (рис. 3, справа)[37]. Судя по большому числу погребений, оно было храмом-усыпальницей. Здание, связываемое с упоминаемой в летописи церковью Андрея «у ворот», представляет собой бесстолпный храмик, окруженный с трех сторон галереей[38]. Третья церковь, условно названная пока Успенской, представляет собой небольшой бесстолпный храм с тремя апсидами и западным притвором, разделенным поперечными стенками на три части[39]. Четвертая и самая простая — бесстолпная

---

[33] А. Селиванов. О раскопках в Старой Рязани и в древнем городке, известном в летописи под именем «Новый городок Ольгов». Тр. РУАК за 1890 г., т. V, Рязань, 1891, стр. 34.

[34] Н. В. Холостенко. Исследование памятника XII века в г. Новгород-Северске. Сборник сообщений Государственного института по проектированию «Киевпроект», № 1—2, Киев, 1958, стр. 34.

[35] Доклад В. А. Богусевича на славяно-русской секции пленума Института археологии АН СССР 10.IV.1961 г. (Москва).

[36] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. СА, XV, 1951, стр. 44. План здания см. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 121.

[37] М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, 1954, стр. 11.

[38] Раскопки М. К. Каргера. Сведения об этой постройке см. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 122.

[39] М. Ю. Брайчевский, Ю. С. Асеев. Археологические исследования в Переяславе-Хмельницком в 1958 году. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 112.

одноапсидная церковь с маленьким тамбуром-притвором с западной стороны [40]. Вблизи Михайловского собора были обнаружены также остатки известного по летописи «каменного города» и воротной башни [41].

В результате археологических работ раскрылась, таким образом, картина интенсивного монументального строительства, имевшего место в древнем Переяславле в последней четверти XI в. В окольном городе была раскопана довольно большая шестистолпная (так называемая Воскресенская) церковь, относящаяся, судя по технике кладки, к середине или второй половине XII в. [42]. Замечательной особенностью этого здания является то, что средняя пара его столбов имеет не крестообразную в плане форму, а восьмигранную. Кроме того, в отличие об большинства храмов XII в. церковь эта не имеет лопаток на внутренних стенах, а наружные лопатки — плоские, без характерных для памятников XII в. полуколонн. Наконец, последний памятник архитектуры древнего Переяславля — малая бесстолпная, одноапсидная церковь, раскопанная еще в прошлом столетии и явно относящаяся ко второй половине XII в. [43].

К переяславской школе зодчества, несомненно, следует отнести «Летскую божницу» в современном городе Борисполе. Здание это оказалось настолько разрушенным, что не удалось определить даже его план [44]. Но выяснилось все же, что церковь эта была маленькой, видимо, бесстолпной.

К той же переяславской группе памятников относится и «Остерская божница» — маленькая церковь в с. Старогородке. Сохранилась лишь алтарная апсида с остатками фресковой росписи; однако вскрытый раскопками план позволяет судить о первоначальной композиции [45]. Восточная часть этого храмика, с одной апсидой и расположенными по сторонам от нее нишами, очень близка храму-усыпальнице в Переяславле, но в переяславской церкви два столпа располагаются в восточной части здания, а в остерской — в западной (рис. 3, слева). «Остерская божница», судя по технике кладки, относится к XI в. [46].

Выявленная раскопками переяславская школа архитектуры, несомненно, имеет свои самостоятельные черты. Об этом свидетельствуют как типологические особенности памятников (например, многочисленность и разнообразие типов маленьких бесстолпных и двухстолпных храмов), так и некоторые строительно-технические детали, в частности кирпичи со своеобразной «штрихованной» поверхностью. Очевидно, в Переяславской земле имелись свои архитектурно-строительные традиции, отличные от киевской и рязано-черниговской архитектурных школ.

На территории древней Волынской земли памятники монументальной архитектуры XII—XIII вв. известны пока только в стольном городе этого княжества — Владимире-Волынском. Небольшие раскопки были проведены в существующем ныне Успенском соборе [47]. На урочище «Старая

[40] М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком..., стр. 7.

[41] Раскопки М. К. Каргера. (См. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 121.) Дальнейшие раскопки воротной башни были проведены Институтом археологии АН УССР (доклад Р. А. Юры на славяно-русской секции Пленума Института археологии АН СССР 10.IV.1961 г. в Москве).

[42] М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком..., стр. 22.

[43] Там же, стр. 21.

[44] М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 19.

[45] М. Константинович. Развалины Юрьевой божницы в с. Старогородке. Журн. «Киевская старина», ноябрь, 1896, стр. 129.

[46] Об этом см. М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком..., стр. 20. В летописи отмечено, что верх «Остерской божницы» был «нарублен деревом» (Ипатьевская летопись под 1152 г.). Это давало основание думать, что церковь была перекрыта не сводами, а деревянным, балочным потолком. Однако при раскопках этой церкви был обнаружен кусок упавшего кирпичного свода (см. М. Константинович. Ук. соч., стр. 130).

[47] Е. Дверницкий. Археологические исследования в г. Владимире-Волынском и его окрестностях. Журн. «Киевская старина», т. XVII, январь, 1887, стр. 36.

Кафедра» раскопками была вскрыта шестистолпная церковь, относящаяся к середине или второй половине XII в.[48]. Как Успенский собор, так и «Старая Кафедра» являются зданиями, почти полностью повторяющими формы памятников киевского зодчества этой же поры. Раскопанная в том же городе четырехстолпная церковь, расположенная у существующей более поздней Васильевской церкви, имеет уже много своеобразных особенностей[49]. Скругленные углы здания, большие квадратные в плане столбы, оригинальная профилировка колонок на апсидах свидетельствуют о сложении во Владимире своей, очевидно, местной архитектурной традиции. Здание относится ко второй половине XII или началу XIII в.

Следующий этап развития волынской архитектуры представлен во Владимире-Волынском зданием храма-ротонды, раскопанном на урочище Михайловщина[50]. Судя по строительной технике (брусковый кирпич на известковом растворе с цемянкой), церковь относится к середине или даже второй половине XIII в. Круглая в плане форма здания, наличие трех апсид в толще стены и особенно внутренняя колоннада, очевидно поддерживавшая купол, делают этот храм уникальным, не имеющим себе подобных среди памятников архитектуры древней Руси.

Точно так же, как и в отношении волынской группы памятников архитектуры, зодчество древней Галицкой земли было открыто лишь в результате археологических раскопок. На поверхности земли до наших дней сохранился лишь один памятник древней галицкой архитектуры — церковь Пантелеймона, относящаяся к рубежу XII и XIII вв. Раскопками удалось обнаружить еще десять памятников. К сожалению, некоторые из них были дилетантски раскопаны в XIX в. и очень плохо зафиксированы, поэтому не обо всех памятниках галицкой архитектуры, вскрытых раскопками, мы имеем достаточно ясное представление. Несомненно, однако, что все эти памятники были сооружены в одинаковой строительной технике, из тесаного белого камня — известняка.

Центральным сооружением древнего Галича был Успенский собор, построенный во второй половине XII в. и полностью раскопанный. Это была большая трехнефная церковь, окруженная с трех сторон галереей[51].

Наиболее распространенным типом сооружений среди памятников галицкого зодчества был небольшой четырехстолпный трехапсидный храм. Кроме церкви Пантелеймона, к этому типу относятся церкви Кирилла и Мефодия, Спасская и так называемая церковь Анны[52]. К тому же типу относится и церковь XII в., раскопанная в с. Васильеве (древний город Василёв) (рис. 4)[53]. Одна из раскопанных в Галиче церквей (так называемая Благовещенская) была небольшой бесстолпной церковью с одной апсидой[54]. Все остальные четыре церкви были центрическими постройками. Одна из них (так называемый полигон) имеет в плане форму, близкую к восьмиугольнику, со скругленной восточной стороной[55]. Другая — церковь Ильи Пророка — очень маленькая ротонда (ее внутренний диаметр — менее 6 *м*), с одной апсидой с востока и прямоугольной пристройкой с запада[56]. Третья церковь — Воскресения — сохранилась

---

[48] Е. Дверницкий. Памятники древнего православия в г. Владимир-Волынский. Киев, 1889. План здания см. К. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 106.

[49] М. К. Каргер. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 29, Л., 1958, стр. 12.

[50] Там же, стр. 22.

[51] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, стр. 82.

[52] Там же, стр. 75.

[53] Г. Н. Логвин и Б. А. Тимощук. Белокаменный храм XII века в Василёве. Сб. «Памятники культуры», т. 3, стр. 37.

[54] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 78.

[55] Там же, стр. 76.

[56] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 70.

настолько плохо, что план ее может быть восстановлен лишь гипотетически; вероятно, это была круглая постройка — ротонда [57]. Наконец, четвертая церковь была раскопана у с. Побережье, в окрестностях Галича [58]. Все эти четыре галицкие церкви центрического типа относятся, по-видимому, к XIII в.

В г. Холме (Волынская земля) раскопками были обнаружены остатки какого-то здания XIII в., вероятно, церкви [59]. Сама постройка не была раскопана, но даже отдельные архитектурные фрагменты, найденные при раскопках (например, нижняя часть портала, куски архивольтов и пр.), свидетельствуют о том, что архитектура Холма в XIII в. была скорее связана с архитектурной школой Галицкой земли, чем с Волынью. Там же, около Холма, до настоящего времени сохранились две каменные башни, относящиеся ко второй половине XIII или, быть может, даже к началу XIV в. Археологические раскопки, проведенные у башен, позволили уточнить наши представления о первоначальном облике этих сооружений [60]. На северной окраине Волынской земли, в Каменце-Литовском, существует круглая кирпичная башня, построенная, судя по летописи, в конце XIII в. В процессе реставрационных работ здесь также были проведены раскопки [61]. В 1961 г. в Черторыйске автором настоящей статьи был раскопан фундамент второй подобной башни.

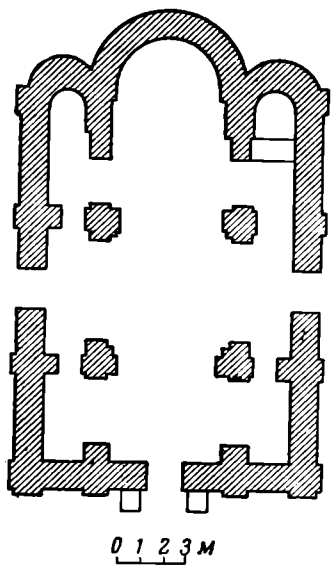


Рис. 4. Церковь в Васильеве (по Б. А. Тимощуку и Г. Н. Логвину)

На территории древнего Городенского княжества, примыкавшего с севера к Волыни, до начала археологических работ был известен лишь один памятник древнего зодчества — Борисоглебская Коложская церковь в Гродно. Чрезвычайное своеобразие этой церкви (например, круглые подкупольные столбы, лестница для входа на хоры, расположенная в толще стен апсид, а главное — декорация фасада церкви вставками шлифованных камней и керамических поливных фигурных плиток) дало основание полагать, что она не входит ни в одну из известных школ древнерусского зодчества. Однако на основании одного памятника все же нельзя было высказывать предположения о наличии в Гродно собственной архитектурной школы. Лишь после того как на территории Гродненского детинца была раскопана так называемая Нижняя церковь, стало очевидно, что мы действительно имеем дело с очень оригинальной архитектурной школой [62] Нижняя церковь обладает еще бо́льшим количеством особых, только ей присущих черт, чем даже Коложская церковь. Боковые апсиды, не выступающие снаружи здания, скошенные наружные углы здания, квадратные в плане столбы с такими же скошенными углами, расположение подкупольного квадрата между средней и западной парами столбов, т. е. на одно членение западнее, чем обычно — таков неполный перечень особенностей Нижней церкви (рис. 5). Но самое главное то, что стены ее, совершенно так же, как и в Коложской церкви, оказались

[57] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 78.

[58] Там же, стр. 82. В 1959 г. церковь эта была полностью раскопана М. К. Каргером, причем выяснилось, что она имела в плане четырехлепестковую форму (доклад М. К. Каргера на пленуме Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 31.III.1961 г.).

[59] П. А. Раппопорт. Холм. СА, XX, 1954, стр. 313.

[60] П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 212.

[61] Там же, стр. 205.

[62] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, стр. 104.

декорированными вставкой керамических поливных плиток и больших камней со шлифованной лицевой поверхностью. Почти аналогичное сооружение было раскопано в небольшом городке Волковыске, неподалеку от Гродно [63]. Вскрытый здесь фундамент дает возможность реконструировать план церкви, почти во всем подобной Нижней церкви, но обладающей несколько иными размерами и пропорциями плана и имеющей башню в юго-западном углу (рис. 5). Строительство Волковыской церкви, по-видимому, не было закончено, так как в раскопках, кроме каменного фундамента, не обнаружено никаких следов кладки, но зато были найдены штабеля плинфы, не бывшей еще в употреблении, известковая творильная яма, а также камни со шлифованными поверхностями, предназначенные для декорирования фасадов. Как Нижняя церковь в Гродно, так и Волковыская церковь относятся к первой половине XII в., т. е. они были построены несколько раньше Коложской церкви.

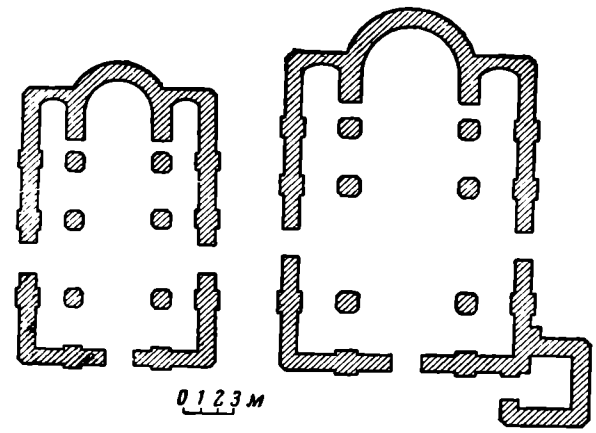


Рис. 5. Слева — Нижняя церковь в Гродно (по Н. Н. Воронину), справа — церковь в Волковыске (реконструкция автора по материалам раскопок В. Р. Тарасенко и Г. И. Пеха)

Раскопки были проведены также и в самой Коложской церкви, благодаря чему удалось полностью выяснить ее первоначальный план [64]. Наконец, раскопками в Гродненском детинце были обнаружены остатки крепостных сооружений — участок стены и башня, исполненные в той же своеобразной кирпичной технике со вставкой декоративных камней [65].

Очень возможно, что наряду с гродненской архитектурной школой на территории современной Белоруссии в дальнейшем будут обнаружены и другие самостоятельные группы памятников архитектуры. Так, мы до сих пор еще ничего не знаем об архитектуре Турово-Пинского княжества [66].

В Минске археологическими раскопками были вскрыты остатки небольшого четырехстолпного храма XII в., отличающегося чрезвычайно своеобразной строительной техникой: его каменные стены были облицованы небольшими тесаными известковыми плитками [67]. К какой группе архитектурных памятников относится минский храм, пока неясно; во всяком случае, на памятники Полоцкой земли (куда политически должен был тяготеть древний Минск) он по своим строительно-техническим особенностям не похож.

Существенные дополнения внесли археологические раскопки также и в наши знания об архитектуре Полоцкой земли. Именно благодаря раскопкам удалось выяснить характер трех памятников древнего зодчества, входивших некогда в состав Бельчицкого монастыря близ г. Полоцка [68]. Своеобразие строительной техники этих трех памятников состоит в том, что, будучи постройками XII в., они все выполнены в технике

[63] Раскопки В. Р. Тарасенко и Г. И. Пеха в 1956—1958 гг.

[64] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 86.

[65] Там же, стр. 129 и 136.

[66] В 1961 г. М. Д. Полубояриновой при участии автора настоящей статьи в Турове была обнаружена кирпичная постройка, относящаяся, по-видимому, ко второй половине XII или началу XIII в.

[67] В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 205.

[68] Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины. Архитектурное наследство, т. 6, М., 1956, стр. 3 (раскопки И. М. Хозерова).

кирпичной кладки с «утопленными» рядами кирпича, т. е. в технике, характерной для памятников русского зодчества XI в. По-видимому, упорное повторение этой киевской архитектурной традиции в течение всего XII в. является особенностью полоцкой архитектурной школы.

О том, что архитектурная школа Смоленска играла выдающуюся роль в общем развитии древнерусского зодчества, было известно и до проведения там археологических раскопок. Однако подлинная картина превзошла все ожидания. Кроме трех сохранившихся на поверхности земли древних храмов, в Смоленске и его окрестностях было установлено наличие около 40 кирпичных сооружений XII—XIII вв., т. е. значительно больше, чем в любом из остальных древнерусских городов[69]. К сожалению, подавляющее большинство этих памятников еще не изучено. Кроме того, часть сооружений была раскопана без достаточно точной документации, что резко снижает научную ценность этих исследований[70].

Древнейшей кирпичной постройкой Смоленска была соборная церковь, построенная при Мономахе в самом начале XII в. Остатки этого собора были обнаружены, хотя и не исследованы с достаточной полнотой[71]. Большинство древних смоленских храмов оказалось небольшими четырехстолпными церквами, а некоторые — шестистолпными. Часть храмов имела лопатки простого профиля с пристроенной к ним крупной полуколонной (подобно киевским памятникам середины XII в.), но многие памятники имели гораздо более сложные, многообломные пучковые лопатки. К первому типу относятся оба храма, раскопанные на Смядыни, Петропавловская церковь и ряд других[72]. Ко второму типу, со сложно профилированными лопатками, относятся церкви на Рачевке, на Воскресенском холме, на Чернушках, на Малом Торгу и др.[73]. Такого же типа лопатки были вскрыты и у существующей известной Свирской церкви[74]. Одна из церквей, раскопанных на Смядыни, имела с трех сторон галерею, причем восточные торцы этой галереи завершались апсидами[75]. Совершенно особняком стоит раскопанная в Смоленске круглая постройка, назначение которой пока неясно[76].

Памятники древнего смоленского зодчества исследованы еще очень слабо[77]. Однако своеобразие архитектурных форм и строительно-технических особенностей (например, своеобразный состав известкового раствора с цемянкой и древесной золой) уже сейчас не оставляет сомнения в наличии и на территории Смоленской земли в XII—XIII вв. особой архитектурной школы.

Значительно меньше дали археологические исследования для изучения древней новгородской архитектуры. Однако и здесь раскопками были

---

[69] И. Д. Белогорцев. Новые исследования древнесмоленского зодчества. Материалы по изучению Смоленской области, вып. I, Смоленск, 1952, стр. 92.

[70] Об этом см. А. Л. Монгайт. За высокое качество трудов по местной истории. ВИ, 1953, № 4, стр. 111.

[71] И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 24.

[72] И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. Сб. «Смоленская старина», вып. I, Смоленск, 1909, стр. 287; Е. Н. Клетнова. О раскопках на Смядыни. Отчет Смоленской Ученой архивной комиссии за второй год ее существования. Смоленск, 1912, стр. 62; «Смоленский альманах», вып. 2, Смоленск, 1947, стр. 275.

[73] И. Д. Белогорцев. Ук. соч., стр. 94 и 113. В церкви на Рачевке пилястры имели особенно сложную профилировку — «восьмиобломный выступ завершается посередине узенькой полуколонкой, выложенной из лекального кирпича» (см. И. М. Хозеров. Ук. соч., стр. 23).

[74] И. М. Хозеров. Ук. соч., стр. 21.

[75] И. Орловский. Ук. соч., стр. 295.

[76] И. Д. Белогорцев. Ук. соч., стр. 106.

[77] Сравнительно недавно в Смоленске были раскопаны остатки еще одного плохо сохранившегося сооружения, по-видимому, небольшого храма (см. Д. А. Авдусин. Новый памятник смоленской архитектуры. СА, 1957, № 2, стр. 228).

обнаружены несколько до этого вовсе неизвестных памятников. Так, в Новгородском детинце был раскопан большой шестистолпный храм Бориса и Глеба — памятник, очень важный для понимания процесса становления самостоятельных форм новгородского зодчества[78]. Три древних памятника были раскопаны в Старой Ладоге. Два из них представляют собой образцы характерного для новгородской архитектуры XII в. типа небольших четырехстолпных храмов[79]. Третья постройка — церковь Климента — относится к несколько иному типу; это была крестовокупольная постройка с сильно пониженными угловыми членениями, благодаря чему она, подобно собору Мирожского монастыря во Пскове, представляла собой не кубическое, а крестообразное сооружение (рис. 6)[80].

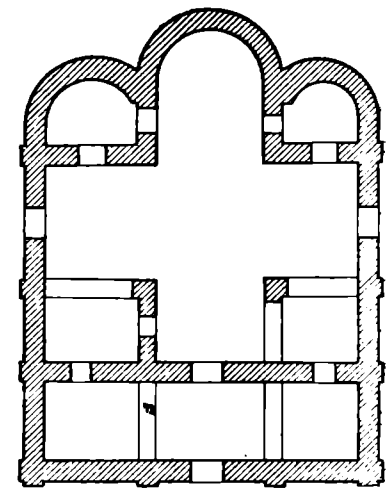


Рис. 6. Церковь Климента в Старой Ладоге (реконструкция автора по материалам раскопок Н. И. Репникова)

Кроме этих четырех зданий, целиком вскрытых раскопками археологическим путем были исследованы некоторые наиболее важные из сохранившихся памятников новгородского зодчества. Так, очень существенные данные были получены о первоначальных формах Новгородского Софийского собора[81]. Благодаря раскопкам значительно уточнены данные о Георгиевском соборе Юрьева монастыря[82].

Даже на территории Владимиро-Суздальской земли, где сохранилось много памятников и изучение их началось сравнительно давно, археологические раскопки дали совершенно неожиданные, поразительные результаты, изменившие все наши представления об истории ее архитектуры. Раскопками у Суздальского собора удалось обнаружить остатки древнейшего памятника зодчества этого края — Мономахова собора, построенного на рубеже XI и XII вв.[83]. Собор оказался построенным целиком в киевской традиции — как в отношении его плановой структуры, так и в отношении строительной техники.

Были открыты также остатки еще нескольких несохранившихся памятников. Так, Успенский собор в Ростове оказался большим шестистолпным храмом, самым крупным по масштабу среди всех памятников владимиро-суздальской архитектуры[84]. Чрезвычайно интересный новый храм был раскопан под сохранившейся церковью Михаила Архангела в Нижнем Новгороде (совр. г. Горький)[85]. Это здание, построенное, судя по летописи, в начале XIII в., оказалось небольшой четырехстолпной церковью с тремя притворами. Выяснилось, что Нижегородская церковь

[78] А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 году. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 65.

[79] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 46 и табл. LIX; стр. 49 и табл. LX.

[80] Старая Ладога. Государственный музей этнографии. Л., 1948, стр. 41 (Раскопки Н. И. Репникова). О первоначальной объемной композиции Климентовской церкви см. М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946, стр. 45.

[81] А. Л. Монгайт. Софийский собор в Новгороде в связи с новейшими исследованиями. Журн. «Архитектура СССР», вып. 16, 1947, стр. 34; М. К. Каргер. Новгород Великий Л.— М., 1961, стр. 113.

[82] М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. СА, VIII, 1946, стр. 175.

[83] А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 99. Реконструкцию плана этого здания см. К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 182.

[84] Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 126.

[85] Раскопки Н. Н. Воронина в 1960 г. (доклад Н. Н. Воронина на славяно-русской секции пленума Института археологии АН СССР 10.IV.1961 г.).

является предшественницей знаменитого собора в Юрьеве-Польском, с которым она совпадала не только по плану, но и по богатому убранству резным камнем. Открытие под более поздней Георгиевской церковью во Владимире остатков постройки середины XII в. позволило ввести и этот памятник в историю владимиро-суздальского зодчества [86]. Раскопками были вскрыты остатки каменной стены Боголюбовского замка, а также каменная стена и ворота детинца во Владимире [87]. Наконец, некоторые, хотя пока и отрывочные, данные были получены в отношении двух древних храмов Ярославля-Успенского [88] и Спасского [89].

Таким образом, число памятников владимиро-суздальского зодчества, введенное в изучение благодаря раскопкам, довольно значительно. Но археологические исследования позволили решительно изменить наши представления даже о тех памятниках, которые, казалось, сохранились во всех своих основных частях. Так, наблюдения за раскопками, проведенными в процессе реставрационных работ во Владимирском Успенском соборе, показали его связь с несохранившимся епископским дворцом и наличие переходов между этими зданиями [90]. Раскопки, проведенные вокруг церкви Покрова на Нерли, открыли остатки галереи, некогда окружавшей этот храм с трех сторон [91]. Первоначальные формы этой галереи еще недостаточно ясны, но общий характер церкви Покрова теперь вырисовывается в совершенно ином свете, чем до этого замечательного открытия. Наконец, исследование комплекса Боголюбовского замка — важнейшее событие не только для изучения архитектуры Владимиро-Суздальской земли, но и для истории всего древнерусского зодчества в целом [92]. Роскошный дворцовый ансамбль, состоявший из дворца (к сожалению, не сохранившегося даже в остатках), собора, переходов, лестничных башен и сени-кивория, оказался одним из самых великолепных творений древнерусской архитектуры.

* * *

Археологические исследования памятников древнерусского зодчества еще далеко не завершены; скорее можно сказать, что исследования эти только сейчас начинают приобретать необходимую широту. Мы не знаем, какое количество памятников монументального зодчества XI—XIII вв. еще скрыто под землей. Можно ожидать, что дальнейшие раскопки смогут дать нам сведения не только о многочисленных новых памятниках, но и о целых архитектурных школах. Перспективы дальнейших исследований в этой области очень велики. Однако и то, что уже раскопано, также совершенно по-новому раскрывает нам картину истории русской архитектуры древнейшего периода.

Остановимся на некоторых проблемах, вставших в связи с итогами археологических исследований. Археологические исследования древнейших памятников монументального русского зодчества (и, в первую очередь, Десятинной церкви) позволяют значительно увереннее решать вопрос о происхождении кирпичной архитектуры Киевской Руси и о взаи-

---

[86] Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XII веков. М.—Л., 1945, стр. 17.

[87] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII века, МИА, № 11, стр. 215; см. также П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961, стр. 130.

[88] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, стр. 187.

[89] Раскопки М. К. Каргера. См. А. И. Суслов и С. С. Чураков. Ярославль. М., 1960, стр. 26.

[90] Исследование А. Д. Варганова и Л. В. Столетова. См. Н. Н. Воронин. Работы советских археологов..., стр. 126.

[91] Н. Н. Воронин. Покров на Нерли. СА, 1958, № 4.

[92] Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 78.

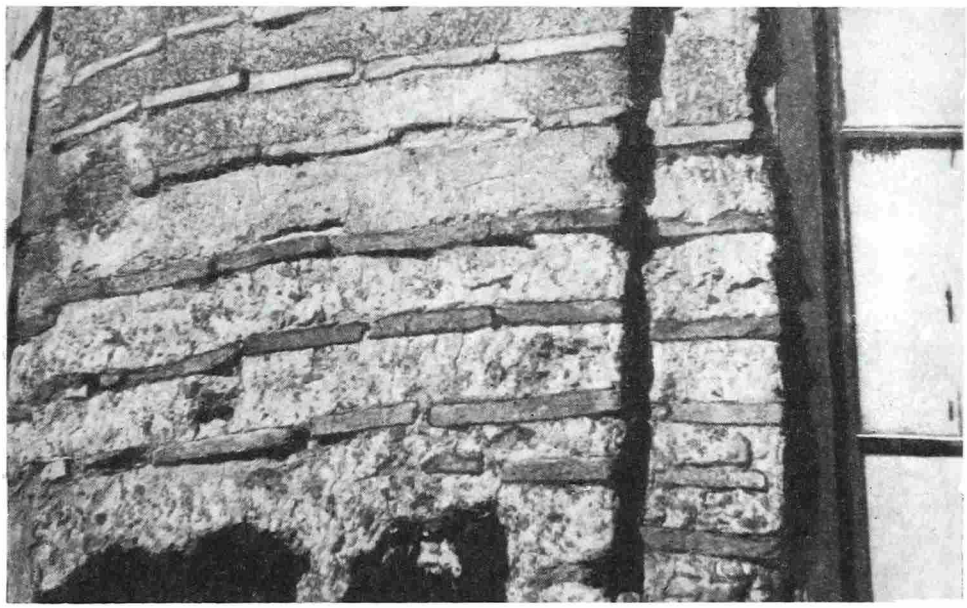


Рис. 7. Кирпичная кладка «Остерской божницы» в с. Старогородка близ г. Остер

моотношении русской и византийской архитектуры X—XII вв. Техника древнейших киевских построек свидетельствует о высокой строительной культуре, имевшей древние традиции. Поскольку на Руси подобных традиций до конца X в. не существовало, ясно, что эта техника была завезена на Русь извне, т. е., как об этом свидетельствуют русские летописи, из Византии. Этот вопрос никогда не вызывал сомнений у исследователей, но было недостаточно ясно, откуда именно, из какой части Византийской империи прибыли те мастера, которые построили первое кирпичное здание на Руси — Десятинную церковь [93].

Древнейшие сохранившиеся памятники архитектуры Киевской Руси — Спасская церковь в Чернигове и Киевский Софийский собор — построены в своеобразной технике кладки с «утопленными» рядами кирпичей. В дальнейшем эта техника характерна для всей русской архитектуры XI в. Раскопки Десятинной церкви выявили и здесь подобную технику. Правда, от основного первоначального здания Десятинной церкви не сохранилось ни одного фрагмента кладки стен. Однако во время раскопок были найдены куски сложнопрофилированных столбов, сложенных в той же технике и находившихся, очевидно, на хорах основного здания церкви. Таким образом, есть все основания утверждать, что первоначальное здание Десятинной церкви, построенное в конце X в., было сооружено в той же технике, с «утопленными» рядами кирпичей, как и последующие сооружения, относящиеся к XI в.

Способ кирпичной кладки с «утопленными» рядами является одновременно как техническим, так и художественным приемом. Сдвижка рядов кирпичей, вызывающая появление «утопленных» рядов, не выходящих на лицевую поверхность кладки, дает перевязку швов, которую трудно было бы обеспечить иным путем при наличии почти квадратных кирпичей-плинф. Но, являясь чисто техническим приемом, кладка с «утопленными» рядами вместе с тем используется зодчими и как средство оформления фасадов сооружений, давая декоративную полосатую поверхность стены, где узкие полосы кирпичей чередуются с широкими полосами гладко затертого розового раствора (рис. 7).

[93] Ряд исследователей высказывали, например, предположение, что византийские архитектурные формы проникли на Русь из Малой Азии и с Кавказа (см. Ф. И. Шмит. Искусство древней Руси — Украины. Харьков, 1919, стр. 36; А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 22).

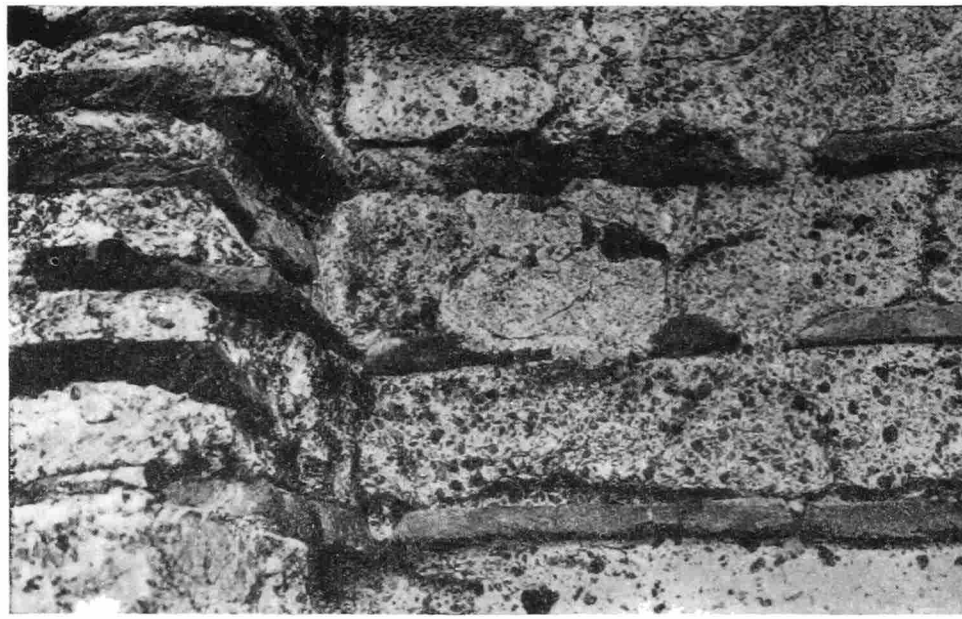


Рис. 8. Деталь кирпичной кладки руин византийского здания на острове Антигонии в Мраморном море (середина XI в.)

Такая полосатая поверхность наружных стен достаточно часто встречается среди памятников византийской архитектуры. Исследователи византийского зодчества отмечают, что в такой технике построены здания, относящиеся к Константинопольской архитектурной школе XI—XII вв. (рис. 8) [94]. При этом древнейшие известные здания этого типа относятся к первой половине XI в., т. е. построены позднее, чем Десятинная церковь. Конечно, византийская архитектура еще не настолько хорошо изучена, чтобы можно было утверждать, что отсутствуют более ранние примеры строительной техники с «утопленными» рядами кирпичей; очень вероятно, что такие памятники еще будут найдены. Однако даже и в этом случае останется фактом, что Десятинная церковь представляет собой один из первых примеров применения нового строительного приема, позднее получившего в Византии широкое распространение. Таким образом, становится ясно, что строителями Десятинной церкви были столичные константинопольские мастера, относившиеся к наиболее передовой византийской архитектурной школе того времени [95].

Византийские архитектурные формы были быстро переработаны на Руси, и русская архитектура XI—XII вв. существенно отличается от византийской. На Руси сложились свои архитектурные традиции, и попытки перенесения на русскую почву византийских форм в XII в. уже не имели успеха. Примером этому может служить строительство Мирожского монастыря в Пскове и Климентовской церкви в Старой Ладоге. Созданные по заказу новгородского архиепископа Нифонта (по-видимому, грека по происхождению), оба эти храма имели нехарактерную для русской архитектуры того времени крестообразную форму основного объема зда-

[94] C. Mango. The Date of the Narthex Mosaics of the Church of the Dormition at Nicaea. Dumbarton Oaks Papers, № 13, Washington, 1959, стр. 250.

[95] Н. И. Брунов высказал предположение, что техника кладки с «утопленными» рядами кирпичей сложилась на Руси и отсюда была перенесена в Византию (см. Н. Брунов. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. Архитектурное наследство, № 2, М., 1952, стр. 13). Это неверно. Археологические исследования свидетельствуют об отсутствии на Руси кирпичных построек вплоть до конца X в. и, следовательно, о невозможности сложения здесь до этого времени собственной традиции кирпичного строительства. Нельзя согласиться также с мнением Н. И. Брунова о том, что подобная техника появилась под влиянием народного деревянного зодчества.

ния, форму, явно связанную с византийской архитектурой [96]. Однако выполнены эти постройки не в чисто византийской, а в местной, новгородской технике. Объемная композиция этих памятников также не получила дальнейшего распространения в русском зодчестве.

В результате археологических исследований памятников древнерусской архитектуры оказалось возможным четко разграничить отдельные, самостоятельные школы русского зодчества эпохи феодальной раздробленности. Существенные отличия в архитектуре различных русских земель появились только в XII в., но и тогда выделение самостоятельных архитектурных школ происходило неравномерно. Архитектура в Киевской, Рязанской, Черниговской и Волынской землях в течение всего XII в. развивалась почти одинаково. На Волыни самостоятельный путь развития архитектуры четко определился лишь к XIII в. Несколько раньше появились самостоятельные формы в переяславской, а в особенности в полоцкой и смоленской архитектуре.

В Галицком княжестве — несомнено не без влияния архитектуры западных соседей (Польши, Венгрии),— по-видимому, уже в первой половине XII в. сложилась своя архитектурная школа, отличающаяся от киевской как формами, так и строительной техникой (строительство из тесаного камня-известняка). Во Владимиро-Суздальской земле в начале XII в. при Мономахе прививались киевские архитектурные приемы, но уже в середине XII в. в связи с изменившейся политической обстановкой произошел резкий перелом и разрыв с киевской архитектурной традицией. Во Владимиро-Суздальское княжество были вызваны галицкие мастера-строители, принесшие с собой галицкие архитектурные формы и галицкую белокаменную строительную технику. В Новгородской земле в это время разрабатывалась своеобразная строительная техника — кладка из известняковой плиты с кирпичными прокладками.

Уже отмечалось, что наличие различных местных архитектурных школ связано в равной степени с различиями как в строительной технике, так и в архитектурных формах. Можно отметить, что степень близости и различия между собой русских архитектурных школ периода феодальной раздробленности очень тесно связаны с политическими взаимоотношениями между княжествами [97]. Памятники русской архитектуры конца XII — первой половины XIII в., как ни странно, были известны значительно хуже, чем более ранние памятники, относящиеся ко времени до середины XII в. Новое течение в русском зодчестве, получившее развитие почти перед самым монгольским нашествием, долго не привлекало к себе внимания исследователей. Изучение верхних частей церкви Спасо-Ефросиньева монастыря в Полоцке и Свирской церкви в Смоленске показало, что имеется тенденция к разложению статичной крестовокупольной схемы и выделению башнеобразно поднятой центральной части. Открытие ступенчато повышающейся конструкции сводов в Черниговской Пятницкой церкви подтвердило, что в русском зодчестве рубежа XII—XIII вв. действительно происходил процесс сложения нового архитектурного образа храма, обладающего новой композиционной схемой, оказавшей решающее влияние на развитие композиционных форм раннемосковской архитектуры.

Более или менее сохранившихся памятников, относящихся к этому новому архитектурному направлению, насчитываются единицы, хотя церквей, построенных в конце XII — начале XIII в. на Руси существовало довольно много. Конечно, на основании данных раскопок нельзя получить

---

[96] Г. Алферова. Собор Спасо-Мирожского монастыря. Архитектурное наследство, № 10, 1958, стр. 23.

[97] Б. А. Рыбаков справедливо отметил, что «рассмотрение памятников архитектуры второй половины XII в. может явиться хорошей иллюстрацией политических группировок средневековой Руси» (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 91).

достаточно ясное представление о верхних частях уничтоженных построек, но ряд особенностей заставляет полагать, что многие из сооружений этого времени относились к этому же типу храмов с башнеобразно поднятым верхом.

Мы знаем, что во второй половине XII — первой половине XIII в. получил широкое распространение прием декорирования здания сложнопрофилированными пучковыми лопатками. Некоторые исследователи пытаются объяснить распространение этой архитектурной формы прямым влиянием смоленской архитектурной школы [98]. Вероятнее, что здесь сыграло роль не столько смоленское влияние, сколько общая тенденция к созданию башнеобразных храмов с динамично подчеркнутой вертикальной осью.

В таких зданиях сложнопрофилированные лопатки, создававшие на фасадах большое количество вертикальных членений, являются естественным следствием общего композиционного решения.

Таким образом, благодаря археологическим исследованиям удалось создать периодизацию истории древнейшего русского зодчества, выделить первый этап — архитектуру Киевской Руси (конец X—XI в.) и второй этап — архитектуру периода феодальной раздробленности. В свою очередь, архитектуру периода феодальной раздробленности удалось не только разделить на различные архитектурные школы, но и выделить в ней новый, самостоятельный этап развития русского зодчества, сложившийся в конце XII — первой половине XIII в.

Мы все ближе подходим к пониманию процесса творчества древнерусских зодчих и их «художественного кредо». На основании анализа большого количества обмеров древнерусских храмов (в том числе заново раскопанных) К. Н. Афанасьев в недавнее время попытался раскрыть творческую лабораторию древних зодчих — методику разбивки сооружения на строительной площадке, способы определения пропорций плана и объема [99].

Давно уже установлено, что мастера X—XIII вв. не представляли себе раздельного решения художественных и конструктивных задач. Ограниченность художественного образа древнерусского храма объясняется, прежде всего, тем, что функциональное, конструктивно-техническое и художественное решение были здесь совершенно неразделимы. Поиски нового архитектурного образа шли по линии творческой переработки не только художественных форм, но одновременно и всей конструктивной схемы сооружения. По-видимому, совершенно так же в представлении древнерусских зодчих не могли быть разделены и такие понятия, как строительный материал и декоративное оформление. Сам строительный материал определял фактуру поверхности и декоративные элементы, сама кладка стен определяла художественное оформление фасадов. Для памятников русского зодчества XI в. это было ясно и ранее, кладка с «утопленными» рядами кирпичей — прием одновременно как технический, так и художественный. Сложнее обстояло дело с памятниками XII—XIII вв. Кирпичная кладка, в которой все ряды кирпичей одновременно выходят на поверхность фасада, кладка, исполненная без тщательной затирки наружной поверхности раствора и без «подрезки» швов, казалась не имеющей самостоятельного декоративного значения и требовавшей покрытия штукатуркой.

Между тем среди всех памятников древнерусского монументального зодчества XII—XIII вв., вскрытых раскопками, ни одного раза не было обнаружено ни малейшего фрагмента древней фасадной штукатурки.

---

[98] См., например, Н. В. Холостенко. Исследование памятника XII века в г. Новгород-Северске, стр. 36.

[99] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

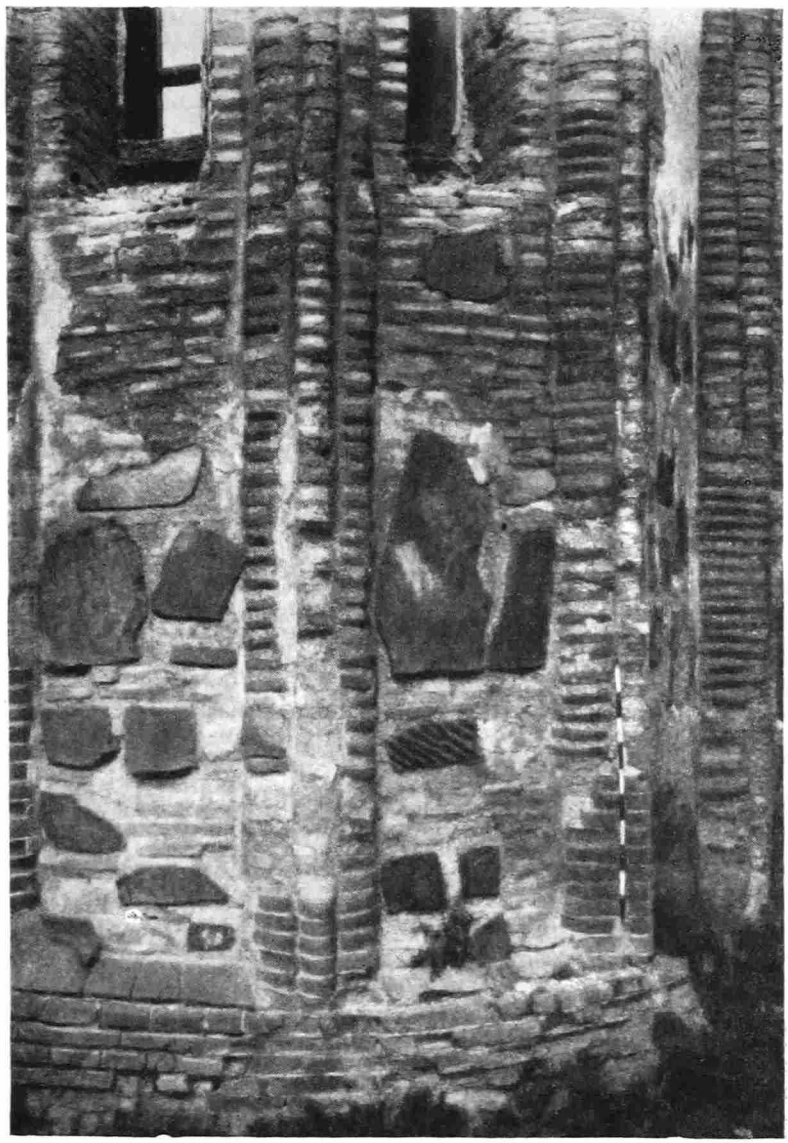


Рис. 9. Деталь стены Васильевской церкви в Овруче

Даже в таких раскопанных памятниках XII в., которые сохранили свои стены на довольно значительную высоту, причем все внутренние поверхности их стен были покрыты штукатуркой с фресковой росписью, наружной штукатурки не было найдено [100]. К тому же выводу об отсутствии первоначальной наружной штукатурки на фасадах зданий XII в. приводит исследование некоторых сохранившихся памятников [101]. При раскопках Благовещенского собора в Чернигове выяснилось, что здание было сложено из кирпича двух цветов: стены из красного кирпича, а полуколонки на лопатках — из желтого [102]. Такое использование двух цветов кирпичей могло иметь смысл лишь при отсутствии наружной штукатурки.

[100] См., например, раскопки так называемой Воскресенской церкви в древнем Переяславле (М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком. Зодчество Украины. Киев, 1954, стр. 299), Благовещенского собора в Чернигове (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 75) и др.

[101] Например, Кирилловская церковь в Киеве (см. Ю. С. Асеев. Архітектура Кирилівського заповідника. Сб. «Архітектурні пам'ятники», 1950, стр. 83).

[102] Б. О. Рыбаков. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок. Сб. «Архітектурні пам'ятники», стр. 61.

Все эти данные приводят к мысли, что русские здания XII—XIII вв., очевидно, снаружи не штукатурились [103]. Меньшая декоративность кирпичной кладки этого времени по сравнению с кладкой XI в. компенсировалась введением некоторых самостоятельных декоративных элементов — полуколонн на лопатках, зубчатого и аркатурного поясков и пр.

В отдельных случаях, для придания кирпичной кладке XII в. большей декоративности, в стену закладывали камни с отшлифованной наружной поверхностью (например, Васильевская церковь в Овруче; рис. 9). Иногда, кроме таких каменных вставок, добавлялись украшения из глазурованных керамических плиток (Коложская и Нижняя церкви в Гродно). Подобные декоративные приемы являются лишним подтверждением того, что кирпичная поверхность стен XII в. не предназначалась для покрытия штукатуркой.

В Новгородской земле, где в кладку стен в значительном количестве вводилась известняковая плита, не поддававшаяся аккуратной отеске и в то же время подверженная выветриванию, покрывали поверхности стен известковой обмазкой [104]. Однако чисто кирпичные участки стен (лопатки, арочные проемы) обмазкой не покрывались.

Совершенно естественно, что при переходе к другому строительному материалу — тесаному камню — коренным образом меняется весь характер архитектурного декора и в первую очередь появляется скульптурная орнаментация (архитектура Галицкой и Владимиро-Суздальской земель). Можно отметить, что полное единство строительно-технических и декоративно-художественных особенностей является в такой же мере характерной чертой древнерусской архитектуры, как и всей европейской архитектуры этого же времени (византийской и романской). Археологические раскопки памятников архитектуры получили широкий размах лишь в сравнительно недавнее время, поэтому у нас есть все основания надеяться, что дальнейшее развитие этих исследований поможет еще полнее раскрыть историю древнерусского зодчества.

---

[103] Обнаруженные на некоторых черниговских зданиях участки древней штукатурки, вероятно, относятся уже к ремонтам, вызванным порчей кирпичной поверхности стен. Характерно, что эта штукатурка большей частью не оставалась гладкой, а была расчерчена «под камень» или «под кирпич» (см. «Нариси історії архітектури Української РСР. Київ, 1957, стр. 54; см. также Ю. С. Асеев и Г. Н. Логвин. Архітектура Іллінської церкви в Чернігові. Питання історії архітектури та будівельної техніки України. Київ, 1959, стр. 37).

[104] О наличии розовой обмазки на Николо-Дворищенском соборе см., например, Г. М. Штендер. Памятники архитектуры Новгорода. Николо-Дворищенский собор. Новгород, 1958, стр. 7. Очень возможно, что такая обмазка делалась не первоначально, а позднее, по мере выветривания известняковых камней. Замечательно, что отсутствие наружной штукатурки является характерной особенностью памятников новгородского зодчества и значительно позже XIII в. Новгородские реставраторы доказали, что новгородские храмы XIV и даже XV в. также имели каменно-кирпичные поверхности стен, не закрытые штукатуркой. Церковь Петра и Павла в Кожевниках была именно так полностью восстановлена в натуре (о проекте реставрации этой церкви см. Г. М. Штендер. Разметка архитектурных форм древними зодчими. Памятники культуры, т. I, М., 1959, стр. 67).

Автор приносит искреннюю признательность архитектору Л. М. Шуляк за сообщенные ею сведения об исследовании памятников новгородской архитектуры.

Ю. Л. ЩАПОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ДРЕВНЕРУССКИХ БУС

В последнее время тема стеклянных бус оказалась очень популярной. Ей посвящены статьи А. С. Бобровой, Ф. Д. Гуревич, И. В. Пташниковой, З. А. Львовой, В. Б. Деопик, М. В. Фехнер, А. Хмеловской и т. д. Большинство авторов публикуют определенные комплексы, дают их типологическое описание и датировку [1]. Иногда приводятся интересные сведения по технике изготовления некоторых типов бус [2]. По-новому ставится вопрос о принципе классификации бус [3]. Накоплен значительный материал по технологическому изучению бус и проведена большая серия химических анализов состава стекла, из которого бусы изготовлены [4]. Иногда результаты изучения стеклянных бус используются для разработки более широких тем, например, для исследования экономических связей древнерусской деревни [5].

Изучение древнерусских стеклянных бус в плане типологическом, хронологическом и технологическом продвинулось вперед настолько, что постановка проблемы происхождения бус кажется вполне назревшей и необходимой.

Вопрос происхождения древнерусских бус уже давно интересовал археологов. Один из первых исследователей, А. С. Уваров, разделил бусы Владимирских курганов по происхождению (без всяких на то доказательств) на западные, восточные и византийские [6]. А. Ф. Лихачев присоединился к мнению А. С. Уварова о возможном византийском происхождении золоченых бус [7]. В 90-е годы XIX в. получила распространение другая теория — сирийского происхождения всех стеклянных изделий, известных на Руси, в том числе и бус [8]. Эта точка зрения, высказанная Н. Кондаковым, разделялась также В. Б. Завитневичем [9], Б. И. и В. Н. Ханенко,

---

[1] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги, СА, XIV, 1950; И. В. Пташникова. Бусы древнего раннесредневекового Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. I, М., 1952; Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956; В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3; З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, 1959.

[2] А. С. Боброва. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, вып. XXX, 1949.

[3] З. А. Львова. Технологическая классификация стеклянных бус домонгольской Руси. СГЭ, вып. XIV, Л., 1958.

[4] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956; его же. Технология производства стеклянных бус в древности. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», т. 2, М., 1959.

[5] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Сб. «Очерки по истории русской деревни...», стр. 149.

[6] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I АС, т. II, М., 1871, стр. 707—715.

[7] А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Булгарии. Тр. II АС, т. I, СПб., 1876, стр. 34—35.

[8] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, стр. 28.

[9] В. Завитневич. К вопросу о культурном влиянии Византии на быт русских славян курганного периода. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 108.

В. В. Хвойко. В. И. Сизов склонялся к тому, что большинство бус Гнездовских курганов привезено с Востока, с берегов Финикии и Александрии [10]. Некоторые, сомневаясь в правильности этой точки зрения, уклонялись от всякого решения вопроса[11]. Возникшая в связи с открытиями И. А. Хойновского и В. В. Хвойко мысль о существовании русского производства стеклянных изделий подкреплялась все новыми находками, однако прямо никто из дореволюционных авторов о возможности существования в древней Руси собственного производства бус не говорил.

Только советские археологи правильно решили этот вопрос. Один из возможных путей освещения проблемы происхождения древнерусских бус — путь картографирования находок с целью выяснения русских центров производства бус разных типов — наметил Б. А. Рыбаков [12]. Предлагая такой путь, он опирался на известные уже достижения, имевшиеся, например, в работе А. В. Арциховского, которому удалось установить характерность золоченых бочонкообразных и цилиндрических бус для территории кривичей конца X — начала XII в. [13]. Сложность такой работы была очевидна с самого начала, так как картографирование находок предполагает составление свода всех находок стеклянных бус.

Однако исследование проблемы развивалось не по этому плану, а иначе, и решающее слово оказалось принадлежащим совсем не археологам, а химикам-технологам, в частности М. А. Безбородову. После того как он доказал, что для древнерусского стеклоделия характерно использование калиево-свинцово-кремнеземного или свинцового стекла, определение происхождения изделий из стекла (и, в частности, бус) становилось относительно несложным и во многих случаях совпадало с определением состава стекла.

Сопоставление результатов технологического и типологического изучения привело к выводу, что обе эти характеристики находятся в тесной связи между собой, причем настолько, что надобность в сплошном анализировании бус для установления их состава отпадает. Многие внешние признаки (как, например, направление движения нити стекла, распределение стеклянной массы и дефектов внутри нее, форма канала бусины, характер оформления выходов канала на поверхность, форма бус, наконец, цвет самого стекла и характер используемой орнаментации), все вместе, создают исчерпывающую характеристику бусины, делают предположение о составе используемого на их изготовление стекла почти безошибочным.

В основе предлагаемых на обсуждение выводов о происхождении древнерусских бус, кроме общеизвестных опубликованных данных, лежит экспериментальная работа: около 220 анализов стеклянных бус, происходящих из разных пунктов древней Руси — Новгорода, Гнездова, Друцка, Белоозера, Москвы, Владимирских и Петербургских курганов, а также исследования стеклянных бус с сопредельных территорий Латвии, Польши, Кавказа и ряда других мест.

Вслед за З. А. Львовой мы разделили бусы на две группы по технике их изготовления.

К первой группе отнесены все бусы, изготовленные путем накручивания или навивки. Помимо отмечавшихся прежде признаков этого способа изготовления бус (следы винтообразного движения стеклянной массы и форма канала — цилиндрического или конического), следует отметить еще один признак — следы оборванной нити в виде небольшого бугорка у одного из выходов канала (рис. 1, *2*). В основу всех дальней-

[10] В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 52.

[11] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле Лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 511.

[12] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 399—400.

[13] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 111, 137.

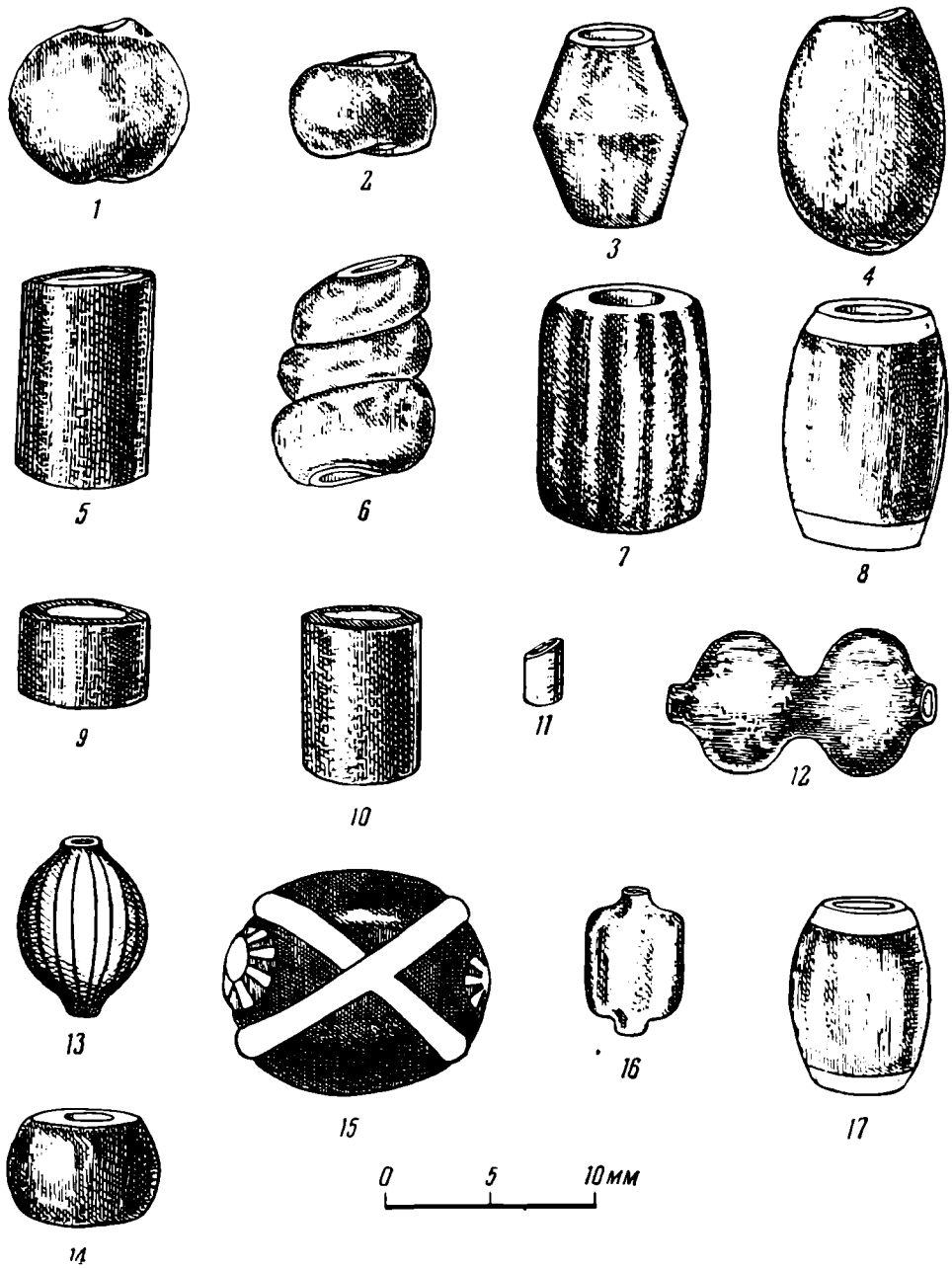


Рис. 1. Формы бус

1—8 — бусы первой группы, изготовленные путем навивки или накручивания (русское производство); *9—15* — бусы второй группы, изготовленные путем членения трубочки (ближневосточное производство); *16, 17* — бусы первой группы (предположительно — византийское производство)

ших статистических подсчетов и выкладок положены данные, опубликованные в нашей статье о бусах древнего Новгорода [14].

Первая группа включает в себя бусы круглые и ребристые: шарообразные — 24 (рис. 1, *1*), зонные — 159 (рис. 1, *2*), битрапецоидные — 20 (рис. 1, *3*), эллипсоидные — 26 (рис. 1, *4*), цилиндрические — 10 (рис. 1, *5*), винтообразные — 29 (рис. 1, *6*), цилиндрические ребристые — 12 (рис. 1, *7*); итого — 279 экз.

Следует помнить, что в этом списке фигурируют только те бусы, которые изготовлены в указанной технике и для которых характерно стекло следующих цветов: зеленого всех оттенков, желтого всех оттенков, яр-

[14] Ю. Л. Шапова. Ук. соч., табл. I, *2*, *12*.

ко-синего (берлинская лазурь); фиолетового и коричневого. Стекло прозрачное, иногда, особенно в желтом и фиолетовом цвете, расстекловавшееся.

Во всех случаях (точнее — в подавляющем большинстве) перечисленные выше типы бус изготовлены из стекла калиево-свинцово-кремнеземного или свинцово-кремнеземного. Проверочные опыты, ставившиеся неоднократно, всегда подтверждали правильность этого заключения. Однако техника изготовления бус путем навивки или накручивания связана и с другим составом стекла. Так, стеклянные бусы Афрасиаба изготовлены также путем навивки [15], немногие изученные бусы западноевропейского происхождения изготовлены этим же способом [16]. На изготовление среднеазиатских бус использовалось, видимо, стекло состава сода — известь — песок. (Состав стекла бус не исследовался, анализировался только состав оконного и посудного стекла) [17]. На изготовление стеклянных изделий в Западной Европе употреблялось главным образом стекло калиево-кальциево-кремнеземное [18].

Следовательно, техника навивки сочеталась с различным составом стекла на различных территориях, однако сочетание стекла состава калий — свинец — силициум и свинец — силициум с техникой навивки или накручивания остается постоянным и характерным для изделий русского производства.

Как показало исследование стеклянных бус в древнем Новгороде, бусы среднеазиатского или европейского производства в домонгольское время составляли незначительную долю. Приблизительно такая же картина представляется в результате рассмотрения бусинного материала курганов, городов и городищ XI—XIII вв.

Количество стеклянных бус, найденных на территории древней Руси, очень велико, их около 26 000 [19]. В это число включены все виды стеклянных золоченых, многоцветных и одноцветных бус как привозных, так и местного производства. По данным, приводимым М. В. Фехнер, трудно себе представить, какую часть в них составляют те и другие.

Известную помощь может оказать рассмотрение новгородской коллекции в ее опубликованной части. Общее число всех найденных бус приближается к полутора тысячам. Стеклянные бусы составляют около $^2/_3$ находок. Бус первой группы найдено 279 экз.

Рассмотрим распределение находок русских бус во времени.

Собственно русское производство, по данным Новгородской коллекции бус, зарождается в самом начале XI в. (рис. 2), что по времени совпадает с началом производства русских перстней (из свинцового стекла) и несколько позже — посуды. Постепенно развиваясь, производство русских бус достигает высокого уровня к началу XII в., и на протяжении всего XII в. оно остается на этом уровне,— правда, в отдельные периоды линия развития падает (на уровне 17—16-го ярусов), а в последующее время поднимается вновь, достигая своего апогея в начале XIII в. (15-й ярус). Резкое падение кривой начинается с середины XIII в. и продолжается в течение всего последующего времени. Оставаясь на низшем уровне, линия развития, однако, не прерывается в XIV и XV вв.

Линия развития производства древнерусских бус в общих чертах повторяет линии развития других изделий из стекла состава K — Pb — Si

---

[15] А. С. Боброва. Ук. соч.

[16] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных бус с некоторых памятников Латвии. Рукопись. Хранится на кафедре археологии исторического факультета Московского гос. университета.

[17] Е. А. Давидович. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. Тр. САГУ, вып. 61, кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 157.

[18] W. E. S. Turner. Studies in Ancient Glasses and Glassmaking Processes, ч. IV. The Chemical Composition of Ancient Glasses. Journal of the Society of Glass Technology, № 193, т. XL, 1956, стр. 177.

[19] М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 151, табл. I.

и Pb — Si, в особенности перстней. Частичное сходство наблюдается с кривой производства посуды. Так же как и развитие других категорий стеклянных изделий, производство посуды переживает постепенный подъем с начала XI в., небольшое сокращение в третьей четверти XIII в., а затем новый подъем и резкое падение, со второй половины XIII в. отмечается почти полное исчезновение этих изделий. Нам удалось выяснить, что русская посуда, перстни и оконное стекло производились

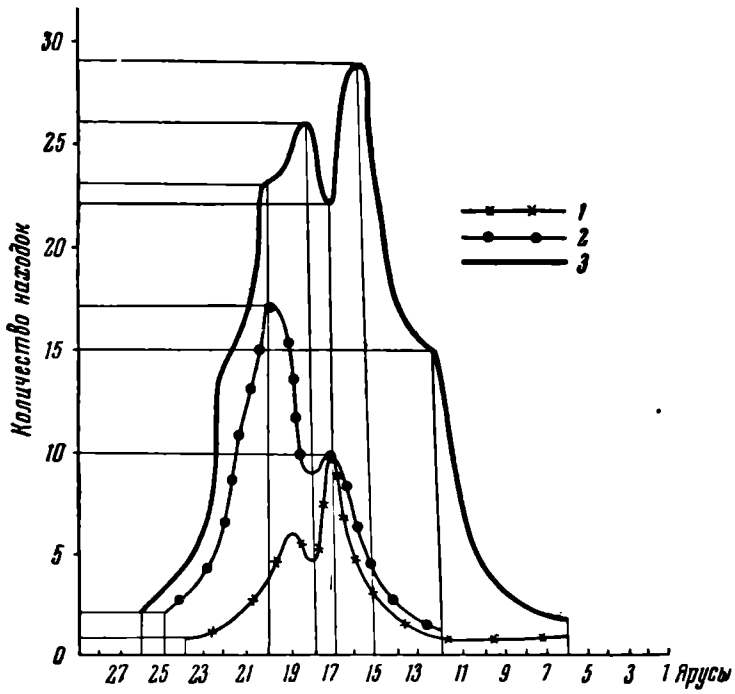


Рис. 2. Сравнительные графики бытования перстней, посуды и бус

1 — линия бытования перстней; *2* — линия бытования посуды; *3* — линия бытования бус

в основном в Киеве или прилегающих к нему районах[20]. Совпадение графика производства бус с линиями развития других изделий и стекла киевского производства может, видимо, служить основанием для предположения о производстве бус в тех же самых районах и, может быть, в тех же самых мастерских. Этому соответствует одинаковость состава стекла и техники изготовления бус и перстней. Наше предположение может распространяться на бусы, найденные не только в Новгороде, но и в других районах. Основная масса древнерусских стеклянных бус, совпадающая по времени с бусами, найденными в Новгороде, видимо, совпадает с ними и по месту изготовления.

Небезынтересен вопрос об объеме киевского производства. Так, мастерская, раскопанная на Подоле, имела в запасе около 100 *кг* металлического свинца[21]. В пересчете на сурик это количество свинца можно использовать для получения около 500 *кг* стекла состава калий — свинец — силициум. Каждая бусина весит от 5 до 12 *г*, перстень — 30—50 *г*, сосуд или оконный диск — 250—300 *г*. Из 500 *кг* стекла можно получить несколько десятков тысяч бус, огромное количество перстней и браслетов.

Однако бусы русского производства, будучи характерной находкой для домонгольского времени, никогда не были многочисленны ни в городе, ни в деревне, никогда не были исключительно характерны для каких-

[20] Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 98—99.

[21] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА УССР. вып. 3, 1954, стр. 14, 15.

либо определенных областей древней Руси. Единственное исключение составляет область распространения желтых шарообразных бус на территории вятичей. Правда, А. В. Арциховский отказался от этого мнения, но М. В. Фехнер подтвердила его в своей статье.

В домонгольское время бусы редко носили в виде больших ожерелий. Чаще всего, судя по курганным находкам, шейное украшение русской женщины составлялось из нескольких стеклянных бус в сочетании с металлическими привесками. Блестящие, яркой окраски бусы и благородный тон биллона или бронзы составляли вместе красивое и достаточно изящное украшение.

Можно предполагать, что бусы киевского производства распространялись по территории Руси с помощью мелочной торговли, так же как распространялись шиферные пряслица, яички-писанки, нательные крестики с выемчатой эмалью и т. д.

Таким образом, бусы русского производства от всех прочих отличает: во-первых, техника изготовления — навивка или накручивание; во-вторых, состав стекла (свинцово-кремнеземное или калиево-свинцово-кремнеземное); в-третьих, цвет стекла (желтое, зеленое, ярко-синее, фиолетовое, оливковое или коричневое прозрачное стекло, склонное к расстекловыванию); в-четвертых, определенный ареал, включающий в себя территорию древней Руси и сопредельных областей.

Бусы русского производства датируются XII — первой половиной XIII в. (до монгольского нашествия). Немногие находки русских бус известны с середины XI в., некоторая часть находок продолжает встречаться и после разгрома киевских производственных центров. Например, зонные бусы желтого и зеленого цвета из свинцово-кремнеземного стекла встречаются в Новгороде в 9-м и 4-м ярусах. Этих бус, правда, немного — к 1955 г. их было найдено всего 8 экз. [22]. Они типологически сходны с зонными бусами домонгольского времени. Тем не менее нет основания связывать эти находки с позднейшим доживанием изделий в быту. Другие домонгольские бусы никогда не встречаются в столь поздних послемонгольских слоях. Видимо, в этом случае мы встретились с бусами собственно новгородского производства, которое получило свое воплощение в перстнях круглого сечения и браслетах тех же цветов — желтого и зеленого.

Ко второй группе отнесены все бусы, в основе изготовления которых находится стеклянная трубочка, полученная с помощью стеклодувной трубки. Путем ряда дополнительных операций с помощью специальных приспособлений изготавливались бусы разных форм и величины. При изготовлении бус такого типа, как лимонки и всех видов лимоновидных бус — золоченых, серебреных, цветных, полосатых и рубчатых эллипсоидных применялись фигурные щипцы или шаблоны. В качестве признаков, по которым можно причислять бусы ко второй группе, можно рассматривать следующие: продольное направление всех неровностей и прожилок в стеклянной массе и наличие горизонтальной площадки вокруг отверстий. М. А. Безбородов полагал, что непременным признаком изготовления бус из трубочки является цилиндрическая форма канала бусины. З. А. Львова вполне убедительно доказала ошибочность этого положения, и мы разделяем ее взгляд.

К бусам второй группы должны быть отнесены зонные бусы густо-синие — 90 (рис. 1, *9*; первый вариант по классификации новгородских бус), светло-зеленые полупрозрачного стекла — 13 (первый вариант зеленых зонных бус по новгородской классификации), цилиндрические бусы — 12 (рис. 1, *10*), рубленый желтый, зеленый и голубой бисер — 133 (рис. 1, *11*), лимонки — 156 (рис. 1, *12*) полосатые 34 (рис. 1, *13*), цветные и золоченые лимоновидные — 50, часть золоченых цилиндрических

[22] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы..., стр. 176.

или зонных яркой позолоты, которая располагается на поверхности бусины без каймы (рис. 1, *14*), некоторые типы глазчатых бус, например, бусы с глазками в петельках — 10 (рис. 1, *15*). Всего немного более 500 экз. (все статистические данные приводятся по новгородским находкам).

Если круг памятников, в которых встречены бусы первой группы, ограничивается домонгольским временем, территорией древней Руси и близких сопредельных областей Польши, Латвии и Эстонии, то круг памятников, с которых известны бусы второй группы, значительно шире.

В качестве примеров можно привести следующие памятники: Белоозеро[23], Старая Ладога[24], Киев[25], Болгары[26], Саркел[27], Приладожские[28], Гнездовские[29], Владимирские[30] и Шестовицкие курганы[31], длинные курганы Смоленщины[32], памятники Урала[33], Средней Азии[34], Северного Кавказа[35], скандинавские могильники — Бирка[36], Вендель[37], могильники Северо-Западной Германии[38], Северной Франции[39], Венгрии[40], Чехии, Моравии[41] слои Коринфа[42], находки в Малой Азии[43]. Ареал этих бус колоссален, и трудно найти другую категорию находок, ареал которой был бы столь же широк. Наиболее ранние находки бус этой группы известны в памятниках I—II вв. н. э., наиболее поздние — датируются первой половиной XI в. Таким образом, бусы второй группы представляют собой продукцию мастерских, существовавших в течение очень долгого времени, и производство в этих мастерских осуществлялось в очень большом объеме. Для изготовления бус этой группы чаще всего применялось стекло состава сода — известь — песок в разных ва-

---

[23] Раскопки Л. А. Голубевой в Белоозере в 1957—1959 гг. Коллекции хранятся в ГИМ и в Вологодском краеведческом музее.

[24] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 172, 176.

[25] Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 111.

[26] Коллекции ГИМ № 83237; раскопки А. П. Смирнова в Болгарах в 1953 г. См. А. П. Смирнов. Могильник Бигер-Шай. СА, 4, 1937.

[27] З. А. Львова. Стеклянные браслеты..., стр. 325, рис. 6. Коллекции ГИМ, № 44159, раскопки Н. Макаренко в Салтове в 1905 г.

[28] Н. Е. Бранденбург. Приладожские курганы. МАР, № 18, СПб., 1895, табл. XIV, *22*.

[29] В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска МАР, № 28, СПб., 1902, табл. IV, *16—21*, *24*, *25*; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 55, рис. 12, *1—12*, *17—20*.

[30] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Собрание карт, планов и рисунков к трудам I АС. М., 1871, табл. XXXV, *17—34*, *40—45*, *50—55*.

[31] Д. И. Блифельд. Исследования в с. Шестовицах (Резюме). АП, т. III, 1952.

[32] Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, стр. 164, рис. 3, *7—12*; стр. 169.

[33] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 34.

[34] И. В. Пташникова. Ук. соч., табл. I, IV; С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топарк-Кала. Тр. ХАЭЭ, т. I, стр. 119—134.

[35] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 54, 56.

[36] H. Arbman. Birka. Stockholm 1939; его же. Die Gräber. Uppsala, 1940, табл. 121.

[37] H. Stolpe och T. J. Arne Graffältet vid Vendel. Stockholm, 1912, табл. XII, *17*.

[38] W. Nowothnig. Das merowingerzeitliche Gräberfeld von Rosdorf bei Göttingen. Göttingener Jahrbuch, 1958, стр. 20, 56, рис. 5, *k*, *l*; A. Arch. Die Reihengräber der Karolingisch-Ottonischen Zeit in der Oberpfalz. Kallmünz, 1954, табл. 63, 65, 66.

[39] E. Salin. Rihn et l'Orient. Paris, 1937, стр. 158—161.

[40] Зденек Ваня. Венгры и славяне в освещении археологических находок 10—12 вв. Slovenska archeologia Bratislava, 1954, стр. 51—104, табл. V.

[41] J. Poulik. Staroslovanska Morava, т. XXXIX, Praha, 1948; J. Král. Slovanský mogilnik Vysocanech. Památky archeologicke, 1959, № 1, рис. 19; М. Фандерлик. Новые данные о возникновении стеклоделия в Чехословакии. Бюллетень НИИстекла, 1960, № 1, стр. 23—24.

[42] G. R. Davidson. The Minor Objects. Corinth, т. XII, Princeton — New Jersey, 1952, табл. 122.

[43] M. Ruxerówna. Historia naszyinika greckiego. Poznań, 1936, табл. II, *3—5*.

риантах. Технология производства этого стекла характеризуется применением в качестве обесцвечивателя — окиси марганца, в качестве красителя — окиси кобальта, меди, марганца, сурьмы, свинца; в качестве глушителя используется окись олова. В целом это производство находится на одном из высших уровней развития стеклоделательного ремесла в древности и раннем средневековье. Наиболее значительными центрами стекольного производства, функционировавшими непрерывно в это время, были Сирия и Египет. По всем имеющимся в нашем распоряжении данным, а также по мнению таких известных авторитетов, как Э. Сален, Ф. Харден, А. Лукас, Ф. Матсон, В. Гайльман, М. А. Безбородов [44], стекло указанных химических составов и технологических особенностей характеризует производства Средиземноморского бассейна, Ближнего Востока и прилегающих или зависящих от них областей, таких, например, как Рейнская область. Исторически наиболее вероятны в качестве мест производства районы Сирии или Египта. Точнее ответить на этот вопрос можно, лишь увидев воочию продукцию и хорошо представив себе различия этих производственных областей. Наиболее распространенными являются бусы-лимонки и бусы золоченые.

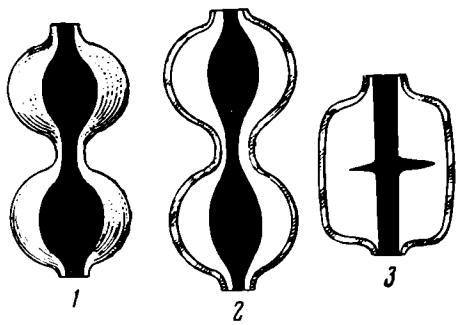


Рис. 3. Разновидности лимонок. Продольное сечение

Лимонные бусы. «Лимонки» получили свое название за двойное сходство с лимоном — по цвету и по выступающим сосковидным бугоркам на концах. Иначе эти бусы называются «многочастными пронизками», «многочленными» или «многосегментными бусами». Лимонки можно разделить на основной тип и его варианты; именно эта сложность и побудила выделить рассмотрение лимонок в особый параграф.

На изготовление бус основного типа употреблялось желтое непрозрачное стекло состава сода — известь — песок; в составе этого стекла содержится довольно высокий процент окиси свинца, примененной в качестве красителя, и окись олова, употребленная в качестве глушителя. Форма придавалась бусине путем обжимания заготовки в щипцах. В продольном разрезе (рис. 3, *1*) видно, что канал имеет округлую форму в теле бусины и цилиндрическую — в месте наложения щипцов. Лимонки первого варианта изготовлялись целиком из непрозрачного стекла. Лимонки второго варианта изготовлялись в той же технике, но из двуслойного стекла: наружный слой бус — желтый, непрозрачный, внутренний — бесцветный, прозрачный (рис. 3, *2*). Известен еще и третий вариант бус — формы, близкой к форме лимонок, изготовленных из такого же по составу двуслойного стекла, но с каналом цилиндрической формы (рис. 3, *3*).

Указанные различия в форме лимонок и технологии их изготовления еще не привлекали к себе серьезного внимания, хотя разницу в форме каналов лимонок отметила З. А. Львова.

Лимонки первых двух вариантов принадлежат к числу таких бус, ареал которых охватывает область от Белоозера — на севере и Средней Азии — на юге, до Урала — на востоке и Восточной Франции — на западе. Хронологические пределы бытования лимонок столь же широки — I—II вв. н. э.— X — первая четверть XI в.

Лимонки третьего варианта в отличие от первых двух никогда не бывают многочастными, каждая бусина изготовлялась отдельно. Кроме того, цилиндрическая форма канала нарушена тонкой поперечной бороздкой

[44] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси, стр. 47—76.

почти в самой середине тела бусины. Эта бороздка возникала вследствие сжатия стеклянной массы по вертикальной оси. Рассматривая такие бусины в торец, мы почти никогда не видим внутреннего прозрачного слоя стекла. Форма канала и последняя отмеченная особенность наружного покрытия является признаком индивидуального изготовления каждой бусины, которое по сравнению с изготовлением бус из трубочки является более трудоемким и дорогостоящим. Переход от одной техники изготовления к другой, вероятнее всего, связан с появлением производства лимонок в новой области. Эта новая область располагалась в том же районе или очень близком к нему территориально и тесно связанном с Ближним Востоком.

Бусы золоченые и серебреные, бочонкообразные и цилиндрические. Эти бусы привлекали к себе внимание исследователей гораздо чаще, чем другие бусы. Наиболее подробно эти бусы изучены А. А. Спицыным[45]. Он установил хронологические признаки золоченых бус: яркость позолоты и ширину каймы. А. А. Спицын считал, что чем позолота ярче, тем бусина старше и тем уже кайма, опоясывающая позолоту. На эти же признаки обратил внимание А. В. Арциховский[46]. Затем он пришел к мысли, что более ранним вариантом золоченых бус являются бусы малых размеров[47]. А. В. Арциховский установил характерность бочонкообразных золоченых бус для племени кривичей XI в. Позднее это положение было подтверждено Т. Н. Никольской[48]. М. В. Фехнер[49] доказала, что эти бусы характерны не только для кривичей, а широко распространены в XI в. на территории распространения дирхемов.

Для решения проблемы происхождения золоченых бус М. В. Фехнер проделала колоссальную работу по изучению структуры бусинного материала Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Ею использованы результаты химико-технологического изучения бус с металлической прокладкой, проведенного М. А. Безбородовым. На этом основании М. В. Фехнер строит свои выводы, согласно которым 85% золоченых бус являются привозными из стран Ближнего Востока, остальная часть изготовлена в русских мастерских Смоленщины, Киева или Галича. Во всех случаях оба автора исследуют бусы с металлической прокладкой, изготовленные индивидуально путем навивки[50]. Мы относим эти бусы ко второму варианту бус с металлической прокладкой.

Кроме таких бус, известны золоченые бусы, изготовление которых производилось из отрезков трубочки. Золоченые бусы в таком случае имеют следующие признаки: горизонтальную площадку вокруг выходов канала. сплошное (без каймы) покрытие тела бусины золотой фольгой, которая иногда даже заходит на площадку вокруг устья, яркий, иногда коричневатый тон позолоты. Эти бусы очень сходны технологически с бусами второй группы. Кроме технологического сходства, наблюдается сходство химического состава: все эти бусы изготовлены из стекла состава сода — известь — песок во всех вариантах соотношения основных стеклообразующих веществ. Золоченые бусы, изготовленные из отрезков трубочек, широко известны на Урале и в Предуралье, в Западной Европе, как отмечалось прежде[51]. Находки последних лет расширили область их распространения до Средней Азии — на юго-востоке, Бирки — на северо-западе; в больших количествах они встречены в Венгрии, Чехословакии и других местах. Область распространения золоченых бус, изготовленных из отрезков тру-

[45] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, МАР, № 29, СПб., 1903, стр. 23.

[46] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 32—33, 137.

[47] А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 351—353.

[48] Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 79—80.

[49] М. В. Фехнер. Ук. соч.

[50] М. А. Безбородов. Технология производства..., стр. 226—229.

[51] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 33.

бочки, во всех своих чертах одинакова с областью распространения других типов бус, изготовленных по той же технологии. Совпадают эти бусы между собой и по времени распространения (I—X вв. н. э.). Это бусы массового производства. Мы относим их к первому варианту бус с металлической прокладкой. Бусы, изготовленные путем навивки,— это бусы индивидуального производства с металлической прокладкой, более поздние по времени.

Вспомним, что такое же развитие характерно для производства лимонок. Видимо, ближневосточное производство бус переживало серьезный кризис и упадок, если его могло заменить производство более сложное и дорогое. Не меньшая роль в таких изменениях принадлежит процессам внутриэкономического и внутриполитического развития, отразившихся в характере и направлении внешнеторговых связей, приведших к исчезновению бус ближневосточного производства.

В связи с этим вызывает сомнение правомерность сравнения карты распространения ближневосточных бус, сирийских или египетских, с картой распространения дирхемов среднеазиатской чеканки. Сомнительна также правомерность хронологического сопоставления бус XI в. и монет X в.

В течение последних пяти лет в Лаборатории спектрального и структурного анализа исторического факультета МГУ ведется изучение древнерусских изделий из стекла. Состав стекла золоченых и серебреных бус изучался неоднократно в связи с характеристикой стеклянных изделий разных мест. В этой связи изучены состав 74 бусин, происходящих из разных мест: Белоозера Новгорода, Владимирских курганов, прибалтийских городищ Асоте и Тервете. Результаты исследования сведены в таблице, приводимой в конце статьи в виде приложения.

Концентрация элементов в пробе обозначается условными знаками, цифрами от «1» до «7». Цифры «7» — «5» — соответствуют самым малым содержаниям элемента в пробе: от предела чувствительности прибора до сотых долей процента. Цифрами от «4» до «1» обозначаются более высокие концентрации по возрастающей степени. Принятая нами система обозначений близка к другим системам, например, к системе Ф. Фернсворт и П. Ритчи [52], Э. Салена [53]. Эти авторы применяют не цифровую, а буквенную систему или систему значков, соответствующую пяти основным уровням концентраций. Дополнительно к этим уровням мы ввели еще два: в области «следов следов» и на самом пороге чувствительности прибора. Описываемые системы достаточно удобны для обозрения и сравнения больших аналитических серий не только изделий из стекла. Эта система используется и при изучении химического состава изделий из других материалов, например, из сплавов на медной основе. Р. Питиони, выступая на Международном симпозиуме по применению количественных методов исследования в археологии, проходившем в США в 1959 г. [54], доказал правомерность употребления системы значков для обозначения концентраций элементов. К этому выводу он пришел, используя в течение долгого времени метод количественного анализа. Не отрицая значения последнего, Р. Питиони считает свой новый вариант более приемлемым для решения таких проблем, как происхождение материала изделий и его увязка с месторождениями.

Международное совещание высказалось за дальнейшее развитие обоих методов исследования, считая, что оба метода способствуют выполнению главной задачи — изучению производства.

В результате анализа 74 бусин с металлической прокладкой выяснилось следующее.

[52] M. Farnsworth and P. Ritchie. Spectrografic Studies on Ancient Glass. Technical Studies in the Field of the Fine Arts, т. V, 1937.

[53] É. Salin. Rhin et l'Orient.

[54] Recommendation of the Symposium. The Application of Quantitative Methods in Archaeology. New York, 1960, стр. 356—357.

К первому варианту бус с металлической прокладкой, изготовленных из отрезков стеклянной трубочки, относятся 13 бусин. Это бусы с золотой металлической прокладкой. Они изготовлены из натриево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла (№№ анализов 4, 19—22, 37—39, 65—67, 71, 72). Одна бусина из Белоозера изготовлена из натриево-калиево-свинцово-кремнеземного стекла с использованием золота (анализ № 48).

Ко второму варианту бус с металлической прокладкой, изготовленных путем навивки, относятся 26 бусин. Из этого числа бусы золоченые имеют тонкую золотую прокладку (№№ анализов 9, 31, 41—56, 68), серебреные — серебряную. Состав стекла — калиево-натриево-кальциево-магниево-кремнеземное (№№ анализов 2, 9, 17, 29—31, 41—56, 62—64, 68). Такие бусы найдены на Белоозере, в Новгороде, во Владимирских курганах, в Асоте и Тервете.

На основе проделанных анализов удалось выделить и третий вариант бус с металлической прокладкой. К этому варианту относятся 34 бусины. Во всех случаях кроме одного (анализ № 58), металлическая прокладка у бус была серебряная, хотя на вид бусы золоченые. Бусы этого варианта изготовлены индивидуально, путем навивки или накручивания. Состав стекла — калиево-свинцово-кремнеземное (№№ анализов 1, 3—8, 10, 12—16, 23—28, 32—36, 40, 57—61, 69, 70, 73, 74). Бусы этого варианта найдены в Новгороде, Белоозере, во Владимирских курганах, на городище Асоте. М. В. Фехнер отмечает находки таких бус на Смоленщине[55]. Исходя из указанных результатов анализа состава стекла, можно сказать, что бусы русского производства составляют около половины всех исследованных бус (около 44%), бусы привозные — более половины (около 53%), единственная бусина из стекла Na — K — Pb — Si была изготовлена, по всей вероятности, тоже на Руси.

Из сказанного очевидно совсем иное соотношение между золочеными бусами русского производства и бусами привозными, чем то, которое приводит М. В. Фехнер. У М. В. Фехнер бус русского производства — 11%, у нас — около 44%. У М. В. Фехнер бус привозных — 85%, у нас — около 53%. Какие результаты более правильные, покажет дальнейшее изучение, но наши данные основаны на большем числе определений.

Из суммарного анализа бус с металлической прокладкой вытекает вопрос, для какого же времени и для каких территорий характерны бусы с металлической прокладкой, имеющие разные химико-технологические и типологические характеристики, которые мы свели к трем указанным выше вариантам.

По ярусам новгородской стратиграфии варианты золоченых бус распределяются следующим образом.

Варианты типов	Ярусы																Общее кол-во бус по ярусам
	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	
I		1						1	2	1	3	4	2	2	2	1	19
II							1	1	1	1	2	2	2	1			11
III	1		1	1		1	1		1	1	1						8
Неопред.									1	3	1	2					7

Таким образом, оказывается, что бусы ближневосточного происхождения (I вариант) известны в Новгороде с самого начала существования города до середины XI в., бусы II варианта — с конца X до начала XII в., русские бусы (III вариант) — с середины XI до первой трети XIII в.

Конечно, русские бусы, бытовавшие на Белоозере, в Новгороде, в Смоленске и в Латвии, производились не только в пределах Смоленской

[55] М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 165.

Результаты качественного

№№ п/п	№№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca
1	156	3	Бочонкообр. серебр. синего стекла	Асоте, № 21			4	2	4	3
2	156	4	Цилиндрическ. золочен.	» № 365			4	3	3	2
3	156	6	» серебр. синего стекла	» № 511			4	2	4	3
4	156	9	Бочонкообр. золочен.	» б/№			5	2	6	3
5	156	13	» »	» № 111			5	2	—	4
6	156	21	» »	» № 508			4	4	4	2
7	157	11	» »	» № 351			5	2	5	4
8	157	15	» »	» № 218			5	2	5	3
9	167	20	» »	Тервете-58, № 76			4	3	3	2
10	218	13	Цилиндрич. »	Белоозеро-58, № 376			6	3	6	5
11	218	22	Бочонкообр. серебр.	» № 58			4	5	3	3
12	229	3	» золочен.	Васильки, Суздальский у., Владимирской губ.			6	2	6	5
13	229	4	» серебр.				6	2	7	6
14	229	5	» »				7	2	7	5
15	229	6	» »	Кол. ГИМ, № 54746			7	2	7	5
16	229	7	» »	» »			7	2	—	5
17	229	9	» »	» »	Не определялись	Не определялись	4	3	4	3
18	229	10	» золочен.	» »			7	2	7	5
19	229	12	» »	» »			5	5	7	4
20	229	13	» »	» »			5	5	7	4
21	229	14	» »	» »			5	5	7	4
22	229	15	» серебр.	» »			5	5	7	4
23	229	16	» »	» »			7	2	7	5
24	229	17	» »	» »			7	2	7	5
25	229	18	» »	» »			7	2	7	5
26	229	19	» серебр.	Васильки, Суздальский у., Владимирской губ.			7	2	7	5
27	229	20	» »				6	2	7	5
28	229	22	» »				7	2	7	5
29	229	24	» »	Кол. ГИМ, № 54746			4	3	4	4
30	230	1	» »	» »			4	2	3	2
31	230	2	» золочен.	» »			4	3	4	2
32	230	3	» серебр.	» »			7	2	7	5
33	230	4	» »	» »			7	2	—	4
34	230	5	» »	» »			7	2	—	5
35	230	6	» »	» »			—	2	—	5
36	230	7	» »	» »			—	2	—	5
37	230	8	» золочен.	» »			5	5	5	3
38	230	9	» серебр.	» »			5	5	7	3
39	230	10	» »	» »			5	4	4	4
40	230	11	» »	Белоозеро, кол. ГИМ, № 83841			7	2	7	5
41	248	1	» золочен.	Белоозеро, 1959, № 812	6	4	5	3	3	3
42	248	2	» »	То же № 176	6	4	5	3	3	3
43	248	3	» »	» № 684	6	4	5	3	3	3
44	248	4	» »	» № 446	5	4	5	3	3	3
45	248	5	» »	» № 886	6	4	6	3	3	3
46	248	6	» »	» № 416	6	4	5	3	3	3
47	248	7	» »	» № 903	6	5	5	3	3	3
48	248	8	» »	» № 898	6	4	5	3	3	3
49	248	9	Цилиндр. »	» № 898	4	4	5	3	3	3
50	248	10	» »	» № 270	6	5	5	3	3	3
51	248	11	Бочонкообр. золочен.	» № 270	5	4	5	3	3	3
52	248	12	» »	» № 307	6	4	5	3	3	3
53	248	13	» »	» № 307	6	5	5	3	3	3
54	248	14	» »	» № 788	6	4	5	3	3	3
55	248	15	» »	» № 286	6	4	5	3	3	3
56	248	16	» »	» № 783	7	5	5	3	3	3
57	248	18	» »	» № 798	—	5	5	2	—	4
58	248	19	» »	» № 857	—	—	5	2	—	4
59	248	20	» »	» № 727	—	—	5	2	—	4
60	248	21	» »	» № 347	—	—	5	2	—	4

Приложение

спектрального анализа

Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As	Au
5	—	5	5	5	4	3	2	4	4	4	—		—	4	2	5	—	—
3	—	5	4	—	2	3	5	4	—	6	—		—	2	6	—	—	—
5	6	5	5	5	4	3	2	3	4	5	—		—	4	2	5	—	—
5	—	—	4	—	5	4	4	5	—	4	—		—	4	2	—	—	—
5	—	—	5	—	4	2	4	6	—	4	—		—	4	2	7	—	—
3	—	—	3	—	5	2	5	3	—	5	—		—	5	2	—	—	—
4	—	7	5	—	4	3	4	5	—	4	—		—	4	2	—	—	—
5	—	—	5	—	4	2	5	7	—	5	—		—	4	2	—	—	—
3	—	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	6	—	3
6	—	—	7	—	4	3	4	7	—	7	—		—	5	3	—	—	—
3	—	6	5	—	2	3	4	4	5	5	—		—	—	5	—	—	—
6	—	—	5	—	5	3	5	7	—	4	—		—	4	2	—	—	5
6	—	—	6	—	5	4	5	—	—	5	—		—	5	2	—	—	—
5	—	—	5	—	5	5	5	—	—	5	—		—	5	2	—	—	—
5	—	—	5	—	5	4	5	—	—	5	—		—	5	2	—	—	—
6	—	—	6	—	5	4	5	—	—	5	—		—	5	2	—	—	—
4	—	5	5	—	2	4	5	6	—	6	—		—	2	5	—	—	—
5	—	—	4	—	2	5	5	7	5	5	—		—	5	2	—	—	4
5	—	6	7	—	2	4	5	5	—	6	—		—	3	5	—	—	—
5	—	6	7	—	2	4	5	5	—	6	—		—	3	5	—	—	—
5	—	6	7	—	2	4	5	5	—	6	—		—	3	5	—	—	—
5	—	6	7	—	2	4	5	5	—	6	—		—	3	5	—	—	—
6	—	—	—	—	4	4	5	—	5	6	—		—	5	2	—	—	—
5	—	—	7	—	5	5	5	7	4	5	—		—	4	2	—	—	—
6	—	—	6	—	5	5	5	—	—	7	—		—	5	2	—	—	—
6	—	—	—	—	5	5	5	7	4	5	—		—	4	2	—	—	—
6	—	—	7	—	5	4	5	7	6	5	—		—	5	2	—	—	—
6	—	—	—	—	5	4	5	6	6	5	—		—	5	2	—	—	—
4	6	5	—	—	2	3	5	5	6	5	—		—	2	4	5	—	—
3	—	4	4	—	2	3	4	5	7	5	—		—	2	4	—	—	—
3	—	4	4	—	2	4	5	5	7	7	—		—	3	6	—	—	3
5	—	—	5	—	5	4	5	7	7	7	—		—	5	2	—	—	6
6	—	—	—	—	6	4	5	—	7	7	—		—	4	2	—	—	5
6	—	—	—	—	5	5	5	—	7	6	—		—	5	2	—	—	—
6	—	—	7	—	6	4	4	—	6	6	—		—	5	2	—	—	5
6	—	—	7	—	6	5	5	—	—	6	—		—	5	2	—	—	—
4	—	6	7	—	2	5	6	6	—	—	—		7	3	7	—	—	4
5	—	7	—	—	2	4	5	6	—	7	—		7	3	6	—	—	—
4	—	7	—	—	2	4	5	—	—	—	—		—	3	7	—	—	—
6	—	—	6	—	5	4	5	—	7	5	—		—	5	2	—	—	6
4	—	5	4	—	2	4	5	5	6	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	6	5	—		—	2	4	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	3	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	6	5	—		—	2	4	—	—	4
4	5	5	4	—	2	4	5	5	7	4	—		—	2	4	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	4	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	4	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	4	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
4	—	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	2	5	—	—	4
5	—	—	4	—	4	4	5	5	—	4	—		—	4	2	—	—	—
5	—	—	4	—	4	3	5	5	—	4	—		—	4	2	—	—	4
5	—	—	4	—	4	4	5	5	—	4	—		—	4	2	—	—	6
5	—	—	5	—	4	4	5	5	—	4	—		—	4	2	—	—	6

Основа

№№ п/п	№№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba	Cr	K	Mn	Ca
61	248	22	Бочонкообр. золочен.	Белоозеро 1959, № 938	—	—	5	2	—	4
62	248	23	Цилиндрич. серебрен.	То же № 896	—	6	5	3	3	3
63	248	24	» »	» № 708	—	6	5	3	3	3
64	272	18	» »	Белоозеро 57, № 41	4	—	4	3	4	4
			I вариант золочен.	Новгород, 27-823,						
65	275	15		№ 402	4	7	4	4	5	3
66	275	16	» »	То же 23-564, № 400	4	5	5	4	3	3
67	275	17	» »	» 28-761, № 583	4	5	5	4	3	3
68	275	18	Бочонкообр. »	» 9-996, № 405	4	4	5	3	3	3
69	275	19	Цилиндрич. »	» 13-691, № 396	—	7	5	2	6	5
70	275	20	Бочонкообр. »	» 28-127, № 441	—	7	5	2	7	5
71	275	21	» »	» 735, № 411	4	4	5	4	3	3
72	275	22	Цилиндрич. »	» 22-156, № 51	4	4	5	4	3	3
73	275	23	Бочонкообр. »	» 22-522, № 610А		7	6	2	7	5
74	275	24	» »	» 15-125, № 10680		7	6	2	6	5

Условные

В шифре паспортов находок после наименования пункта — Белоозеро, Тервете— «раскопки в Белоозере в 1958 г.». Шифр «Новгород, 27-823» означает «раскопки шифров, обозначают №№ по порядку в коллекционной описи соответствующего года

области. Не отрицая существования мастерской по их изготовлению на Смоленщине[56], мы вправе допустить существование другого, более мощного центра производства, откуда бусы распространялись на большой территории Руси и ее ближайших соседей. Поскольку значительная часть русских бус производилась в Киеве и его районе, возможно допустить, что и производство золоченых и серебреных бус было сосредоточено здесь же. Для изготовления русских бус использовалось только серебро. Это хорошо согласуется с нашими представлениями о малой распространенности в домонгольское время золотых ювелирных изделий и монет.

У нас нет прямых данных для определения происхождения золоченых бус II варианта и лимонок III варианта. Они близки по сходному составу стекла и по технике изготовления — каждая бусина здесь изготавливалась индивидуально. Иными словами, оба варианта бус, имея одинаковую характеристику, могут иметь единый источник происхождения, отличный от ближневосточного. Главным отличительным признаком здесь является переход от массового производства бус к производству индивидуальному. С другой стороны, близость нового центра производства к ближневосточным обнаруживается в сходстве составов используемого стекла.

Более всего под эту категорию подходит Византия, стеклоделие которой во многих своих чертах тесно связано с ближневосточным стекольным производством[57]. В средние века Византия имела большие достижения в технике золочения стекла, о чем свидетельствуют золотая роспись на сосудах и золотая мозаика византийских и ранних русских церквей, а также средневековый трактат монаха Теофила.

Итак, мы закончили рассмотрение древнерусских бус X—XIII вв. с точки зрения их происхождения. Оказалось, что среди них встречаются собственно русские бусы и бусы привозные. Принципы выделения русских бус не вызывают сомнений, и их правильность доказывается из анализа самого бусинного материала. Менее доказано ближневосточное

[56] М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 164—165.

[57] K. L. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin. 1928—1930. т. I, стр. 12; G. R. Davidson. Ук. соч., табл. 88.

Приложение (продолжение)

Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As	Au
5	—	—	4	—	4	4	5	5	—	4	—		—	4	2	—	—	—
4	—	6	5	—	2	3	4	5	—	5	—		—	2	4	—	—	5
4	—	6	5	—	2	3	4	5	—	5	—		—	2	5	—	—	5
4	—	4	5	7	2	3	4	5	7	6	—		—	3—	5	—	—	—
4	—	4	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3—	5	—	—	4
4	—	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3	5	—	—	4
4	5	5	5	—	2	4	5	5	6	4	—		—	3	5	—	—	4
4	6	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3	6	—	—	4
5	—	—	6	5	5	4	5	5	6	4	—		—	4	3	—	—	—
5	—	—	5	—	5	4	5	5	7	5	—		—	4	3	—	—	—
4	6	5	4—	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3	5	—	—	4
4	7	5	4—	—	2	4	5	5	6	5	—		—	3	5	—	—	4
6	—	—	7	—	5	4	5	5	7	6	—		—	5	3	—	—	—
5	—	—	6	—	4	4	5	5	6	5	—		—	4	3	—	—	5

Основа

обозначения

следуют две цифры, означающие год раскопок. «Белоозеро-58» следует понимать как в Новгороде на Неревском конце, пласт 27, квадрат 823». №№, состоящие после раскопок. Знаком «—» обозначено отсутствие элемента в пробе.

происхождение основной массы бус X — начала XI в. Происхождение же небольшой третьей группы лимонок и золоченых бус конца X — начала XII в. определено гипотетически.

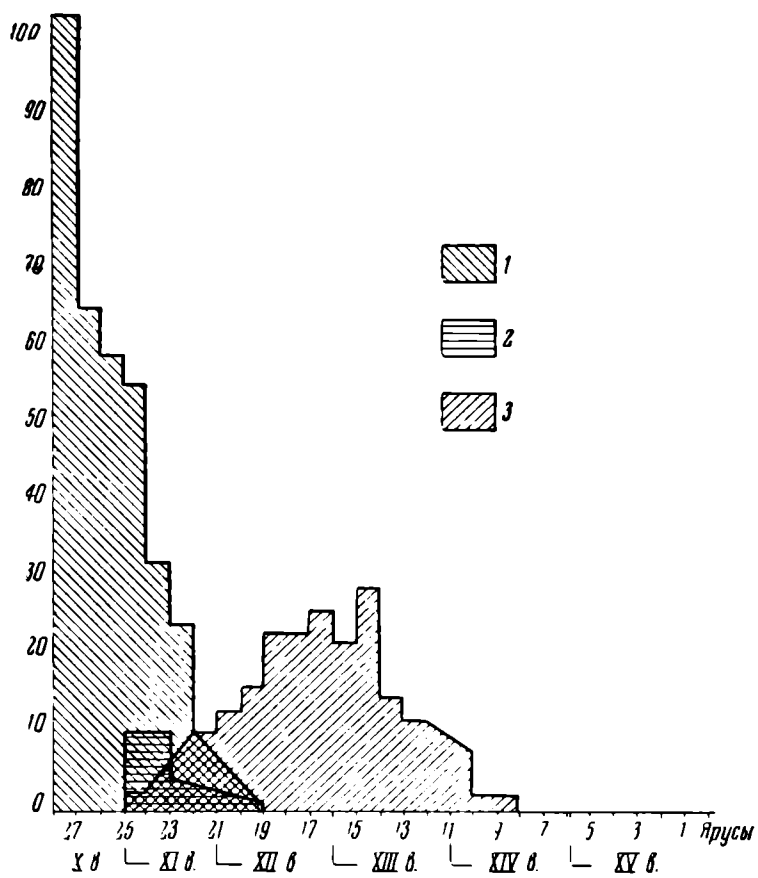


Рис. 4. Диаграмма бытования бус разного происхождения

1 — бусы ближневосточные; *2* — бусы византийские; *3* — бусы русские

Известную помощь в определении места происхождения может оказать сравнение направления внешнеторговых связей в разное время.

Новгородская восточная торговля, хорошо развитая в X в., в первой четверти XI в. резко сокращается и к середине столетия сходит совсем на нет; этот процесс совершенно аналогичен развитию русских торговых отношений с Востоком [58]. Распространенные в это время на Руси бусы происходят не из Средней Азии. От среднеазиатских бус они отличаются техникой изготовления: среднеазиатские бусы изготовлены индивидуально, навивкой, а бусы, известные на Руси,— из трубочки.

В XI в. Новгород имел довольно активные торговые связи с южными землями, однако они уступают по значению связям западноевропейским. Приднепровье же в XI—XII вв., напротив, находилось в тесных взаимоотношениях с Византией. В этой связи предположение о византийском происхождении части золоченых бус и лимонок выглядит скорее вероятным, чем недопустимым.

Соотношение объемов бус разного происхождения, бытовавших, например, в Новгороде, можно представить себе из диаграммы (рис. 4). Объем восточного импорта огромен, много русских бус, предполагаемые византийские очень малочисленны; не обладай они своими характерными чертами, они просто растворились бы в общей массе типологически сходных бус.

К числу бус византийского производства можно, видимо, отнести зонные и других форм бусы, изготовленные из непрозрачного печеночно-красного (нередко свинцового) стекла путем навивки. Иначе невозможно объяснить отсутствие других изделий из стекла красного цвета. Видимо, в производстве красных бус, а может быть, желтых, зеленых, коричневых и синих утилизировались отходы стеклянных масс в смальтовом производстве. Другой вопрос — где осуществлялось это производство. Сейчас мы не располагаем достаточными данными для его решения. Не исключена возможность, что поиски приведут нас в Киев.

Бусы русского производства впервые появляются в середине XI в., исчезают во второй половине XIII в. Наибольшего расцвета это производство достигает в XII в., в его последней четверти, когда замечаются новые тенденции в развитии: переход от техники индивидуального производства бус к технике массового производства, чем было вызвано появление винтообразных бус .

---

[58] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1954.

Публикации

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БАШКИРИИ

Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии и в прилегающих районах Свердловской области, лежащих на границе Среднего и Южного Урала, были обнаружены и исследованы Башкирской археологической экспедицией в 1954—1957 гг. Ранее поселения этого времени были вообще неизвестны на всей территории Башкирской республики [1].

Географические условия исследованных районов Южного Предуралья своеобразны и отличаются от условий тех мест, где, как правило, группируются и сосредоточиваются неолитические стоянки. Здесь центральной водной магистралью является р. Уфа, которая прокладывает свое русло среди каменистых горных хребтов южной оконечности Среднего Урала. В геологическом отношении это — возвышенное плато, расчлененное густой сетью глубоко врезающихся в него рек и оврагов [2]. Плато представляет собой плоскогорье, сложенное верхнепалеозойскими известняками, являющимися намного древнее пород, слагающих окружающую плато территорию. Склоны долин рек обычно круты, скалисты или покрыты осыпями, растущий на них большей частью густой смешанный лес спускается до самой воды. Течение рек быстрое и порожистое. Террасы, пригодные для поселений, немногочисленны и невелики. Эти условия мало способствовали расселению на побережье Уфы племенных или родовых групп. Однако р. Уфа не могла не привлекать древнее население как один из немногих водных путей, соединяющих восточный и западный склоны Урала. Кроме того, в палеозойских известняках, слагающих берега реки, в частности, на левом ее берегу, у устья р. Юрюзани, содержатся залежи известняково-кремнистых сланцев — весьма подходящего каменного сырья, легко доступного для человека неолитического времени.

Как показали археологические исследования, эти преимущества в общем сурового района были известны неолитическому населению Урала. Поселения, расположенные в среднем течении Уфы, отличаются рядом своеобразных черт, стоящих в прямой связи со своеобразием природных условий. Обращает на себя внимание, прежде всего, малочисленность памятников. На всем протяжении неоднократно обследованного побережья реки (700 *км* — от пос. Михайловский Завод, Свердловской области, до пос. Елеево, Караидельского района, Башкирской АССР) насчитывается всего восемь местонахождений, шесть из которых тяготеют к устью р. Юрюзани, одно расположено в устье р. Ай и одно, наиболее удаленное от основной группы поселений (стоянка Черкасовская),

---

[1] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Уфа, 1929.

[2] М. М. Толстихина. Геологическая карта Нижнеюрюзанского р-на. Тр. ЦНИГРИ, вып. 68, Л., 1935.

находится в Красноуфимском районе Свердловской области. Выше Черкасовской, вверх по реке, памятники вовсе не обнаружены (рис. 1). Два из перечисленных местонахождений в устьях наиболее крупных притоков Уфы — Айя и Юрюзани — являются относительно крупными поселениями, занимающими довольно большую площадь и сохранившими многочисленные культурные остатки. Остальные, расположенные на более ограниченной площади, представляют собой, по-видимому, кратковременные стоянки, более или менее сохранившие культурный слой.

Рис. 1. Карта распространения неолитических памятников в среднем течении р. Уфы

1 — месторождения неолитического времени; *2* — камнеобрабатывающая мастерская; *3* — неолитические поселения

Одной из своеобразных черт всех поселений и стоянок (независимо от длительности существования) являются их географическое положение. Они занимают только небольшие мысы высоких (вторых) террас, образованных берегом реки и оврагом, составляющим зачастую русло реки (рис. 2). Террасы примыкают к грядам коренного берега, защищающего их от резких и холодных ветров.

Стоянки находятся необычно высоко над рекой. Так, Усть-Айское поселение располагалось на террасе высотой 30 *м* (относительно современного уровня реки), стоянки Черкасовская и Айдосская — на террасах высотой 18—20 *м* (рис. 2). Высотный уровень стоянок в данном случае не является датирующим, как это имеет место в некоторых других местах, например в Карелии. Здесь, очевидно, человек избирал для поселений наиболее пригодные для обитания места, которых было немного[3]. Здесь непосредственная близость поселения к воде не является таким непременным условием, как обычно на стоянках неолитического времени, где она обусловлена одним из основных видов хозяйственной деятельности неолитического человека, а именно—рыболовством. Другой и, пожалуй, наиболее характерной чертой описываемых памятников является общность их кремневого инвентаря. Она прослеживается в многочисленных типах орудий, но только тех, которые изготовлены из местных пород известняково-кремнистых сланцев.

Одну группу этих орудий составляют орудия для обработки дерева — топоры, тесла и долота, однотипные в общих чертах и варьирующие в деталях (рис. 3). Эти орудия, изготовленные из двусторонне оббитого желвака, реже — из односторонне оббитого, удлиненного куска плитчатого кремня, отличаются крупными размерами (в среднем — 9—12 *см*

[3] О последнем свидетельствует еще и то обстоятельство, что все без исключения местонахождения являются многослойными, содержащими остатки эпох бронзы, раннего и позднего железа. Других памятников эпохи металла не обнаружено.

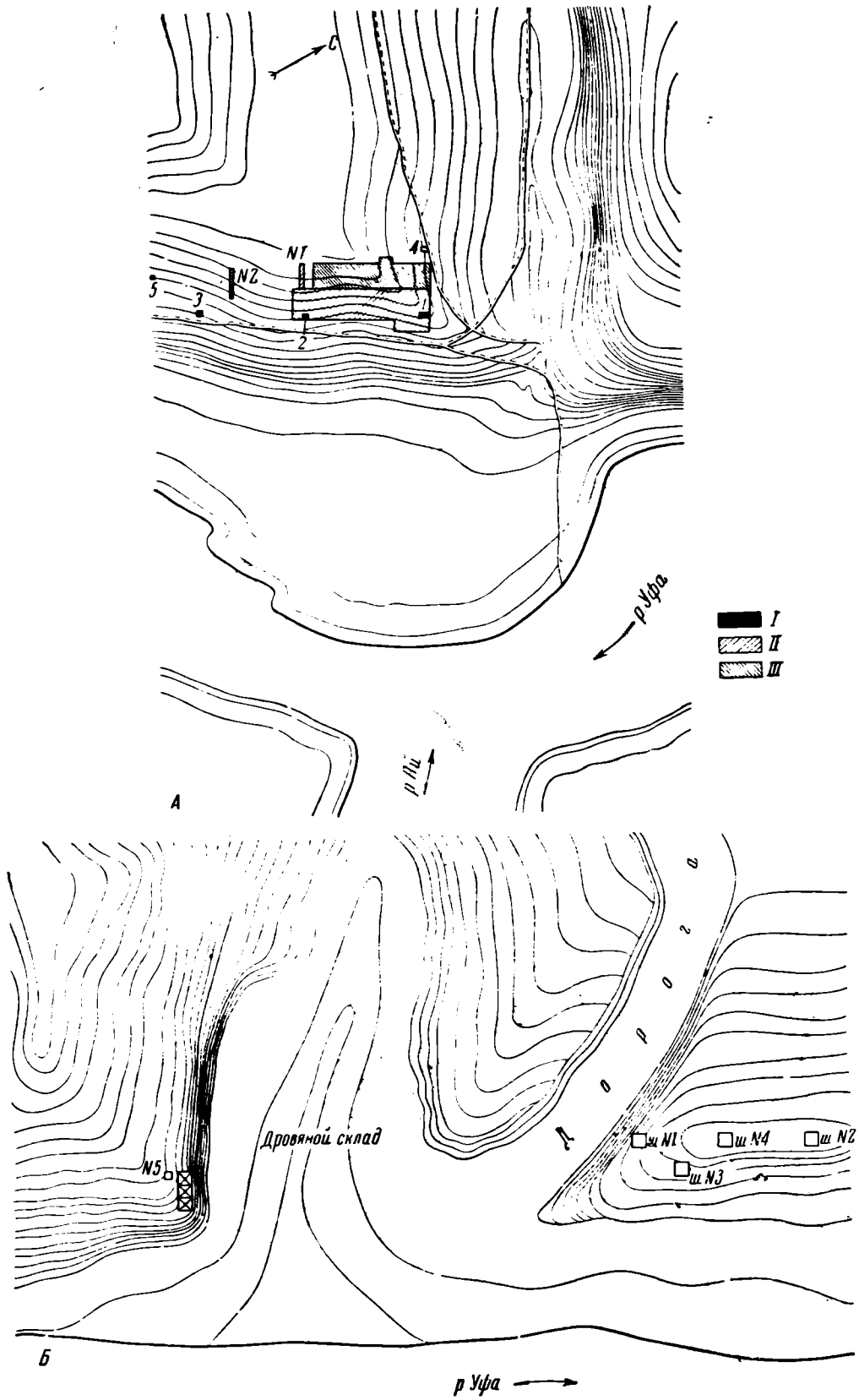


Рис. 2. Глазомерный план стоянок

А — Усть-Айская; *Б* — Айдосская. *I* — разведка 1956 г.; *II* — раскоп 1957 г.; *III* — раскоп 1958 г.

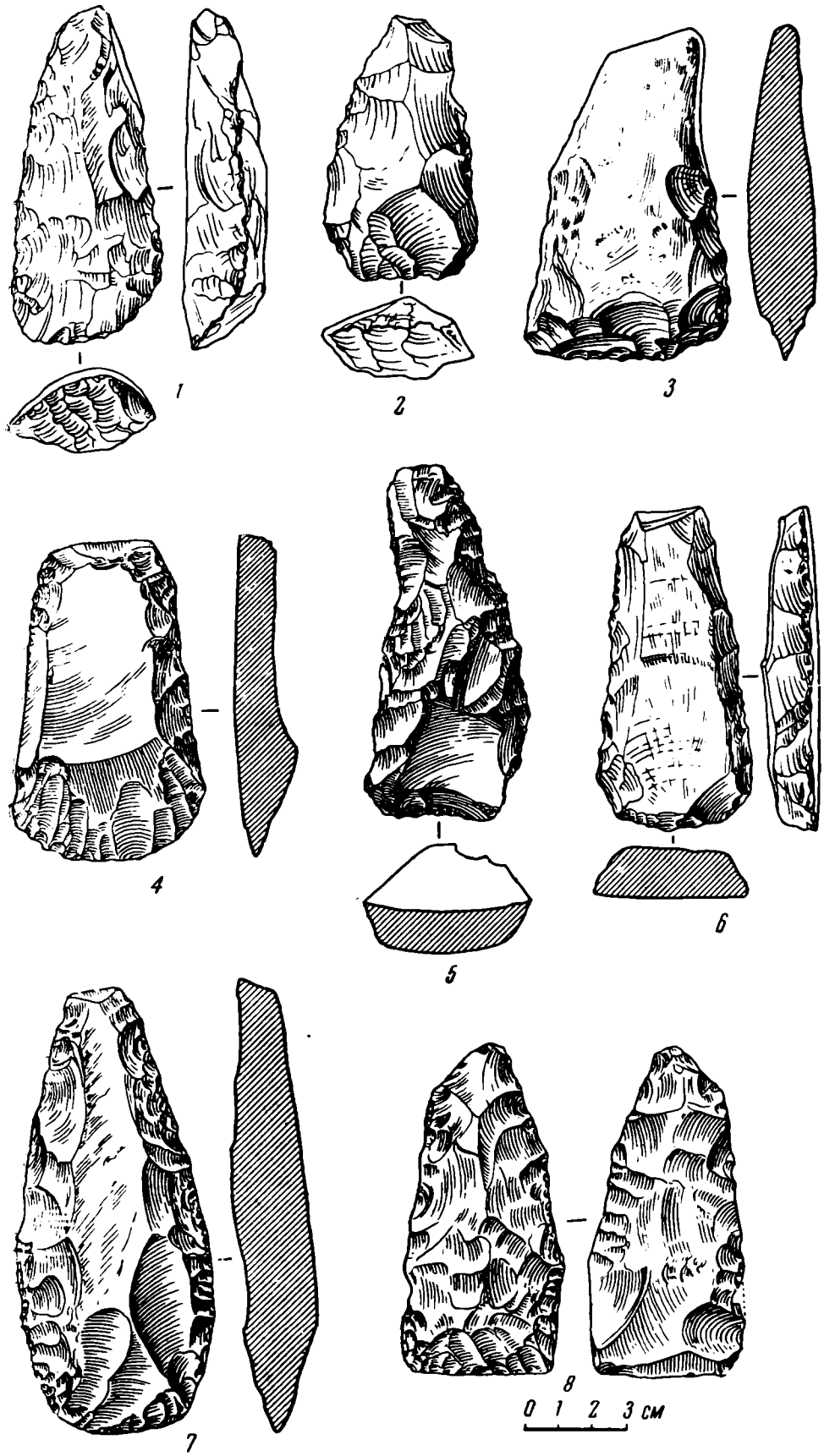


Рис. 3. Топоры и долота

1 — Черкасовская; *2, 3, 5* — Усть-Айская; *4, 7, 8* — Усть-Юрюзанская; *5* — Айдосская

в длину). Обушная часть их слегка суживается и заканчивается чаще острием, реже — горизонтальной плоскостью. Боковые стороны слегка расширяются к лезвию. В поперечном сечении орудия имеют форму неправильного овала, в продольном — они чаще асимметричны, что указывает на преобладание тесел. На это же указывает и форма лезвия, чаще асимметричного в продольном и поперечном сечении или же имеющего сработанность одной стороны,— признак, присущий орудию, использованному в качестве тесла (рис. 3, *1, 4, 6*).

Общими для этой группы орудий являются и приемы их изготовления — грубая двусторонняя оббивка и отеска крупными стесами. Подобные приемы часто являются лишь первым этапом в обработке орудий, предшествующим шлифовке. Здесь, однако, шлифованных орудий этого типа нет. Вполне вероятно, что некоторые орудия являются незаконченными, однако и безусловно готовые орудия, имеющие следы их использования, изготовлены теми же приемами, лишь с несколько большей тщательностью, особенно на рабочей части орудия (рис. 3, *8*).

Другую группу составляют мелкие орудия из пластин (рис. 4). Среди них наибольшее количество (около 50%) принадлежит концевым скребкам. Они изготовлены из узких, тонких, небольших ножевидных пластинок, путем тщательной отделки их лезвия на конце пластинки тончайшей ретушью (рис. 4, *1—9, 12—17, 22—23*). Помимо концевых скребков, имеются скребки с округлым, квадратным лезвием, с двойным противолежащим лезвием (рис. 4, *11, 24, 25*), а также более крупные скребки, изготовленные из массивных отщепов. Таким образом, скребки представлены разнообразными типами, с резким преобладанием концевых из тонких пластинок.

Кроме скребков, из пластин изготовлены острия, проколки, ножи (рис. 4, *26—44*). Обращает на себя внимание разнообразие приемов их изготовления, связанное, по-видимому, с различием в частном назначении того или иного орудия. Так, небольшие ножи из обломков и сечений пластин изготовлены нанесением в различных вариантах односторонней и двусторонней ретуши по внешней и внутренней поверхностям (рис. 4, *27, 30, 32*). Есть также крупные ножи, изготовленные из тонких и реберчатых пластин, с двусторонней вторичной обработкой по внутренней и внешней поверхностям (рис. 4, *43, 44*). Острия из тонких пластин, с отклоненной рабочей частью в ту или другую сторону от центральной длинной оси орудия, также разнообразно обработаны ретушью, расположенной по одной или двум граням внутренней, внешней или обеих поверхностей (рис. 4, *26, 28, 29, 31, 33, 37, 38*). Помимо готовых орудий, мы находим на наших поселениях многочисленные нуклеусы и необработанные пластины, составляющие значительную группу инвентаря и позволяющие восстановить процесс производства орудий указанных выше типов с самого начала — с расщепления ядрища и скалывания самих пластин.

Основную массу нуклеусов составляют небольшие (7—8 *см* длины) нуклеусы конической или приближающейся к ней форме (рис. 5, *13—17, 19—23, 25*). Они имеют одну ударную площадку, противоположный ей конец, служащий для упора, в большей или меньшей степени заострен. Почти все нуклеусы носят следы использования по всей поверхности. Наряду с экземплярами, имеющими укороченные фасетки, смятость и заломы в средней части ядрища, свидетельствующие в какой-то мере о неудавшихся сколах, большинство нуклеусов имеют фасетки по всей своей длине; многие из них — длинные и тонкие, со строго параллельным огранением (рис. 5, *16, 18, 20, 22, 26*). Встречена здесь и разновидность конических нуклеусов — совсем миниатюрные экземпляры с аналогичными фасетками и тонко заостренным кончиком, носящие в литературе название «карандашевидных» (рис. 5, *10, 12*). Среди нуклеусов имеются и заготовки, т. е. подготовленные к скалыванию пластин

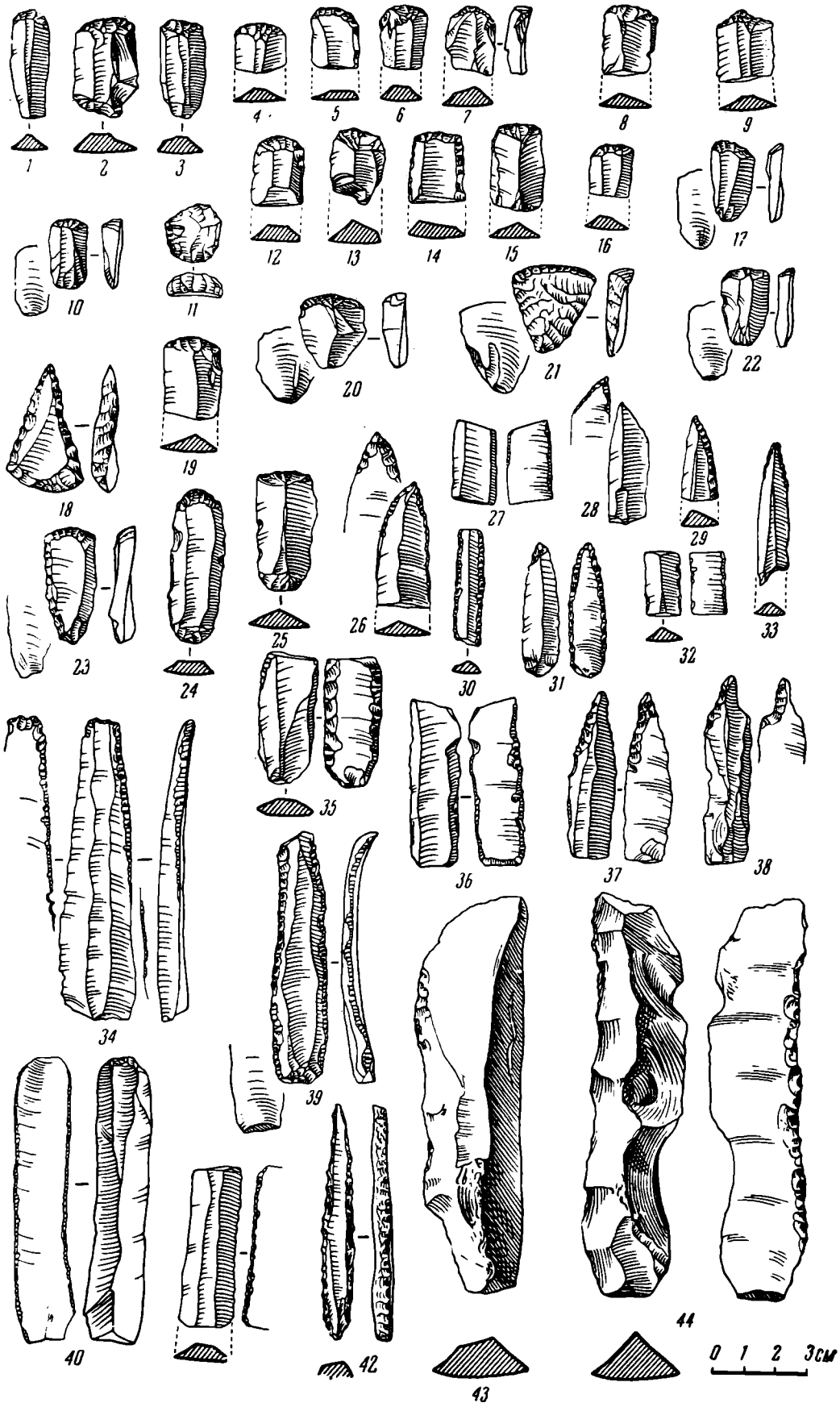


Рис. 4. Орудия из пластин

1—5 — Черкасовская; *6—42* — Усть-Айская; *43, 44* — Тургенеевская

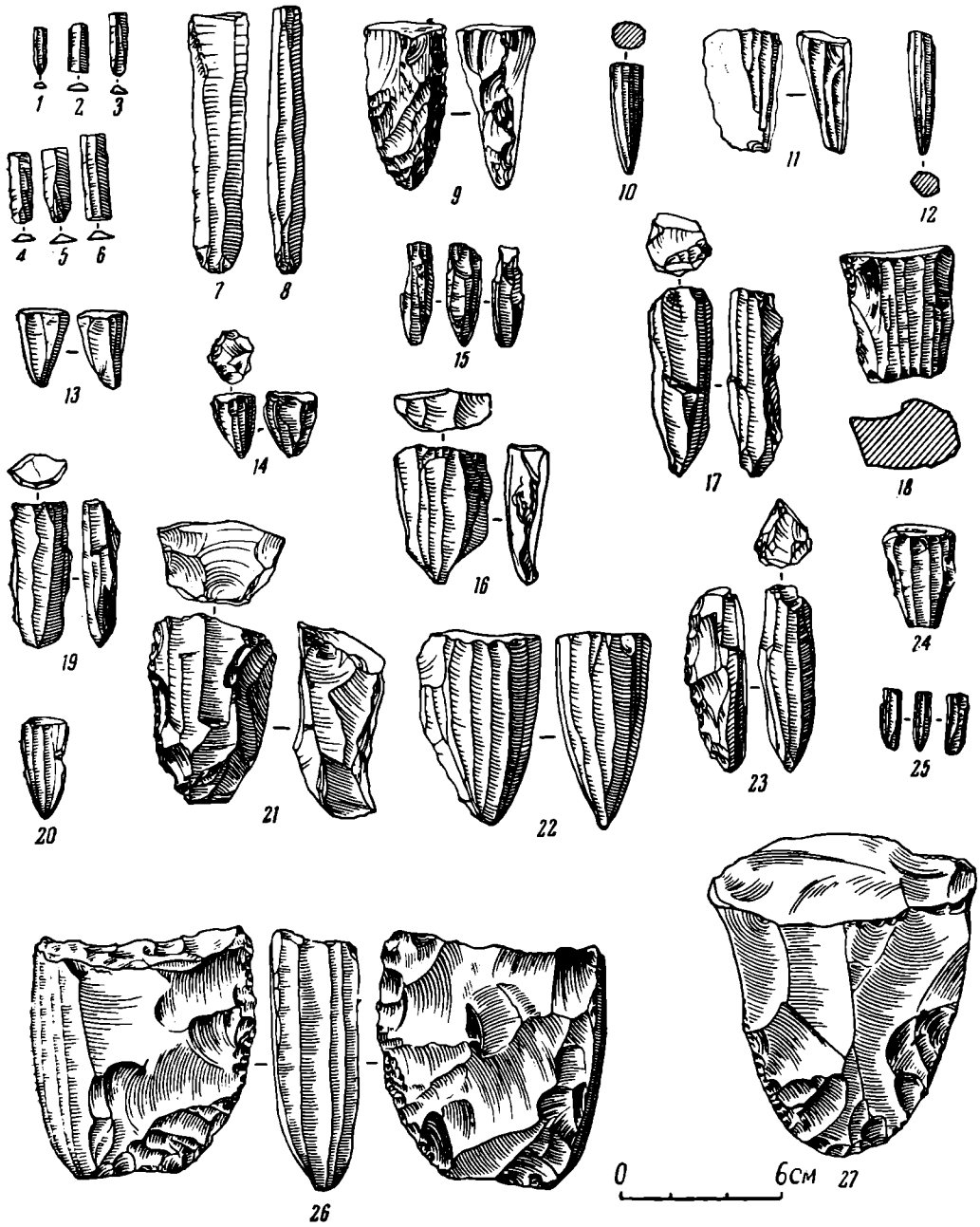


Рис. 5. Нуклеусы и пластины

1—6, 9, 12—16, 19, 20, 22, 23, 25 — Усть-Айская; *7, 8* — Барандайская; *10, 11* — Черкасовская; *17, 18, 21, 24, 26, 27* — Усть-Юрюзанская

ядрища, с которых еще не сняты пластины или сняты в минимальном количестве. У подобных заготовок предварительной оббивке подвергнута ударная площадка и поперечными сколами преднамеренно сужен противолежащий ей конец (рис. 5, *9, 21, 27*).

Нуклеусы призматические или двуплощадочные, встреченные в единичном числе, имеют приблизительно те же размеры, что и конические. На них прослеживаются те же приемы скалывания пластин со всей поверхности ядрища. Количество призматических нуклеусов невелико, как, впрочем, и вообще в поселениях неолитического времени (рис. 5, *18*).

На всех без исключения стоянках встречены ножевидные пластины, среди которых много крупных экземпляров высокого качества — длинных, тонких, с правильным параллельным огранением (рис. 5, *1—8*).

Таким образом, процесс производства орудий можно проследить с подготовки ядрищ и получения пластин до окончательного оформления орудия. Техника изготовления орудий из пластин была здесь очень развита. Об этом свидетельствует как разнообразие форм орудий, так и высокое качество их обработки.

Производство орудий осуществлялось с помощью отбойников, в качестве которых использовались небольшие яйцеобразные гальки кварцита. Они найдены почти на всех поселениях в большом количестве. На них отчетливо видны следы работы, чаще всего на противолежащих концах или же на широких плоскостях у концов гальки.

Особую группу составляют большие ножи, среди которых выделяются: 1) двулезвийные ножи с асимметричными (прямым и выпуклым) лезвиями, заканчивающиеся острием, сплошь обработанные двусторонней ретушью (рис. 6, *3, 4, 10*); 2) ножи из широких отщепов или тонких плиток кремнистого известняка; обработке двусторонней приостряющей ретушью подвергнуто у них только лезвие (рис. 6, *1, 2, 5, 9—11*). Форма их и манера изготовления довольно своеобразны. В неолитических поселениях они встречаются редко, тем более в больших сериях. Точные аналогии им подобрать затруднительно. По технике изготовления они напоминают прибайкальские ножи китойского времени [4], но там, как правило, у них прямое, а не округлое лезвие. Наиболее близкой аналогией нашим ножам являются эскимосские ulu.

Все типы орудий, встреченные в поселениях, наиболее широко представлены в Усть-Юрюзанском поселении-мастерской [5]. Это касается в первую очередь изделий, широкое производство которых там имело место,— топоров, нуклеусов и пластин. Но и другие орудия — скребки, всевозможной формы ножи, острия найдены в мастерской в большом количестве. Отличает мастерскую от остальных поселений только процентное соотношение различных групп орудий. В первой с процессом производства связано 98% общего количества кремневых изделий (включая отходы), в остальных поселениях процентное соотношение разных групп значительно более равномерно. Но типы орудий — топоры, ножи, скребки, нуклеусы и другие, сделанные из местных известняково-кремнистых сланцев, по форме, размерам, приемам и характеру обработки сходны до деталей на всех поселениях. Крупные орудия, такие, как топоры, долота и тесла, ножи с широким лезвием, своеобразны. Орудия же из пластин имеют достаточно широкие аналогии и позволяют найти нашим поселениям определенное место в кругу неолитических культур.

Особую группу составляют орудия, изготовленные из различных кремнистых пород, по-видимому, не местного происхождения, и встреченные на поселениях в единичных экземплярах. Сюда относятся наконечники стрел, найденные в очень ограниченном количестве и только на трех поселениях. Представлены они разными типами (рис. 7, *1—10, 14*). Особенно отчетливо разнотипность наконечников прослеживается в Усть-Юрюзанском поселении, где каждый тип имеется в одном или двух экземплярах. Так, здесь найден наконечник с боковой выемкой, известный по кельтеминарским и казахстанским стоянкам, встречающийся также на стоянках Южного Зауралья и Западной Сибири. Здесь также найдены: наконечники с пильчатой ретушью, которые, хотя и отличаются по форме от беломорских, передают известные в беломорской культуре приемы оформления рабочей части, и наконечники с оттянутым жальцем, несколько напоминающие серовские. Из Усть-Айского поселения известны наконечники листовидной формы, составляющие там

[4] Раскопки Н. Н. Гуриной и Л. Я. Крижевской Усть-бельского поселения. Материал хранится в ЛОИА.

[5] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960, стр. 239—280.

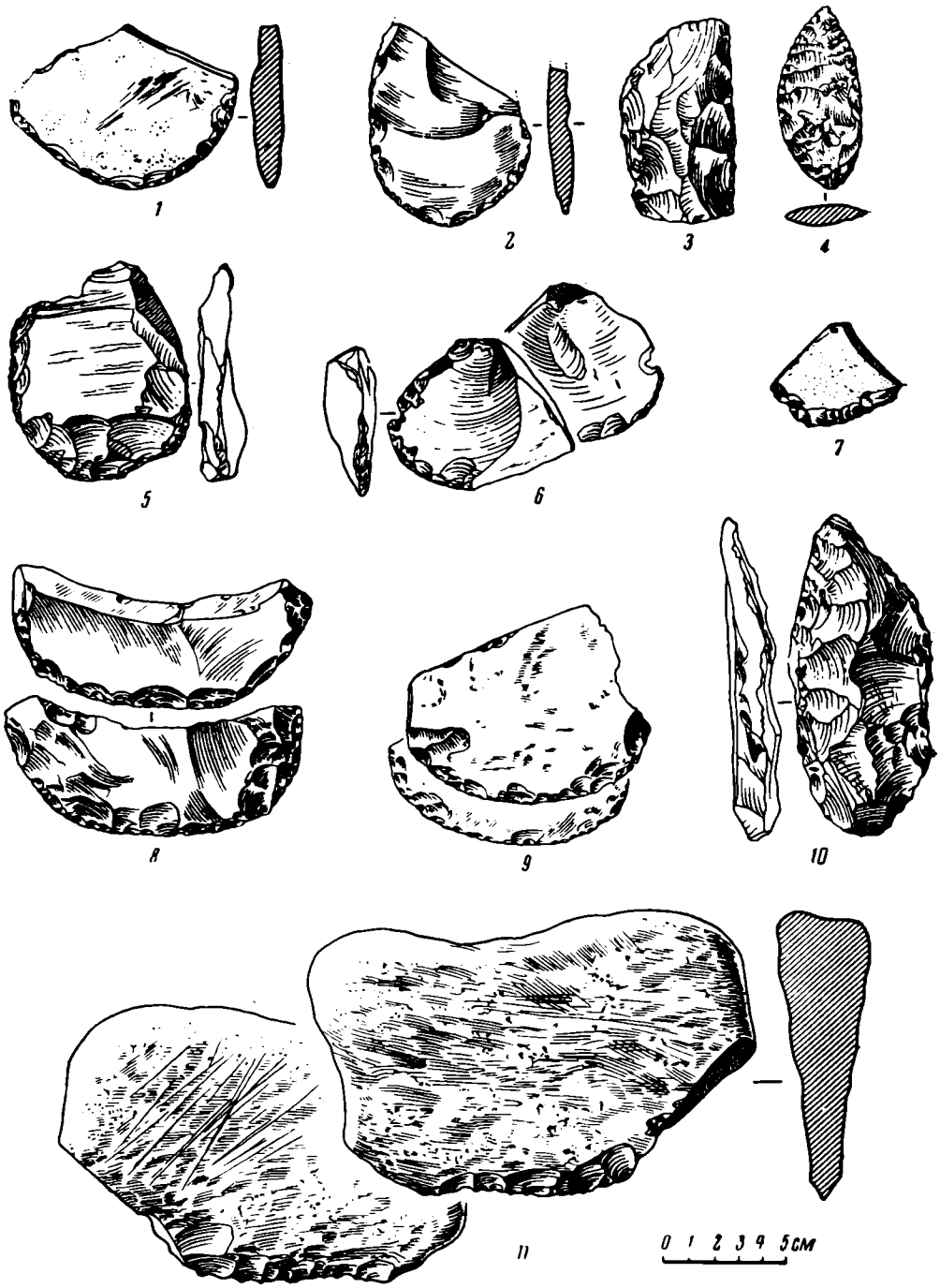


Рис. 6. Ножи

1—6, 10, 11 — Усть-Айская; *7* — Айдосская; *8, 9* — Усть-Юрюзанская

наибольшую группу, и другие типы, найденные также в единичных экземплярах: с прямым основанием, приближающиеся к ромбическим с выделенным и невыделенным черешком, наконечники турбинского и сейминского типов. В Усть-Айском же поселении найдено два оригинальных наконечника: один — с двойными шипами, второй — с веерообразно расширяющимся основанием, прямые аналогии которым назвать затруднительно (рис. 7, *6, 14*).

Все без исключения наконечники изготовлены либо из высококачественного цветного кремня: серого, коричневого и темно-зеленого, либо из полудрагоценных пород — халцедона и яшмы.

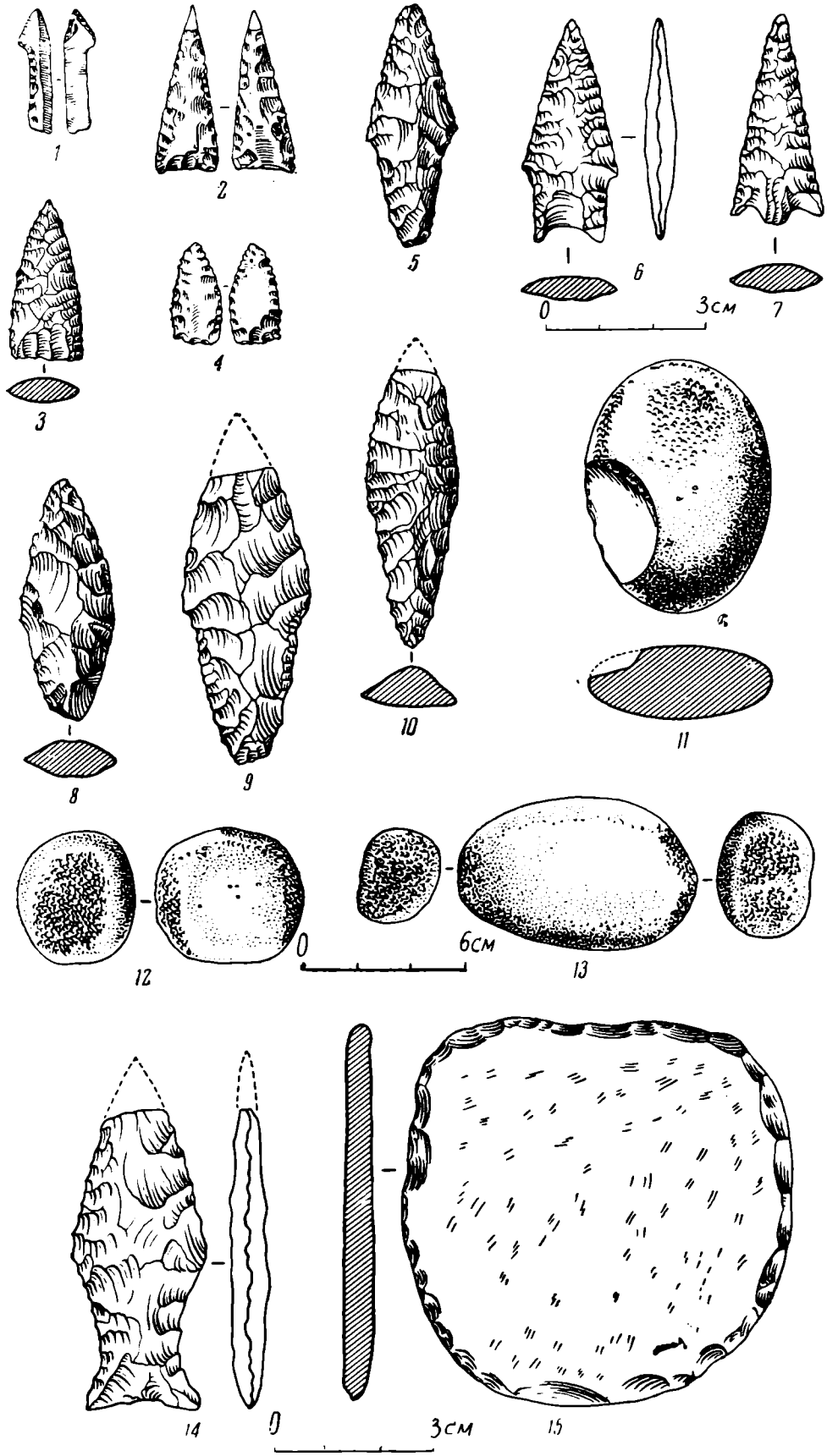


Рис. 7. Наконечники стрел, отбойники

1, 2, 4 — Усть-Юрюзанская; *5—11, 13—15* — Усть-Айская; *12* — Черкасовская

К группе единичных орудий относятся еще небольшие ножички с округлым лезвием, сделанные из песчаника (рис. 7, *15*), известные в стоянках Казахстана (Усть-Нарым) и Туркмении (пещеры Джебел) [6]. Сюда относятся также два скребка и несколько ножевидных пластинок из характерного для Южного Зауралья яшмовидного кремня. Подобные скребки и, главное, ножевидные пластинки широко распространены в кремневой индустрии зауральских неолитических озерных стоянок — на озерах Чебаркуль, Ильмены, Аргази и многих других. По-видимому, все перечисленные изделия, встреченные в единичном числе, не являлись предметами местного производства.

Что касается керамики, то в ней отчетливо выделяются две основные группы, лучше всего представленные в Усть-Айском поселении. Первую ее группу составляют крупные широкогорлые сосуды с диаметром по венчику 30—35 *см*. Венчик сосудов прямой, бережок чаще имеет косой срез и незначительное утолщение с внутренней стороны, реже он прямой и слегка расплющенный (рис. 8). Сосуды толстостенные (толщина стенки — 0,7 *см*, к днищу — 1 *см*) и остродонные. Тесто содержит незначительные примеси к глине песка. Оно хорошего качества, хорошо отмучено и хорошо обожжено. Сосуды сплошь покрыты гребенчатым орнаментом, который большей частью составляет вертикально расположенный елочный узор, нанесенный длинным, относительно крупным штампом. В других случаях узоры гребенчатого штампа слегка варьируют, составляя несложные комбинации из прямых и наклонных линий (рис. 9, *1, 6, 8, 9, 17*).

Эта группа сосудов по всему комплексу признаков (форме и величине, форме их верхнего края, качеству теста и качеству его обжига) и, главное, по сходству в орнаменте, чрезвычайно близка и в ряде случаев тождественна керамике прикамских неолитических стоянок типа Боровое озеро I. Для керамики последней характерна «выдержанная яйцевидная форма сосудов, утолщенный и скошенный изнутри венчик, сплошное заполнение орнаментального поля» [7], а также вертикально расположенный гребенчатый орнамент [8].

Вторую группу керамики составляют сосуды, наиболее яркими и отличительными признаками которых является примесь талька и слюды к глиняному тесту и их орнаментация. Это также относительно крупные, высокие сосуды с широким горлом и прямым или слегка загнутым внутрь верхним краем, не профилированным прямым венчиком, с внутренней стороны которого имеется косой срез и незначительное утолщение. Орнамент выполнен приемом так называемой «отступающей лопаточки», при помощи которой образованы углы, треугольники и ромбы, расположенные по сосуду в перпендикулярном друг другу направлении и как бы имитирующие в некоторых случаях корзиночное плетение. Как правило, орнамент заполняет всю поверхность сосуда, реже — узоры из перекрещивающихся линий расположены на незаполненном поле.

Некоторые сосуды, особенно с Усть-Айского поселения, исключительно сходны, вплоть до мельчайших деталей, с зауральской (горбуновской) посудой (рис. 9, *5, 7, 10, 11, 14*) [9]. Другие, как, например, в Усть-Юрюзанском поселении, передают только общую с зауральской манеру нанесения орнамента (отступающей лопаточкой), отличаясь в деталях (рис. 9, *2, 15*). Кроме основной массы посуды, орнаментированной выше-

[6] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ташкент, 1956, стр. 34, рис. 15.

[7] О. Н. Бадер и З. И. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. Пермского ун-та, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 122—123.

[8] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищенская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, М., 1951, рис. 8, рис. 9, *1, 3, 7*, рис. 13, *1, 5*.

[9] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, гл. 2, стр. 10, рис. 13, *20*, рис. 20, *9*. См. также керамику стоянки Полуденка 1 кол. Гагильского музея, №№ 4/309 и 4/311, 4/342, 4/324.

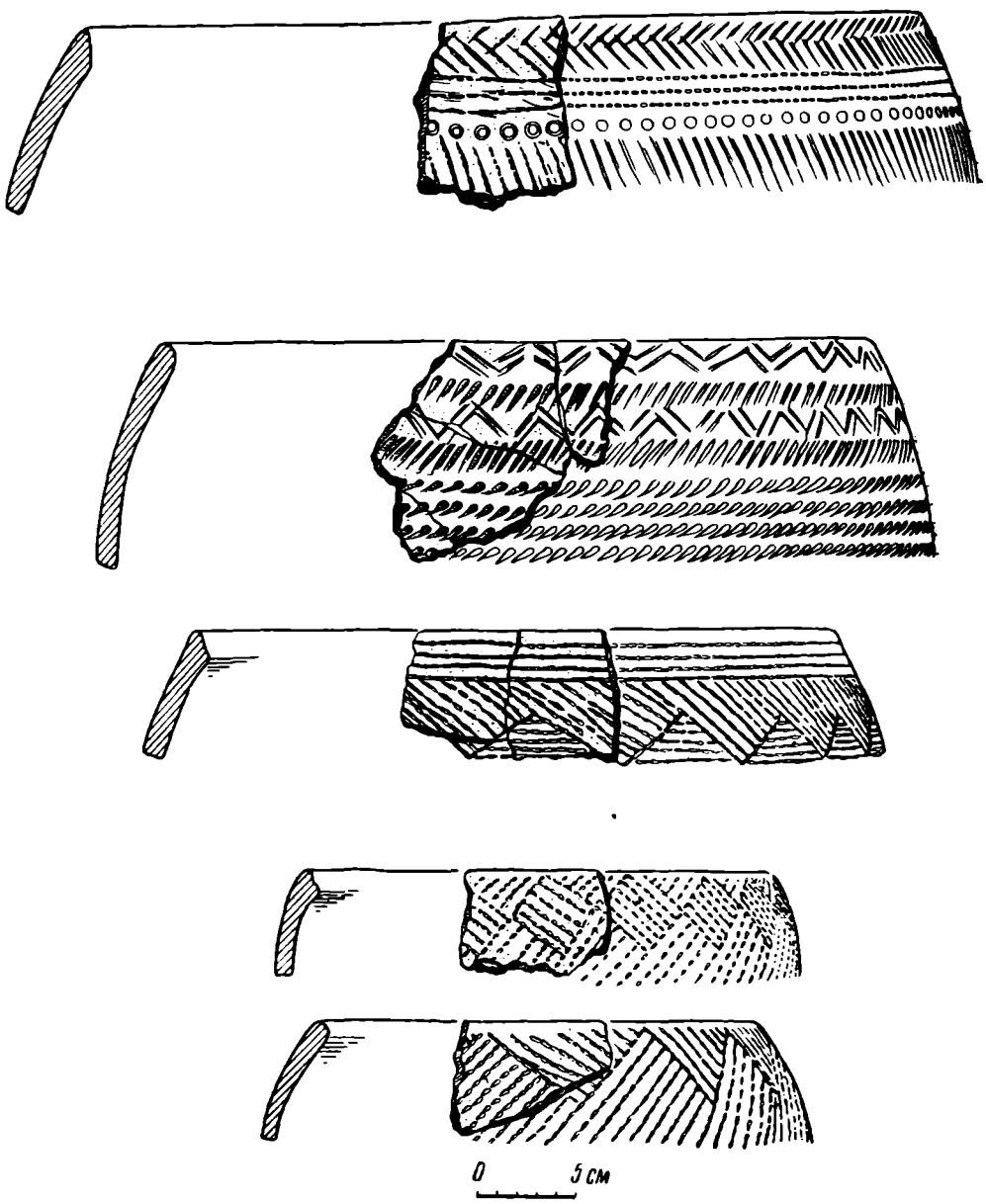


Рис. 8. Форма и размеры верхнего края сосудов Усть-Айского поселения

описанным способом, имеются сосуды, украшенные горизонтальными рядами коротких, глубоких насечек (рис. 9, *12, 13*). Подобный орнамент также можно встретить на посуде из стоянок горбуновской культуры (например, на стоянке Коптяки), а также в неолитических стоянках Западной Сибири [10]. Нельзя не отметить также сходства в узорах, нанесенных мелким гребенчатым штампом (рис. 9, *3*), и общности в некоторых элементах орнамента (узоры по венчику двойной прочерченной линией; рис. 9, *19*) с керамикой стоянки Киси-Куль. В первом случае обращает на себя внимание сходство деталей рисунка (вертикально расположенный узор перебивается двойной ломаной перпендикулярно направленной линией), во втором — наблюдается лишь более общее сходство в

[10] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, М., 1935, гл. I, табл. X, *4*, *11*, табл. XI, *3*, *4*; кол. Свердловского музея, Коптяки 9, № 81.

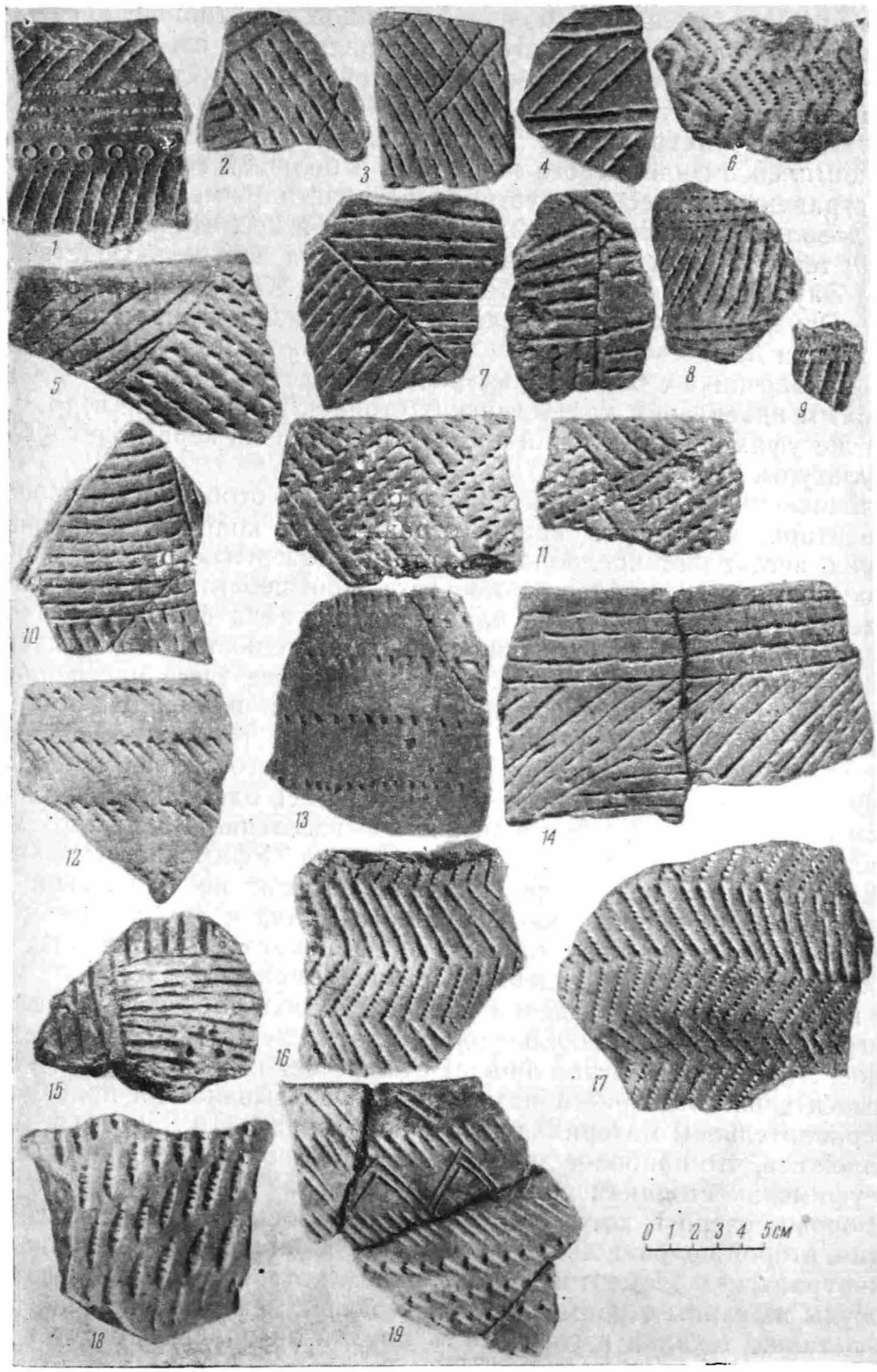


Рис. 9. Фрагменты керамики
1, 2—8, 10—12, 14, 16—19 — Усть-Айская; *2, 13, 15* — Усть-Юрюзанская; *9* — Черкасовская

присутствии некоторых элементов орнамента, получивших впоследствии развитие в андроновской культуре [11].

Таким образом, два различных комплекса керамики свидетельствуют о проникновении на побережье р. Уфы, с одной стороны, камско-чусовской неолитической культуры, с другой — восточноуральской. Камско-чусовские элементы выражены в наших поселениях слабее. Они огра-

[11] Ср. стоянка Киси-Куль, кол. Челябинского музея, №№ 277, 278.

ничиваются относительно небольшой группой однотипной керамики с гребенчатым орнаментом, с которой, по-видимому, следует связывать листовидные двусторонне обработанные наконечники стрел, также распространенные в неолите Прикамья [12].

Что касается зауральских элементов, то они представлены здесь целым комплексом кремневого инвентаря и большой группой керамики. Распространенная здесь индустрия из пластин, имеющая на первый взгляд довольно архаический облик, известна в неолитическое время на широкой территории к востоку и югу от Урала как непосредственно в Южном Зауралье, так и в некоторых районах Казахстана и Западной Сибири. Орудия из пластин в целом очень близки к аналогичным орудиям стоянки Андреевское озеро I, особенно благодаря присутствию там и здесь наконечника с боковой выемкой [13]. Сходство можно проследить и с каменным инвентарем казахстанских стоянок типа Агиспе и др. [14]. Керамика же уфимских поселений чрезвычайно близка керамике горбуновской культуры.

Малочисленность поселений и некоторые их особенности, своеобразие инвентаря, в частности, крайне ограниченное количество наконечников стрел, заставляет предполагать, что на побережье р. Уфы в неолитическое время не сложилась самостоятельная неолитическая культура. Возможно, что развитию ее не благоприятствовали физико-географические условия, мало пригодные для основной деятельности неолитического человека — рыболовства и охоты. Существовавшее здесь население, по-видимому, входило в широкий круг зауральской племенной общности. Распространяясь на запад, оно принесло свою технику расщепления камня, способ производства орудий, технику изготовления посуды и традиции ее орнаментации. Река Уфа и являлась одним из наиболее доступных путей, по которому неолитическое население Восточного Урала и Западной Сибири могло двигаться на запад. Уфимские стоянки, как нам кажется, отражают северо-западный вариант неолитической культуры, уходящей на территорию Восточного Урала и Зауралья.

Датировка стоянок представляет собой некоторые сложности. Хотя все поселения и стоянки содержат разновременный материал, мы не имеем возможности при решении вопроса о дате опереться на данные стратиграфии, так как все культурные остатки лежат в тонком смешанном слое. Это обстоятельство лишает существенной возможности уточнения относительного возраста памятников. Основываясь на приведенном выше сравнительном материале поселений Прикамья и Зауралья, можно предположить, что наиболее древней (из известной к настоящему времени) в уфимских стоянках является гребенчатая керамика типа керамики Боровое озеро I, которую следует датировать, с известной долей вероятия, второй половиной III тысячелетия до н. э. Проникновение сюда восточноуральских элементов, с появлением которых связано изготовление посуды из глины с примесью талька и орнамент отступающей лопаточки, а также техника изготовления орудий из пластин, следует относить к самому концу III и началу II тысячелетия до н. э. Эта дата подкрепляется еще тем, что наиболее ранняя керамика горбуновской культуры, типа керамики Стрелки, и ранняя керамика, известная в Южном Зауралье, на наших поселениях не встречена совсем. Наконец, к концу первой четверти II тысячелетия до н. э. следует отнести появление энеолитической керамики с элементами андроновского орнамента, характерными для энеолитических поселений Юго-Восточного Урала. С этой

---

[12] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 30, рис. 16, *1*, *2*.

[13] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, гл. 1, стр. 26—27, табл. VIII.

[14] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58, рис. 15.

керамикой, очевидно, связываются наконечники стрел сейминского и турбинского типов.

Что касается кремневого инвентаря, то он не дает оснований для его полного расчленения в соответствии с этапами, отраженными керамикой. Можно лишь связать некоторые формы наконечников стрел с ранними и поздними керамическими комплексами. Так, наконечники стрел листовидной формы, по всей вероятности, связываются с ранней гребенчатой керамикой подобно тому, как это имеет место в Прикамье. Наконечники стрел турбинского и сейминского типа, очевидно, появляются в энеолитическое время вместе с соответствующей по времени керамикой.

Итак, мы пытались показать, что побережье р. Уфы являлось территорией, которая в течение длительного времени в той или иной степени привлекала неолитическое население Урала и в первую очередь, по-видимому, как наиболее доступный водный путь. Не исключено, что известный интерес мог представлять имеющийся на берегах реки высококачественный кремень, обработка которого производилась непосредственно у его выходов.

Из этнографии известно, что многие племена для получения подходящего каменного сырья отправляли своих сородичей в далекие области, где они выменивали камень у владевших им племен на различные предметы домашнего обихода или продукты охоты. Такова была одна из форм обменных отношений до относительно недавнего времени у некоторых племен индейцев, австралийцев и островитян Тихого океана. Надо полагать, что получение сырья в неолитическую эпоху имело не меньшее значение и являлось весьма важной отраслью хозяйства.

Возвращаясь к уфимским поселениям, нельзя не подчеркнуть, что они во многих отношениях своеобразны. Центральное место среди них занимает мастерская с остатками широкого производства топоров и полуфабрикатов. Остальные стоянки одновременны ей и связаны с нею общностью каменной индустрии. Топография стоянок и их инвентарь не характерны для памятников, отражающих охотничье-рыболовческое хозяйство.

В то же время имеются многочисленные свидетельства проникновения сюда населения из разных районов Урала, а возможно, и более отдаленных территорий. Все вместе взятое дает некоторые основания рассматривать наши поселения как памятники, отражающие одну сторону хозяйственной деятельности, а именно — древнее горное дело, включающее добычу сырья, его первичную обработку и изготовление полуфабрикатов. Вполне вероятно, что на этой основе здесь же осуществлялось распределение сырья путем межплеменного обмена, как это имело место у многих народов в недавнем прошлом.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

АФАНАСЬЕВСКИЕ КУРГАНЫ НА РЕКАХ УЙБАТ И БЮРЬ

Во время работ Хакасской археологической экспедиции летом 1958 г. нами впервые было установлено распространение в Центральной Хакасии, вдалеке от рек Енисея и Абакана, наиболее ранних каменных курганов, относящихся к афанасьевской эпохе (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) [1].

В 1958 г. афанасьевские могильники были открыты нами на левых притоках Абакана — Тёе, Аскизе, Уйбате и Бюре [2]. При продолжении работ экспедиции в 1959 г. мы обнаружили каменные курганы того же времени на правом берегу р. Туим, в 6—8 *км* по дороге от разъезда Туим на станцию Шира.

В 1958 г. три таких кургана были нами раскопаны в двух могильниках на реках Уйбат и Бюрь [3]. Описанию этих памятников и посвящается настоящая статья. Первый могильник, Уйбат-Хулган, расположен на надпойменной террасе левого берега р. Уйбат, в 300 *м* к северо-востоку от горы Хулган и в 150 *м* к северо-востоку от железной дороги Абакан — Ачинск (на 370-м километре) [4]. Этот могильник состоит из четырех плоских и округлых курганов, насыпи которых сложены из обломков скалы и были слегка задернованы. Некоторая разбросанность камней и уплощенность малых курганов вызывали подозрение в том, что погребения были ограблены в древности, что подтвердилось при раскопках. В 0,5 *км* к северо-северо-западу от этого могильника, на краю промоины, был обнаружен пятый, более разграбленный курган; в 0,5 *км* к западу, на соседнем плато (за промоиной), расположены еще два аналогичных кургана.

В могильнике Уйбат-Хулган нами были раскопаны два кургана — самый большой (№ 1) и находившийся в 1,5 *м* к юго-юго-востоку от него малый (№ 2). Раскопки этих курганов, так же как и кургана на р. Бюрь (о котором будет сказано ниже), позволили установить некоторые отличия в устройстве афанасьевских погребальных сооружений Центральной Хакасии от известных могил этого времени, исследованных в долине Енисея. В этих насыпях не оказалось ни плитняка, ни каких-либо колец из плит, уложенных плашмя или врытых на ребро. Строение их было совершенно подобно устройству насыпей поздних средневековых каменных курганов IX—XII вв. До самого древнего горизонта сплошь были

---

[1] Экспедиция организована Хакасским НИИЯЛИ при участии Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова. См. Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. (предварительное сообщение). Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 163—168.

[2] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 164.

[3] Эти могильники были обнаружены нами с поезда 22 августа 1956 г. при возвращении из экспедиции в Туву.

[4] На полпути между станциями Уйбат и Усть-Бюрь.

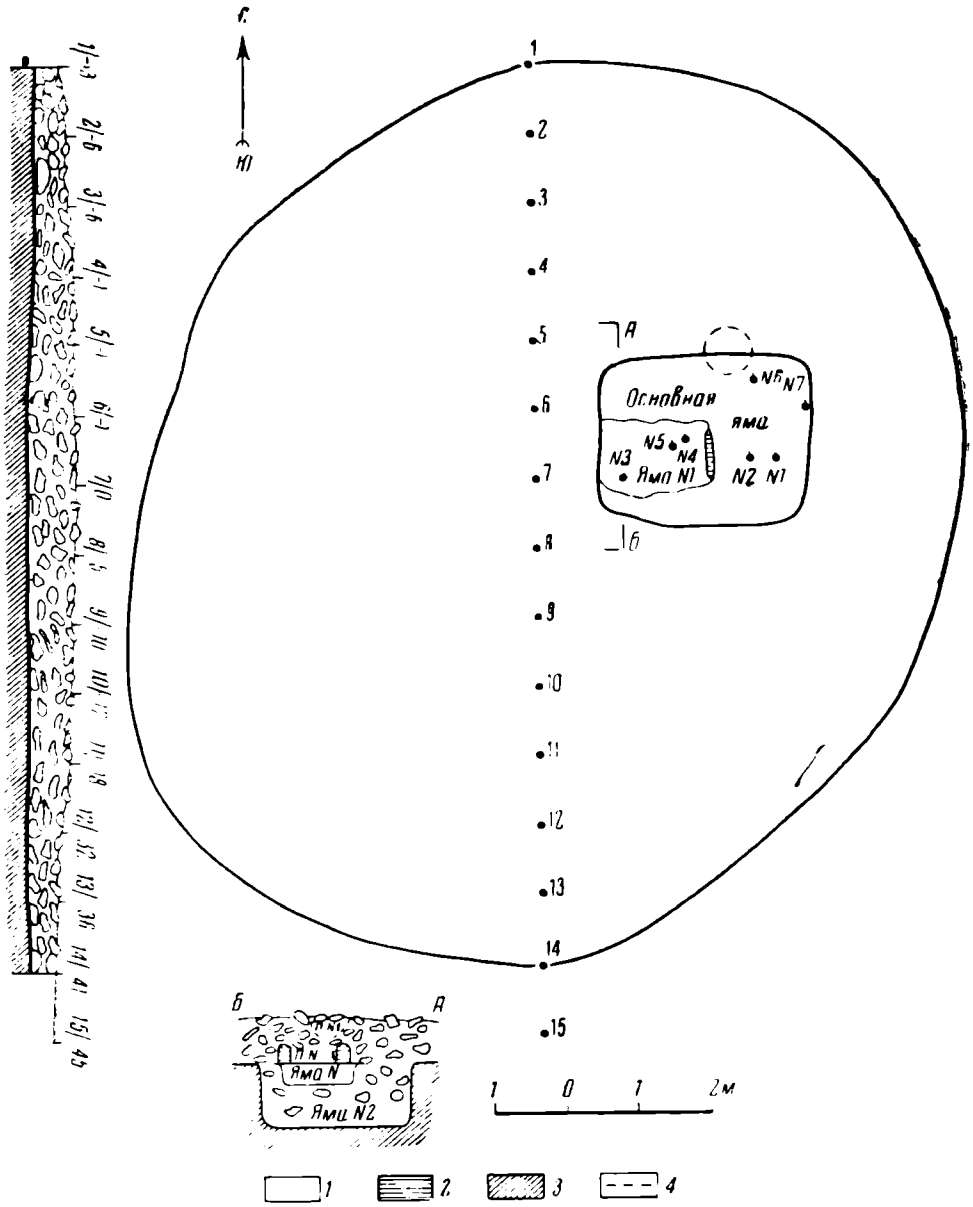


Рис. 1. План и разрезы кургана № 1

1 — земля; *2* — плита; *3* — материк; *4* — граница кострища; (№№ *1—7* — обозначены находки)

уложены рваные обломки скалы вперемежку с небольшим количеством земли. Попытки установить здесь какие-либо закономерности в расположении камней ни к чему не привели.

Курган № 1 был самым большим в этом могильнике и имел овальную форму, вытянутую с севера на юг. Размеры насыпи — 13×11 *м*, при высоте в 0,45 *м* от уровня окружающей почвы.

При разработке насыпи выяснилось, что погребения находились в центре восточной половины кургана и были расположены ярусами друг над другом, причем все они относились к афанасьевскому времени.

Погр. № 1 было самым верхним захоронением ребенка 7—8 лет в однородной засыпке каменной насыпи (рис. 1). Кости его скелета плохо сохранились и были разбросаны, но, судя по расположению ребер, обломков черепа, костей таза и ног, скелет первоначально лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток. При нем ничего не найдено.

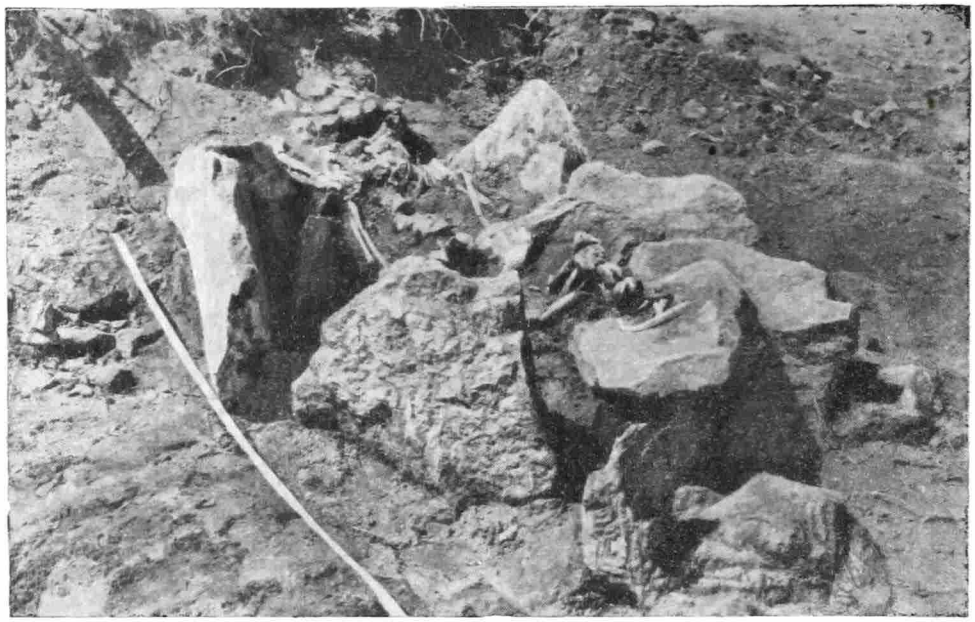


Рис. 2. Погребение № 2 кургана № 1.

Погр. № 2 находилось на уровне горизонта, под погр. № 1. Здесь в насыпи обнаружена неправильная выкладка из каменных плит, установленных вертикально в виде подпрямоугольного ящика. В нем, не вмещаясь, находились кости плохо сохранившегося скелета мужчины 45—50 лет. Он лежал на спине, головой на запад, с поднятыми вверх коленями (рис. 2). Голова и плечи находились вне ящика[5]. С ним было положено мясо косули (найдены ее челюсть, ребра и астрагал), а в ногах — пища в двух сосудах (нах. №№ 1 и 2 на плане), от которых сохранились обломки (рис. 3, *1*, *8*, *9*). Один из них — небольшой, баночный, плоскодонный сосудик, покрытый ногтевидными оттисками по всей поверхности и пояском из чередующихся ямок и выпуклостей вокруг горловины (рис. 3, *1*).

Погр. № 3 залегало под погр. № 2, ниже уровня горизонта. Оно находилось в подпрямоугольной яме (1,6 × 1,1 *м*), вытянутой с запада на восток и неглубоко (0,3 *м*) впущенной, как оказалось, в большую яму основного захоронения. В яме № 1 у восточной стенки стояла на боку каменная плита (см. рис. 1), там же находились расчлененные кости женского скелета, раздавленный череп которого был обнаружен в восточном конце ямы, под плитой, в ногах скелета из погр. № 2 (рис. 2). Таким образом, устанавливается, что женщина была положена головой на восток. При женском скелете найдены: полый игольник из трубчатой кости (нах. № 3 на плане, рис. 4, *7*), кусок кремневого отщепа (нах. № 4 на плане, рис. 4, *5*) и большая полированная бусина со сверлиной, сделанная из красивого пестрого камня (нах. № 5 на плане, рис. 4, *3*).

Таковы дополнительные погребения кург. № 1. В основной большой яме № 2 были совершены наиболее ранние погребения №№ 4, 5 и 6. На уровне древнего горизонта на северном борту ямы № 2, заходя на ее засыпку, находилось кострище в виде округлого пятна черной сажистой земли с золой[6]. В этом, очевидно, поминальном кострище ничего не было обнаружено (рис. 1).

Основная яма (подпрямоугольной формы, размером 3,05 × 2,45 *м*) имела отвесные стенки и была вытянута с запада на восток. Глубина

[5] Вероятно, этот ящик первоначально предназначался для погребения ребенка, а затем без перестройки был использован для погребения взрослого мужчины. Череп последнего оказался раздавленным.

[6] Длина пятна — 0,72 *м*, ширина — 0,65 *м* и толщина — 0,25 *м*.

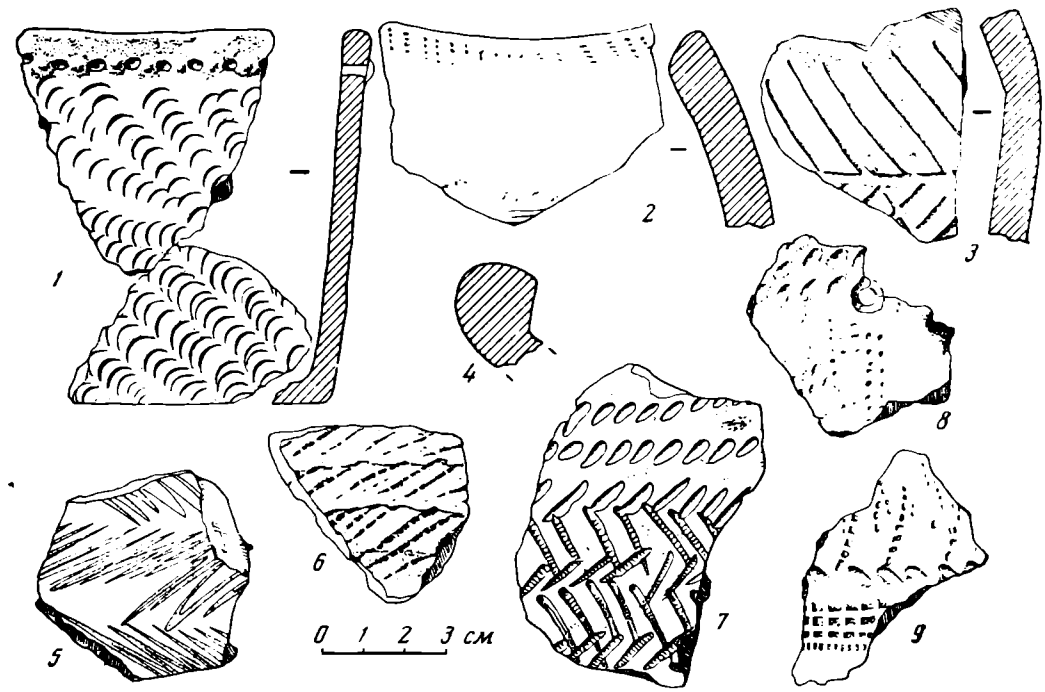


Рис. 3. Обломки сосудов из курганов №№ 1—3 на реках Уйбат и Бюрь
1, 4, 5, 8, 9 — кург. № 1; *2, 3, 6* — кург. № 2; *7* — кург. № 3

ее — 0,9 *м* (рис. 1 и 5). Засыпка состояла из серой земли, щебня и больших обломков скалы весом до 30—50 *кг*. В погребении многое нарушено и перемешано грабителями. У северного борта ямы, на глубине всего 0,21 *м* от уровня горизонта, найдена бусина из белого мрамора (нах. № 6 на плане; рис. 4, *2*). На глубине 0,25 *м* у восточной стенки ямы лежали обломки большого сосуда (нах. № 7 на плане; рис. 5). Ниже на 0,4 *м* продолжали встречаться обломки того же толстостенного сосуда (нах. № 8 на плане; рис. 3, *5*). На глубине 0,5 *м*, как оказалось, над рукой скелета № 4 найдена бритва (рис. 4, *4*), сделанная из обломка бронзовой накладки с пунктирным пунсонным орнаментом. Эта древнейшая в саяно-алтайских культурах бритва имеет очень тонкое и острое лезвие и отогнута в верхней части для удобного держания ее в руке (нах. № 9 на плане).

В восточном конце ямы на спине, головой на запад, с коленями, первоначально поднятыми вверх, лежал скелет № 4, не затронутый грабителями (рис. 5). Это был высокий мужчина, лет тридцати, с очень узким и высоким горбоносым лицом и длинноголовым черепом средиземноморского типа[7]. У его головы и в области шеи обнаружены древесные угольки, а у локтя левой руки — раздавленный яйцевидный сосуд (№ 10), сплошь покрытый орнаментом из горизонтальных, вплотную расположенных оттисков края лопаточки (рис. 6, *2*), и имеющий с одной стороны у горла два отверстия для подвешивания[8].

К северу от него найден второй толстостенный сосуд в обломках (нах. № 11 на плане, рис. 5), по-видимому, круглодонный «котел» (рис. 3, *4*).

У восточной стенки ямы оказались разбросанные кости взрослого скелета № 5 с частью черепа (рис. 5). Разбросанные кости скелета № 6 лежали в западном конце ямы[9]. У южной стенки ямы с этим погребением

[7] Все антропологические определения принадлежат В. П. Алексееву.
[8] Внутренняя поверхность затерта пучком травы и имеет следы нагара.
[9] Возраст погребенного — 45—55 лет, определяется по зубам.

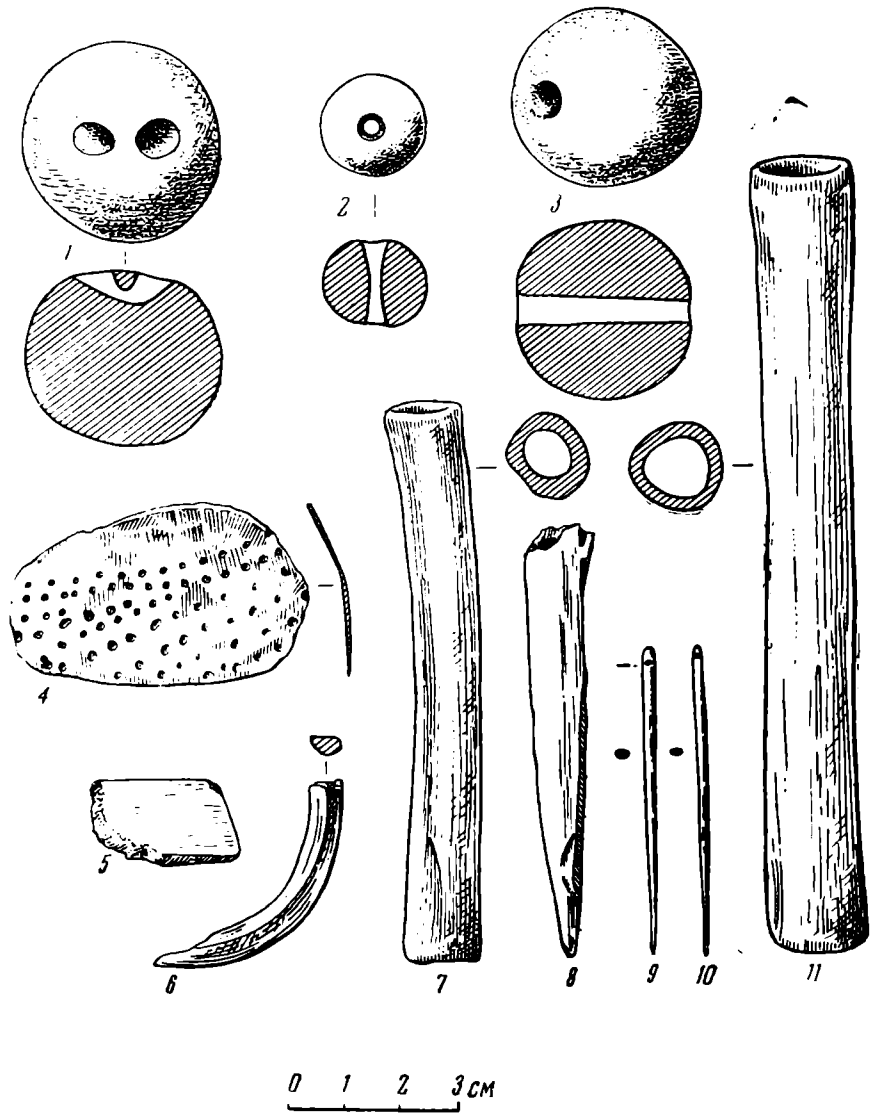


Рис. 4. Находки из курганов № 1 (*2*, *3—5*, *7*, *8*) и № 2 (*1*, *6*, *9—11*)
1, *2*, *3*, *5* — камень; *4* — бронза; *6* — резец грызуна; *7—11* — кость

найдена проколка, сделанная из обломка трубчатой кости (нах. № 12 на плане; рис. 4, *8*), и еще одно костяное, сработанное острие. Здесь же в яме находились и кости косули [10].

Курган № 2 — плоский каменный курган, диаметром 6 *м*, с впадиной посредине. В насыпи находок не оказалось. Над могильной ямой обнаружена панцирная закладка из плит и больших обломков скалы, а сбоку выявился древний выброс из материкового горного щебня и гравия. При зачистке материка под западной полой насыпи обнаружены три обломка от двух сосудов с нарезным и гребенчатым орнаментами (нах. № 1 на плане, рис. 7 и рис. 3, *2* и *3*).

Могильная яма имела почти прямоугольную форму (2,15 × 1,35 *м*) и глубину 1,1 *м* и была вытянута с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной части ямы, на глубине 0,55 *м* от горизонта, обнаружены черепа подростка и младенца и ребра младенца. Кости подростка (только ребра и фаланги пальцев) [11] залегали в беспорядке между камнями засып-

[10] Астрагал, трубчатые позвонки, лопатка, таз и пяточные кости.
[11] Других костей скелетов не оказалось.

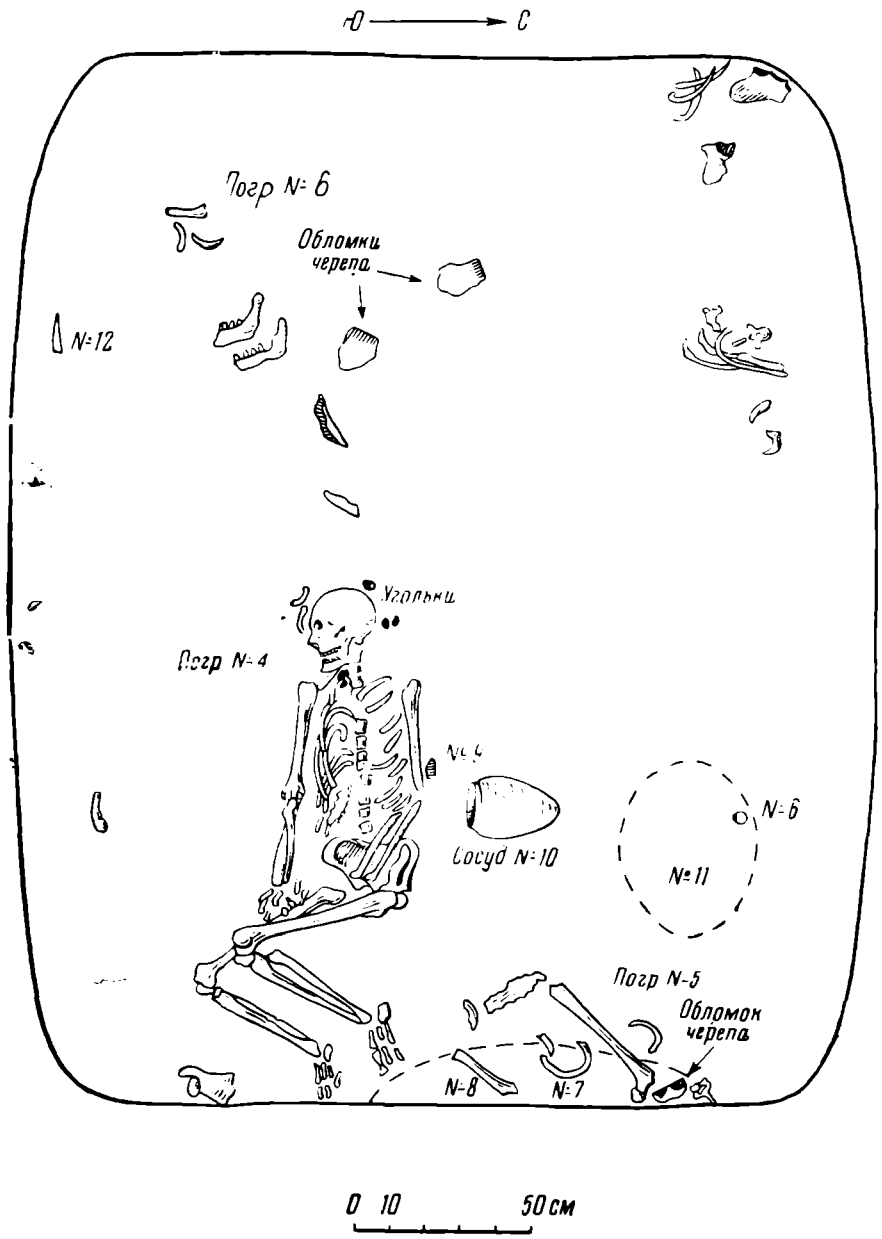


Рис. 5. План ямы с основным погребением в кургане № 1
Пунктиром обозначены скопления обломков сосудов (№№ 6—12 — находки)

ки ямы сверху. Оба эти дополнительные погребения лежали на плоских каменных плитах, очевидно, это были упавшие стенки каменного ящика основного погребения.

Основное погребение было парным и первоначально находилось в каменном ящике, часть плит которого упала (рис. 8). На дне гробницы лежал на спине скелет взрослой женщины, с вытянутыми вдоль тела руками и с поднятыми вверх коленями. У ее таза найден игольник из трубчатой кости с двумя полированными иглами в нем (рис. 4, *9—11*) и здесь же резец грызуна (рис. 4, *6*). На груди обнаружена беломраморная шаровидная подвеска с просверленным под углом с двух сторон отверстием (рис. 4, *1*).

На скелете женщины, в сильно скорченном положении, на правом боку лежал скелет взрослого мужчины; колени его были подогнуты к лицу женщины, а его череп глазницами прилегал к женскому черепу [12]. Оба

[12] Возможно, первоначально это было погребение в сидячем положении, после распадения связок оно упало на ранее погребенный скелет женщины.

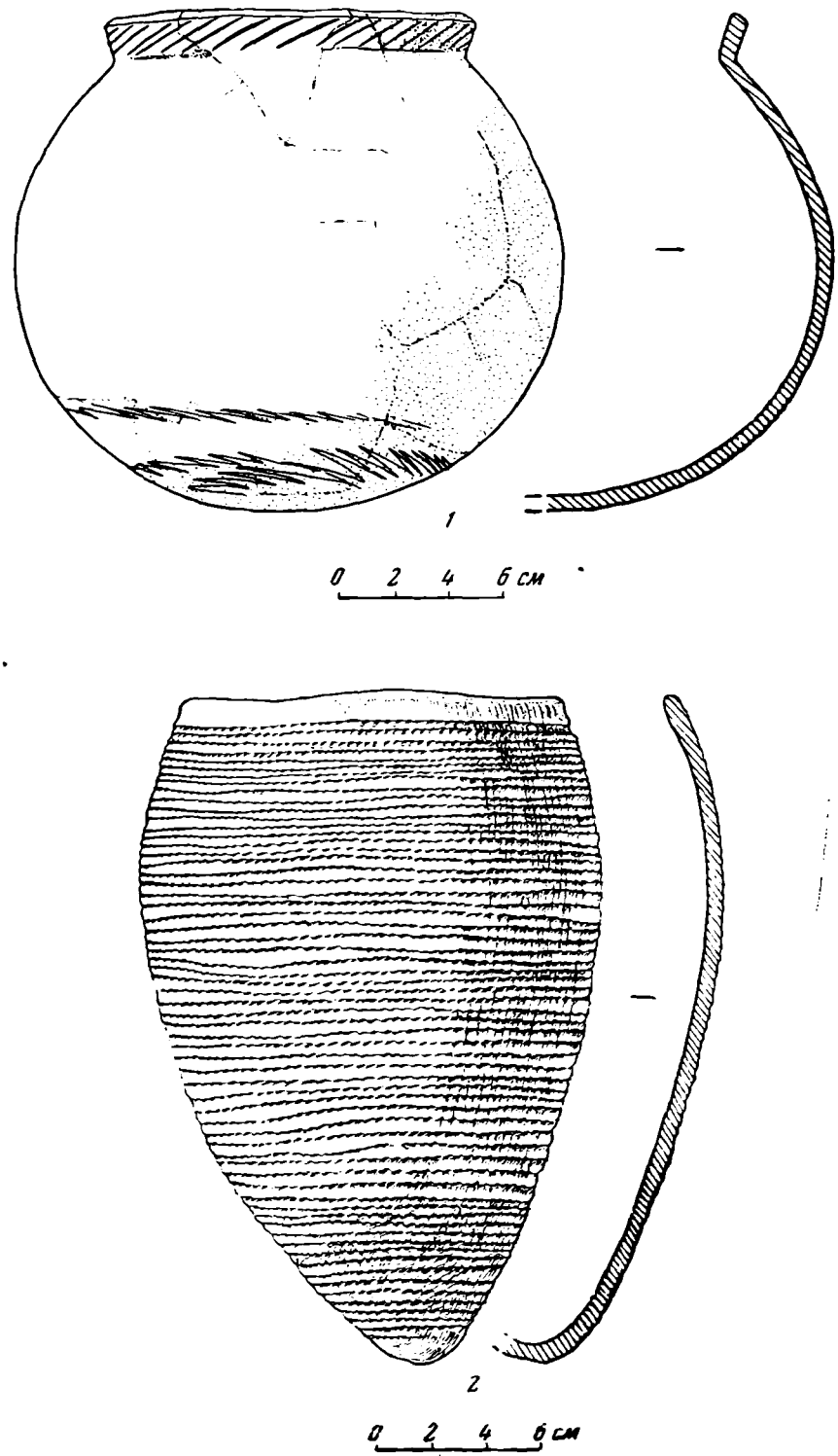


Рис. 6. Афанасьевские сосуды

1 — сосуд № 4 из кург. № 3; *2* — сосуд № 10 из кург. № 1

скелета были ориентированы головами на западо-северо-запад (рис. 8). За торцовой плитой ящика найдены два обломка сосуда (рис. 3, *б*).

Черепа обоих скелетов относятся к другому типу, нежели череп из кургана № 1,— к круглоголовому типу с уплощенным лицом. Это свидетельствует о неоднородности населения Центральной Хакасии в афанасьевскую эпоху. Костей животных в кургане № 2 не обнаружено.

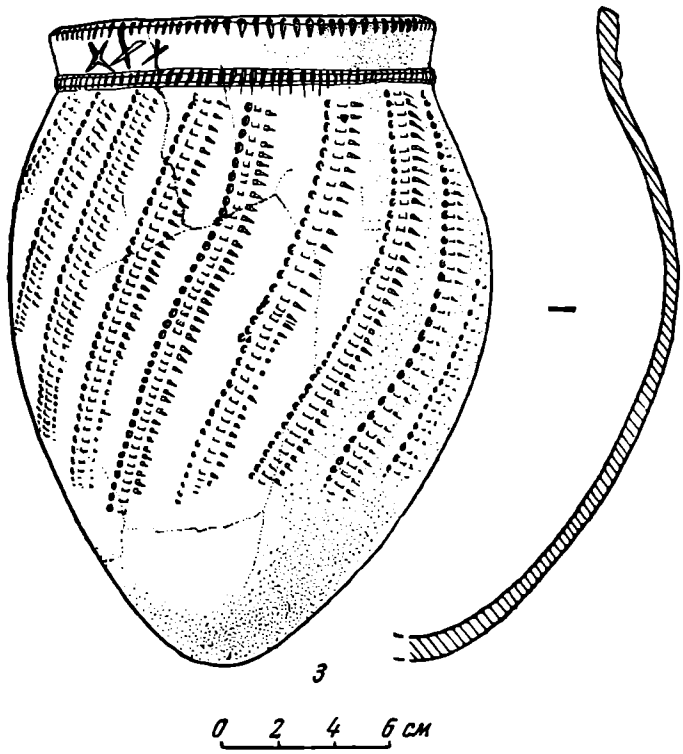


Рис. 6. Афанасьевские сосуды
3 — сосуд № 3 из кург. № 3

Курган № 3 был раскопан в другом могильнике, названном нами Бюрь, отстоящем от Уйбат-Хулгана на расстоянии около 10 *км*. Могильник Бюрь расположен под невысокой сопкой, на левой надпойменной террасе р. Бюрь[13], на расстоянии около 1 *км* от современного русла реки к востоку, возле железной дороги, по грунтовой дороге от ст. Усть-Бюрь, в сторону ст. Ербинской, по правую сторону железной дороги, через 1,5 *км* после первой железнодорожной казармы.

Здесь по обе стороны грунтовой дороги находятся семь афанасьевских каменных курганов, совершенно таких же по внешнему виду, как и курганы могильника Уйбат-Хулган. Три из них имеют диаметр 12—14 *м*, а остальные — 3—4 *м* в диаметре.

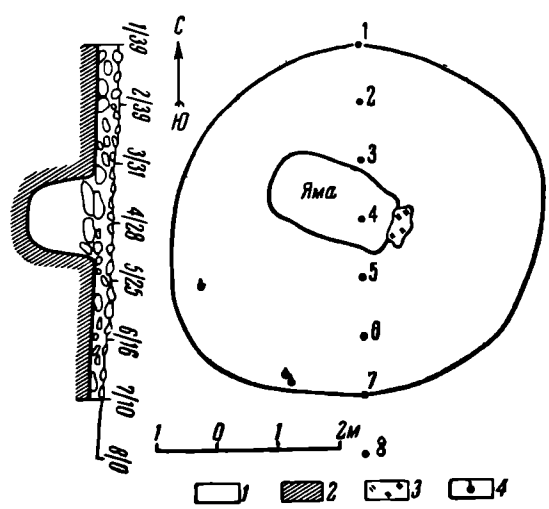


Рис. 7. План и разрез кургана № 2
1 — земля; *2* — материк; *3* — плита; *4* — места находки № 1

Нами раскопан один из больших курганов (№ 3). Насыпь его была округла в плане, имела несколько уплощенную вершину и состояла из больших обломков скалы (весом от 5 до 30—50 *кг*) и земли. Она была слабо задернована и имела размеры 13,1 *м* с севера на юг и 12,8 *м* с запада на восток. Высота кургана достигала 0,6 *м* от уровня окружающей поверхности степи.

Нижний слой насыпи составляли камни, перемешанные с темным песком (рис. 9). Под северо-восточной полой на материке найден обло-

[13] Бюрь — левый приток Уйбата.

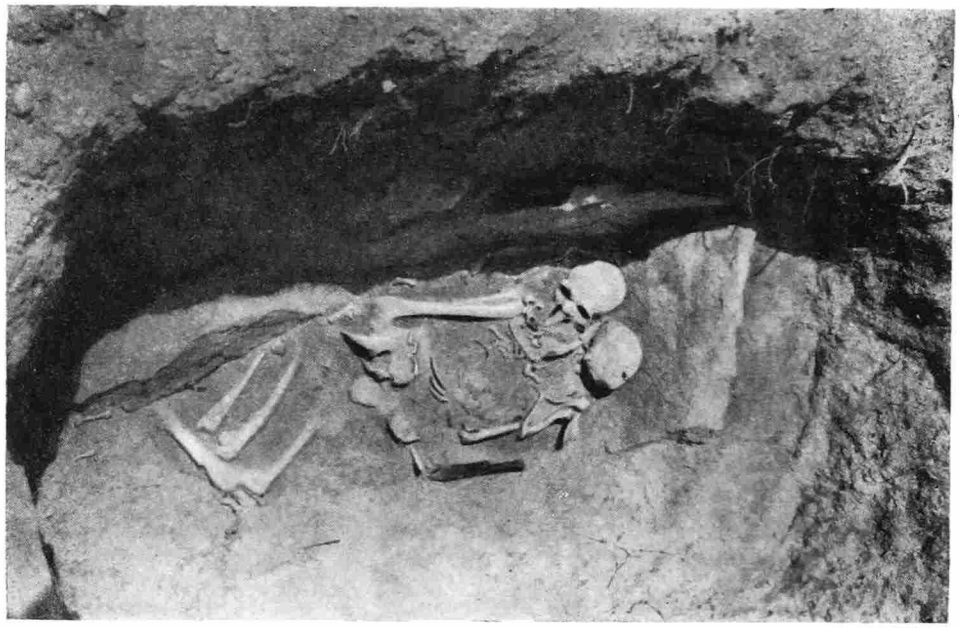


Рис. 8. Парное погребение в кургане № 2

мок сосуда (нах. № 1 на плане и рис. 3, *7*). В западной части, на горизонте, обнаружено кострище из древесного угля и золы, на котором найдено несколько необожженных косточек овцы. Это, вероятно, остатки жертвенного костра, горевшего во время погребения. Под восточной частью насыпи также встречались отдельные древесные угли, зуб лошади и кости овцы (рис. 9). Оказалось, что все это было разбросано вокруг находившейся в центре могильной ямы. Над ямой залегал толстый слой (до 35 *см*) пережженной земли с углем и золой, но, несмотря на это, погребение было в древности ограблено через западную половину ямы. По остаткам бревен и бересты было видно, что над могилой первоначально имелось покрытие из толстых бревен (диаметром 16—20 *см*), положенных вытянуто с запада на восток. Этот накат поверху был плотно закрыт толстым слоем бересты, которая оказалась прорванной в центре и сохранилась только по краям могилы.

Яма была прямоугольной (размером 3,6×2,76 *м*), вытянутой с запада на восток. Ее глубина — 1,2 *м* от уровня горизонта (рис. 9). Заполнение состояло из земли и обломков скалы, среди которых встречены обломки трубчатых костей овцы, зуб человека и обломок сосуда, украшенного оттисками «шагающей лопаточки» (нах. № 2 на плане).

На разных уровнях и в различных местах обнаружены кости одного человека. Это были ребра, позвонки, зубы, причем коронки зубов совершенно стерты, а некоторые спинные позвонки срослись. Все это свидетельствует, что в могиле был погребен больной и старый человек в возрасте свыше шестидесяти лет. Наибольшее скопление костей обнаружено в юго-западном углу ямы (тазовая кость, кости ноги и пятки, кости руки), где находился грабительский ход. Черепа не оказалось.

У восточного края в яме лежали два раздавленных сосуда: шаровидный, с насечками по венчику и оттисками «шагающей лопаточки» по донной части (рис. 6, *1*) и яйцевидный, с невысокой прямой шейкой, с защипным рассеченным валиком по горлу, насечками на венчике и свисающими полосами из оттисков сложного штампа. С одной стороны на горле этого сосуда имеются три косых креста (рис. 6, *3*), возможно, это счетные знаки, обозначающие емкость сосуда [14].

[14] Все находки из афанасьевских курганов поступили в Музей кафедры археологии МГУ, а три целых черепа — в Музей антропологии МГУ.

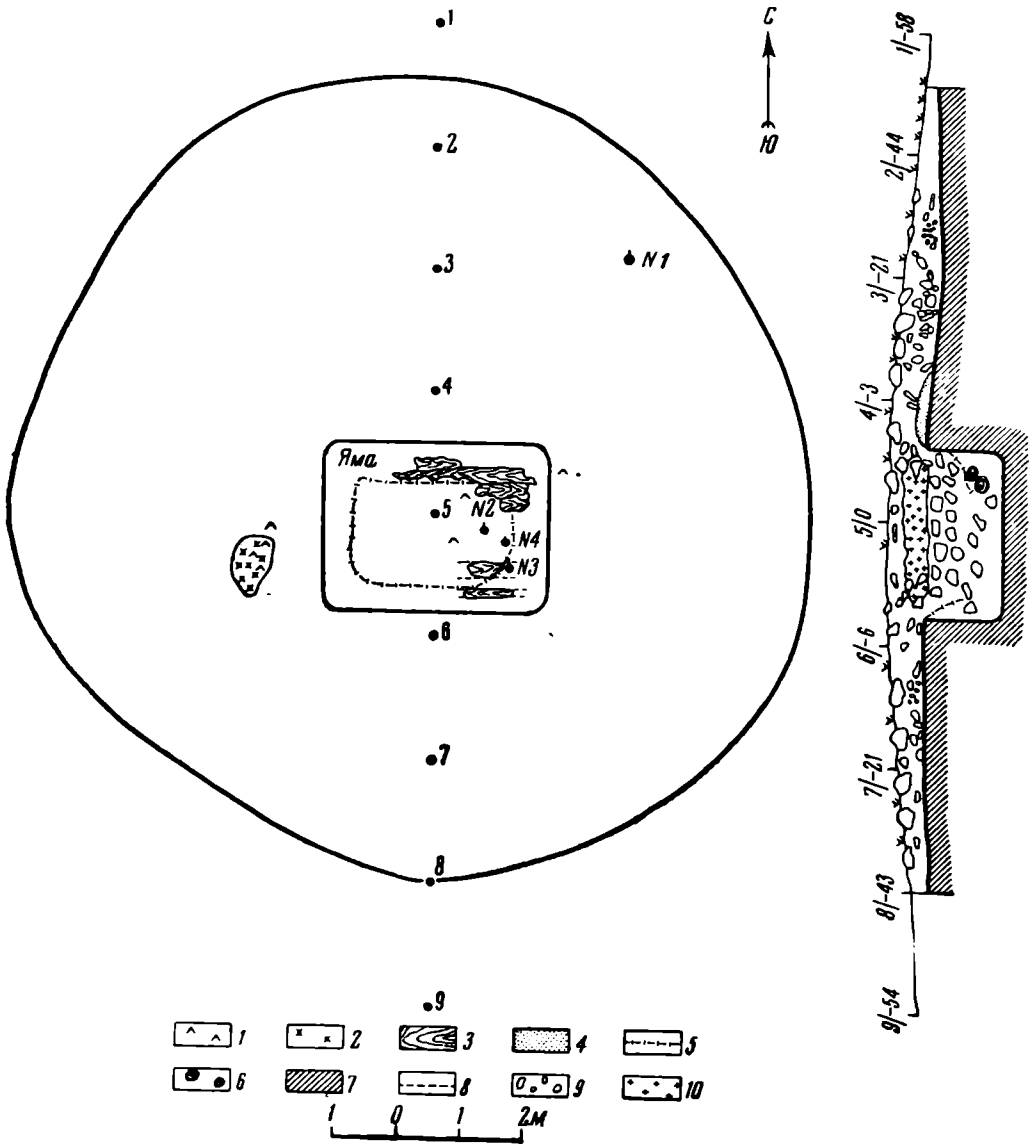


Рис. 9. План и разрез кургана № 3

1 — кости животных; *2* — угольки; *3* — бревна; *4* — песок; *5* — береста; *6* — бревна; *7* — материк; *8* — граница кострища; *9* — камень с землей; *10* — угольный слой (№№ *1—4* обозначены находки)

* * *

Долгое время афанасьевские памятники в Хакасско-Минусинской котловине были известны только по берегам Енисея и его притоков [15]. В последние годы были открыты могильники той же эпохи и на обоих берегах Абакана [16]. Обнаружение афанасьевских могильников в верховьях р. Уйбата, а также по речкам Бюрь и Туим прибавляет к территории распространения памятников этой культуры центральную горнолесную часть современной Хакасской автономной области, находящуюся по ли-

[15] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[16] См. А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии, КСИИМК, вып. XLVII, 1952; его же. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия). КСИИМК, вып. 54, 1954; его же. Раскопки 1953 г. в Хакассии. КСИИМК, вып. 70, 1957. А. Н. Липским произведены в 1957 г. раскопки могильника Тас-хазаа на правом берегу Абакана. См. В. П. Алексеев. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1961, № 1.

нии железной дороги Абакан — Ачинск, на стыке горнотаежных районов Кузнецкого Алатау и Батеневского кряжа [17].

Все это свидетельствует о более широком использовании афанасьевцами различных по своим природным условиям районов Хакасско-Минусинской котловины, чем это представлялось до сих пор. Вместе с тем становится ясно, что распространение афанасьевских памятников на территории котловины еще далеко не установлено археологами. Необходимы самые широкие поиски и раскопки памятников этой эпохи для того, чтобы составить, наконец, наиболее полное представление о хозяйственных особенностях, быте, материальной культуре и этносе афанасьевских племен, не говоря уже о выявлении типов погребальных сооружений, распространенных в разных районах. Только получение многочисленного нового материала позволит обоснованно выделить этапы развития этой культуры и определить ее историко-культурное значение.

Это обстоятельство подтверждается тем, что раскопки каждого нового могильника афанасьевской эпохи приносят не известные до сих пор формы посуды, типы ее орнаментации, новые типы каменных, медных и бронзовых предметов, а также произведения древнего искусства [18].

Наши находки, публикуемые в настоящей статье, в этом отношении не дали много нового. Однако следует обратить внимание на формы сосудов и в особенности на их орнаментацию, ибо и в том и другом имеются некоторые не известные ранее черты (рис. 3, *б*). Обращает на себя внимание баночный сосудик с ногтевидным орнаментом (рис. 3, *1*). Кстати, следует отметить, что подобные баночные сосуды все чаще и чаще встречаются в типично афанасьевских комплексах [19].

В связи с этим, вероятно, возникает необходимость пересмотра выводов М. Н. Комаровой о выделении так называемого «окуневского этапа андроновской культуры» [20].

Все особенности погребений этого «этапа» (погребения в каменных ящиках, положение трупа на спине с поднятыми коленями, металлические вещи и плоскодонные баночные сосуды со «сплошным» орнаментом), которые в свое время казались М. Н. Комаровой «не характерными» или «необычными» для афанасьевских памятников, в действительности, как теперь выясняется, распространены в разных районах расселения афанасьевских племен и являются типично афанасьевскими.

Наконец, следует сказать, что черепа из могильника Уйбат-Хулган подтверждают недавно появившиеся данные о неоднородности физического типа афанасьевского населения Хакасско-Минусинской котловины. Круглоголовые черепа из кургана № 2 свидетельствуют о наличии монголоидного компонента, сосуществовавшего и смешивающегося с европеоидным населением (череп из кургана № 1) [21]. Таким образом, мы получаем наиболее древнее свидетельство о том, что географические особенности Хакасско-Минусинской котловины постоянно способствовали

[17] Ср. сб. «Почвы Минусинской впадины». Тр. Южно-Енисейской комплексной экспедиции СОПС АН СССР, вып. 3, М., 1954, стр. 134—136, рис. 1 и 9.

[18] Новые материалы из раскопок А. Н. Липского в 1946—1960 гг. и В. Старущенко в 1959 г. см. Архив ИА АН СССР.

[19] Находки А. Н. Липского у с. Усь-Чуль (А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 76), у Федорова улуса (его же. Афанасьевские погребения..., стр. 90, рис. 37, *1*), у разъезда Бельтыры (его же. Раскопки 1953 г. в Хакассии) и др.; находки В. Старущенко у с. Потрошилово на р. Тубе.

[20] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

[21] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 535—539; В. П. Алексеев. Ук. соч. Весьма вероятно, по нашему мнению, что плосколицые монголоиды афанасьевского времени были самодийцами по языку (ср. древнейшие топонимы этого края), жившими по преимуществу в это время уже в горнотаежных районах, но являвшимися основным населением Хакасско-Минусинской котловины в эпоху неолита и палеолита.

обитанию в ней разнородных по происхождению и физическому типу групп населения (очевидно, разнородных и по языку), нередко, однако, имевших одну и ту же материальную культуру.

Исторически сложившаяся этническая пестрота населения Хакасско-Минусинской котловины, начало которой мы теперь, до получения новых данных, должны относить ко второй половине III тысячелетия до н. э., являлась важнейшей особенностью этногенетического процесса, протекавшего в этой области. До сих пор наиболее четко она была выявлена только для более поздних периодов истории населения долины Среднего Енисея [22].

[22] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 166—195; его же. К вопросу об этногенезе хакасов. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. VII, Абакан, 1959.

К. В. САЛЬНИКОВ, А. С. НОВИЧЕНКО

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОМБАРОВСКОМ РАЙОНЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Расположенный на юго-востоке Оренбургской области, на границе с Казахстаном, Домбаровский район редко привлекал внимание археологических экспедиций. В 1930 г. Б. Н. Граков исследовал 11 андроновских могил у аула Кожумбердынского на р. Ори [1]. Несколько поселений по р. Киимбай обследовал в 1949 г. А. А. Формозов [2], и там же, по поручению Оренбургского музея, вели исследования: в 1950 г.— К. В. Сальников, а в 1954 г.— Н. П. Кипарисова. Все эти работы носили разведочный характер, между тем территория района весьма насыщена памятниками. На протяжении более 20 лет один из авторов настоящей статьи — краевед А. С. Новиченко зарегистрировал большое число археологических памятников и составил значительную коллекцию из подъемного археологического материала.

А. С. Новиченко обследована небольшая часть Домбаровского района в радиусе примерно 20 *км* вокруг пос. Еленовка (рис. 1). На обследованной территории преобладают памятники бронзового века — андроновские селища и могильники. Имеется ряд стоянок эпохи неолита, но подъемный материал на них беднее, почти нет керамики. Послеандроновские памятники представлены могильниками.

Андроновские селища, часто со следами жилищ разного типа, представляют особенный интерес. Селища находятся обычно на верхней террасе преимущественно правого берега речек. Культурный слой залегает на глубине 0,2—0,3 *м*, нередко бывает вскрыт и уничтожается эрозией. Селища обнаруживаются обычно по находкам обломков глиняной посуды и по скоплениям камней на террасе. Камни эти частью очажные, частью — остатки жилищ или каменные орудия. Располагаются селища на краю террасы, но иногда удалены от берега на 100—200 *м*. По берегам речек селища достигают ныне сухих верховий и отстоят друг от друга на расстоянии 0,3—4 *км*, в зависимости от очертаний берега. На площади селищ встречаются обломки глиняной посуды, кусочки медной руды, шлаки от плавки ее, кости, очаги, каменные орудия, реже кремневые, иногда медные изделия и застывшие капли меди.

На части селищ имеются следы жилищ нескольких типов. Жилища располагаются вдоль берега на расстоянии 10—15 *м* (сел. №№ 41, 45) или 100—200 *м* друг от друга (сел. №№ 32, 42). Группы жилищ, удаленные от берега, располагаются беспорядочно (сел. №№ 24, 34, 43).

Остатки жилищ выглядят по-разному: ямы-землянки, круглые большие и овальные небольшие. Есть селища без следов жилищ. Рассмотрим отдельные типы жилищ подробнее.

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1947, приложение.

[2] А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.

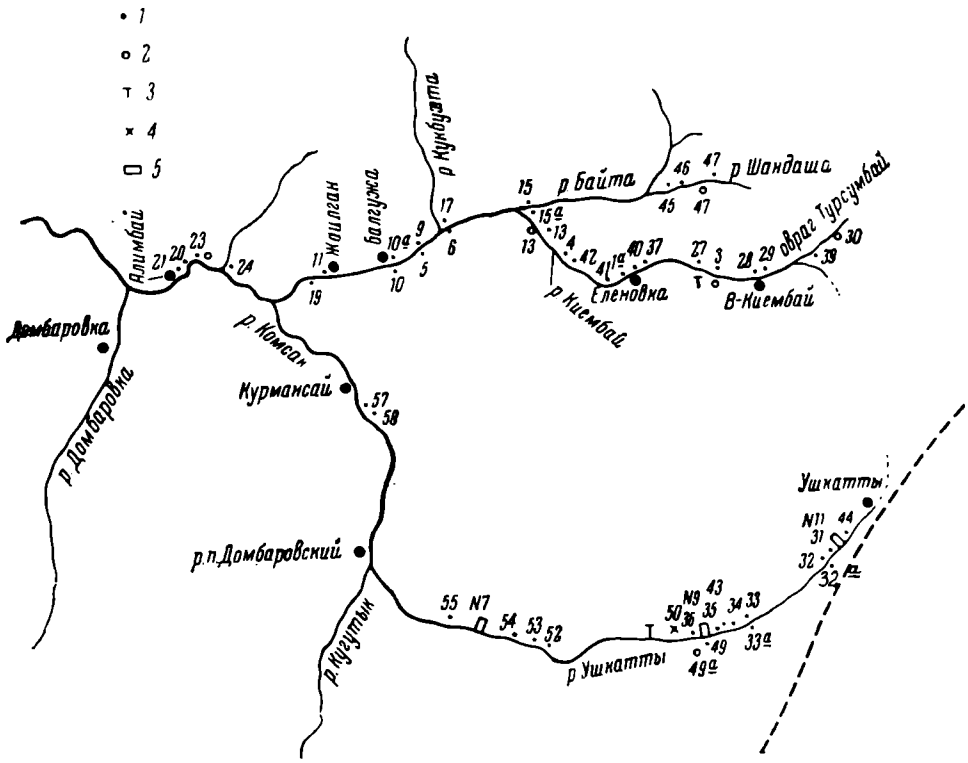


Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи бронзы в Домбаровском районе
1 — поселение; *2* — могильник; *3*—древний рудник; *4*—«мастерская» каменных орудий; *5* — кошара

1. Землянки в виде круглых больших впадин, столь характерные для андроновцев в Челябинской и Курганской областях[3], в Домбаровском районе встречаются редко. Лишь в одном случае отчетливо выражена как жилище округлая впадина (15×12×0,3 *м*) с входом с юга (сел. № 28). Хорошо заметны сопровождаемые андроновской посудой круглые впадины диаметром 10—20 *м* на р. Комсак, к востоку от устья р. Чиликты (сел. № 24). На сел. № 9 есть ряд менее ясных впадин глубиной 0,1—0,2 *м*; размер одной из них — 15 × 13 *м*.

2. Землянки овальные, с каменным контуром, размером 4—5×3 *м*. На сел. № 39 такая землянка сопровождается очагом у входа и многими обломками посуды. Она напоминает жилища, бытовавшие у казахов в безлесных песках Тургая еще в 1910 г.: яма размером 4—5 *м* обложена по стенам снопами камыша, крыша — из снопов камыша, поставленных наклонно, снаружи обмазана; окно — в крыше. У наших ям также есть валик — след обсыпки.

Почти половина селищ не имеет следов жилищ (сел. №№ 3—6, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 21, 23, 52—54, 54-а, 55, 56-а, 57, 58).

Особого рассмотрения заслуживают на наших селищах оригинальные сооружения, остатки которых представляют собой выступающий над почвой контур из камней, высотой до 0,4 *м*, но иногда находящийся на уровне почвы. Это либо крупные плиты гнейса, поставленные вертикально в ряд, длинной стороной направленные вдоль контура, либо длинные камни, поставленные стоймя в плотный ряд или сложенные в виде узкой кладки, шириной до 0,5 *м* и не выше 0,8 *м*, либо сочетание этих двух приемов. Контуры прямоугольные, шириной от 7 до 12 *м* и длиной от 8 до 40 *м* и свыше (рис. 2). Иногда углы их закруглены и стены полукруглы (сел. № 32), наблюдается также сужение одного конца и яйцевидная форма контуров (сел. № 34). В ряде случаев наблюдается

[3] К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА. XX. 1954.

двойной каменный контур, при этом внешний контур полнее, аккуратнее, чем внутренний; расстояние между ними — 0,8—1,5 *м*, чаще — 1 *м* (сел. № 34, 42, 43).

Контуры часто имеют разные «пристроечки», представляющие собой также каменную кладку: 1) округлые, диаметром 3,5 *м*, охватывающие извне угол контура (сел. №№ 31, 32), либо его конец (сел. № 34, контур «А»); 2) маленькие круглые или прямоугольные, диаметром до 1,5 *м*; одна-две вдоль длинной стены жилища, извне, реже — внутри (сел. №№ 31, 32, 34, 41, 43, 45, 47).

На некоторых селищах есть беспорядочные скопления камней, площадью примерно 10 × 7 *м*; с ними связаны очаги и обильный инвентарь (сел. №№ 27, 52 и др.). То, что каменные контуры постоянно сопровождаются обильным инвентарем андроновского времени — костями домашних животных, очагами и большими зольниками, орудиями труда (особенно много мотыг), шлаками — позволяет предположительно видеть в них остатки жилищ, у которых стены были укреплены камнем.

Каменные контуры обычно связаны с селищами эпохи бронзы. В ряде случаев каменные контуры сопровождаются андроновскими могильниками; последние располагаются на некотором расстоянии от площади распространения культурного слоя, и на них нет сооружений типа каменных контуров; лишь на могильнике № 32-а, состоящем из каменных колец и курганчиков, оказались два каменных контура; но возле

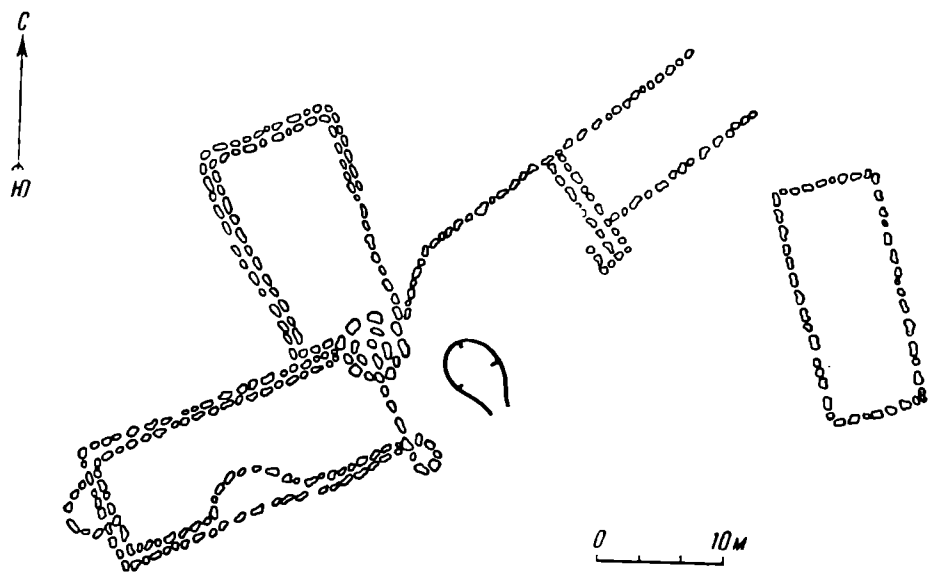


Рис. 2. План каменных контуров на сел. № 43

них обнаружен культурный слой, следовательно, и здесь можно предполагать наличие жилищ. В одном случае отмечено углубление на 0,2—0,3 *м* всей площади внутри контура (сел. № 34), что также говорит о том, что это — жилище, а не могильное сооружение.

Вместе с тем имеются случаи, когда в «пристроечках» к каменным контурам, а также под каменными курганчиками и выкладками между контурами, на селищах обнаруживались погребения, преимущественно детские. Следовательно, сочетание на одном памятнике жилищ и погребений отрицать не приходится.

Окончательное суждение о конструкциях различных типов жилищ, следы которых усмотрены на наших селищах, а также о том, что собой представляют каменные контуры, можно будет иметь только после раскопок.

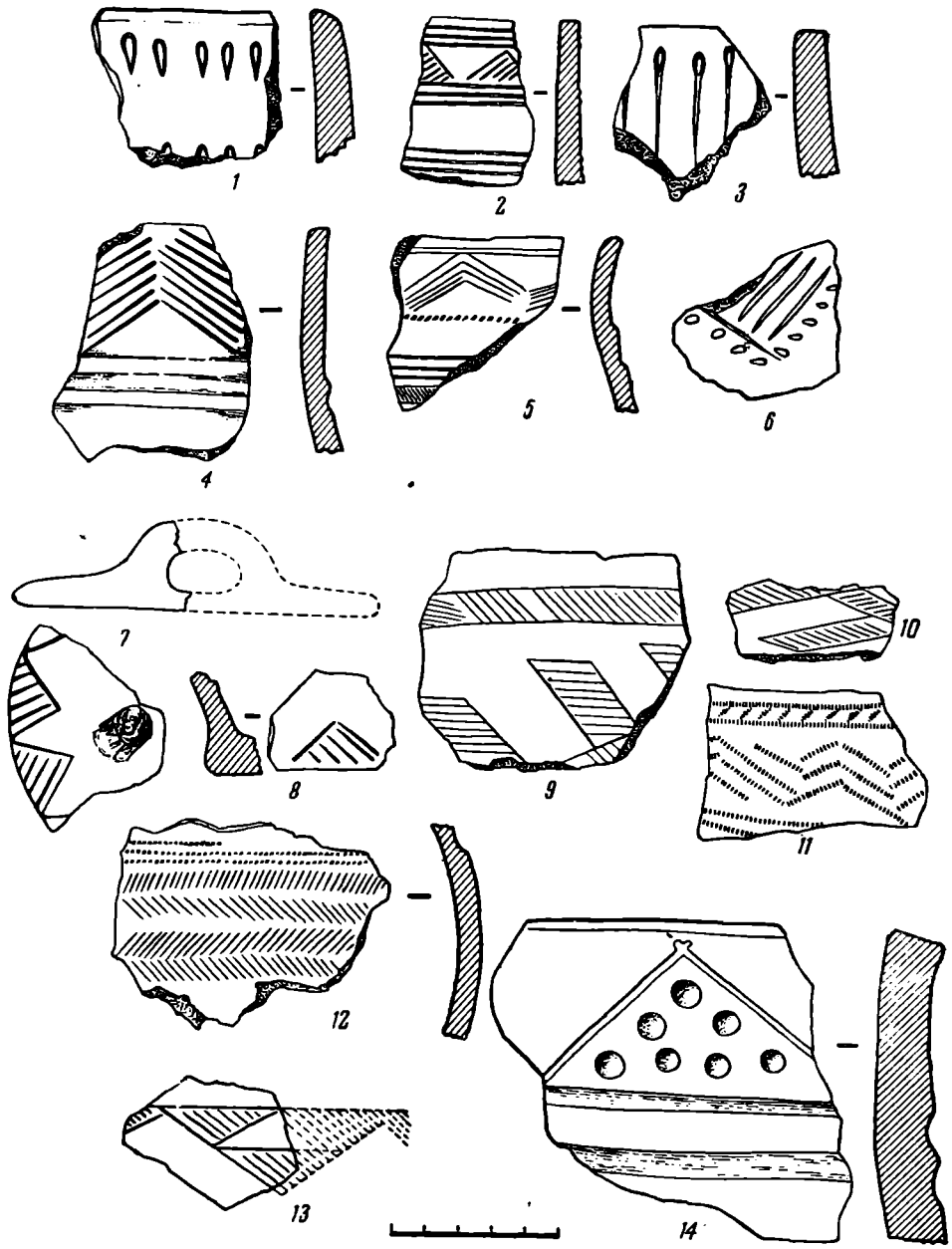


Рис. 3. Образцы керамики эпохи бронзы

1, 5, 9 — сел. № 54; *2, 7* — сел. № 45; *3, 12* — сел. № 21; *4*—сел. № 11; *6*—сел. № 39; *8* —сел. № 31; *10, 13* — сел. № 3; *11* — сел. № 39-а; *14* — сел. № 27

Наблюдаемое в инвентаре отдельных селищ некоторое различие может объясняться отчасти скудостью подъемного материала; нельзя ожидать и полной синхронности селищ, что определить без раскопок невозможно. Однако в целом инвентарь на всех селищах настолько сходен, что его можно с полной уверенностью отнести к одной эпохе — андроновской и характеризовать его суммарно, без разделений на отдельные селища.

Глиняная посуда на всех селищах встречается только лепная, грубой выделки; отдельные черепки лучше сделанных сосудов не изменяют общей картины (рис. 3). В качестве примеси в тесто применялись шамот, песок, тальк, сланец слюдистый и изредка металлургический шлак. Примешивание толченого и слюдистого сланца, вероятно, имело и художественное назначение: такая посуда имеет металловидный цвет

и блеск. Нередко на сосуды наносилась обмазка — розовая, палевая, бурая — и лощение, но прекрасное черное лощение встречено только однажды (в сел. № 54).

Имеются различия в сочетаниях орнаментальных мотивов, в расположении орнамента на поверхности сосуда, в технике исполнения, но много и общетрадиционного. Повсеместно встречаются заштрихованные треугольники (у венчика, на плечике, у дна, на покрышках), выполненные гладким или зубчатым штампом или нарезкой. Треугольники бывают заполнены линиями и ямками, нанесенными пальцем, ногтем, палочкой, полулунными, клиновидными знаками и т. п. Повсеместны также (большей частью на крупных сосудах под венчиком) крупные редкие косые штрихи, реже — вертикальные

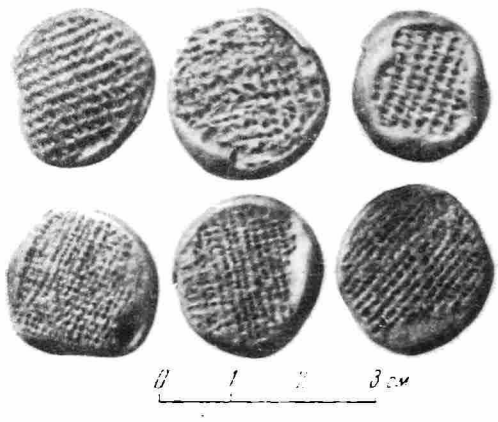


Рис. 4. Слепки с отпечатков ткани на керамике. Сел. № 15

Очень част на посуде всех селищ орнамент — в виде горизонтальных желобков на горле сосуда, сделанных пальцем, шириной 10—20 *мм*. Они бывают двойные или тройные, проведенные то резко и сближенно, то слабо и редко. Желобки, сделанные круглой палочкой, шириной 5—8 *мм*, встречаются реже. Желобки часто сочетаются с другими деталями: ямками, нанесенными пальцем или ногтем, заштрихованными треугольниками и пр.; желобки иногда сами образуют треугольники, елочку, что указывает на синхронность этих орнаментальных мотивов.

Повсеместное нахождение этих форм орнамента позволяет относить селища, различающиеся по инвентарю или жилищам, к одному этапу культуры.

Зубчатый штамп в орнаменте на посуде встречается реже, обычно в виде зон линий, городков, меандров, чаще наблюдается резной меандр. Зигзаги на шейке и тулове весьма обычны. Елочка иногда покрывает бóльшую часть поверхности сосудов, различные ямки дополняют другие элементы орнамента.

На небольших тонкостенных сосудах слабого обжига, черных или серых, реже — красных, выделяется нарядный поясок под венчиком. Это комбинация выполненных тщательно нескольких элементов: линий, заштрихованных треугольников или зигзагов, ямок и др. Орнамент зачастую выполняется небрежно. Много сосудов без орнамента.

Отделка сосудов грубая, стенки неровные, толщина их варьирует, обычны следы заглаживания. Обжиг иногда неровный, пятнами — красный, желтый, серый, черный.

Единственный случай находки обломков сосуда с отпечатками ткани отмечен на сел. № 15 (рис. 4). Они почти лишены орнамента, кроме беспорядочных штрихов, вроде заглаживания крупнозубчатой гребенкой. Тесто этих сосудов такое же, как и остальной посуды на селище, обжиг слабый, цвет черепка — палевый и серый.

Отмечены случаи обмазки сосудов слоем теста иного состава, иногда поверх орнамента. По-видимому, это результат починки сосудов.

При отсутствии целых сосудов установление их формы по обломкам затруднительно. Создающееся на основании подъемного материала впечатление, что на одних селищах преобладают баночные сосуды, а на других — много сосудов сложных форм, может быть ошибочным. Однако уверенно можно сказать, что сосудов с узким горлом нет. На всех селищах встречаются сосуды — от больших до маленьких, толщина их сте-

нок — от 4 до 20 *мм*. Есть части покрышек, ручек от сосудов, ошлакованные обломки тиглей. Посуда на всех 40 селищах в общих чертах сравнительно однородна, что позволяет уверенно относить эти селища к андроновской культуре, но в то же время она имеет черты переходного времени между федоровским и алакульским типами. Классический тонкий федоровский гребенчатый штамп не наблюдается, но гребенчатая

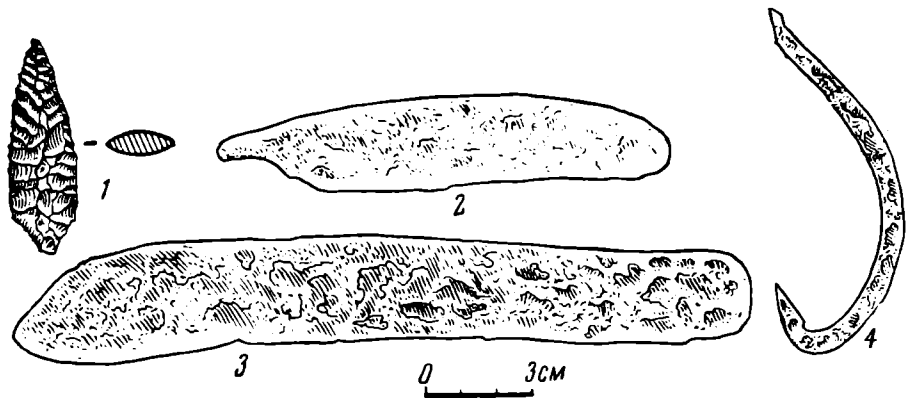


Рис. 5. Медные и кремневые орудия
1 — кремневый наконечник стрелы; *2, 3* — медные ножи; *4* — медный рыболовный крючок (*1* — сел. № 28; *2, 4* — сел. № 15; *3* — сел. № 56)

орнаментация вообще есть. Она иногда дополняется чрезвычайно тонкой резьбой при заштриховке треугольников (как бы переход к алакульскому типу). Ни одного «косого» остроугольного треугольника не отмечено. Меандр наблюдается, но почти всегда резной. Из федоровских мотивов встречаются группы треугольников, расположенных в виде пирамидки вершиной вниз, но выполнены они также резьбой. Нередки широкие желобки. О близости к федоровскому времени говорят случаи расположения орнамента в верхней части сосуда сплошной полосой, без разделения на две зоны. Но есть немало сосудов с двумя зонами орнамента в верхней части и третьей — у дна, что типично для алакульского времени. Отмечена и типично алакульская форма: уступчик на плечиках, сочетающийся с разделением орнамента на две зоны — на горле и плечиках.

Кремневый инвентарь на андроновских селищах немногочислен, но иногда кремневые изделия относительно обильны и разнообразны. Как правило, кремень еще употребляется в андроновское время, но обработка его ухудшилась. Часто это — тонкие осколки с участками небрежной ретуши и следами использования их в качестве режущих и скребущих орудий. Рядом с ними встречаются хорошо оформленные орудия: ножевидные пластинки с ретушью и без нее, скребки концевые и на отщепах, нуклеусы. Нередки наконечники стрел и дротиков различной формы: с выемкой в основании, с прямым основанием, черешковые сейминского типа (рис. 5, *1*), листовидные и т. п. (сел. №№ 1, 3—2 экз; сел. №№ 4, 12—2 экз.; сел. № 14—5 экз.; сел. №№ 15, 17, 28, 29, 31, 40, 42, 54—1 экз.).

Изделия из других пород камня гораздо многочисленнее и разнообразнее, чем кремневые.

Из каменных орудий найдены: мотыги (рис. 6; сел. №№ 3, 4, 16, 17, 28, 32, 41, 45, 46, 54 — 3 экз.); тесла (сел. № 31), песты (сел. №№ 1, 54 — 2 экз.); кайлообразное орудие (сел. № 47); зернотерки (сел. №№ 13, 54); скребло (сел. № 14); брусок для точки тонких предметов (сел. № 14); дисковидные плитки; молоты.

Кроме перечисленных хорошо выработанных орудий, форма которых не оставляет сомнений в отношении их назначения, на селищах встречаются неоформленные орудия со следами сколов, сработанности и т. п. Это в основном случайные обломки камня, форма которых оказывалась удобной для совершения тех или иных трудовых действий.

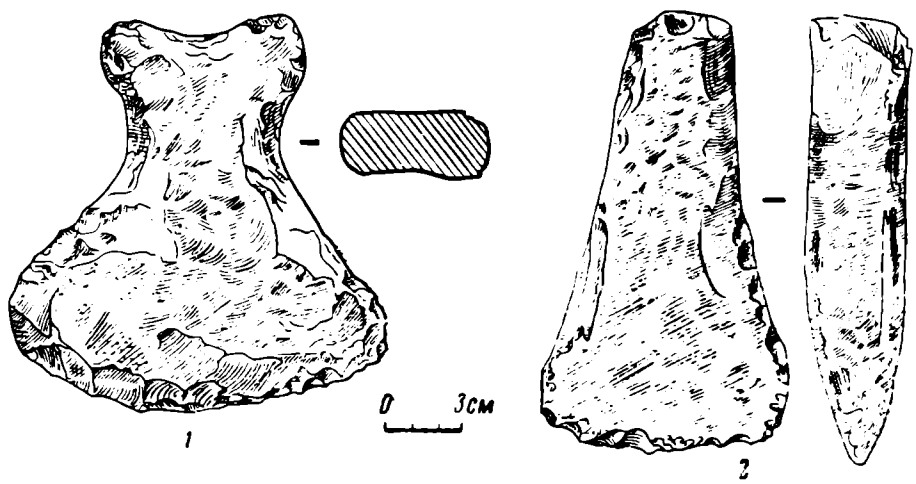


Рис. 6. Каменные мотыги

1 — сел. № 3; *2* — сел. № 41

Возле ряда селищ (№№ 13, 27, 31, 48, 50) обнаружены скопления камня, каменных орудий и отходов их обработки, как бы «мастерские». Из камня изготовлялись не только орудия: найден обломок булавы из зеленой полосатой яшмы (сел. № 14), обломок круглого браслета из змеевика (сел. № 29), бусины из опала молочного (сел. № 12) и розового (сел. № 21).

Изредка встречаются разнообразные украшения: бусина перламутровая, диаметром 3,5 *мм* (сел. № 3), раковины (сел. №№ 10, 41-а), точеные костяные украшения (сел. №№ 31, 43), зуб со сверлиной (сел. № 6).

Надо еще отметить часто встречающиеся, иногда сериями, оббитые плиточки в виде дисков 6—10 *см* в поперечнике и 0,10—0,15 *см* толщиной. Они нередко упоминаются в литературе как предметы неизвестного назначения. Того же мнения, например, придерживается и В. П. Левашова, нашедшая в Быстрянском (таштыкском) кургане оббитые плиточки вместе с конскими бабками, собранными отдельно[4]. Известны они и на андроновских поселениях Зауралья[5]. Надо полагать, что это битки для игры в бабки. У казахов еще недавно битками служили такие каменные плиточки, оббитые в форме диска. На развалинах казахских аулов часто встречаются такие плиточки, не отличимые от древних (сел. №№ 4, 11).

На селищах хорошо прослеживаются следы занятий металлургией. Как и в более северных районах Зауралья, плавка медной руды и изготовление медных орудий в Домбаровском районе велись непосредственно на поселениях.

На многих селищах встречены куски медной руды и шлаки от плавки этой руды (сел. №№ 3, 6, 10, 11, 15, 17, 27, 29, 32, 34, 41, 42, 54), ошлако-

[4] В. П. Левашова. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 101, 102.

[5] К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 231—232, рис. 24.

ванные черепки, сплески и мелкие слитки меди (сел. №№ 3, 14, 41), реже — находки изделий из меди. Несмотря на то, что вещи происходят только из сборов с поверхности, найдены: кусок шильца (сел. № 31), кусок кованой меди (сел. № 31), крупный рыболовный крючок (длина — 9 *см*, толщина — 0,4 *см*) с бородкой (сел. № 15; рис. 5, *4*), нож однолезвийный, слегка изогнутый, черенковый (длина без черенка — 11 *см*, ширина — 2,3 *см*, толщина в обушке — 0,6 *см*) (сел. № 15; рис. 5, *2*), нож однолезвийный, слегка изогнутый (рис. 5, *3*), длина — 20,3 *см*, ширина — 3 *см*, толщина — 1,35 *см*, конец для вставления в рукоятку расширен (сел. № 56-а), обломок долотца (сел. № 17), игла (сел. № 54), пластиночка с орнаментом из точек (сел. № 19). В случайно вскрытом погребении на могильнике № 2 найдено височное кольцо в виде спирали, свернутое из квадратной в сечении проволоки. В исследованной К. В. Сальниковым могиле у Еленовского рудника найдены бусы, согнутые из медной проволоки. Кроме того, на сел. №№ 28, 45 найден шлак плавки свинца (?), на сел. №№ 28 и 54 — сплески свинца. Есть сообщения о находках слитков свинца по берегам соседней речки Котансу. Все это свидетельствует о том, что андроновские племена широко пользовались металлическими изделиями.

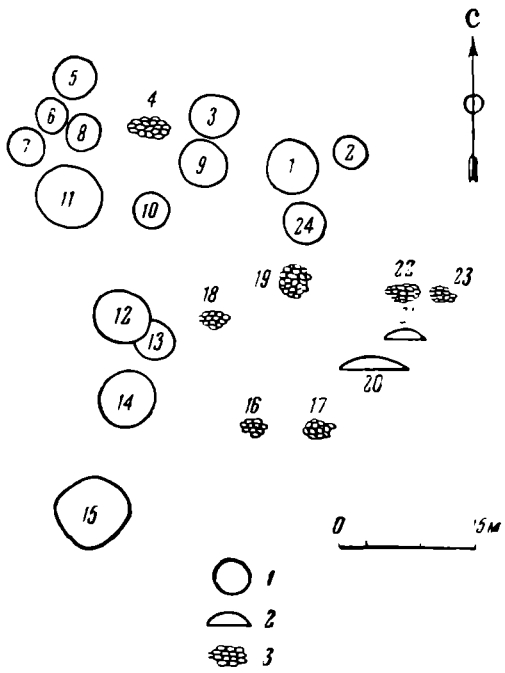


Рис. 7. План могильника у Еленовского рудника

1 — каменное кольцо; *2* — курган; *3* — каменная площадка

Могильники бронзового века многочисленны, располагаются вблизи от селищ (0,3—1 *км*), на террасе (иногда на противоположном берегу) или на соседних холмах. Андроновские могилы на разных могильниках различаются лишь по второстепенным признакам. Характерны для них каменные кольца из крупных глыб, которые бывают то тщательно уложены (диаметром 8—16 *м*), то — небрежно (диаметром 3—6 *м*), иногда с земляным холмиком внутри, иногда без него. Случается, что холмик расплывается за пределы кольца, под холмиком находятся каменные ящики. Почти на каждом могильнике есть каменные курганчики.

На описываемой нами территории отмечено полтора десятка могильников. Подробно обследован только один могильник, расположенный возле Еленовского древнего рудника[6]. На нем хорошо заметны 15 каменных колец; еще не менее чем от десяти могил сохранились лишь отдельные камни (рис. 7). Большинство колец сложены из бесформенных камней, выступающих над современной поверхностью земли на 0,1—0,2 *м*; иногда можно определить два концентрических круга или в центре кольца оказывается маленькая каменная вымостка. Есть также каменные овальные площадки размером 2,5—5 × 2—3 *м* и каменные насыпи с провалом в середине.

Одна андроновская могила на этом могильнике была вскрыта. На глубине 0,8 *м* от современной поверхности лежал костяк человека, головой к юго-западу, на правом боку, с согнутыми ногами. Кости рук отсутствовали, череп смещен, что является результатом ограбления. Возле

[6] Могильник обследован в 1950 г. К. В. Сальниковым по поручению Оренбургского краеведческого музея.

черепа и на ногах повыше щиколоток оказались низки бусинок, согнутых из отрезков литой остроребериой медной ленты. В головах был поставлен сосуд с нечетким резным пояском на грани горла и плечиков; этот поясок отдаленно напоминает уступчик на сосудах алакульского типа.

Ранее, при случайных вскрытиях могил, здесь находили сосуды, кости людей и домашних животных; возле одного черепа человека было найдено височное спиральное кольцо из квадратной в сечении медной проволоки толщиной в 2 *мм*.

Медные рудники. Нам известны два памятника этого типа. Один из них, Еленовский, расположен в 4,5 *км* к востоку от пос. Еленовка, в 0,5 *км* от левого берега р. Киимбай. Он представляет собой открытый карьер в виде впадины с пологими склонами, длиной 46 *м*, шириной 38 *м*, глубиной до 4 *м*. Вокруг него никаких отвалов не заметно. В 400 *м* от рудника, на поверхности прибрежной задернованной дюны, на площади 120 × 58 *м*, в большом количестве рассеяны мелкие кусочки руды. Они обнаружены и на глубине 15—20 *м*. По-видимому, здесь производилась первичная обработка руды — «обогащение».

Второй рудник, также в виде открытых карьеров, находится на р. Ушкатты.

Всего нами было обследовано: на р. Ушкатты (на протяжении 25 *км*) — 14 селищ, 3 могильника; на р. Киимбай (на протяжении 35 *км*) — 20 селищ, 10 могильников; на р. Комсак (на протяжении 20 *км*) — 6 селищ, 1 могильник; на р. Шандаша (на протяжении 5 *км*) — 3 селища, 1 могильник. Таким образом, на протяжении 85 *км* общее количество обследованных селищ — 43, могильников — 15.

Материалы, собранные главным образом на селищах, позволяют сделать некоторые выводы о хозяйственной деятельности населения описываемого района в андроновское время. Значительное число каменных мотыг, часто весьма развитой формы, и зернотерки свидетельствуют об известной роли земледелия, хотя пойменных участков, пригодных для посевов, вдоль местных речек немного. На существование пастушеского скотоводства указывают постоянно встречающиеся на селищах кости домашних животных. Имеются некоторые данные о составе стада: на сел. № 3 при раскопках Н. П. Кипарисовой найдено копыто лошади, а у очага, вскрытого шурфом, лежало несколько челюстей коровы. На сел. № 28 найден зуб свиньи (?). В горшке на обнажившемся очаге сел. № 54 лежала челюсть овцы. Некоторую роль должно было играть рыболовство. Большой медный крючок, найденный на сел. № 15 (если, основываясь на наличии бородки, его можно считать рыболовным), указывает на то, что в местных реках водились крупные породы рыб. Находки наконечников стрел и дротиков свидетельствуют о занятии охотой.

Население эпохи бронзы на исследованной территории широко разрабатывало местные месторождения меди. Руда из Еленовского рудника и шлаки от ее плавки были обнаружены на многих селищах на всем протяжении р. Киимбай и даже на р. Ушкатты, хотя на последней был обнаружен другой рудник, с иным типом руды. Но на некоторых селищах по берегам р. Ушкатты оказалась местная руда. Может быть, это свидетельствует о том, что ушкаттинский рудник стал разрабатываться позднее. Кроме того, на сел. № 17 на р. Киимбай (13 *км* ниже с. Еленовки) найден порфир, место разработки которого пока не открыто.

По приведенным выше данным довольно полно (насколько это возможно без применения раскопок) можно представить жизнь в одном микрорайоне огромной андроновской территории. (Интересно отметить, что на расстоянии 20—30 *км* через водораздел, в верховьях р. Иргиз, подобные типы памятников не обнаружены.)

На основании данных разведок можно с полной определенностью сказать, что этот район был занят андроновскими племенами главным образом в начале алакульского времени. Малочисленность развитых алакуль-

ских признаков в керамике может быть объяснена локальными особенностями, выражавшимися в долгом переживании федоровских элементов в сочетании с новой техникой нанесения орнамента — резьбой.

Близкая керамика найдена в Кожумбердынском могильнике, расположенном в 40—50 *км* от описываемого района [7].

Следует отметить значительную грубость формовки и состава теста, в чем местная керамика сближается со срубной. В этой связи надо упомянуть также случаи находки покрышек (рис. 3, 7). Аналогичные по форме, но более грубые, подобные предметы известны на поселениях срубной культуры в Нижнем Поволжье [8]. Таким образом, наблюдается некоторое влияние с запада.

Особый интерес представляет полное отсутствие керамики замараевского облика: или андроновские племена к этому времени оставили описываемый район, что мало вероятно, или по какой-то причине здесь не развилась эта форма сосудов [9].

[7] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

[8] И. Б. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА XI, 1949, стр. 203, рис. 8.

[9] Впрочем, категорично это утверждать нельзя. А. А. Формозов отмечает находки черепков с налепным валиком на обследованных им памятниках. Нам такой тип керамики не встречался.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

КУРОС ИЗ КЕП

В 1961 г. во время работ Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР жительницей поселка Р. Резник при рытье ямы на восточной окраине верхнего плато городища, у левого края дороги, проходящей с юга на север вдоль поселка, была найдена мраморная головка. Обследование места находки показало, что головка лежала на глубине около 1,2 *м* от современной поверхности в желто-песчаном грунте, характерном для древнейшего культурного слоя в Кепах.

Головка изваяна из крупнозернистого, белого (видимо, островного) мрамора, покрывшегося желтоватой патиной. Размеры ее невелики: высота — 0,118 *м*, высота головки без шеи — 0,088 *м*, наибольшая ширина — 0,075 *м*. Сохранность скульптуры хорошая (рис. 1, 2). Уцелели все выступающие части, в том числе и нос, что бывает редко у мраморных голов, дошедших до нас от архаической эпохи. Несколько небольших глубоких царапин и мелких сколов нисколько не искажают общего вида. Однако головка имеет другого рода повреждение: она окатана в песчаном грунте, вследствие чего сильно сглажены пряди прически на лбу и на затылке, уши, немного потерт кончик носа. Щеки, лоб, глаза и губы, предохраненные выступающими частями, пострадали мало. В ряде мест, особенно на правой стороне лица и в углублениях между прядями волос, мрамор покрылся известковым налетом.

Головка, несомненно, принадлежала целой статуе, но особенность ее заключается в том, что она была сделана из особого куска мрамора. Нижний срез шеи не сколот, а тщательно обработан, хотя и без сглаживания поверхности; этот срез, немного выпуклый, имеет подъем к тыльной стороне, так что головка без дополнительной опоры или без гнезда для шеи стоять не могла. О том, что головка составляла часть целой статуи, можно судить также и по тому, что шея ее слишком длинна; нижняя часть шеи предназначалась для закрепления в углублении торса, возможно сделанного из другого материала. Эти детали оформления шеи не позволяют признать вотивное назначение головки. Кепская головка принадлежит к кругу скульптур, известных под названием «куросов» или «Аполлонов», представлявших собою фигуру нагого прямостоящего юноши[1]. Эти

[1] О типе скульптуры, назначении и распространении см. W. D e o n n a. Les Apollons archaïques. Genève, 1909, стр. 5—43 сл.; G. R i c h t e r. Kouroi. New York, 1942, стр. 8—11 сл. Исследование В. Деонна, появившееся более полувека назад, помимо общих вопросов, ставило своей целью выявить региональные группировки куросов, подобно тому как это делалось до него и после, для истории развития всей архаической скульптуры. В работе Дж. Рихтер проведена хронологическая группировка архаических куросов, снабженная хорошими таблицами, благодаря чему она очень важна при исследовании памятников этого типа. Дж. Рихтер обосновывает мысль о том, что сходство или различие в исполнении куросов основано главным образом не на региональном принципе, т. е. на принадлежности к той или иной локальной «школе», а на принадлежности к определенному времени. К сожалению, работа Э. Бушора (см. E. B u s c h o r. Frühgriechische Jünglinge, 1950) нам оказалась недоступной. «Куросы», или «Аполлоны», занимают видное место во всех больших монографиях по истории античной скульптуры.

Рис. 1. Головка куроса из Кеп

Рис. 2. Головка куроса из Кеп

скульптуры, пройдя свой путь развития от VII до начала V в. до н. э., составляют один из характерных типов в скульптуре греческого мира архаической эпохи.

Головка юноши из Кеп имеет открытое, улыбающееся лицо с прямым, тонким и довольно коротким носом. Высокий покатый лоб прикрыт валиком волос, вследствие чего лоб получился треугольной формы. Линия профиля лба составляет прямую с линией носа, лишь с небольшим понижением у переносья. Губы тонкие, рот нешироки, прорезь между губами неглубокая. Глаза посажены горизонтально и параллельны губам; глазное яблоко сильно прикрыто веками. Небольшие уши немного отклонены назад.

Голова юноши увенчана довольно сложной прической, охваченной кольцевой широкой повязкой (рис. 3). Спереди, надо лбом, валик волос расчленен посередине прямым пробором. Этот валик образован выбивающимися из-под повязки короткими локонами, сверху намеченными неглубокими прямыми линиями. К сожалению, налобный валик сильно потерт, но по остаткам насечки можно определить, что концы локонов были оформлены в виде завитков, обычных для куросов VI в. до н. э. Наряду с этим прическа юноши своеобразна. Так, волосы теменной части лежат над повязкой сплошной массой, обозначенной неглубокой насечкой; они не расчленены на пряди, расположенные в какой-либо определенной системе, как это бывает у архаических куросов. Сзади и с боков головка обрамлена короткими косами, которые доходят только до шеи. Передние, более толстые косы, проходящие за ушами, симметрично обрамляют лицо.

Головка очень красива. Ее контур спереди близок к правильному овалу. Ее обаяние наиболее сильно при повороте в три четверти, когда полностью выявляется «архаическая» улыбка, мастерски выраженная при помощи углубленных углов губ. Выразительность головки, очевидно, была еще большей, поскольку она, по обычаю эпохи [2], была раскрашена.

Хотя следов раскраски не обнаружено, но недетализованная проработка отдельных частей лица (губы, глаза), отсутствие бровей и ресниц указывают на существовавшую когда-то роспись. Вся поверхность мрамора лицевой части хорошо сглажена. Несмотря на изящество головы и жизнерадостное выражение лица, следует отметить подчеркнутую мясистость щек, тяжеловесность подбородка и очень развитую затылочную часть.

В головке куроса из Кеп легко заметить основные художественные принципы и черты скульптуры, в частности куросов, VI в. до н. э. Она строго фронтальна [3] и симметрична [4], характерно соотношение отдельных частей лица и прически, имеющей вид хорошо разработанного парика, в чем проявляются черты архаической стилизации. Прическа не выходит из рамок основной схемы прически куросов VI в. до н. э., для которой характерно четкое расчленение на отдельные (лобную, височную, верхнюю и заднюю) части [5].

При определении даты нашей головки возникает то затруднение, что среди голов архаической скульптуры нам не удается найти близкой аналогии, и мы едва ли ошибемся, выразив мысль о том, что кепская головка представляет собой новый вариант архаического куроса. Это неудивительно потому, что, несмотря на общность этого типа скульптуры, все известные куросы индивидуальны, среди них нет двух сходных. На эту особенность уже было обращено внимание [6].

[2] W. Deonna. Ук. соч., стр. 47—48.

[3] I. Charbonneaux. La sculpture grecque archaïque. Paris, 1939, стр. 35.

[4] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.— Л., 1939, стр. 14.

[5] W. Deonna. Ук. соч., стр. 105.

[6] Б. В. Фармаковский. Архаический курос из Ольвии. СГАИМК, т. I, 1926 стр. 168.

Сохраняя свой индивидуальный характер, наша головка имеет более всего сходных черт со скульптурными мужскими головами второй половины VI в. до н. э., и именно в той группе куросов, которую Дж. Рихтер относит к периоду 540—515 гг. до н. э.[7].

Для сравнения деталей укажем на аттическую голову куроса из Лувра [8], относимую Э. Ланглотцем к позднеписистратовскому времени [9]. Несмотря на значительные различия, у обеих голов имеется укороченная шевелюра, общая схема прически, хорошо развитые затылочные части, близки профили покатого лба и губ.

Как известно, развитие греческой архаической скульптуры шло от условных, схематических форм, от стилизации, статичности и связанности линий к воспроизведению живой природы, движения, к реализму [10]. В этом плане мы отмечаем соразмерность пропорций отдельных частей кепской головки, смягчение раннеархаической четырехфасадности [11], более реалистическое изображение ушей и глаз. У раннеархаических куросов уши выполнялись в одном плане, схематично [12], в виде дуги с двумя завитками, почти равными по размеру, без внутренних выступов; уши размещались слишком высоко и часто с неестественным углом наклона. В противоположность этому уши кепской головки имеют достаточно четко выраженную мочку и внутренние выступы, верхний обрез их находится на уровне надбровных дуг, они немного отклонены назад; все это соответствует естественному виду ушей у скульптур позднеархаической эпохи. Уши кепской головки более естественны, чем луврской, сохраняющей еще элемент стилизации, и по этой детали можно было бы считать кепскую головку немного более поздней, чем луврская, и близкой афинской головке, хранившейся в одной из частных английских коллекций [13] и датируемой Е. Форстером последней четвертью VI в. до н. э. Несколько моложе, чем луврская, кажется кепская головка и по строению глаз. Для ранних скульптур характерны большие широкие и слишком выпуклые глаза, так называемый «архаический эксофтальмизм» [14], элементы которого имеются также у луврской головки. У кепской головки выпуклость глаз выражена в меньшей степени; своим сравнительно узким разрезом глаз она сходна с рядом позднеархаических скульптур и, в частности, с головкой конца VI в. до н. э. из акропольского музея [15], сходной с нашей также по построению ушей и прически. Общим для глаз кепского, луврского и акропольского куросов является их горизонтальное расположение, а также вырез внутреннего угла в виде углубленного язычка, по схеме Дж. Рихтер, появляющийся в тот же период 540—515 гг. и еще более развитый позднее [16]. Но несмотря на общие элементы кепской и акропольской голов куросов, общий стиль кепской головы более архаичен, и она должна быть немного старше акропольской.

---

[7] G. Richter. Ук. соч., стр. 189—211.

[8] А. А. Павловский. Скульптура в Аттике до греко-персидских войн, СПб., 1896, стр. 133—134, рис. 35; W. Deonna. Ук. соч., № 24, стр. 145—146; G. Richter. Ук. соч., № 118, табл. XCIII, *329—330*.

[9] E. Langlotz. Frühgriechische Bildhauerschulen. Nürnberg, 1927, стр. 157, табл. 94, *d*.

[10] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 33—34; G. Richter. Ук. соч., стр. 27 сл.

[11] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 14.

[12] W. Deonna. Ук. соч., стр. 96—97; G. Richter. Ук. соч., стр. 27—28.

[13] E. S. Forster. An Archaic Male Head from Athenes, JHS, т. XXXI, 1911, стр. 260—262, рис. 1.

[14] H. Lechat. La sculpture attique avant Phidias. 1904, стр. 356—357; W. Deonna. Ук. соч., стр. 98.

[15] E. Langlotz. Ук. соч., табл. 72, *c*; G. Richter. Ук. соч., № 117, табл. XCII, *327—328*. Е. Ланглотц датирует эту головку временем около конца VI в. до н. э., как и Г. Бутлер (H. Butlar. Griechische Köpfe. Berlin, 1950, рис. 20). Дж. Рихтер вводит ее в группу куросов 540—515 гг. до н. э.

[16] G. Richter. Ук. соч., стр. 28, 35, 247.

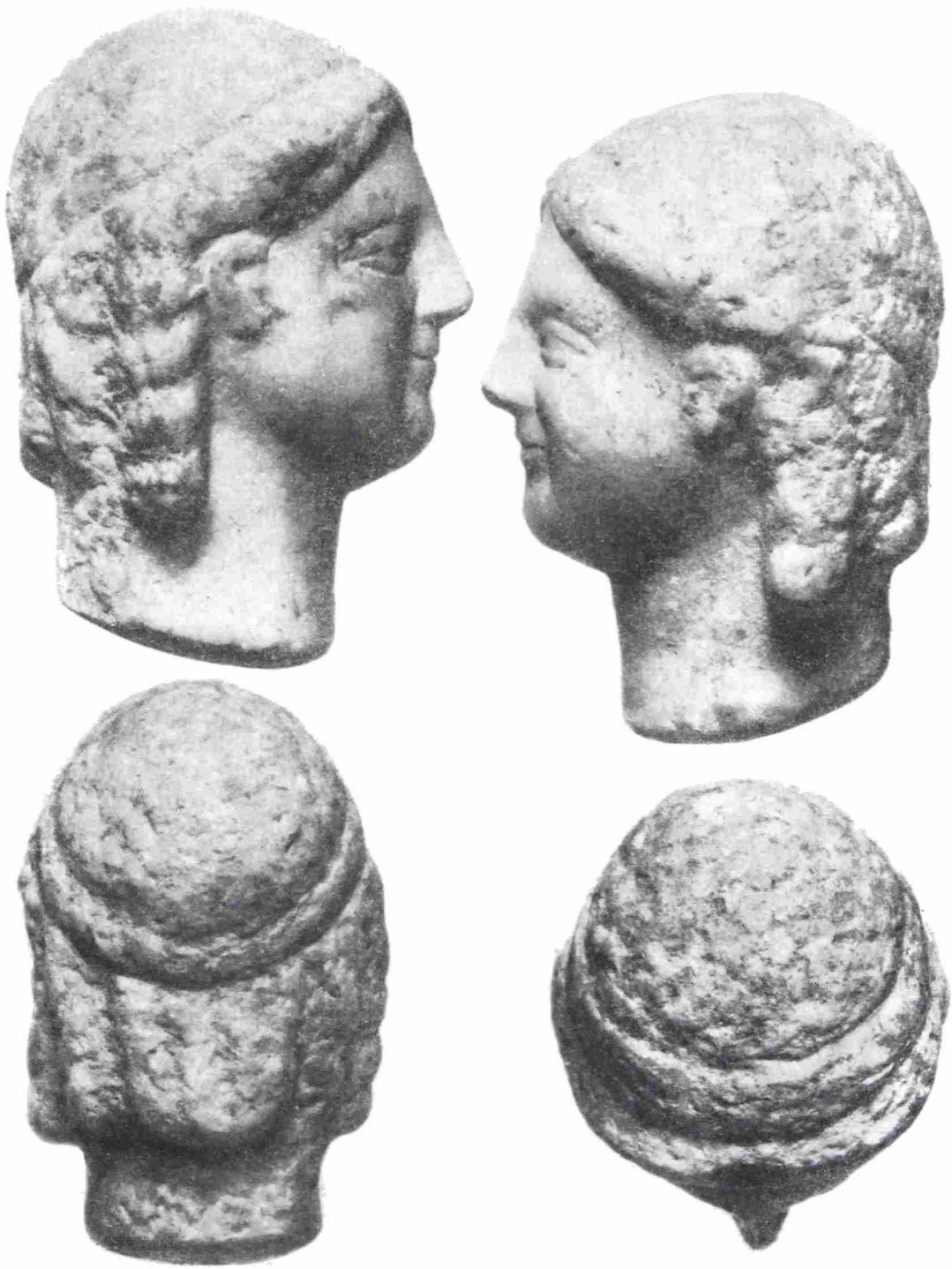


Рис. 3. Головка куроса из Кеп

а—б профиль; *в* — вид сзади; *г* — вид сверху

Контур глаз кепской головки не совсем обычен: его нижнее веко горизонтально, а верхнее изогнуто так, что наибольшая ширина глаза сдвинута к внутренней стороне. Подобный абрис глаза, например, усматривается на стеле из Абдеры, относимой Е. Ланглотцем к хиосской школе [17].

Еще большее значение для уточнения времени имеет прическа кепской головки. Для куросов раннего периода характерны длинные волосы, ниспадающие покрывалом из параллельных локонов на плечи и спину. У кепской головки волосы не доходят до плеч. Такого рода короткая шевелюра начинает появляться в писистратовское время [18]. Одним из наиболее ранних примеров может служить прическа не относящейся к типу куросов головы Рампен [19], выполненная в архаической стилизованной манере, т. е. значительно более ранней, чем кепская. Более близкой является прическа аттической головы из Лувра [20], с которой мы начали сравнение. У нее также волосы схваченные лентой, не доходят до плеч, концы коротких параллельных локонов надо лбом расположены в два ряда завитков, а на затылочной части насечкой передана волнистая масса волос. Однако концы локонов у луврского и акропольского куросов [21] имеют завитки, характерные вообще для локонов куросов позднеархаического периода. Укороченная шевелюра подобного типа, но выполненная в сильно стилизованной манере, имеется у куроса из беотийского святилища Птоан [22] и куроса из халкидского музея [23], относимых Дж. Рихтер также к периоду 540—515 гг. до н. э. Прическа с укороченными локонами, имеющая некоторое сходство с прической кепской головки, встречается на аттических надгробиях второй половины VI в. до н. э.[24]. Отсутствие завитков на концах локонов тыльной части прически у кепской головки не случайно. Нужно думать, что ее толстые пряди волос являются не закрученными спирально локонами, а шестью заплетенными косами, причем они не падают свободно вниз, а уложены так, что концы их прихвачены повязкой вместе с корнем косы. Перегиб хорошо виден у двух задних кос, в то время как у боковых он менее заметен вследствие более крутого поворота, отчего они оказались много толще задних. Сами косы показаны очень натурально, подчеркнута естественная мягкость спиралей. В противоположность этому, шевелюра раннеархаических куросов, а также ряда куросов второй половины VI в. до н. э. обычно изображалась горизонтальными рядами бугорков, обозначающих многочисленные локоны. Спирали локонов показывались редко [25] и в сильно геометризованной манере. Наиболее характерна в этом отношении густая сеть локонов аттического куроса из Анавизоса [26], показывающая, что наша головка является более поздней. Более мягким кажется изображение локонов у ионийского куроса из Истамбульского музея [27].

[17] E. Langlotz. Ук. соч., табл. 72, *б*.

[18] G. Richter. Sculpture and Sculptors. London, 1930, стр. 73; ее же. Kouroi, стр. 28. Б. В. Фармаковский также рассматривал укороченные волосы куросов как признак позднеархаического времени (см. Б. В. Фармаковский. Архаический курос из Ольвии. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 169); Н. П. Сорокина. К вопросу о связях Боспора Киммерийского с восточным Средиземноморьем в архаическую эпоху. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 312.

[19] М. М. Кобылина. Аттическая скульптура. М., 1953, стр. 43—44, рис. 21—22.

[20] G. Richter. Kouroi, № 118, табл. XCIII, *329—330*.

[21] Там же, № 117.

[22] Там же, № 122, табл. C, *353*.

[23] Там же, № 124, табл. C, *354*.

[24] G. Richter. Archaic Attic Gravestones. Cambridge, 1944, рис. 74, 78, стр. 64, рис. 93, стр. 99; М. М. Кобылина. Ук. соч., стр. 52, рис. 29, рис. на стр. 40.

[25] G. Richter. Kouroi, табл. XI, *35*; XVII, *58*; XXXIV, *83—84*; LXXXIII, *301—302*.

[26] Там же, стр. 189, табл. XC, *320—321*.

[27] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. VIII, Paris, 1904, стр. 280—282, рис. 114; E. Langlotz. Ук. соч., стр. 122, табл. 70, *а*; G. Richter. Ук. соч., № 111, табл. LXXXIII, *301—302*.

Говоря о прическе, отметим еще две детали. Во-первых, редким является отделка волос внутри кольца повязки сплошной насечкой, без распределения прядей в определенной системе. Близкую манеру передачи кудрявых волос мы находим на позднеархаической голове из Лувра, которую Е. Ланглотц относит к ионийскому кругу[28]. Во-вторых, у головных повязок куросов первой половины VI в. до н. э. часто показаны сзади узлы и концы[29]. Примерно с середины VI в. узлы и концы повязок не обозначаются, подобно тому как у кепского куроса, а к началу V в. до н. э. повязки куросов становятся уже, а часто вообще не изображаются.

Из проведенного нами анализа следует, что по некоторым элементам (особенно прически), строгой фронтальности, голова куроса из Кеп недалеко отошла от куросов второй четверти VI в. и в то же время значительно отличается от скульптур поздней архаики. Одновременно в ней обнаруживается ряд черт (укороченная шевелюра, построение глаз и ушей, более натуральное, чем у раннеархаических, соотношение частей лица, хорошее знание анатомии и т. д.), приближающих ее к группе позднеархаических куросов. Учитывая сочетание этих особенностей, можно думать, что кепский курос стоит в преддверии поздней архаики, что он создан примерно в период от 530 до 510 г. Более раннее или более позднее время изготовления головки на протяжении этого периода могло зависеть еще и от мастерства художника, поскольку крупные мастера вводили новые элементы ранее, чем использовавшие их в своих произведениях рядовые скульпторы-ремесленники[30].

Кепская головка, несомненно, произведение крупного мастера-художника.

Выше, при определении времени нашей головки, мы уже отметили, что по отдельным элементам выявлялась ее значительная близость к кругу аттической скульптуры эпохи писистратидов. Одновременно были отмечены некоторые черты, связывающие ее с восточногреческой, ионийской скульптурой VI в. до н. э. (пластичность выполнения кос, манера трактовки кудрявых волос на макушке). Можно отметить также мягкие контуры лица и отдельных деталей, овальность контура головы[31], живописность в трактовке глаз, отсутствие врезных резких линий и углов[32]. В рамках архаической условности лицу юноши придана большая живость взгляда и улыбки. Все это в значительной мере отличает кепскую головку от близких ей по времени аттических куросов, более строгих, с резкими линиями деталей, с большей округлостью головы, и сближает с ионийским кругом памятников. Сошлемся, например, на голову второй половины VI в. до н. э., найденную в Эфесе[33], которую Э. Ланглотц не без оснований относит к милетской школе[34]. Мягкость трактовки полного лица, его профиль, тяжеловесность подбородка удивительно близки у голов из Кеп и Эфеса. В этом отношении много общего имеется и с женской головой[35], украшавшей колонну в храме D эфесского Артемисиона (рисунок глаз и лба). Противоречат ли этому черты сходства с аттической скульптурой? По-видимому, нет. Известно, что Аттика (в частности, Афины) в писистратовскую эпоху испытала большое влияние

---

[28] E. Langlotz. Ук. соч., табл. 63.

[29] G. Richter. Kouroi, табл. VIII, IX, XIV, XXI, XXIII, XXVIII, XXIX, XXXV.

[30] E. Langlotz. Ук. соч., стр. 15.

[31] В. Деонна разделяет головы архаических куросов на два типа: ионийский (овальный, беглый, скругленный) и дорийский (приземистый, квадратный, уплощенный). См. W. Deonna. Ук. соч., стр. 96.

[32] E. Langlotz. Ук. соч., стр. 105.

[33] F. Gerke. Griechische Plastik in archaischer und klassischer Zeit. Berlin, 1938, № 14, стр. 214.

[34] E. Langlotz. Ук. соч., стр. 107, табл. 61.

[35] Ch. Picard. Manuel d'archéologie grecque. La Sculpture. I. Paris, 1935, стр. 535—536, рис. 180—181.

ионийского искусства[36] вплоть до переезда ионийских скульпторов в Афины[37].

Не последним по значению будет тот факт, что наш курос найден в Кепах, являвшихся апойкией Милета[38]. К сожалению, скульптурных голов из Милета сохранилось мало, а головы куросов вообще неизвестны. Но не будет необоснованным наше предположение о том, что головка была изготовлена в Милете или в одном из близких ему центров и вместе с другими товарами была привезена в Кепы.

Раскопки городища Кепы, проведенные в 1957—1961 гг., в нескольких местах обнаружили остатки архаического слоя. Помимо того, в более поздних слоях найдено значительное количество фрагментов керамики архаического периода, в частности второй половины и, особенно, последней четверти VI в. до н. э. К этому же периоду относятся несколько могил, открытых в грунтовом некрополе в 1961 г. Среди керамики архаического периода Кеп преобладает ионийская; она дает представление об ионийском характере культуры кепитов в VI в. и о их тесных экономических, торговых связях с ионийскими центрами и, вероятнее всего, с метрополией Кеп — Милетом. Аттический импорт в Кепы во второй половине VI в. до н. э. был еще не очень значительным.

Назначение кепского куроса довольно трудно определить. Б. В. Фармаковский, решая этот вопрос в отношении торса ольвийского куроса, предполагал его вотивный характер на основании малых размеров статуи[39]. Между тем следует принять во внимание тот факт, что, по словам находчика, ольвийский курос найден в «древней могиле». Согласно нашим знаниям топографии Кеп, головка была найдена за пределами города[40], в направлении некрополя. Размеры статуи, которую, по всей вероятности, венчала кепская головка, близки величине ольвийского куроса, т. е. примерно около $^1/_3$ человеческого роста. Если исходить из того, что отношение высоты всей фигуры к высоте головы у куросов второй половины VI в. до н. э.[41] равно примерно 7 : 1 или 7,5 : 1, то высота всей статуи, которую венчала наша головка, должна быть около 0,65 *м*. Довод Б. В. Фармаковского в пользу вотивного назначения сам по себе недостаточен. Куросы изображали божества (Аполлона), атлетов и героизированных умерших. В последнем случае они могли служить надгробными статуями[42], поэтому не случайно, что многие подобные скульптуры были найдены на некрополях[43]. Среди найденных на некрополях имеются статуи размером и меньше человеческого роста и совсем небольшие[44]. Поэтому, в связи со всем вышесказанным, мы склоняемся к мысли о связи кепского куроса с некрополем.

Новая находка имеет большое значение для изучения культуры античных городов Северного Причерноморья потому, что круглых статуй

---

[36] J. Charbonneaux. La sculpture grecque archaïque, Paris, 1939, стр. 34; E. Homann-Wedeking. Die Anfänge der griechischen Grossplastik. Berlin, 1950. стр. 86.

[37] М. М. Кобылина. Ук. соч., стр. 45.

[38] Ps.-Scymn. Peripl., 899; Plin., Nat. hist., VI, 18.

[39] Б. В. Фармаковский. Архаический «курос» из Ольвии, стр. 167.

[40] Северная граница кепского городища обозначена продольной грядой, поворачивающей к юго-востоку и постепенно пропадающей. В северной части под грядою в 1961 г. открыт мощный городской земляной вал I в. н. э. Головка найдена примерно в 50 *м* от восточного края ниспадающей гряды, т. е. за пределами города I в. н. э., когда он занимал наибольшую территорию.

[41] Ср., например, пропорции аттического куроса из мюнхенской глиптотеки (G. Richter. Kouroi, № 13, табл. LXXXVII) и куроса из Анавизоса (там же, № 114, табл. LXXXIX—XC), которые Дж. Рихтер относит к периоду 540—515 гг. до н. э. Близкие пропорции отношения высоты всей фигуры и головы отмечаются и у более ранних куросов из Беотии, с Геры, из Тенеи (см. G. Kieseritzky. Apollo von Naukratis. JDAI, т. VII, Berlin, 1892, стр. 183).

[42] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 17—19.

[43] W. Deonna. Ук. соч., стр. 19.

[44] Там же, № 4, стр. 132, рис. 7—9; № 135, стр. 232—233, рис. 157—158; № 141, стр. 238, рис. 165—167, № 155, стр. 247.

VI в. до н. э. на этой территории найдено очень мало. Эти скульптуры следующие:

1. Торс небольшого куроса из Ольвии, относимый Б. В. Фармаковским к навкратийской школе второй трети VI в. до н. э.[45]. Высота торса — 0,171 *м*; островной мрамор.

2. Голова куроса из Ольвии, хранящаяся в Гос. Историческом музее (Москва), отнесенная О. Ф. Вальдгауэром к ионийскому, вероятно, милетскому кругу скульптур[46]. Островной мрамор. Высота — 0,139 *м*.

3. Часть мраморной головы куроса с длинными локонами[47], которую М. И. Максимова и М. А. Наливкина сближают со скульптурами начала VI в. до н. э.[48], а Дж. Рихтер относит к группе 555—540 гг. до н. э.[49].

4. Обломок плеча статуи из Ольвии, сближаемый В. М. Скудновой с одной из акропольских Кор второй четверти VI в. до н. э.[50] самосской группы. Высота обломка — 0,085 *м*; серый камень.

5. Торс фигуры, найденной в 1903 г. в Херсонесе[51] и хранящийся в Гос. Эрмитаже. О. Ф. Фальдгауэр отнес его к кругу ионийских куросов[52]. Мрамор.

6. Полулежащая на ложе мужская фигура, изданная Н. П. Сорокиной[53] и интерпретируемая ею как крышка саркофага конца VI в. до н. э. Собрание ГИМ; известняк. Скульптура относится к произведениям самосского стиля. Она происходит, видимо, с Таманского полуострова[54].

Вновь найденный Кепский курос расширяет небольшой репертуар северопонтийской архаической скульптуры.

В крупнейших городах Боспора, Пантикапее и Фанагории, скульптур VI в. до н. э. не найдено. Это следует, видимо, объяснить, с одной стороны, случайностью, с другой — большими разрушениями скульптур периферийных центров античного мира в позднейшее время. Таманская лежащая фигура и кепская голова юноши свидетельствуют о том, что в боспорских городах VI в. до н. э. круглая скульптура применялась в значительно большей степени, чем это можно было предполагать до сего времени, при этом она в основном скорее, видимо, была связана с культом, чем с гражданскими целями. Любопытно также отметить, что среди всех северопонтийских архаических скульптур куросы занимают главное место.

---

[45] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 164—170, рис. 23—26; М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 298, рис. 1. Дж. Рихтер, считая торс ионийским, относит его к позднейшей архаической группе 515—485 гг. (G. Richter. Kouroi, стр. 217—218, табл. CXXIX, *439—441*).

[46] O. Waldhauer. Ancient Marbles in the Moscow Historical Museum, JHS, т. XLIV, 1924, стр. 46—47, рис. 1; W. Deonna. Dédale ou la statue de la Grèce archaïque, т. II, Paris, 1931, стр. 244, рис. 5.

[47] ОАК за 1906 г., стр. 32, рис. 24; O. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage, т. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 1, № 84, рис. 3—4, табл. XXXI, *441*.

[48] М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Ук. соч., стр. 298—299, рис. 2.

[49] G. Richter. Kouroi, стр. 152.

[50] В. М. Скуднова. Из неизданных материалов Ольвии VI—V вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 259, рис. 13.

[51] К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, вып. 16, 1905, стр. 60; Архив ЛОИА, д. № 12, 1903. Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Передольскую за дополнительные сведения об этой скульптуре.

[52] O. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage, т. II, № 83, стр. 1, рис. 1—2. К сожалению, эта скульптура детально не интерпретирована в литературе, а она представляет большой интерес как по типу, так и по месту находки. Дело в том, что по типу прически она может относиться к довольно раннему времени, а это входит в известное противоречие с находкой ее в Херсонесе. С другой стороны, согнутая рука, видимо, с накинутым плащом не характерна для куросов, но часто встречается у женских скульптур — кор VI в. до н. э.

[53] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 309—315, рис. 1—2.

[54] Там же, прим. 1 на стр. 309.

В. К. ПУДОВИН

ТРИ БОСПОРСКИЕ ЛУЧЕВЫЕ ФИБУЛЫ

(*К вопросу о дате боспорских фибул*)

Среди небольшой коллекции вещей бывшего кабинета изящных искусств Московского университета, хранящейся в Гос. Историческом музее, имеются три лучевые боспорские фибулы (инв. № 78607). Как известно, лучевые фибулы различных типов и вариантов получили в Европе широкое распространение в эпоху V—VII вв. Южнорусские двупластинчатые фибулы вообще (и боспорские лучевые, в особенности) важны как для изучения вопросов хронологии, типологии и техники, так и в более широком плане — в отношении вопроса формирования известного ювелирного стиля времени «великого переселения народов». Поэтому они имеют значение не только для Южной России, но и для всей Европы в целом.

Публикуемые здесь фибулы происходят из старых находок. Они впервые экспонировались на Антропологической выставке 1879 г. в Москве. В кратком описании археологического отдела выставки, составленном Д. Н. Анучиным, сказано, что в числе вещей из раскопок в окрестностях Керчи и Феодосии, доставленных Г. Д. Филимоновым, были фибулы «германского типа с пятью выступами на верхней полукруглой бляхе». Рядом, среди находок из керченских раскопок, доставленных О. П. Макаровой, Д. Н. Анучин также отмечал «германские фибулы»[1]. В «Указателе памятников Исторического музея 1893 г.» мы находим очень краткое описание трех сохранившихся доныне фибул с указанием, что они происходят из раскопок в окрестностях Керчи и Феодосии[2]. Других сведений об этих фибулах нет.

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что фибулы были найдены незадолго до Антропологической выставки в 1879 г. О месте находки можно судить более определенно: до сих пор не известно ни одной двухпластинчатой фибулы из Феодосии. Поэтому наиболее вероятным местом остается Керчь, где находки лучевых фибул исчисляются десятками.

Все три фибулы литые, имеют полукруглую головку[3] с пятью лучами (пальцами) и ромбическую ножку, оканчивающуюся звериной мордой. Фибула маленькая (рис. 1, *1*), серебряная, со следами позолоты, длиной

---

[1] Антропологическая выставка, т. III, ч. 2, Отдел доисторический, вып. 2, М., 1879, стр. 17.

[2] Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 447—448. Указание на место находки дано со ссылкой на «Антропологическую выставку».

[3] Мы придерживаемся старой терминологии: верхний щиток — головка, нижний — ножка. Известно, однако, что двупластинчатые фибулы во всей Европе застегивались на одежде головкой вниз (см., например, Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, рис. 3 и 5); W. Haberey. Zur Tragweise der fränkischen Bügelfibeln. Germania, № 14, 1930, стр. 227—229; G. M. Santa-Olala. Zur Tragweise dr Bügelfibeln bei den Westgoten. Germania, № 17, 1933, стр. 47—50.

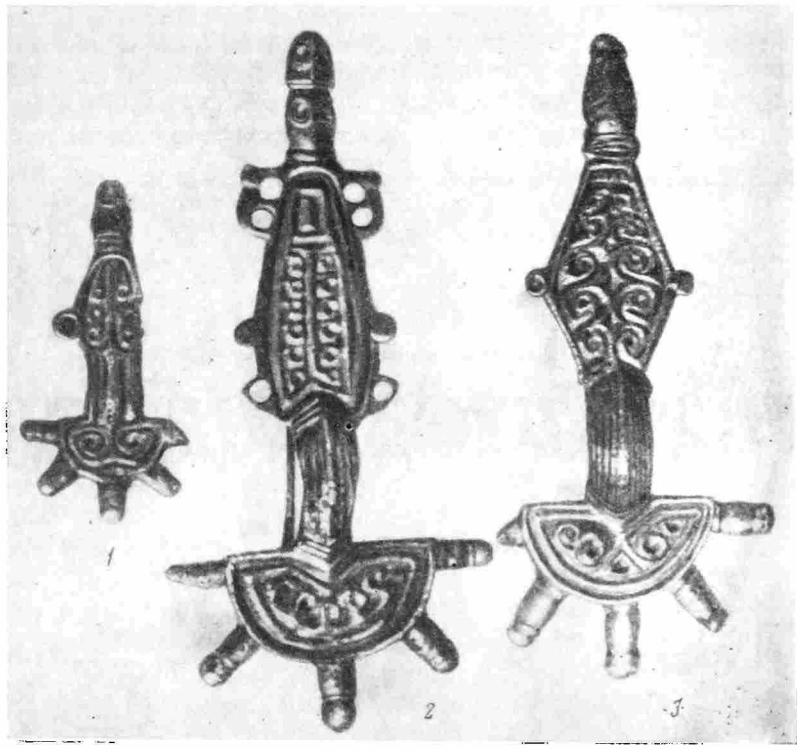


Рис. 1. Боспорские лучевые фибулы

6,2 *см*. Украшена рельефным узором из завитков, причем на ножке завитки схематизированы. Дужка слабо профилирована, имеет посредине широкое продольное ребро с каймой из треугольников по сторонам. По углам ножки и на конце звериной морды расположены круглые выступы с ячейками для вставок темно-красного стекла. На обороте фибулы сохранились две стойки с железной осью и пружиной на головке и приемник на ножке.

Две другие фибулы — бронзовые. Одна из них (длиной 12,2 *см*; рис. 1, *2*) несет на щитках узор из сильно схематизированных завитков. По бокам ножки расположено шесть выступов, из них четыре в виде стилизованных птичьих голов. Оканчивается ножка звериной мордой с глазами и ноздрями, обозначенными кружками. На обороте фибулы сохранились две стойки на головке с железной осью, бронзовой иглой и пружиной.

Вторая фибула (длиной 11,4 *см*; рис. 1, *3*), с узором из завитков, имеет на боковых углах ножки по круглому выступу с небольшой выемкой сверху. Такие же выступы полукруглой формы существовали у стыка дужки с ножкой (сейчас один выступ обломан). Глаза на звериной морде очень условно обозначены штрихами. На обороте фибулы сохранилась одна обломанная стойка. Дужки у обеих фибул хорошо профилированы и рассечены продольными ребрами.

Серебряную фибулу (рис. 1, *1*) хотелось бы прежде всего сопоставить с керченской фибулой, происходящей из области Среднего Рейна и опубликованной Г. Кюном; последняя аналогична нашей во всем, за исключением узора на ножке (рис. 2, *1*) [4]. Обе фибулы должны относиться к одному периоду. Близки к ним по времени фибулы с узором из ромбов на ножке (рис. 2, *2*), известные в Керчи (склеп № 33 на горе Митридат,

[4] H. Kühn. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. T. II, Bonn, 1940, табл. 46, *164*.

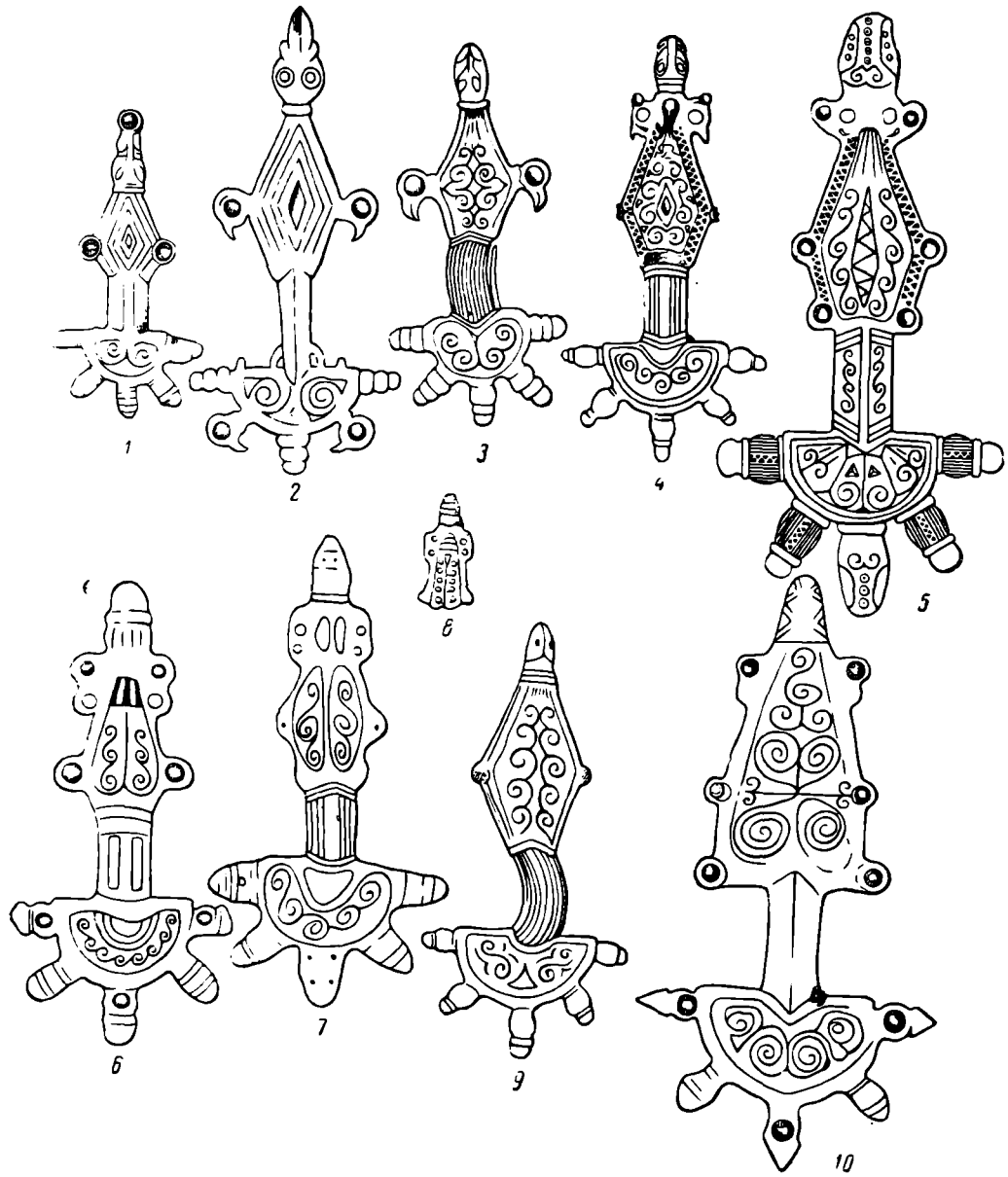


Рис. 2. Фибулы

1, 2, 5, 6 — Керчь; *3* — б. Каневский у.; *4* — Ю. Россия; *7* — Черкассы; *8* — Хмельна; *9* — Княжа гора; *10* — Суук-Су

раск. 1864 г.[5]; погр. № 13 на Эспланадной ул., раск. 1904 г.[6]) отдельные находки разных лет[7], а также большая группа фибул с узором из завитков (рис. 2, *3*), хорошо представленная в некрополе Госпитальной улицы[8] и встреченная в разных местах Юго-Восточной и Западной Евро-

[5] Архив ИА АН СССР, д. № 9, 1864, рис. 564.

[6] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 25, СПб., 1907, стр. 6. Фибула хран. в Гос. Эрмитаже.

[7] См., напр., Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.— Л., 1934, рис. 23.

[8] Склеп № 19, раск. 1904 г., см. В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 7 (фибулы хран. в Гос. Эрмитаже); склеп № 11, раск. 1905 г., см. А. П. Калитинский. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России. Seminarium Kondakowianum, т. II, табл. XXXV, 45 (фибулы хран. в ГИМ); склеп № 78, XII раск. 1907 г., см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, вып. 35, СПб., 1910, стр. 31—39 (фибулы хран. в Гос. Эрмитаже).

пы [9]. Все перечисленные фибулы имеют полукруглую головку с пятью лучами и ромбическую ножку с двумя боковыми выступами. Но типологически фибулы с узорами из ромбов и завитков более ранние, чем наш экземпляр. Фибулы с ромбами Л. А. Мацулевич датировал первой половиной V в. [10], фибулы с завитками Г. Кюн относил ко времени 400—500 гг. [11].

Дальнейшим развитием формы публикуемой фибулы мы считаем экземпляры со сложной композицией из завитков на щитках и с вытянутым ромбом в центре ножки, имеющей от четырех до шести боковых выступов [12] (рис. 2, *4—5*). Л. А. Мацулевич датировал эти фибулы концом IV — первой половиной V в. [13], Г. Кюн — временем после 450 г. [14].

Датировка типа концом IV в. является слишком ранней. Увеличение числа боковых выступов на ножке, дальнейшее усложнение орнаментального узора свидетельствуют о том, что данные фибулы типологически моложе экземпляров с двумя боковыми выступами. Поэтому время их возникновения надо передвинуть в первую половину V в. Фибулы, на которые ссылается Л. А. Мацулевич (рис. 2, *5*), имеют уже шесть боковых выступов и относятся ко времени не ранее середины V в.

Наша фибула занимает в типологическом ряду промежуточное положение между ранними и поздними типами и должна, таким образом, относится к первой половине V в.

В качестве близкой аналогии второй керченской фибуле (рис. 1, *2*) можно указать на обломок из с. Хмельны (б. Каневской у. Киевской губ.; рис. 2, *8*) [15]. Предшествующим этапом развития нашего экземпляра является фибула из Черкасс [16] (рис. 2, *7*), затем фибулы некрополя на Госпитальной улице [17] (рис. 2, *6*) и некоторых других мест. Эти фибулы имеют от четырех до шести боковых выступов на ножке и узор из бегущих завитков. Вытянутый ромб в центре ножки превратился в продольную линию.

Л. А. Мацулевич датировал фибулы из склепа № 152 первой половиной, серединой V в. Анализ нижнего и верхнего погребений этого склепа, проведенный Л. А. Мацулевичем, показал, что комплекс нижнего погребения связывается с памятниками VI в., но ряд архаических черт позволяет удревнить его дату [18]. Основной упор Л. А. Мацулевич делал на пряжку с соколиной головкой, которую он сближал с такими же пряжками из могильника Суук-Су; датировка последнего, по Л. А. Мацулевичу, заключается в пределах с конца V в. до начала VII в. Верхнее погребение склепа № 152, совершенное через некоторый промежуток после нижнего захоронения, содержит «соколиные» пряжки, являющиеся типологически более древними, чем пряжки из Суук-Су, которые восходят к концу V в. Однако наличие пряжки нижнего погребения не позволило Л. А. Мацулевичу датировать верхнее погребение очень ранним време-

---

[9] См., например, Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов. ЗООИД, т. XXVII, Одесса, 1907, табл. XIII, *1* — Суук-Су; А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. II, СПб, 1901, табл. XX, *3*; Пекарп на Киевщине, там же, т. III, табл. 1, *12* — Каневский у.; Н. Kühn. Ук. соч., т. II, табл. 62—63 — обл. Средн. Рейна.

[10] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 108—130.

[11] Н. Kühn. Ук. соч., т. I, стр. 92—94.

[12] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., т. I, стр. 22. Там же, т. II, табл. 63/4/4;

[13] Там же, стр. 130; его же. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 48.

[14] Н. Kühn. Ук. соч., т. I, стр. 100.

[15] М. Ю. Брайчевський. Неопубліковані речі часів переселения народів у Львівському Історичному музеї. Наукові записки. КДУ, т. XI, вып. 5, Київ, 1952, находка № 19.

[16] Склеп № 152, раск. 1904 г., см. Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII, 1953, рис. 8, *3*.

[17] Склеп № 180, раск. 1904, см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи, стр. 39—41.

[18] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша, стр. 47 сл.

нем. Отсюда автор заключил, что оба погребения совершены были через небольшой промежуток времени в середине или первой половине V в.

Нам представляется, что сейчас можно внести некоторые коррективы в эту датировку. Л. А. Мацулевич, определяя хронологические рамки склепа № 152, исходил, прежде всего, из хронологии могильника Суук-Су. Датировка этого памятника в настоящее время определяется в границах середины VI — середины VII в. [19], причем комплексы с «соколиными» пряжками относятся в основном ко второй половине VI в. Учитывая некоторые аналогии между вещами нижнего погребения склепа № 152 (золотая калачиковидная сережка и особенно пряжка) и могильника Суук-Су, мы относим это погребение к последней четверти V в. Наличие древних типов пряжек в верхнем погребении не позволяет датировать его слишком поздним временем. Вероятно, это погребение вместе с фибулами (рис. 2, *6*) относится к концу V — началу VI в.

Аналогичные фибулы встречены и в комплексе VII погребения склепа № 180. Среди вещей данного погребения имеется поясная пряжка с геральдическим щитком, снабженным на конце небольшой бородкой. Эта находка сближается с широкоизвестными византийскими пряжками конца VI и VII в. [20]. Как отмечает Д. Чаллань, бородки на щитках пряжек впервые появляются во второй половине VI в. [21]. Приведенные факты показывают, что фибулы типа, изображенного на рис. 2, *6—7*, существовали как в V, так и в VI в.

Необходимо отметить, что монеты в погребальных комплексах Госпитальной ул., по-видимому, не всегда могут служить основанием для датировки. На Боспоре, так же как и в Херсонесе, после прекращения чеканки в 332 г. еще долгое время находились в обращении монеты прежних выпусков, на что уже было указано В. Ф. Гайдукевичем [22].

Керченские фибулы, аналогичные экземплярам из склепа № 152, попавшие в Италию, вызвали там местные, весьма близкие им подражания («тип Аквилеи» с завитками). По Г. Кюну, эти итальянские фибулы, хорошо известные по остготским находкам, датируются первой половиной VI в. [23]. Их продолжением в той же Италии являются фибулы с узором из витой ленты («тип Аквилеи» с витой лентой), датированные Г. Кюном — с учетом характера погребальных комплексов — временем 550—600 гг. Переход от бегущих завитков к витой ленте произошел незаметно к середине VI в. [24].

На территории Южной России развитие орнаментальных мотивов пошло другим путем: постепенное усложнение узора неминуемо повлекло за собой его схематизацию и упрощение. Это нашло свое выражение в возникновении узора из концентрических кружков, правда, уже не в Керчи, а в лесостепной Украине. Орнамент нашей фибулы стоит на грани между завитками и концентрическими кружками. Во всяком случае известная параллельность развития в сторону упрощения узора в Западной и Восточной Европе налицо.

Как показывает типологическое сравнение керченских и днепровских лучевых фибул, поздними признаками на керченских фибулах являются: 1) увеличение числа боковых выступов на ножке; 2) усложнение изображения звериной морды, появление на ней косых штрихов; 3) усложнение орнаментального узора, ведущее к его огрублению. Отсутствие инкрустации на керченских фибулах не является поздним признаком.

---

[19] В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, № 1. В настоящей статье речь идет только о датировке погребений нижнего слоя могильника Суук-Су.

[20] Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства ч. I. Acta Antiqua, т. II, ч. 3—4. Budapest, 1954, стр. 326—330.

[21] Там же, стр. 318.

[22] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 463.

[23] H. Kühn. Ук. соч., т. I, стр. 101.

[24] Там же.

Этот факт надо рассматривать как стремление удешевить предмет, что хорошо наблюдается на всем протяжении развития боспорских фибул.

На примере лучевых фибул Италии мы видели, что орнаментальный узор из завитков исчезает там к середине VI в. Появление узора из концетрических кружков на днепровских фибулах относится к тому же периоду. Поэтому вторую керченскую фибулу, обладающую уже всеми поздними признаками, надо датировать первой половиной VI в.

Распространенное в нашей литературе мнение об исчезновении керченских лучевых фибул на рубеже V—VI вв.[25] не подтверждается. Как известно, Боспор и в VI в. «...оставался сравнительно большим городом...»[26]. Византийское господство с начала VI в. ограничивалось здесь только политической сферой, и местное население сохраняло те же вкусы и обычаи, что и в V в. при господстве гуннов. Продолжал существовать и некрополь, открытый на Госпитальной улице. Это подтверждает, в частности, находка золотой монеты Юстиниана I в одной из катакомб[27]. Следовательно, внезапное исчезновение боспорских фибул в конце V в. даже внешне ничем не оправдано. Как видно, производство этих фибул продолжалось и в VI в., правда постепенно сокращаясь. Кризис наступает во второй половине VI в. В 576 г. хазары осадили и взяли Боспор. В конце VI в. прекращается жизнь в соседней Тиритаке, что В. Ф. Гайдукевич не без основания ставит в связь с «вторжением новых, тюркских племен»[28]. Вероятно, с этим периодом и следует связывать окончательное исчезновение керченских двупластинчатых фибул. Таким образом, время бытования боспорских лучевых фибул мы должны продлить на 70—80 лет, если не до самого конца VI в.

Это обстоятельство очень важно для понимания истории всего последующего развития фибул на юге России. Мы можем наблюдать типологическую преемственность между керченскими и днепровскими лучевыми фибулами. Но считать, что одни появляются на смену другим, совершенно не верно. Прекращение производства боспорских фибул и появление лучевых фибул в Среднем Поднепровье — это два явления, не связанные между собой. Днепровские мастера, сначала усердно копировавшие поздние керченские типы фибул, скоро создали свой собственный стиль, выразившийся, в частности, в введении в орнаментальный узор прямоугольной сетки. Ко времени исчезновения керченских фибул в Поднепровье уже существовали традиции местного производства лучевых фибул.

А. Л. Якобсон[29], доказывая прежнюю датировку керченских фибул, исходит из того, что на Боспоре нет днепровских фибул VI в., которые он, кстати, считает западнокрымскими, хотя их чужеродный характер в некоторых могильниках Юго-Западного Крыма, и в первую очередь в Суук-Су, совершенно очевиден. Днепровские фибулы по качеству уступают фибулам керченским, поэтому, очевидно, не было необходимости ввозить посредственные вещи туда, где имелись лучшие. Вообще же в Крыму впервые днепровские фибулы появляются во второй половине VI в. (об этом свидетельствует могильник Суук-Су), т. е. к тому времени, когда производство керченских фибул резко сократилось. И если в Юго-Западном Крыму в VII в. еще сохранялся интерес к двупластинчатым

[25] Л. А. Мацулевич. Погребение,..., рис. 22—24; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, № 85, 1958, стр. 464; его же. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 268, 273.

[26] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 463.

[27] Раскопки А. Е. Люценко в 1873 г., каталог № 25, Архив ИА АН СССР, д. № 34/1873.

[28] В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 41.

[29] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения..., стр. 464; его же. Раннесредневековый Херсонес, стр. 268.

фибулам, то на Боспоре он исчез к концу VI в. Вероятно, это связано с сильным упадком и обезлюдением Восточной Таврики.

Последняя из публикуемых фибул (рис. 1, *3*) очень сходна с находкой из Княжей Горы (рис. 2, *9*), относимой Б. А. Рыбаковым к V в.[30].

Наша фибула, как уже отмечалось, имеет небольшие выступы у нижнего основания дужки и косые штрихи на звериной морде. Дальнейшим развитием типа будут фибулы из Артека[31], Арчара в Болгарии[32], Ровине в Боснии[33] и Пастырского[34], имеющие от шести до восьми боковых выступов на ножке и небрежный узор из завитков, переходящих в S-образные спирали (рис. 2, *10*). Типологически это самые поздние керченские фибулы, возникшие не ранее второй половины V в. Непосредственно к ним примыкают днепровские фибулы из Веремья, Букрина[35], Берестовеньки[36], появляющиеся в начале VI в. Названная группа керченских фибул датируется К. Такенбергом 450—550 гг.[37] и И. Вернером — не позднее VI в.[38]. Наш экземпляр занимает промежуточное положение в типологическом ряду фибул Княжа Гора, Артек, Арчар, Пастырское и относится ко второй половине V в.

Несколько слов о технике изготовления керченских лучевых фибул. Как известно, все они сделаны способом литья по восковой модели, детально описанным Б. А. Рыбаковым[39]. Способ этот сводится к следующему: из воска делалась модель фибулы; с лицевой стороны наносился узор, с оборота прикреплялись стойки и приемник. Модель заливалась глиной. Затем из просохшей формы вытапливался воск и в нее наливался металл. В Керчи материалом для изготовления этих фибул служило серебро. Сейчас необходимо уточнить, что узор на щитках мог наноситься как по восковой модели, так и по готовой металлической фибуле. Этому подтверждением может служить специальный анализ лучевых фибул Франции, проведенный Э. Саленом, выяснившим, что нанесение орнамента производилось уже после отливки фибулы[40]. Стойки и приемник на оборотной стороне не отливались вместе с фибулой, а напаивались, о чем свидетельствуют следы припоя. Материалом для керченских фибул в равной степени служили и серебро и бронза; серебряные фибулы были более дорогими, на них чаще встречаются инкрустации из камней и стекла.

Боспорские лучевые фибулы относятся к одной из основных категорий вещей раннесредневековых древностей Северного Причерноморья. Разработка их типологии и хронологии сыграет весьма важную роль в датировке многих наших памятников.

[30] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 57.

[31] Н. П. Репников. Некоторые могильники..., табл. VI, *8*.

[32] K. Tackenberg. Germanische Funde in Bulgarien. ИБАИ, т. V, София, 1929, рис. 133.

[33] L. Brunšmid. Starine ranijega szednjega vijeka iz Harvatskei Slavonie. Vjesnik Hrvatskoga Archeološkoga društva, N. C. VIII, Zagreb, 1905, рис. 35.

[34] А. Бобринский. Ук. соч., т. III, табл. I, 11.

[35] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 8, *4* и 9, *1*.

[36] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музея. Полтава, 1928, рис. 1.

[37] K. Tackenberg. Ук. соч., стр. 266.

[38] J. Werner. Slawische Bügelfibeln des VII. Jahrhundert. Reinecke-Festschrift. Mainz, 1950, стр. 165.

[39] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 68, 80—81; его же. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 75—77.

[40] E. Salin. Le haute moyen âge en Lorraine. Paris, 1939, стр. 135.

Д. М. АТАЕВ

ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Среди многочисленного погребального инвентаря Бежтинского раннесредневекового могильника большой интерес представляет серия массивных литых поясных пряжек с ажурным зооморфным орнаментом [1]. Они находились в могилах вместе с железными саблями, железными шлемами-шишаками, с арбалетными фибулами, имеющими три перекладины, со стеклянными перстнями, с пластинчатыми и витыми бронзовыми браслетами, с железными головными булавками, украшенными на головках инкрустацией; одна пряжка найдена с перстнем, имеющим на щитке куфическую надпись. Перечисленный выше инвентарь позволяет отнести погребальные комплексы (а следовательно, и пряжки) этого могильника к VIII—X вв. н. э.

Из найденных в Бежтинском могильнике 27 пряжек 23 экз. связаны с определенными погребальными комплексами, остальные обнаружены в выбросе земли. Как правило, пряжки лежали по одной в области пояса погребенного. Имеются случаи, когда в одном погребении находились по две и даже три пряжки: в области живота находилась одна пряжка, остальные лежали у ног или в головах, или же слева у черепа.

Пряжки встречены как в женских, так и в мужских погребениях. Нам удалось установить способ ношения и крепления этих пряжек. Все пряжки имеют на оборотной стороне крючки, которые стягивались кожаным шнурком. Один его конец укреплялся на кожаном ремне, другой завязывался наглухо на крючке. Сама же пряжка, расположенная в левой части пояса, соединялась с широким ремнем также при помощи кожаных шнурков, вдетых в отверстия, имеющиеся у основания пряжки. В некоторых случаях, вплотную к основанию пряжки нашивались в один ряд четыре литые круглые бляхи с петлями для подвешивания на оборотной стороне.

Как известно, поясные пряжки более раннего периода, обнаруженные у сел. Согратль и Ругуджа Гунибского района (рис. 1) [2], или же поздние, серебряные или бронзовые пряжки, являющиеся обязательной принадлежностью парадного костюма горянки, совершенно отличаются от бежтинских как по способу крепления, так и по способу ношения. Во-первых, обычно носили две пряжки, укрепленные на обоих концах пояса, причем одна пряжка имела крючок, другая, встречная, имела отверстие, куда вдевался этот крючок. Бежтинские пряжки ни разу не были обнаружены попарно у пояса. Кроме того, ни одна из пряжек разбираемого типа не имеет отверстия для вдевания крючка. Следует отметить также, что

---

[1] О Бежтинском могильнике см. Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, т. VII. Махачкала, 1960, стр. 185—203; его же. Археологические исследования в Дидо. СА, 1961, № 1, стр. 282—288.

[2] Хранится в ГМГ, инв. 43—12/30—30а.

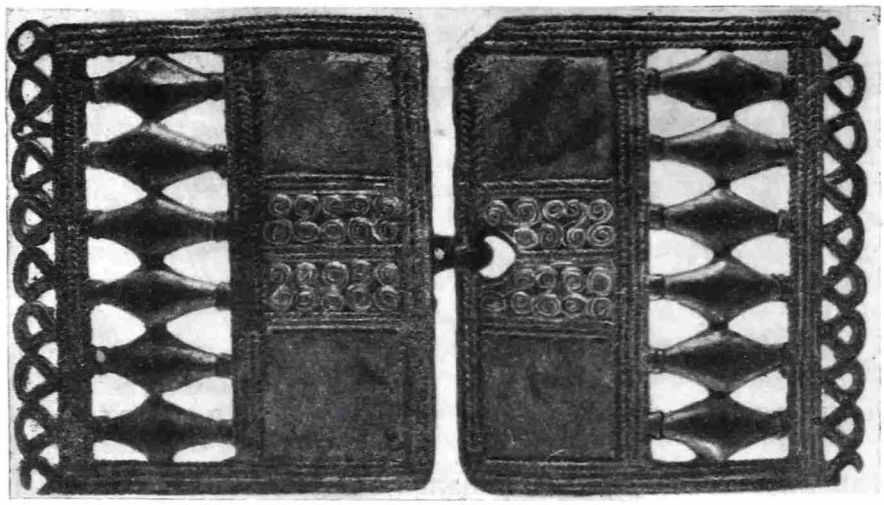


Рис. 1. Поясная пряжка из сел. Согратль (втор. половина I тыс. до н. э.)

большие размеры пряжек (до 25 *см*) исключают одновременное ношение двух пряжек.

Таким образом, способ ношения поясных пряжек резко отличается от обычного. Вместе с тем имеются аналогии, подтверждающие, что способ ношения пряжек, прослеженный на примере данного могильника, все же существовал в горном Дагестане. Мы имеем в виду бронзовую статуэтку из сел. Тинди Цумадинского района (изданную А. А. Захаровым), у которой на жгутообразном поясе ясно различается одна пряжка прямоугольной формы [3].

Помимо 27 пряжек из Бежтинского могильника, нам известны еще 29 пряжек, обнаруженные также преимущественно в Аварии [4], точнее из селений Тлядал и Бежта.

Пряжки по сюжету делятся на две основные группы. К первой группе относятся: а) небольшие пряжки (от 5,4 × 6 до 6 × 7 *см*), украшенные ажурной головой оленя с ветвистыми рогами (5 экз.; рис. 2, *1*), и б) пряжки, у которых центральная композиция состоит из двух симметрично расположенных фигурок лошадей.

Вторая группа пряжек имеет три типа: а) пряжки, у которых сюжет ограничивается только фигурками лошадей; они небольших размеров (от 7 × 9 до 8,2 × 11,2 *см*); всего обнаружено 5 экз. (рис. 2, *2*); *б*) пряж-

---

[3] A. A. Zakharov. Materials for the Archaeology of the Caucasus. Swiatowit, № XV, Warszawa, 1933, стр. 93—95, рис. 100—102.

[4] Пять пряжек из сел. Бежта хранятся в ГМИГ (сборы Н. Л. Мелкосевич, № 87-10-1 87-10-2, 87-10, 2а, 87-10-3); три пряжки из сел. Хушдада Цумадинского района имеются в экспозиции Дагестанского музея; одна пряжка из сел. Кидеро Цунтинского района хранится в МАЭ (№ 2572); одна пряжка из сел. Талайлог Хунзахского района хранится там же (№ 2264—2); одна пряжка из Дагестана хранится в ГИМ (см. A. M. Tallgren. Permian Studies, ESA, т. III, Helsinki, 1928, стр. 87, рис. 9); семь пряжек из Дагестана, в основном из селений Кетури, Инхокор Цунтинского района, имеются в экспозиции Гос. Эрмитажа; одна большая пряжка в обломках, неизвестного происхождения, хранится в ГМГ (инв. № 203-16); пять пряжек из Дагестана из собрания М. М. Ковалевского хранились в Харьковском музее (сообщение А. А. Иессена, см. также «Каталог Выставки XII Археологического съезда в Харькове», Харьков, 1902, стр. 178, № 1—5); две пряжки, одна — якобы купленная в Тбилиси, другая — найденная в районе Кубани, приобретены Е. Зичи (см. E. de Zichy. Voyages au Caucase et Asie Centrale, т. II, Budapest, 1897, стр. 431, рис. 1—2); одна пряжка из Хевсуретии (см. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 125, рис. 148); одна пряжка из Аварии хранится у московской художницы Соколовой и, наконец, аналогичную пряжку Е. И. Крупнов видел в чеченском селении Белгатой.

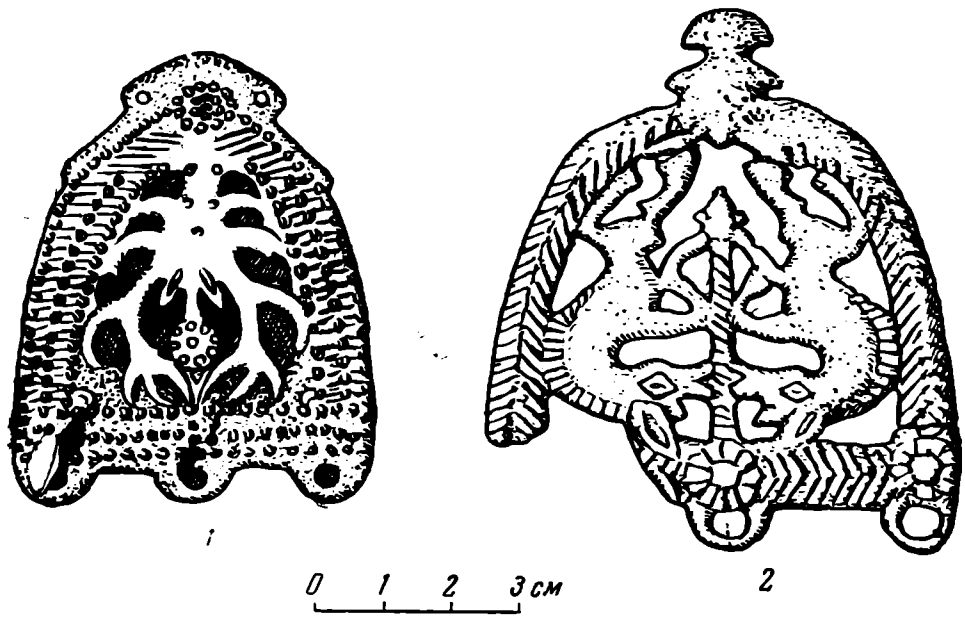


Рис. 2. Поясные пряжки из погребений Бежтинского могильника

ки, у которых, помимо главного сюжета (фигур лошадей), имеется дополнительная сюжетная линия в виде одного ряда изображения голов медведей и оленей, помещенных у основания пряжки; ряд состоит из трех, реже — четырех голов животных. Над конями главного сюжета появляются сильно схематизированные изображения жеребят; размеры пряжек — от 10 × 14 до 11 × 15 *см*; известны 30 экз. (рис. 3); в) пряжки, у которых, помимо главного сюжета, имеется второстепенный сюжет в виде двух рядов голов животных: медведей и оленей. Над конями главного сюжета появляются четкие изображения жеребят. Размеры пряжек очень велики: от 13 × 19 до 16 × 24 *см*. Таких пряжек обнаружено 20 экз. (рис. 4).

Следует отметить, что пряжки, относящиеся к первой группе, и пряжки типов «б» и «в» второй группы были обнаружены при погребениях вместе.

Анализ двух пряжек Бежтинского могильника дал следующие результаты: 1) медь — 87,1%, цинк — 1,54%, олово — 6%, свинец — 2,3%, железо — 0,4%, сурьма — 0,5%; 2) медь — 77,4%, цинк — 1,7%, олово — 20,8%, свинец — следы [5]. Анализ пряжек, как и всей небольшой серии вещей Бежтинского могильника, показал обязательное присутствие в них такого компонента, как цинк. Следует подчеркнуть, что закавказские поясные пряжки с конем, подвергнутые лабораторному анализу, совершенно не содержали цинка [6], т. е. такого металла, отсутствие которого указывает на значительную древность изделий [7].

Описываемые нами пряжки имеют полуовальную форму; лицевая часть их слегка выпуклая, тыльная — вогнутая. Верхняя, наиболее узкая часть переходит в сегментовидный выступ с двумя отверстиями. На

---

[5] Анализы выполнены в лаборатории Каспийского завода № 81 инженерами В. П. Павлушевым и Я. Н. Вайманом.

[6] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 178.

[7] Отсутствие цинка дало основание Б. А. Куфтину «реабилитировать закавказские поясные пряжки, древний возраст которых ставился под сомнение» (см. Б. А. Куфтин. Ук. соч.). Примерно с античного времени в сплавах появляется свинец, а в средневековую эпоху — цинк, т. е. фактически мы имеем дело уже с латунью. См. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, сводная таблица анализов медно-бронзовых изделий

обороте выступа имеется крючок. У основания пряжки — шесть петелек. Края пряжки обрамляются бордюром, состоящим из трех конических выпуклин. Пространство между ними заполнено врезными линиями, образующими елочку. Поверхность пряжки разделена на три сектора двумя полосами, выполненными так же, как и бордюр. Третья, перпендикулярная к ним, полоса делит верхний сектор еще на две части. Посередине горизонтальных полос, а также по краям пряжки, на линии

Рис. 3. Пряжка из Бежтинского могильника

соединения горизонтальных полос с бордюром, расположены десять полусферических кружков, обрамленных кольцами из конических выпуклин. В обеих частях верхнего сектора заключены ажурные изображения симметрично расположенных лошадей и жеребят. В вершине этого сектора помещена сильно схематизированная голова животного. Три подобные же головы, чередующиеся с четырьмя головами медведей, заполняют нижние отсеки.

Отличительным признаком всей композиции изображений является ее многосюжетность. Можно легко различить главную сюжетную группу и вспомогательные элементы.

Главный сюжет композиции вписан в верхний сектор пряжки. Он состоит из двух симметрично расположенных фигур лошади и жеребенка. Лошади изображены упавшими на передние ноги, согнутые в коленях. Головы с оскаленными зубами опущены вниз. Глаза и ноздри изображены небольшими углублениями, а грива — косыми насечками. Вся поза животного выражает состояние бессилия и обреченности. Эта своеобразная депрессия подчеркивается также трактовкой отдельных деталей: открытым ртом, повисшим ухом. Обращает на себя внимание реалистичность передачи как всего образа в целом, так и отдельных

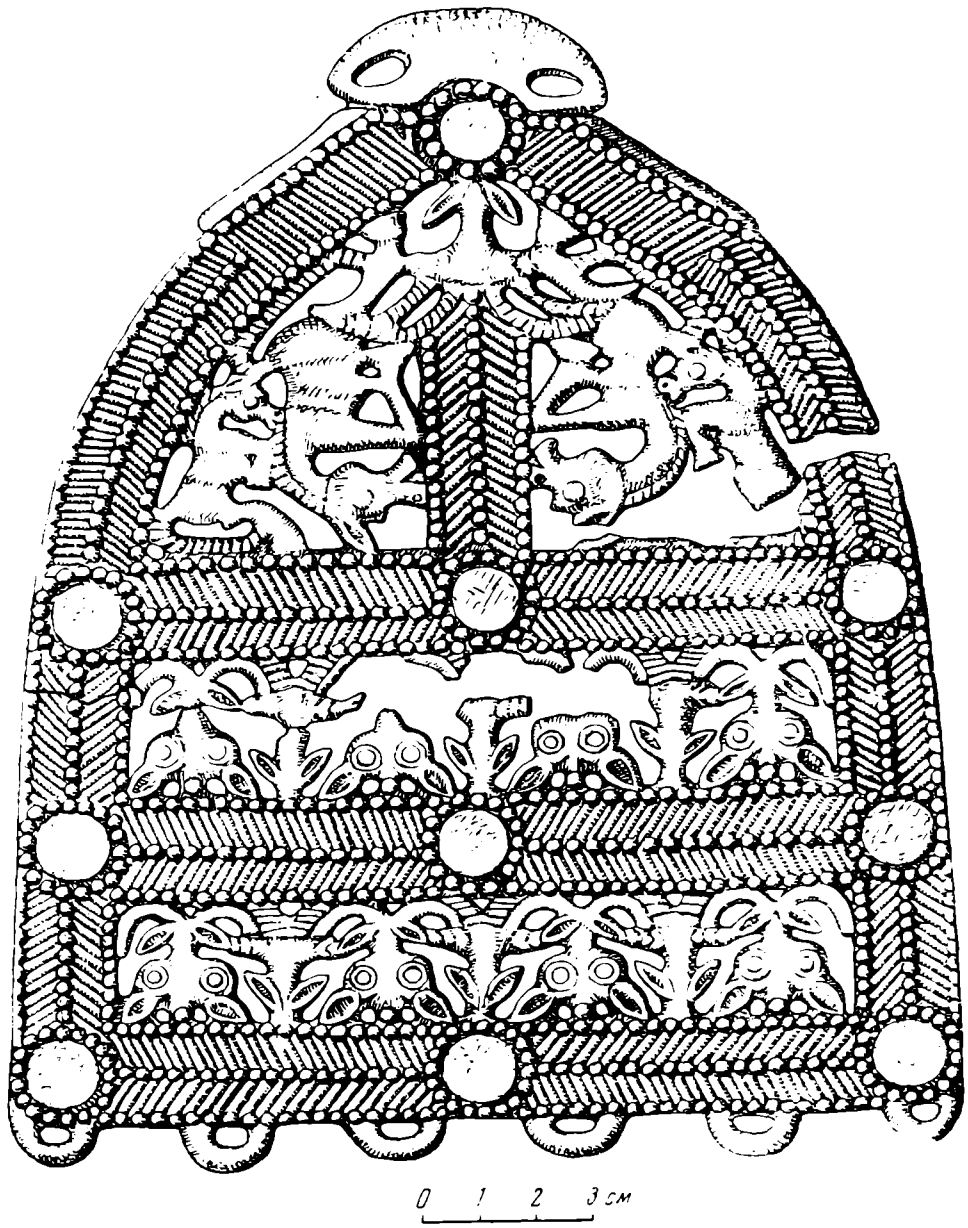


Рис. 4. Пряжка из Бежтинского могильника

деталей (головы, копыта, уха, гривы). На спине лошади помещена аналогичная фигура, но меньшего размера и головой повернутая в обратную сторону; раскрытым ртом эта лошадь касается холки большой лошади. Наконец, в самом верхнем углу этого сектора, между копытами задних ног обеих лошадей, помещена схематизированная голова какого-то животного. Ясно различаются узкая морда, ажурные рога и непропорционально большие уши, низко помещенные.

В погребальных комплексах Бежтинского могильника, а также в различных музейных хранилищах имеется серия пряжек, сюжет которых ограничивается только этой группой изображений (т. е. первый тип второй группы). Разбираемый нами тип пряжек имеет более сложную композицию. В двух нижних отсеках, отделяемых от главного сюжета разделительными полосами, помещены подсобные композиционные элементы. Они состоят, как отмечено выше, из чередующихся голов медведей и оленя. Головы медведей держат в пасти еще какое-то животное, переданное в деталях (рис. 5, *3, 4*). Можно различить уши и рога

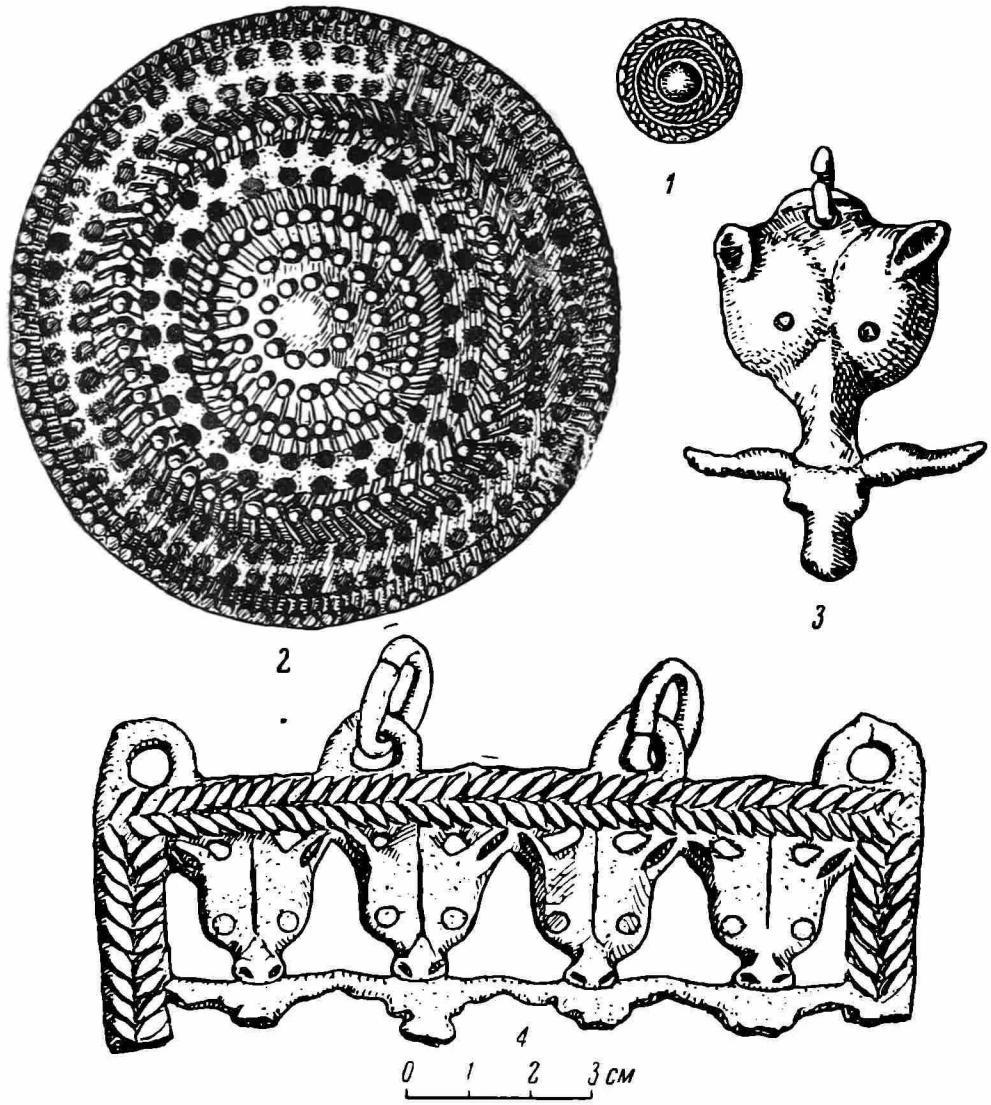


Рис. 5. Инвентарь Бежтинского могильника (VIII—X вв.)

1 — бронзовая бляшка поясного набора; *2* — массивная нашивная бляха — деталь панциря; *3* — подвеска в виде медведя, держащего в пасти голову тура; *4* — обломок поясной пряжки

этого животного. Медведи имеют широкую голову и узкую морду. Глаза выполнены в виде двух кружочков или концентрических окружностей. В более реалистической манере сделаны уши. Второй элемент вспомогательной композиции напоминает голову оленя, входящую в сюжетную группу главной композиции, правда, с некоторыми отличиями в деталях. Здесь мы видим ту же продолговатую голову и низко расположенные уши. Но, однако, в отличие от фигуры оленя, изображенной в верхней части сектора, здесь мы видим две пары рогов. Одна пара из них горизонтальная, а вторая — расходящаяся под углом вертикально. Последняя пара орнаментирована врезными линиями.

Сравнение изображений на этих пряжках с художественными изделиями Дагестана и всего Кавказа позволяет установить между ними ряд общих моментов, но в то же время многие черты являются принципиально новыми.

Сама форма пряжки (в виде суживающегося кверху полуовала) встречается крайне редко среди круга аналогичных изделий. Как известно, абсолютное большинство закавказских поясных пряжек, а также ранние дагестанские пряжки имеют прямоугольную, реже — квадратную

форму. Отдаленно они напоминают пряжки полуовальной формы, изредка встречаемые среди позднекобанских и скифских древностей Северного Кавказа[8]. Что же касается главного сюжета, то изображение лошади и жеребенка встречается на некоторых закавказских поясных пряжках позднего типа, вплоть до начала I тысячелетия н. э. (III группа — по Г. Гобеджешвили и Ш. Амиранашвили[9]).

Однако различие между бежтинскими и закавказскими поясными пряжками наблюдается как в форме, так и в оформлении бордюра, в характере ажура, в трактовке отдельных деталей (у закавказских пряжек ажур более четкий, а рисунок дан высоким рельефом, на бордюрах встречаются отсутствующие на наших пряжках бегущие спирали).

Наиболее простые виды дагестанских пряжек, не имеющие дополнительных сюжетных элементов, видимо, носят на себе определенное влияние этих ранних прототипов. Так, например, полуовальная форма пряжки, вероятно, возникла не без влияния аналогичной формы позднекобанской пряжки. Это предположение подкрепляется и тем обстоятельством, что раннедагестанские квадратные пряжки, в общем наложившие заметный отпечаток на бежтинские изделия, совершенно не повлияли на форму последних.

В оформлении бордюра (резные линии в елочку) уже чувствуется явная преемственность от ранних дагестанских поясных пряжек, найденных в Ругуджа и Согратле (см. рис. 1). Бордюры ранних пряжек также оформлены косыми насечками, видимо имитирующими шнур[10]. В то же время конические выпуклины горизонтальных разделительных полос и бордюра имеют прямые аналогии с подобными же элементами орнаментики круглых массивных литых блях, обнаруженных в большом количестве в Бежтинском и других раннесредневековых могильниках Аварии (рис. 5, *2*).

Разбираемый нами тип пряжек является второй ступенью в развитии простых пряжек. Новым признаком его является приращение двух нижних секторов с вспомогательными сюжетными элементами. Последние привнесены из сложного комплекса сугубо дагестанского искусства, от его сильно развитого зоо- и антропоморфного стиля.

Так, например, входящий в состав композиции пряжки сюжет в виде медведя, держащего в пасти голову быка (горного тура), довольно широко был распространен в средневековом Дагестане. Привески, изображающие эту сцену, найдены в разных местах Аварии (Бежта, Карата и т. д.) (рис. 5, *3*). Нередки в Аварии также и находки головок оленей — второго элемента вспомогательного сюжета.

Как видно из нашего анализа, эти пряжки представляют собой очень сложное целое, скомпонованное из различных элементов, восходящих к различным периодам. Некоторые их элементы (в частности, элемент главного сюжета — изображение лошади и жеребенка) восходят к древнему субстрату, к закавказским поясным пряжкам; в то же время ряд деталей в оформлении бордюра — разделение главного сектора на две части, новые зооморфные элементы в виде головок медведей и оленей (составляющие вторую сюжетную линию) — берут начало в местной, дагестанской среде. Гармоническое соединение всех этих элементов привело к появлению новой композиции рисунков. Многосюжетность композиции, наличие многих мотивов и дублирование одних и тех же элементов сюжета, однако, не приводит к утомляющей глаз расплывчатости и

---

[8] Форма пряжки в виде суживающегося кверху полуовала является хотя и редкой, но все же известной формой. См. П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, табл. XXII, *2*.

[9] Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 71.

[10] Таким же образом выполнены бордюры некоторых средневековых резных камней. См. А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, стр. 70, 71, табл. 88—91. Датируются они условно X—XIII вв.

нечеткости всего рисунка. Это достигается смелым введением в композицию орнаментальных полос геометрического стиля, придающим рисунку необходимую простоту и четкость. Не менее трудной при такой перегруженности сюжета была и другая задача, а именно — выделение главного сюжета. И здесь мастер нашел правильное решение: фигуры лошадей главного сюжета изображены реалистически и даны крупным планом, с выделением отдельных деталей — головы, ушей, копыт и т. д. Что же касается изображений голов двух нижних горизонтальных рядов, то они сильно схематизированы и в значительной степени носят орнаментальный характер [11].

Анализ поясных пряжек показывает, что средневековые мастера проявили не только высокое техническое мастерство, но и обладали художественным вкусом, своеобразным чувством меры.

В инвентаре Бежтинского могильника представлены все виды пряжек как с простым, так и со сложным сюжетом. Усложнение сюжета (появление в нем новых элементов) является весьма надежным критерием для определения возраста того или иного изделия так называемого позднесасанидского стиля, к которому относятся и наши пряжки, и албанские бронзовые котлы. Близость эта доказывается высокой техникой, применявшейся в художественной обработке металла и в том, как справедливо отмечают Е. В. Кильчевская и Н. С. Иванов, что они имеют общую «скульптурную и пластическую трактовку одинаковых форм» и те же декоративные приемы решения звериных мотивов [12].

Анализируя художественно-стилистические особенности некоторых дагестанских бронзовых сосудов (например, курильниц), М. М. Дьяконов доказал, что именно к IX—X вв. приурочивается появление в художественном литье Ирано-Кавказского мира нового веяния — стремления к усложнению сюжета путем присоединения новых элементов, причем, как это мы видим и на примерах наших пряжек [13], самостоятельные, в сущности, сюжеты (головы оленей, медведей, державших в пасти головы быков и т. д.) становятся фоном для главного сюжета.

Таким образом, близость дагестанских средневековых поясных пряжек к позднесасанидским художественным изделиям ясно улавливается в тематике (зооморфный стиль), в высокой технике исполнения и пластической трактовке отдельных элементов. Это и не удивительно, так как народы Дагестана принимали активное участие в создании этого одинакового для Кавказа и Ближнего Востока постсасанидского искусства [14].

Гораздо труднее обстоит дело с семантическим анализом сюжетов. Следует отметить, что в дагестанском (в частности, в аварском) фольклоре исключительно популярен образ чудесного морского коня-кобылицы и ее жеребенка, которые покровительствуют сказочному и песенному герою. Часто фигурируют в аварских сказках медведи и олени. Видимо к этим широко распространенным в народном устном творчестве образам и обращался средневековый ювелир-литейщик, когда он создавал свои замечательные изделия — поясные пряжки.

---

[11] Вышеуказанные особенности наших пряжек позволяют, как нам кажется, закрепить за ними наименование «поясные пряжки дагестанского типа».

[12] Е. В. Кильчевская, Н. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, стр. 66.

[13] М. М. Дьяконов. Ширванский бронзовый водолей. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 250.

[14] К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 283.

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТИ С НАДПИСЬЮ «ДЬНѢСЛОВО»

Среди древнерусских печатей существует заметная группа свинцовых булл, резко выделяющаяся своеобразным оформлением. Одна из сторон таких булл всегда занята изображением какого-либо святого или шестикрылого ангела, или богоматери, а оборотная содержит надпись «Дьнѣслово», выполненную крупными буквами и разделенную на три или две строки (рис. 1—3). Первая печать такого типа была обнаружена и издана около 75 лет назад [1]. К настоящему времени стали известны уже 32 подобные буллы, позволяющие установить существование в древности не менее 22 пар матриц с надписью «Дьнѣслово» [2]. Однако до сегодняшнего дня эти печати остаются неприуроченными, а вопрос об их назначении — открытым. Более того, еще в 1930 г. крупнейший знаток русской сфрагистики Н. П. Лихачев с горечью признал полную безнадежность любых попыток выяснить конкретную принадлежность печатей с формулой «Дьнѣслово» и отнес их к разряду явлений, которые «навсегда останутся таїной» для исследователя [3].

Вновь поднимая вопрос о принадлежности и назначении печатей с надписью «Дьнѣслово», я меньше всего хотел бы свести свою задачу к еще одной попытке решить этот вопрос. Наиболее интересной кажется мне методическая сторона проблемы, поскольку скептический вывод Н. П. Лихачева предполагает такое несовершенство исследовательской методики, которое вообще не может быть преодолено дальнейшим развитием исследовательских средств. В истории науки обычны случаи, когда исследователь откладывает на неопределенный срок решение задачи, возлагая надежды на расширение круга источников новыми находками, но признание абсолютной безнадежности поисков можно встретить не часто.

В рассматриваемом случае нет оснований ссылаться на неполноту или отрывочность материала. Н. П. Лихачеву были известны 23 печати с формулой «Дьнѣслово», которые он группировал в 11 разновидностей и 16 вариантов [4]. Сравнительно с другими сфрагистическими группами, исследование которых никогда не признавалось бесперспективным, эта группа по количеству составляющих ее экземпляров находится в достаточно выгодном, порой даже завидном положении. Отмечу, что девять новых находок, сделанных за последние 30 лет, не привнесли каких-либо принципиальных изменений в общую характеристику нашего источника, будучи чаще всего лишь повторением уже известных в литературе типов.

---

[1] Н. Ф. Беляшевский. Два замечательные предмета Киевского Церковно-археологического музея. Киевская старина, т. XXII, июль, 1888, стр. 35.

[2] См. «Приложение» к настоящей статье.

[3] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, Л., 1930, стр. 29.

[4] Н. П. Лихачев. Ук. соч., раздел «Печати с надписями ѡТ РАТИБОРА и ДЬНѢСЛОВО», стр. 23—29; см. также, стр. 279.

Основой скептического отношения исследователя к печатям с надписью «Дьнѣслово» послужил, прежде всего, исключительный лаконизм их оформления.

Резко отличаясь от определенных Н. П. Лихачевым привычных типов княжеских и владычных печатей, буллы с формулой «Дьнѣслово» в то же время не содержат каких-либо признаков, которые позволили бы решительно отнести их к определенному институту государственной власти. Что касается имен владельцев, выраженных на них при помощи патрональных изображений, то трудности их идентификации особенно очевидны. Одной из сложнейших сфрагистических проблем вообще является проблема отыскания тождества владельцев печатей, известных под христианскими именами, с летописными лицами, известными главным образом под языческими именами. Если на наиболее распространенном типе домонгольских печатей это отождествление до некоторой степени облегчено указанием не только христианского имени, но и христианского отчества, то здесь поневоле приходится иметь дело с одним лишь христианским именем.

Эти трудности, в самом деле, значительны. Если признать их непреодолимыми, то никакое увеличение материала не приблизит решения проблемы. Однако можно ли считать их непреодолимыми? Чтобы ответить на этот вопрос, следует внимательно познакомиться с историографической судьбой рассматриваемых печатей, с состоянием их изученности, с тем направлением научной критики, которого придерживался Н. П. Лихачев и другие исследователи.

Важнейшим этапом в изучении печатей «Дьнѣслово» является опубликованное в 1930 г. исследование Н. П. Лихачева, в котором впервые был сведен воедино весь относившийся к делу материал. Предшественники Н. П. Лихачева (Н. Ф. Беляшевский[5], Н. И. Петров[6]), предлагая ту или иную атрибуцию печатей, оперировали единичными экземплярами. Для них, таким образом, не существовало проблемы в целом. Множество вопросов, неизбежно возникающих при сопоставлении всех однотипных булл, множество осложнений, которые несет с собой необходимость датировать и определить целую группу памятников, трудная задача объяснить не отдельный факт, а совокупность фактов — все это оставалось вне поля зрения названных исследователей. К числу фактических предшественников Н. П. Лихачева приходится относить и некоторых исследователей, работавших после него, но не сумевших опереться на совокупность существующих аналогий. Я имею в виду И. Свенцицкого и Я. Пастернака, писавших по интересующему нас предмету в начале 40-х годов нашего века[7]. Книга Н. П. Лихачева появилась на книжном рынке в самом ничтожном количестве и была недоступна этим исследователям.

Материал, собранный и изученный Н. П. Лихачевым, в последующее время был учтен только в работах Б. А. Рыбакова и С. Р. Килиевич[8]. Их взгляды, так же как и взгляды Н. П. Лихачева, должны интересовать нас в первую очередь, поскольку лишь эти работы могут представлять научное направление в исследовании рассматриваемой проб-

[5] Н. Ф. Беляшевский. Ук. соч.

[6] Н. Петров. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода. Тр. Киевской духовной академии, 1913, № 5, стр. 71—72.

[7] I. Swiencickyi. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в паметь на проф. Петър Ников. Изв. на Българското историческо д-во, XVI—XVIII, София, 1940, стр. 437; Я. Пастернак. Старий Галич. Львов, 1944, стр. 200.

[8] Б. О. Рибаков. Печатки чернігівських князів. Археологія, т. III, Київ, 1950, стр. 116; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. 2, М.— Л., 1951, подпись под рис. 223а, 5; его же. Боярин-летописец XII в. «История СССР», 1959, № 5, стр. 73; С. Р. Кіліевич. Висла печатка з Києва. Праці Київського Державного Історичного музею, вып. I, Київ, 1958, стр. 226—232.

Рис. 1. Печати с надписью «Дьн Белово»

лемы, предусматривающее решение трех взаимосвязных вопросов: о назначении сфрагистического типа, о его датировке и о его принадлежности.

Одним из самых загадочных и вместе с тем наиболее привлекательных элементов этих печатей является странная формула «Дьнѣслово», которая и служит типическим признаком для всей сфрагистической группы. Это слово или выражение не встречается в каких-либо других источниках. Оно отмечено только на наших буллах, вне контекста, облегчающего его истолкование. Вместе с тем эта надпись, будучи основой типа, заставляет думать, что она содержит в себе какие-то важные указания, без учета которых атрибуция печатей вообще не может быть предпринята.

На первых порах, когда исследователи имели дело с единичными печатями рассматриваемой группы, существовало стремление понять их формулу как имя владельца. Исследователя могло подкупать созвучие загадочной надписи с именем Даньслав или Даниил [9], или же с названием одной из новгородских улиц — Даньславля [10]. Однако обилие типов и вариантов печати с этой надписью, сочетание ее с различными изображениями давно уже позволили признать их безусловную принадлежность разным владельцам и считать такие печати особым сфрагистическим разрядом, особой категорией булл, широко применявшихся при древних документах.

Первая связанная с этим выводом попытка дать лингвистическое толкование надписи принадлежит Н. П. Лихачеву, который подразделял надпись на две части — «дьнѣ» и «слово». «Смысл надписи,— писал он,— угадывается в том, что печать указывала, что в том документе, к которому она привешена, заключено — сообщение, извещение, может быть, распоряжение, одним словом — чье-то „слово"» [11]. Что касается первой части надписи, то загадочное «дьнѣ» Н. П. Лихачев сопоставлял с существительным «дъно», которое могло звучать и как «дьно», а в форме местного падежа — «въ дьнѣ» — означало внутри (ср.: «Заключися въ дьнѣ платану» — Патерик Синайский, XI в., 92) [12]. Все речение Н. П. Лихачев переводил, таким образом, как «внутри слово» и сравнивал его с формулой анонимных византийских печатей: οὗ σφραγὶς εἰμὶ τὴν γραφὴν βλέπων νόει, т. е. «чьей печатью я являюсь, узнаешь, взглянув на написанное» [13].

Несомненно, что перевод, предложенный Н. П. Лихачевым, оказался в какой-то степени обескураживающим. Он сам нуждается в сложном осмыслении. Это как бы подстрочник, слова которого утратили связь с живой мыслью оригинала. Византийская аналогия кажется здесь не очень убедительной, так как необычайно велико расстояние от изящного метрического афоризма до тяжеловесного в своей лапидарности речения. Следует отметить, что на Руси, в отличие от Византии, не существовало частной или полуофициальной печати, а были только официальные буллы самых высших государственных институтов. На таких буллах возможное заимствование надписи с частных византийских печатей, встречающихся к тому же не очень часто, выглядит несколько странно.

Смысловая незавершенность лихачевского перевода, некоторая эскизность его аргументации и, говоря откровенно, разочаровывающая бессо-

---

[9] Имя Даниил усматривал на единственной известной ему печати такого типа И. Свенцицкий (см. И. Свенцицкий. Ук. соч., стр. 437), который читал всю надпись как «ДАНѢ(С)ЛОВО», т. е. «Даниелово».

[10] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 200; ср. Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 29.

[11] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 29.

[12] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, стр. 760.

[13] Ср. с аналогичным французским переводом легенды византийских печатей, приведенным Г. Шлюмберже: «En lisant cet écrit, apprends (*ou* apprendras) de qui je suis le sceau» (G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, стр. 60).

держательность надписи, чтению которой придавалось так много значения, заставляют особенно придирчиво относиться к толкованию, предложенному Н. П. Лихачевым. Это толкование, как будет показано ниже, оказалось вполне правильным. Тем более нам следует устранить некоторые шероховатости существующей в литературе аргументации.

Два обстоятельства в толковании Н. П. Лихачева казались мне сомнительными. Во-первых, слово «дно» в известных текстах употребляется в трех формах: «дъно», «дьно» и «дно». На печатях же, где отмечено пять вариантов написания загадочной формулы («Дьнѣслово», «Дьньслово», «Дѣньслово», «Дѣнѣслово», «Денеслово»), во всех пяти случаях использован только один фонетический вариант звучания — с мягким «д». Во-вторых, предложенный Н. П. Лихачевым перевод предусматривает наличие в оригинале — предлога, т. е. написание формулы в варианте «въ дьнѣ слово». Закономерность опущения предлога исследователем не была подтверждена. Эти сомнения, как выяснилось, не противоречат лихачевскому толкованию. Последнее было решительно поддержано П. С. Кузнецовым, консультации которого использованы в настоящей статье.

Наблюдения над способами изображения слова «дно» в различное время показывают, что форма «дно» существует в наиболее поздних текстах XIV—XVI вв., форма «дъно» характерна для наиболее древних текстов XI в. (Гр. Наз., 132; Пат. Син., 92). Что касается формы «дьно», то встреченная впервые еще в XI в. (Панд. Ант., 157), в дальнейшем она отмечена в рукописях XII—XV вв. [14]. Это сопоставление как будто позволяет утверждать, что присутствующая на печатях форма написания через «ь» действительно была наиболее предпочтительной для XII—XIII вв. и, возможно, для конца XI в.

Опущение предлога в местном падеже также принадлежит к числу вполне закономерных явлений. Классический пример можно привести из Остромирова Евангелия 1056—1057 гг.: «Самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ. А брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ» [15].

Таким образом, из перечисленных пяти вариантов написания формулы наших печатей грамматически правильным является вариант «Дьнѣслово», а он встречен на печатях в четырнадцати случаях из двадцати [16]. Некоторое недоумение вызывают замены «ь» в корне слова на «ѣ» и на «е» и замены «ѣ» на «ь» и на «е» в окончании местного падежа (имею в виду остальные шесть случаев). Однако во всех случаях такие замены могут иметь чисто фонетический характер и свидетельствовать о том, что грамматическая структура надписи, воспринимаемой на слух или копируемой с неудовлетворительных образцов, оставалась непонятной для резчиков отдельных матриц. Последнее обстоятельство само по себе небезынтересно для характеристики надписи: сложная формула печатей кажется искусственной, сочиненной. Ее изображают, не вникая в ее смысл.

Подтверждая правильность лихачевского перевода, я еще раз должен отметить, что он нуждается в дальнейшем истолковании. Н. П. Лихачев предложил лишь подстрочник. Перевод «внутри слово» так же загадочен, как и оригинал «Дьнѣслово».

По-видимому, теми же чувствами неудовлетворенности существующим переводом было порождено толкование надписи, предложенное Б. А. Рыбаковым, который в ряде указанных выше статей называет буллы «Дьнѣ-

---

[14] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. I, стр. 760. Об устойчивости формы «дьно», между прочим, свидетельствует ее сохранение в современных говорах («деньшко», «денце»). См. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 427.

[15] Остромирово Евангелие. СПб., 1883.

[16] Всего сейчас известны 22 различных типа печати «Дьнѣслово», однако на двух из них надпись не читается полностью. См. «Приложение» к настоящей статье. №№ 11 и 22.

слово» печатями тайной переписки. К сожалению, новое толкование надписи Б. А. Рыбаковым, бытующее в литературе около 20 лет, так и не было аргументировано исследователем, но ход его рассуждений более или менее ясен. Формула «внутри слово» в этом построении претерпевает следующую смысловую эволюцию: «слово (находящееся) внутри», т. е. «скрытое, сокровенное слово». Приведенное толкование принято и С. Р. Килиевич.

Это толкование настолько подкупает своей простотой и логической ясностью, что, казалось бы, даже не нуждается в аргументах. Оно придает завершенность лихачевскому переводу, сообщает ему очевидный смысл. Оно в равной степени убедительно и остроумно. И тем не менее именно обилие достоинств определило главный недостаток толкования, предложенного Б. А. Рыбаковым: внешняя эффектность объяснения заставляет и его автора, и читателей видеть научный вывод там, где в действительности имеется только научная гипотеза.

В самом деле, лингвистические возможности истолкования печатей с формулой «Дьнѣслово» полностью исчерпываются тем подстрочником, который был предложен Н. П. Лихачевым. Можно делать любые предположения по поводу этих булл, но ни одно из них не будет доказано до тех пор, пока загадочная надпись рассматривается вне контекста. В данном случае таким контекстом может быть только совокупность всех остальных показаний рассматриваемых печатей. В толковании Б. А. Рыбакова принята во внимание одна только надпись, тогда как чтение этой надписи могло быть обосновано лишь подробным анализом всех деталей обширной сфрагистической группы. Вопрос о назначении печатей «Дьнѣслово» можно решать только в сочетании с такими важными вопросами, как проблема датировки и атрибуции этих булл, проблема выявления их места среди прочих сфрагистических памятников древней Руси. Необходимость всесторонней проверки предложенного Б. А. Рыбаковым толкования особенно остра потому, что это толкование отнюдь не имеет частного характера. От правильности или неправильности этого толкования зависит общее направление дальнейшей работы по классификации древнерусских печатей.

Основы классификации памятников древнерусской сфрагистики были заложены Н. П. Лихачевым, который на многих примерах продемонстрировал в своих работах связь сфрагистического типа с определенными институтами государственной власти. Если принадлежность печати не была прямо указана в надписи, то само оформление типа постоянно соответствовало его принадлежности. Н. П. Лихачев писал об особом типе княжеской печати и об особом типе владычной печати, он допускал существование особого типа посадничьих булл и т. д. Однако он не подразделял печатей по функциональному признаку. Б. А. Рыбаков, предлагая свое толкование надписи «Дьнѣслово», тем самым допускает существование более дробного подразделения печатей, при котором бытовала не просто княжеская или владычная булла, но у каждого князя или владыки было по нескольку буллотириев — для документов разного назначения: актов, обычных писем, секретных писем. Это очень важное предположение, и именно в силу своей важности оно особенно нуждается в проверке.

Существует еще один аспект изучения древнерусской сфрагистики, для которого особенно необходим критический анализ толкования Б. А. Рыбакова. Предположенная им дифференциация печатей по функциональному признаку как будто должна свидетельствовать о серьезной зрелости института буллы в древней Руси домонгольского времени. Однако хорошо известно, что не только сам обычай вислой печати, но и главные особенности оформления сфрагистического типа были на Руси заимствованными из Византии. Поэтому предполагаемая зрелость системы печатей может быть действительной и кажущейся. Она может быть по-

рождена внутренними потребностями развития институтов переписки и официального акта, но ее могли породить условия, не свойственные русскому документу и присущие документу византийскому. Рассматривая нашу проблему под указанным углом зрения, мы неизбежно придем к противоречивым выводам.

Печать тайной переписки не могла быть заимствована из Византии, сфрагистика которой не знает аналогичного явления. С другой стороны, для печатей тайной переписки трудно найти место и в общей схеме развития русской сфрагистики. Их возникновение не могло быть продиктовано действительными потребностями, поскольку секретность переписки и в позднейшее время обеспечивалась с помощью других, более действенных приемов, включая инструкции гонцу и способ запечатывания документа. Печати тайной переписки совершенно неизвестны в позднейшее время — в XIV—XV вв., когда печать приобрела наиболее законченную дифференциацию. Напротив, характер этой дифференциации таков, что исключает самую мысль о функциональном значении типа [17]. Эта противоречивость гипотезы Б. А. Рыбакова снова выдвигает на первый план необходимость ее проверки обычными средствами источниковедения.

Вопрос о хронологии печатей «Дьнѣслово» и их принадлежности приобретает в силу всех этих противоречий особенно большое значение. Между тем, именно этот вопрос до сих пор не получил сколько-нибудь существенной разработки. Нет особой нужды подробно останавливаться на критике хронологических выводов Н. Ф. Беляшевского, И. И. Свенцицкого или Я. Пастернака, имевших дело с единичными буллами. Остановимся на построениях Н. П. Лихачева.

Исследовательской манере Н. П. Лихачева свойственна одна особенность, которая, не лишая его выводов первостепенного значения, несколько затрудняет их усвоение. Н. П. Лихачев опирался на обширный опыт повседневного общения с громадной коллекцией древнерусских печатей, включившей в свой состав три четверти известных к настоящему времени свинцовых булл. У него была общая хронологическая концепция и верный глаз. Однако весьма часто строгая научная аргументация заменена у него интуицией, и его выводы нуждаются в истолковании и проверке, которая чаще всего подтверждает их правильность.

Касаясь хронологии печатей с формулой «Дьнѣслово», Н. П. Лихачев, вопреки уже цитированному общему скептическому выводу, пришел к целому ряду существенных наблюдений. «Перед нами,— писал он,— памятник несомненно старейшей эпохи. Весьма сомнительно, чтобы какая-нибудь разновидность могла относиться хотя бы к началу периода монгольского ига» [18]. Эта общая датировка сфрагистической группы домонгольским периодом несколько уточнена сочувственной ссылкой на Н. Ф. Беляшевского, который буллу с изображением св. Давида датировал временем князя Давида Святославича, т. е. рубежом XI—XII вв.[19] Весьма важен и другой вывод Н. П. Лихачева: «Разбирая типы „Дьнѣслово“ хронологически, мы придем к выводу, что они обнимают сравнительно незначительный период времени и, несмотря на разницу в стиле и работе, идут скорее параллельно, чем наслоениями» [20]. Иными словами, Н. П. Лихачев был склонен заключать всю группу в весьма узкие хронологические рамки деятельности одного поколения владельцев и связывать их со временем рубежа XI—XII вв. Эта предполагаемая дата подтверждается и тем, что в своем исследовании Н. П. Лихачев объединил

[17] Деление печатей по функциональному признаку в XIII—XV вв. проявлялось не в особенностях оформления типа, а в выборе металла печати. В зависимости от характера документа, печати, оттиснутые одной и той же парой матриц, могли быть свинцовыми или серебряными позолоченными.

[18] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 29.

[19] Там же.

[20] Там же.

печати «Дьнѣслово» в один раздел с печатями «От Ратибора», с которыми они действительно обнаруживают исключительную техническую и художественную близость.

Скептический вывод Н. П. Лихачева о невозможности точно определить принадлежность этих печатей не имеет прямого отношения к его хронологическим наблюдениям. Объединив печати «Дьнѣслово» с печатями «От Ратибора» в одну группу, Н. П. Лихачев предполагал, что они принадлежат второстепенным лицам княжеской администрации, имена которых в летописи, как правило, не сохранены: «Кто такие были Иоанн, Феодор, Георгий, Михаил, Давид (Глеб?), Мина (речь идет об именах владельцев печатей.— *В. Я.*) — навсегда останется тайной, так же как если бы и Ратибор вырезал на печати „От Климента" и мы не знали бы, какого Климента искать»[21]. Основания для такого предположения у Н. П. Лихачева безусловно имелись, так как тип Дьнѣслово не имеет ничего общего с известными ему типами княжеской и владычной буллы.

К вопросу о хронологии и принадлежности печатей «Дьнѣслово» в 1958 г. вернулась С. Р. Килиевич. Учитывая общие хронологические наблюдения Н. П. Лихачева, С. Р. Килиевич настаивает, однако, на княжеской принадлежности булл и датирует печать с изображением св. Давида временем черниговского князя Давида Святославича (1097—1123 гг.), а печати с изображением архангела Михаила — временем князя Ростислава Мстиславича (1127—1159 гг.— в Смоленске, 1154 г.— в Новгороде, 1161—1167 гг.— в Киеве)[22]. К сожалению, этим выводом ограничиваются хронологические наблюдения С. Р. Килиевич. Кому в указанный ею период могли принадлежать печати с изображениями святых Феодора, Георгия, Иоанна Предтечи, Мины и Серафима, описанные Н. П. Лихачевым,— этот вопрос в ее статье обойден молчанием. Молчанием обойден и другой немаловажный вопрос — каким образом в промежуток с 1123 по 1161 г. могло быть осуществлено поддержание сфрагистического типа «Дьнѣслово», если в группе таких булл наверняка отсутствуют печати Владимира-Василия Мономаха (1113—1125 гг.), Всеволода-Кирилла Ольговича (1038—1046 гг.), Изяслава-Пантелеймона Мстиславича (1046—1054 гг.), т. е. наиболее долговременных великих князей, занимавших киевский стол в промежуток от черниговского княжения Давида до великого княжения Ростислава. Соображения С. Р. Килиевич, таким образом, не только не решают проблему, но и существенно усложняют ее.

Я особо подчеркиваю эти пробелы и противоречия аргументации, так как они отчетливо показывают, что удовлетворительным может быть только полное решение вопроса о принадлежности всех печатей нашей группы, а не выборочное исследование отдельных экземпляров.

Рассмотрим вопрос о хронологии печатей «Дьнѣслово» заново, отправляясь от наблюдений Н. П. Лихачева. Одним из наиболее существенных кажется мне вывод об исключительной хронологической компактности всей группы. Этот вывод может быть подтвержден внимательным сопоставлением всех вариантов.

Наиболее существенным признаком одновременного бытования печатей является единство их стилистических и технических особенностей. Если печати однообразны по своему оформлению и если при этом они оттиснуты на кружках одинакового диаметра и толщины, вряд ли можно сомневаться в их принадлежности к одному периоду. В данном случае оформление булл поражает своим однообразием, однако их технические особенности достаточно пестры. Размер печатей варьирует от 13 до 30 *мм*, причем, учитывая размер штампов (т. е. диаметр обязательных точечных ободков), можно говорить о наличии в этой сфрагистической группе двух норм: у одних печатей такой нормой был диаметр 25—26 *мм*, у других — 20—21 *мм*. Эта разнокалиберность, на первый взгляд, говорит против

[21] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 29.
[22] С. Р. Кіліевич. Ук. соч.

хронологического единства группы, поскольку указанные нормы, хорошо известные в русской сфрагистике домонгольского времени, служат принципиальными признаками разных периодов. Размер 21 *мм* обычен для матриц печатей, несущих изображения двух святых, т. е. для типа, распространившегося со второй четверти XII в., тогда как более крупные печати (25—26 *мм*), как правило, бытуют в более раннее время (так называемый греко-русский тип XI в.). Основываясь на этом наблюдении, можно предполагать два возможных решения хронологической проблемы. Печати «Дьнѣслово» могут относиться к весьма широкому хронологическому периоду, захватывающему вторую половину XI в. и XII в., однако они могут быть и вполне одновременными, если период их бытования приходился на тот рубеж, когда в русской сфрагистике осуществляется переход от крупных булл к буллам меньшей величины. Этот переход падает на рубеж XI—XII вв. и отмечен сосуществованием разнокалиберных печатей Ратибора [23] и Владимира Мономаха [24].

Для решения поставленного вопроса интересный материал дают печати «Дьнѣслово» с изображением св. Федора. В числе четырех вариантов таких печатей, зарегистрированных к настоящему времени, имеются печати обоих указанных выше размеров. Однако все эти четыре варианта, несомненно, принадлежат одному лицу. Более того, они представляют собой последовательные этапы копирования одного образца. В этом нас убеждает ряд наблюдений. На всех четырех вариантах порядок размещения колончатых надписей по сторонам фигуры святого нарушен: колонки поменялись местами. Имя Феодор во всех случаях изображено в сокращенном виде, с опущением гласных, хотя такой вариант написания ни разу не повторяется на других печатях с изображением св. Феодора, достаточно многочисленных. Факт последовательного копирования подтверждается и сличением надписей лицевых сторон, где копируется не только общее расположение надписи, но даже орнаментальные точки. Наиболее показательны особенности лицевой стороны печати № 12, на которой при копировании буква «л» перекочевала в последнюю строку, но при этом сохранилась точка перед буквой «о», имевшая смысл лишь на образцовом экземпляре: там она ограничивала последнюю строку. Сочетание разнокалиберных булл в руках одного владельца подтверждает вывод Н. П. Лихачева о хронологической компактности всей группы печатей «Дьнѣслово», несмотря на разницу в их технических особенностях, и привязывает ее к рубежу XI—XII вв.

Ту же дату дают и наблюдения над общими стилистическими особенностями этих печатей. Бросается в глаза преобладание на них поясных и погрудных изображений святых. Это обстоятельство само по себе служит важнейшим хронологическим признаком. Поясные и погрудные изображения в русской сфрагистике домонгольского времени предпочтительно употреблялись на печатях XI в. Наиболее позднюю из достоверно датированных группу булл, где святой изображен погрудно, составляют печати Владимира Мономаха с надписью «Господи, помози рабу своему Василию». В последующий период, вплоть до конца XII в., в погрудном или поясном варианте, как правило, изображается только богоматерь на печатях владычного круга. Что касается изображений святых в полный рост, то, появившись еще во второй половине XI в., они на рубеже XI—XII вв. и в первой четверти XII в. сосуществуют с погрудными изображениями, а затем полностью вытесняют их. Присутствие в группе печатей «Дьнѣслово» и поясных, и ростовых изображений снова указывает на дату, близкую к рубежу XI—XII вв.

На тот же период указывают и отдельные, наиболее близкие аналогии этим буллам в других сфрагистических разрядах. Н. П. Лихачев отметил

[23] См. В. Л. Янин. О печатях Ратибора. СА, 1960, № 2, стр. 270—275.

[24] См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 106—110.

исключительное стилистическое сходство печатей «Дьнѣслово» с печатями «От Ратибора». Поясное или погрудное изображение архангела на печатях №№ 7—9 находит ближайшую аналогию в неопубликованной печати «греко-русского типа», найденной в Старой Ладоге и датируемой периодом новгородского княжения Святополка Изяславича (1078—1088 гг.) [25].

Согласное указание различных элементов печатей «Дьнѣслово» на рубеж XI—XII в. заставляет особенно внимательно приглядеться к сфрагистике этого времени. В сфрагистическом отношении конец XI и начало XII в. представляет собой сплошное белое пятно, цвет которого не изменяется в обоих главных отделах сфрагистики — княжеском и владычном.

К настоящему времени коллекция великокняжеских печатей второй половины XI — первой четверти XII в. выглядит следующим образом. Известно 4 печати Изяслава Ярославича (1054—1073, 1077—1078 гг.) [26], 4 печати Святослава Ярославича (1073—1076 гг.) [27], 12 печатей Всеволода Ярославича (1078—1093 гг.) [28], свыше 20 печатей Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.) [29]. Что касается времени Святополка Изяславича, сидевшего на великокняжеском столе 20 лет (1093—1113 гг.), то этому князю возможно приписывать только упомянутую выше печать из Старой Ладоги, которая самим местом находки связывается скорее с новгородским (до 1088 г.) периодом его княжения, нежели с киевским.

Между тем, как раз в этот период происходят усиленные поиски нового сфрагистического типа. На протяжении всего XI в. тип княжеской печати не был единым. На буллах Изяслава Ярославича помещено изображение его патрона — св. Димитрия и пышной розетки. На печатях Святослава Ярославича изображение патрона этого князя — св. Николая сочетается с изображением самого князя. Буллы Всеволода Ярославича — «греко-русского» типа, на них изображение патрона князя Всеволода — св. Андрея сопровождается греческой благопожелательной надписью. К тому же типу относятся и печати некоторых князей, не бывших великими: Вячеслава Ярославича (1054—1057 гг.), княжившего в Смоленске [30], волынского князя Давида Игоревича (1085—1100 гг., ум. в 1112 г.) [31], смоленского князя Мстислава-Андрея [32], а также две разновидности буллы Владимира Мономаха [33]. В 1110-х годах тип княжеской буллы унифицирован и отличен от существовавших в XI в.: при Владимире Мономахе утверждается печать с русской благопожелательной надписью, тот же тип воспринят и в Новгороде. В дальнейшем появляются

---

[25] Печать хранится в Археологическом отделе Государственного Эрмитажа, в коллекции Старо-Ладожской экспедиции.

[26] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVI, *8*; XXX, *2*; две неизданные печати из собрания Н. В. Гудкова-Белякова (Отдел нумизматики ГИМ).

[27] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXX, *3*; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 122, рис. 64; В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, 1956, стр. 158—159, № 43.

[28] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 146—154, неизданные экземпляры Киевского музея и собрания Н. В. Гудкова-Белякова (Отдел нумизматики ГИМ).

[29] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 106—110; неизданные экземпляры Гос. Эрмитажа, МГУ, Новгородского и Ростовского музеев.

[30] В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 150—152.

[31] Z. Wartalowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958, стр. 31, рис. 14.

[32] В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». Тр. Отдела древнерусской литературы ИРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 129—130.

[33] Неизданные экземпляры Гос. Эрмитажа и Новгородского музея.

буллы с княжескими знаками и, наконец, обычный для XII в. тип со святыми на обеих сторонах.

Сходные явления наблюдаются и во владычной сфрагистике. Для второй половины XI в. известны печати трех киевских митрополитов. На печатях Георгия (конец 1060-х годов — 1073 г.) и Иоанна II (1080—1089 гг.) помещены изображения их святых патронов — соответственно св. Георгия и св. Иоанна Предтечи — и греческая надпись о принадлежности буллы [34]. На печати Ефрема (1093—1096 гг.) — изображение патрона великого князя Святополка Изяславича — архангела Михаила и греческая надпись о принадлежности печати Ефрему как советнику князя [35]. Следующие по времени печати относятся уже к митрополитам Никифору (1104—1121 гг.) [36] и Михаилу (1130—1145 гг.) [37]. Эти буллы несут на себе изображение обычной эмблемы русской церкви — Оранты, распространившейся в тот же период и в сфрагистике епископов Новгорода, Галича, Смоленска и Полоцка. Иными словами, где-то на рубеже XI—XII вв. и во владычной сфрагистике происходят поиски единого сфрагистического типа, наблюдается тенденция к унификации печати.

Таким образом, общие наблюдения над состоянием русской сфрагистики на рубеже XI—XII вв. привлекают особое внимание ко времени великого княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), к периоду, от которого практически не сохранилось ни одной достоверной буллы, но на протяжении которого существуют особые условия для возникновения новых и недолговечных сфрагистических типов. Это время, которому предшествует сфрагистический хаос и которое сменяется периодом бытования четко оформленного сфрагистического типа. Именно в этом промежутке мы и намерены искать возможных владельцев печатей с надписью «Дьнѣслово», коль скоро они принадлежат к широко распространенному единообразному типу. Оговоримся, что предположения Н. П. Лихачева о принадлежности этих владельцев к числу второстепенных лиц не могут быть признаны методически точными. Для эпохи, когда еще не возникли характерные для XII в. типы княжеской и владычной печати, основывать какие-либо выводы на несходстве булл с этими типами невозможно.

Предположение о принадлежности печатей «Дьнѣслово» ко времени Святополка Изяславича позволяет предпринять единую атрибуцию сразу трех типов печати, включающих в свой состав 9 разновидностей из 22 нам известных, а именно — печатей с изображениями святых Михаила, Давида и Феодора. Михаилом в крещении звали самого великого князя киевского Святополка Изяславича (1093—1113 гг.). Великий князь вплоть до времени Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.) непосредственно распоряжался новгородским княжением, посылая туда своих наместников. Но во времена Святополка Изяславича такими новгородскими наместниками последовательно были Давид Святославич (1094—1096 гг.) и Мстислав Владимирович (1096—1117 гг.); последнего в крещении звали Феодором.

---

[34] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 1—2; его же. Сфрагистический альбом, табл. XLV, *5, 6*. Неизданная печать Иоанна II найдена в 1956 г. при случайных обстоятельствах на территории б. Десятинной церкви в Киеве и хранится в Киевском государственном историческом музее.

[35] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 11—12; В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, № 1, стр. 126—128.

[36] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 4, рис. 2, 3.

[37] I. Barnea. Sigiliul unui ierarh al Rosiei în aşezarea de la Garvăn (regiunea Galaţi). Studii si cercetări de istorie veche, т. VII, № 1—2, 1956; его же. A propos de la découverte de deux sceaux byzantins de Dinogetia. Dacia, nouvelle série, II, 1958, стр. 475—478.

Эта атрибуция позволяет сделать еще один важный шаг в исследовании наших печатей. Если мы признаем ее правильной, то неизбежно должны будем согласиться и с тем, что в группу печатей «Дьнѣслово», наряду с княжескими, входили и печати владычного круга, поскольку на одном из вариантов этих булл имеется изображение богоматери, которое в русской сфрагистике всегда было эмблемой церкви. Однако это изображение в качестве эмблемы впервые зафиксировано на достоверных печатях митрополита Никифора и могло появиться не ранее рубежа XI—XII вв., так как на митрополичьей печати Ефрема никаких отвлеченных эмблем еще нет. Поиски общецерковного символа начинаются не ранее 1090-х годов, и сам факт этих поисков позволяет высказать некоторые соображения относительно еще одной группы печатей «Дьнѣслово» — булл с изображением шестикрылого ангела. Херувим или серафим как ангел, не имеющий собственного имени, не мог быть персональным патроном владельца печати. С другой стороны, в иерархии ангельских чинов херувимы и серафимы занимают первое место. Оценивая это изображение с точки зрения его символических возможностей, допустимо видеть в нем лишь митрополичью эмблему, поскольку среди «земных ангельских чинов» первое место на Руси могло принадлежать только митрополиту. Если бы эта анонимная печать несла на себе греческую надпись, ее следовало бы отнести к константинопольскому патриарху, но так как печать русская, такая возможность отпадает. Если наше предположение правильно, сама недолговечность эмблемы может быть хорошо объяснена. Ее символика противоречива. В системе русской церкви, составлявшей административную часть константинопольской патриархии, претензии митрополита быть «первым ангельским чином» могли восприниматься как сепаратистские или, во всяком случае, не соответствующие истинной церковной иерархии, и на этом основании эмблема могла не получить утверждения от патриарха. Исходя из этих соображений, мы можем датировать печати с изображением шестикрылого ангела последними годами XI в. и самым началом XII в. и считать буллу с изображением богоматери несколько более поздней, относя ее к концу княжения Святополка Изяславича.

В самом деле, шестикрылый ангел в качестве митрополичьей эмблемы не мог употребляться до начала 1090-х годов, когда на митрополичьих печатях были персональные эмблемы; но он не мог быть употреблен и позднее 1110-х годов, когда эмблемой церкви стало изображение богоматери.

Отнесение целой группы печатей «Дьнѣслово» в разряд владычной сфрагистики дает возможность определить еще несколько печатей с этой надписью. Я имею в виду печати с изображением святых Мины и Иоанна Предтечи. Миной звали полоцкого епископа, хиротонисанного в 1105 г. и умершего в 1116 г. [38]. Ко времени Святополка Изяславича относится также деятельность двух епископов Иоаннов, один из которых в 1108—1130 гг. занимал новгородскую кафедру [39], а другой в 1089—1111 гг. был черниговским епископом [40].

По-видимому, в группе печатей «Дьнѣслово» представлены буллы обоих Иоаннов. Два варианта печатей с изображением Иоанна Предтечи весьма различаются в деталях. При этом вариант № 3, один из экземпляров которого найден в Новгороде, по оформлению лицевой стороны ближе к новгородским печатям Давида и Мстислава-Феодора, а вариант № 4— южного происхождения — ближе к печатям Святополка-Михаила и митрополичьим, надпись лицевой стороны на которых скомпонована в виде

[38] ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л., 1926, стр. 281; вып. 2, Л., 1927, стр. 291; т. II, СПб, 1843, стр. 287; т. VII, СПб, 1856, стр. 20, 24.

[39] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 3; Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 19, 22, 163, 203, 207, 473.

[40] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 207, 211; вып. 2, стр. 289; т. II, стр. 3, 4, 277, 473.

крестообразной фигуры (две буквы в первой строке, пять букв — во второй, две буквы — в третьей).

Весьма затруднительно приурочение печатей с изображениями св. Георгия и святых Петра и Павла. Не предпринимая каких-либо попыток их конкретной атрибуции, которая может быть только предположительной, я хочу указать лишь несколько обстоятельств, способных ограничить круг поисков.

Во-первых, возможные владельцы этих печатей могут относиться только к точно фиксированному промежутку времени — с 1093 по 1113 г. В самом деле, печати с надписью «Дьнѣслово» не могли появиться ранее 1093 г., иначе в их числе, несомненно, должны были бы оказаться буллы с изображением св. Андрея, патрона предшественника Святополка на киевском столе — Всеволода Ярославича. Отсутствие в числе булл «Дьнѣслово» печатей с изображением патрона Владимира Мономаха — св. Василия ограничивает дату их бытования 1113 г.

Во-вторых, употребление печатей с надписью «Дьнѣслово» не выходит за пределы киевской инициативы. Все три разновидности княжеских печатей (Михаила, Давида и Феодора) связаны с киевской административной системой (Киев — Новгород). Этот тип не был воспринят ни в Переяславле Мономахом, лишь трансформировавшим греко-русский тип в чисто русскую буллу, ни в Смоленске, ни на Волыни, где при Давиде Игоревиче, т. е. до самого конца XI в., сохраняется «греко-русский тип». Напротив, приход на великое княжение Владимира Мономаха в 1113 г. отменяет тип «Дьнѣслово» не только в Киеве, но и в Новгороде. Среди печатей новгородского князя Мстислава Владимировича имеются не только буллы «Дьнѣслово», но и буллы с изображением св. Феодора и надписью «Господи, помози рабу своему Феодору» или «Спаси, господи, раба своего Феодора», употреблявшиеся, как можно теперь догадываться, в позднейший период его новгородского княжения, между 1113 и 1117 гг.[41]. Что касается владычных печатей, топография употребления которых более широка (Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк), их связь с киевской инициативой не опровергается самим фактом широкого употребления: зависимость епископов от митрополита была более заметной, нежели зависимость князей-вотчинников от киевского стола.

Поэтому неприуроченные печати с надписью «Дьнѣслово» и изображениями святых Георгия, Петра и Павла, а также неопределенных святых могут принадлежать каким-либо епископам этого периода; к сожалению, списки епископов времени Святополка Изяславича отличаются многими невосполнимыми пробелами. Из князей того же времени еще одним владельцем печати типа «Дьнѣслово» может быть только неизвестный по христианскому имени сын Святополка Изяславича — Ярослав, владевший с 1100 г. Владимиром-Волынским как уделом великого княжества.

Особое внимание привлекает к себе печать № 5 с изображением и именем св. Ирины. Буллы, принадлежавшие женщинам, в древнерусской сфрагистике крайне редки, однако даже тот незначительный материал, который собран к настоящему времени, позволяет утверждать, что во всех случаях владелицами таких печатей были княгини. Нам известны следующие домонгольские буллы с женскими именами: 1) знаменитая печать Феофании Музалон, жены черниговского и тмутараканского князя Олега Святославича[42]; 2) две печати жены великого князя Всеволода Ярославича — Марии[43]; 3) две печати Олисавы — вдовы великого

[41] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. X, *15*; XL, *2*; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, рис. 61; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, стр. 47 и табл. XXXVII, № 559.

[42] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LI, *2*.

[43] Там же, табл. VII, *5* и неизданный экземпляр из коллекции Н. В. Гудкова-Белякова (Отдел нумизматики ГИМ). Печати подготовлены к публикации.

князя Изяслава Ярославича [44]; 4) две печати Христины — жены князя Мстислава Владимировича [45]; 5) печать с изображением женщины в пышной одежде и надписью «Господи, помози рабе своей Марии», принадлежащая не определенной пока княгине [46]; 6) печать с изображением мученицы Софии и св. Георгия обычного типа княжеской буллы середины XII—первой четверти XIII в. [47].

В пользу княжеской принадлежности буллы с изображением св. Ирины говорит и то обстоятельство, что в рассматриваемое время это имя было достаточно популярным в княжеской семье, что объясняется, по-видимому, особым почитанием княгини Ирины, жены Ярослава Мудрого, родоначальницы всех князей Ярославичей второй половины XI в. Отмечу, в частности, что Ириной была жена князя Ярополка Изяславича, что засвидетельствовано в одной из миниатюр Трирской псалтири [48]. То же имя приняла в монашестве дочь Всеволода Ярославича Екатерина, умершая в 1108 г. [49]. К сожалению, нам известны крестильные имена только двух княгинь из числа живших во времена Святополка Изяславича и интересующих нас в первую очередь. Жену Мстислава Владимировича звали Христиной [50]. Жена Давида Святославича называлась Феодосией [51]. Имена жены самого Святополка [52] и жены его сына Ярослава [53] до нас не дошли. Одной из этих двух женщин и должна, по всей вероятности, принадлежать печать с изображением св. Ирины и надписью «Дьнѣслово».

Таким образом, мы приходим к выводу, что группа печатей с надписью «Дьнѣслово» появляется в княжение Святополка Изяславича и прекращает бытование вместе с прекращением этого княжения. В рассмотренную группу входят княжеские печати, связанные с системой киевского управления, и большой круг владычных печатей. Тип «Дьнѣслово» не отражает принадлежности буллы к определенному институту государственной власти. Напротив, в нем стерты различия между печатью княжеской и печатью владычной. Это обстоятельство не кажется нам противоречивым. На протяжении всего XI в. специальный тип княжеской и владычной буллы еще не был выработан. Определение специальных типов печати для различных институтов государственной и церковной власти происходит только в первой половине XII в.

Тем более этот тип не может иметь функционального характера. Предположенное Б. А. Рыбаковым назначение этих булл как печатей тайной переписки могло бы иметь основание, если бы печати «Дьнѣслово» в руках одних и тех же владельцев сосуществовали с другими сфрагистическими типами. Между тем при относительной многочисленности булл «Дьнѣслово» до сих пор не известны какие-либо другие печати, которые возможно было бы отнести к князю Давиду Святославичу, новгородскому епископу Ивану Попьяну, черниговскому епископу Ивану,

[44] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLV, *2* и неизданная печать из собрания Института общественных наук УССР во Львове. Печати подготовлены к публикации.

[45] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. V, *13*; XI, *13*.

[46] Там же, табл. XLVIII, *6*.

[47] Там же, табл. I, *17*. Новейшая интерпретация этой печати (см. Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 106—108) кажется мне неудачной.

[48] Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.

[49] ПСРЛ, т. II, стр. 288.

[50] Умерла в 1122 г. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 21, 205.

[51] Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 37.

[52] Святополк Изяславич женился в 1094 г. на дочери половецкого хана Тугоркана. ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 226; т. II, стр. 279.

[53] Ярослав Святополкович женился в 1112 г. на дочери князя Мстислава Владимировича и в 1118 г. отослал ее от себя. См. ПСРЛ, т. II, стр. 3, 289; т. VII, стр. 22, 24.

полоцкому Мине. Наличие других типов печатей Мстислава Владимировича и Святополка Изяславича не меняет картины, они принадлежат к иным отрезкам времени, нежели печати «Дьнѣслово». Даже допустив сосуществование разных типов булл в последних двух случаях, мы остановимся перед недоуменным вопросом: почему же на рубеже XI—XII вв. и только в это время секретная переписка возобладала над всеми другими видами официального письма?

Предпринятый анализ лишает надпись «Дьнѣслово» какого-либо специального содержания. Эта надпись, будучи помещена на печати вообще, может содержать в себе только общий смысл. Она имеет отношение лишь к способу оформления письма или акта, которые обычно свертывались или складывались, а снаружи оставлялась только печать на своем шнуре. Смысл надписи сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: «слово внутри, разверни и читай». Персонификация печати, превращение ее в говорящий ярлык — явление, чрезвычайно распространенное в византийской сфрагистике, и аналогия, указанная Н. П. Лихачевым,— лишь частный случай такой персонификации.

Не исключена возможность, что своим возникновением эта надпись обязана общей тенденции, проявившейся на рубеже XI—XII вв. и направленной к поискам типа печати русского по своему оформлению. В этих условиях вместе с новым типом, оказавшимся недолговечным, могло возникнуть и новое слово, имевшее значение синонима понятию «печать». Уже отмеченные выше ошибки при написании формулы печати показывают, что речение могло восприниматься как единое слово, теряющее свою первоначальную грамматическую структуру. В дальнейшем это слово не привилось, как не привился и тип обозначенных им печатей.

Следует остановиться еще на одной существенной особенности сфрагистической группы «Дьнѣслово». Неразграниченность княжеских и владычных печатей внутри этой группы может быть понята как результат тенденции к унификации буллы, призванной прийти на смену сфрагистическому хаосу предыдущего периода. Однако это слияние княжеских и владычных печатей, применение к документам разных институтов булл одного и то же типа не могут не отражать более существенных явлений. Мне кажется, что отмеченная особенность должна свидетельствовать о далеко зашедшем процессе приобщения церкви к государственному управлению, о том процессе, который в Киеве до некоторой степени поддерживал ветшающий великокняжеский стол в эпоху начавшегося феодального распада.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свод печатей с надписью «Дьнѣслово»[54]

I. С изображением св. Георгия

1. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 4, *1*).

О. с. Погрудное изображение св. Георгия с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. По сторонам колончатые надписи (рис. 4, *2*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 18 *мм*. М. н.— Дрогичин. Хр.— Лих., не разыскана.

Изд.— Материалы, II, стр. 26, рис. 27 (снимок с увеличением).

II. С изображением св. Давида

2. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 4, *3*).

О. с. Погрудное изображение св. Давида. По сторонам колончатые надписи, из которых читается только левая (рис. 4, *4*). Вокруг точечный ободок.

[54] За помощь в собирании материалов «Свода» сердечно благодарю М. К. Каргера, Г. Ф. Корзухину, А. А. Ратича, И. К. Свешникова и В. В. Седова.

Д.—28—30 *мм*. М. н.— Переяслав-Хмельницкий, Базарная площадь, 1888 г. Хр.— Церковно-археологический музей Киевской духовной академии (поступила в 1888 г. от Ш. А. Найдиса), утрачена во время войны, но в 1954 г. поступила в РОГЭ[55]. Изд.— Н. Ф. Беляшевский.

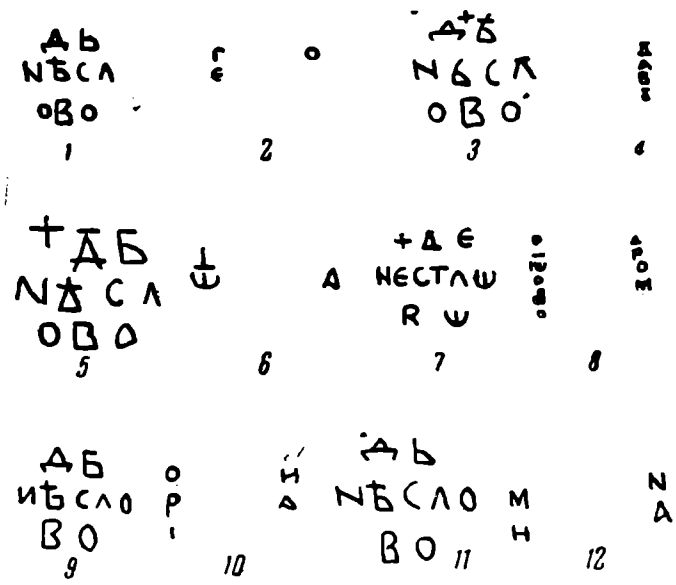


Рис. 4

Два замечательных предмета Киевского Церковно-археологического музея. Киевская старина, т. XXII, июль, 1888 г., стр. 135 (графическое воспроизведение); Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 4—5, Киев, 1915, стр. 19 и табл. X, № 12—13 (фото); Килиевич, стр. 228, рис. 2 (фото). Уп.— К. В. Болсуновский. Дрогичинские пломбы, ч. I, Киев, 1894, стр. 1; АЛЮР, октябрь, 1899 г., стр. 147; Петров, стр. 70—71, № 18; Материалы, II, стр. 28—29; Орлов, стр. 196; Пастернак, стр. 200.

III. С изображением св. Иоанна Предтечи

3. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 4, *5*).

О. с. Погрудное изображение св. Иоанна Предтечи с крестом у левого плеча. По сторонам буквы (рис. 4, *6*). Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

3—1. Д.—26 *мм*. М. н.— Дрогичин. Хр.— Н. П. Авенариус, не разыскана. Изд.— ЛСА, V, *7*. Уп.— Материалы, II, стр. 23—24.

3—2. Д.— 25 *мм*. М. н.— Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ. Хр.— ОН ГИМ. Изд.— ЛСА, V, *8*. Уп.— Ответ РИМ за 1906 г. М., 1907, стр. 27; Материалы, II, стр. 23—24.

3—3. Д.— 23 *мм* (обломок). М. н.— Новгород. Хр.— Лих., не разыскана. Изд.— ЛСА, V, *9*. Уп.— Материалы, II, стр. 23—24.

4. Л. с. Надпись в три строки, окруженная ободком (рис. 4, *7*).

О. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост с крестом и свитком в левой руке. По сторонам колончатые надписи (рис. 4, *8*). Вокруг точечный ободок.

[55] Отмечу, что одновременно с этой печатью в 1954 г. в РОГЭ поступила еще одна булла, принадлежавшая ранее Церковно-археологическому музею Киевской духовной академии, а именно — печать с изображением св. Андрея и греческой надписью, изданная в 1915 г. в том же «Альбоме достопримечательностей» (вып. 4—5, табл. X, № 10—11 и стр. 19).

Д.— 20—21 *мм*. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., 1940 г. Хр.— не известно. Изд.— Пастернак, стр. 200, рис. 83, *5* (графическое воспроизведение); Ратич, стр. 55, рис. 9, *7* (неудовлетворительный рисунок, сделанный по изданию Пастернака). Печать издается по фотографии М. К. Каргера.

IV. С изображением св. Ирины

5. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 4, *9*).

О. с. Поясное изображение св. Ирины в царском венце и с мученическим крестом у груди. По сторонам колончатые надписи (рис. 4, *10*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—25 *мм*. М. н.— с. Пирово городище Вязниковского р-на Владимирской обл., 21 июня 1961 г., раскопки В. В. Седова; печать найдена в слое второй половины XII в. Хр.— Владимирский музей. Не издана.

V. С изображением св. Мины

6. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 4, *11*).

О. с. Погрудное изображение св. Мины. По сторонам надпись (рис. 4, *12*). Вокруг точечный ободок.

Д.—27—29 *мм*. М. н.— с. Янчин (ныне Ивановка) Перемышлянского р-на Львовской обл., 1909 г. Хр.— Львовский национальный музей, не разыскана. Изд.— В. Гребеняк. Нові археологічні нахідки на території Східної Галичини. Зап. НТШ, т. CXXII, Львов, 1915, стр. 27—28, табл. IV, *7*; Свенцицкий, стр. 435, рис. 4 (в статье И. Свенцицкого местом находки неверно показан Звенигород). Уп.— Материалы, II, стр. 28; Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. Журнал «Богословіе», т. X, кн. 3, Львов, 1932, стр. 68; Пастернак, стр. 200.

VI. С изображением архангела Михаила

7. Л. с. Надпись в три строки (рис. 5, *13*). Вокруг тройной ободок (точечный между двумя линейными).

О. с. Поясное изображение архангела с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам надпись (рис. 5, *14*). Вокруг двойной ободок из мелких точек.

3 экземпляра.

7—1. Д.— 21—23 *мм*. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLV, *8*; Килиевич, стр. 230, табл. I, *2*. Уп.— Материалы, II, стр. 25.

7—2. Д.— 24—25 *мм*. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, *11*, Килиевич, стр. 230, табл. I, *3*. Уп.— Материалы, II, стр. 25.

7—3. Д.— 26 *мм*. М. н.— Новгород. Хр.— И. С. Остроухов, не разыскана. Изд.— ЛСА, LIII, *7*; ИКДР, т. *2*, М — Л., 1951, рис. 223а, *5*; Килиевич, стр. 230, табл. I, *4*. Уп.— Материалы, II, стр. 25.

8. Л. с. Надпись в три строки (рис. 5, *15*).

О. с. Поясное изображение архангела Михаила в пластинчатых бронях, с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам надпись (рис. 5, *16*).

Хр.— Новгородский музей, инв. № 14117. Не издана.

Д.— 18—21 *мм*. М. н.— Новгород, Городище, 3 июля 1961 г.

9. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 5, *17*). О. с. Погрудное изображение архангела. Вокруг точечный ободок. 2 экземпляра.

9—1. Д.— 27 *мм*. М. н.— Киев. Хр.— Ханенко, Киевский городской музей, не разыскана. Изд.— Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, стр. 41 и табл. XXXVII, № 561 (фото о. с.); Материалы, II, стр. 25, рис. 24 (фото с рисунка по карандашной протирке обеих сторон); Килиевич, стр. 230, табл. I, *1* (фото о. с.). Уп.— Орлов, стр. 197.

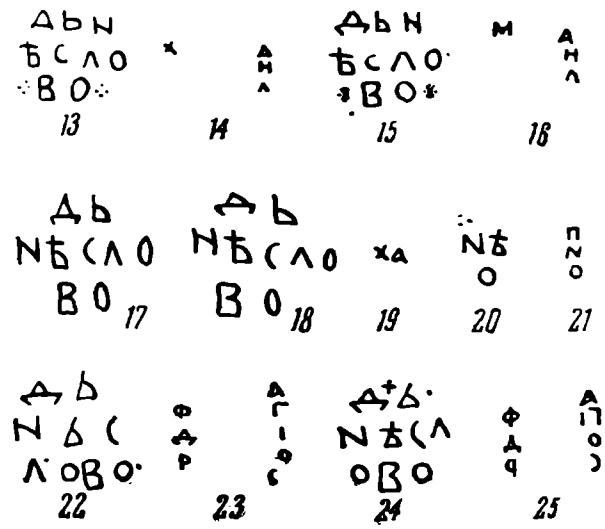


Рис. 5

9—2. Д.—29 *мм*. М. н.— Киев, 1955 г., территория б. Федоровского монастыря. Хр.— Киевский государственный исторический музей. Изд.— Килиевич, стр. 227, рис. 1.

10. Л. с. Надпись в три строки (рис. 5, *18*).

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост, с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам следы колончатых надписей, из которых справа видны буквы (рис. 5, *19*).

Д.— 22—24 *мм*. М. н.— близ Киева. Хр.— Ф. Ф. Кундеревич, Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XLV, *10;* Килиевич, стр. 231, рис. 5. Уп.— Материалы, II, стр. 25.

VII. С изображением святых Петра и Павла (?)

11. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 5, *20*).

О. с. Изображение святого поколенно или в полный рост в святительских ризах. Справа колончатая надпись (рис. 5, *21*). Вокруг точечный ободок. Смещенная влево фигура святого позволяет утверждать, что на несохранившейся части печати было изображение еще одного святого[56].

Д.— 17 *мм* (обломок). М. н.— Новгород, 1912 г. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIV, *10*. Уп.— Материалы, II, стр. 27.

---

[56] Н. П. Лихачев реконструировал надпись как П(А)/Н(Т)/О(Л)..., отметив, однако, что имя св. Пантелеймона не подходит к изображению (см. Материалы, II, стр. 27). Поскольку при реконструкции имени следует исходить из безусловного изображения на печати пары святых, а из святых, изображавшихся попарно (Борис и Глеб, Козма и Демьян, Петр и Павел), в святительских ризах бывают только Петр и Павел, я предлагаю считать знак, прочтенный Н. П. Лихачевым как Н, за лигатуру из У и Л, а всю надпись читать как П(А)УЛО(С).

VIII. С изображением св. Феодора

12. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 5, *22*).

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам колончатые надписи (рис. 5, *23*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 26 *мм*. М. н.— Новгород. Хр.— Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, XLV, *7*; Материалы, II, стр. 24, рис. 21.

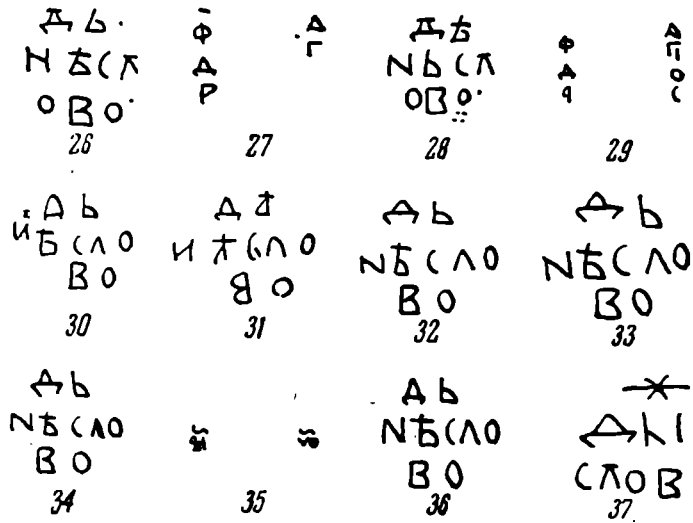


Рис. 6

13. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 5, *24*).

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам колончатые надписи (рис. 5, *25*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 25 *мм*. М. н.— Новгород. Хр.— Новгородский музей, инв. № 4089. Не издана.

14. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *26*).

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам колончатые надписи (рис. 5, *25*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—24 *мм*. М. н.— Белз Львовской обл., раскопки 1935 г. Хр.— Музей НТШ во Львове, инв. № 26946; не разыскана; печать воспроизводится по фотографии М. К. Каргера. Изд.— Ратич, стр. 19, 55, рис. 9, *8* (весьма неудовлетворительное графическое воспроизведение). Уп.— Пастернак, стр. 200.

15. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *28*).

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам колончатые надписи (рис. 6, *29*). Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра.

15—1. Д.— 23 *мм*. М. н.— Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ. Хр. — ГИМ, не разыскана. Изд. — ЛСА, V, *6*. Уп. — Отчет РИМ за 1905 г. М., 1907, стр. 27; Отчет РИМ за 25 лет (1883—1908 гг.). М., 1916, стр. 144; Материалы, II, стр. 24.

15—2. Д.— 22 *мм*. М. н.— Киев. Хр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIII, *9*; Материалы, II, стр. 24, рис. 20.

15—3. Д.— 21 *мм*. М. н.— с. Кононча Черкасского уезда Киевской губ., 1899 г. Хр.— Ханенко, Киевский городской музей, не разыскана. Изд.— Материалы, II, стр. 24, рис. 22 (фото с рисунка, сделанного по карандашной протирке). Уп.— АЛЮР, октябрь 1899 г., стр. 146—147; Пастернак, стр. 200.

15—4. Д.—13 *мм*. М. н. — Киев (?). Хр. — Ханенко, Киевский городской музей, не разыскана. Изд. — Материалы, II, стр. 24, рис. 23 (фото с рисунка, сделанного по карандашной протирке) [57].

IX. С изображением херувима или серафима

16. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *3*).

О. с. Изображение шестикрылого ангела.

2 экземпляра.

16—1. Д. —22—24 *мм*. М. н. — Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ., 1909 или 1910 г. Хр. — Свянченко (Святенко? — находчик), Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд. — ЛСА, XLV, *9*. Уп. — Петров, стр. 71—72, № 20 [58]; Материалы, II, стр. 25 (здесь ошибочно говорится о киевском происхождении печати); Орлов, стр. 196; Пастернак, стр. 200.

16—2. Д. — не известен. М. н. — с. Безрадичи б. Киевского уезда, 1925 г. Хр. — Киевский государственный исторический музей (от В. Е. Козловской), не разыскана; известна по описанию, позволяющему установить тождество матриц с матрицами описанного выше экземпляра (Рукописный каталог Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, инв. № 32872). Не издана.

17. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *31*).

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д. —22—26 *мм*. М. н. — Киев, около 1906 г. Хр. — Лих., Ник., БАН, ОНГЭ. Изд.— ЛСА, LIII, *8*; Материалы, II, стр. 25, рис. 25.

18. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *32*).

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д.—21—23 *мм*. М. н.— не известно. Хр.— СФА, ГИМ (с 1929 г.), не разыскана. Изд.— Материалы, II, стр. 279, рис. 231 (фото с рисунка, сделанного А. В. Орешниковым по карандашной протирке).

19. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *33*).

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д.—24—25 *мм*. М. н.— Киевская обл. Хр.— Н. В. Гудков-Беляков, ЛБ (с 1944 г.), ОН ГИМ (с 1960 г.). Не издана [59].

---

[57] На этом экземпляре вторая буква второй строки напоминает ѣ, что дало основание Н. П. Лихачеву признавать его особым вариантом печати. Однако абсолютное тождество всех остальных элементов булл убеждает нас в том, что здесь имеет место дефект экземпляра, либо неточность, допущенная при обработке эстампажа.

[58] Небезынтересно описание печати, приведенное Н. И. Петровым: «...На другой стороне — варварски исполненное лицо в виде кружка с точками вместо глаз, рта и носа, в высоком головном уборе в виде клобука или папахи, с взбитыми клоками волос над ушами. Этот головной убор напоминает нам головной убор восточного царя на одной из костяных пластинок, найденных в 1906 г. в Ольвии. Вероятно, это — печать какого-нибудь князька каракалпаков или черных клобуков, толпившихся около южнорусской границы, и представляет имитацию какой-либо южнорусской печати».

[59] Около 1913 г. Н. И. Петровым в киевском собрании Ф. Ф. Кундеревича был осмотрен вновь найденный «вариант печати Денисслово. На одной стороне ее надпись Де-нисло-во, а на другой — грубо исполненное лицо как бы с крыльями по сторонам» (Петров, стр. 73. Уп.— Орлов, стр. 197). Скорее всего, речь здесь идет о печати № 16 или о печати № 17.

X. С изображением богоматери

20. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *34*).

О. с. Поясное изображение богоматери «Нерушимая стена». По сторонам (рис. 6, *35*). Вокруг точечный ободок.

Д.— 29 *мм*. М. н.— Старая Ладога. Хр.— АОГЭ. Не издана.

XI. С неразборчивыми изображениями святых

21. Л. с. Надпись в три строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *36*).

О. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

21—1. Д. —18—20 *мм*. М. н. — Дрогичин. Хр. — Киевский городской музей, не разыскана. Изд. — К. В. Болсуновский. Дрогичинские пломбы, ч. I, Киев, 1894, стр. 1 и табл. I, С; Материалы, II, стр. 25, рис. 26. Уп. — Петров, стр. 71, № 19; Орлов, стр. 197[60].

21—2. Д.— 23—25 *мм*. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., 1940 г. Хр.— не известно. Изд.— Пастернак, стр. 200, рис. 83, *3*; Ратич, стр. 55, рис. 9, *6* (в обоих случаях неудовлетворительные графические воспроизведения). Печать издается по фотографии М. К. Каргера.

22. Л. с. Надпись в две строки, окруженная точечным ободком (рис. 6, *37*).

О. с. Изображение святого в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.—24—26 *мм*. М. н.— не известно; куплена в Севастополе. Хр.— Лих,. ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, *9*. Уп.— Материалы, II, стр. 26—27[61].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д.— диаметр
Изд.— место издания
ИКДР — История культуры древней Руси. Домонгольский период
Килиевич — С. Р. Кіліевич. Висла печатка з Киева. Праці Київського Державного Історичного музею, I, Київ, 1958
Лих.— собрание Н. П. Лихачева
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР
Л. с.— Лицевая сторона
ЛСА — Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом
Материалы — Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской русской сфрагистики, вып. II, Л., 1930

---

[60] Н. П. Лихачев различал киевский экземпляр от экземпляра К. В. Болсуновского. Однако детальное сравнение опубликованных рисунков, передающих индивидуальные особенности экземпляра, убеждает в тождестве обеих печатей. Известно, что в издании К. В. Болсуновского были воспроизведены не только вещи, входившие в его собственное собрание. Ср. показание Н. П. Лихачева: «В настоящее время собрание пломб К. В. Болсуновского находится в Государственном Эрмитаже, за исключением печатей (обозначенных в тексте и на таблицах буквами), большая часть которых К. В. Болсуновскому и не принадлежала» (Материалы, II, стр. 61, примеч. 1).

[61] В библиографическом обзоре А. С. Орлова упоминаются еще две печати с надписью «Дьнѣслово» и «именами Симеона и Андрея» (Орлов, стр. 197), якобы описанные К. В. Болсуновским. Мне не известно, был ли знаком А. С. Орлов с цитированным им изданием, но печати с именами Андрея и Симеона, действительно описанные и изображенные там, принадлежат к иным типам. По-видимому, А. С. Орлов был введен в заблуждение невнятной ссылкой Н. И. Петрова: «Здесь же помещены снимки с двух печатей, из коих одна с именем Андрея, а другая с именем Симеона» — при описании печати № 18, действительно принадлежащей к типу «Дьнѣслово» (экземпляр № 2 настоящего «Свода»).

М. н.— место находки
Ник.— собрание Н. К. Никольского
Орлов — А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей XI—XV вв., до 1425 г. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.— Л., 1937. Переиздание в книге: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л., 1952. (Страницы указаны по последнему изданию)
О. с.— оборотная сторона
Пастернак — Я. Пастернак. Старий Галич. Львов, 1944
Петров — Н. Петров. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода. Труды Киевской духовной академии, 1913, № 5
Ратич — А. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на територіі Західних областей УРСР. Киев, 1957
РИМ — Российский императорский Исторический музей им. Александра III.
Свенцицкий — I. Swiencickyi. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в паметь на проф. Петъер Ников. Изв. на Българското историческо д-во, XVI—XVIII. София, 1940.
СФА — Советская филателистическая ассоциация
Уп.— упоминается или описывается без воспроизведения
Хр.— место хранения

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

НОВЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

При последнем издании некоторых новгородских берестяных грамот был дан краткий обзор их публикаций по состоянию к началу 1960 г. [1].

В 1960 г. при раскопках Новгородской экспедиции найдены грамоты №№ 376—380. Тогда же при строительных земляных работах, производившихся в городе во время раскопок, найдены грамоты №№ 381—383. В конце 1960 г. С. Н. Орлов, наблюдая за строительными работами, нашел грамоту № 384. В 1961 г. при раскопках Новгородской экспедиции были найдены грамоты №№ 385—401. Осенью 1961 г. экспедиция получила для подготовки к изданию грамоты №№ 402—405, найденные в разных местах в Новгороде в последние годы.

Все прориси новгородских грамот по-прежнему выполняет М. Н. Кислов. Раскопки с 1951 по 1961 г. включительно были всецело сосредоточены на территории одного и того же огромного раскопа в Неревском конце Софийской стороны Новгорода (Неревского раскопа).

В настоящей работе публикуются некоторые грамоты, найденные в 1960 и 1961 гг. В транскрипции производится замена букв, отсутствующих в современном алфавите (при полной публикации это не делается никогда). Прориси приложены, и там можно прочесть подлинные буквы. Даты даны на основе дендрохронологии [2].

Грамота № 377 найдена в двенадцатом или тринадцатом ярусе. Дата — вторая половина XIII в. Это начало письма. Текст: «От Микити к Улиааниц. Поиди за мьне. Язъ тьбе хощю, а ты мене. А на то послухо Игнато ...» (рис. 1). Буква «а» в имени адресатки повторена по ошибке. Перевод: «От Никиты к Ульянице. Пойди за меня. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат...».

Перед нами первое древнерусское любовное письмо. Оно прямо начинается с брачного предложения. Жених пишет затем о своих чувствах, а также о чувствах невесты, в которых он уверен. Слог лапидарен. Невеста была, очевидно, грамотна; в противном случае предложение было бы сделано иначе.

Выражение «пойди за меня» всегда имело в русском языке современное значение. В Повести Временных Лет под 985 г. древляне говорят Ольге: «поиди за князь нашь за Мал».

Игнат назван послухом, т. е. свидетелем. Речь, возможно, идет о предполагаемом свидетеле брачного обряда. Возможно и иное толкование: Игнат уверил жениха в чувствах невесты.

Грамота № 383 найдена на Торговой стороне, в Славенском конце, на Ильинской улице, у дома № 2 (в этом районе грамоты до сих пор не встречались). Нашел ее рабочий А. П. Семенов в котловане городского водопровода, в срубе, бревна которого датируются 1380 г. Это целое

[1] А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. СА, 1960, № 1.
[2] Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1.

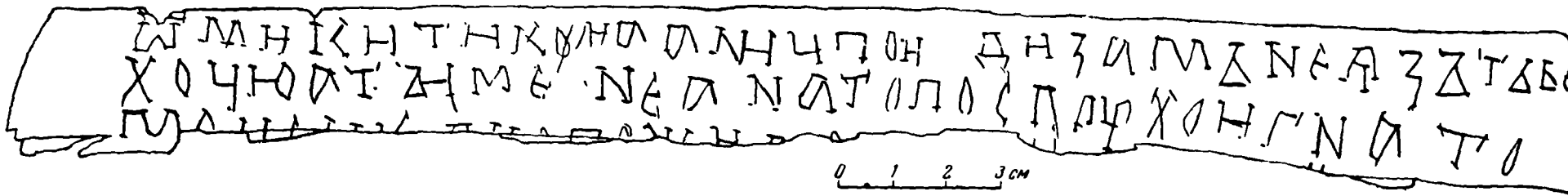


Рис. 1. Грамота № 377

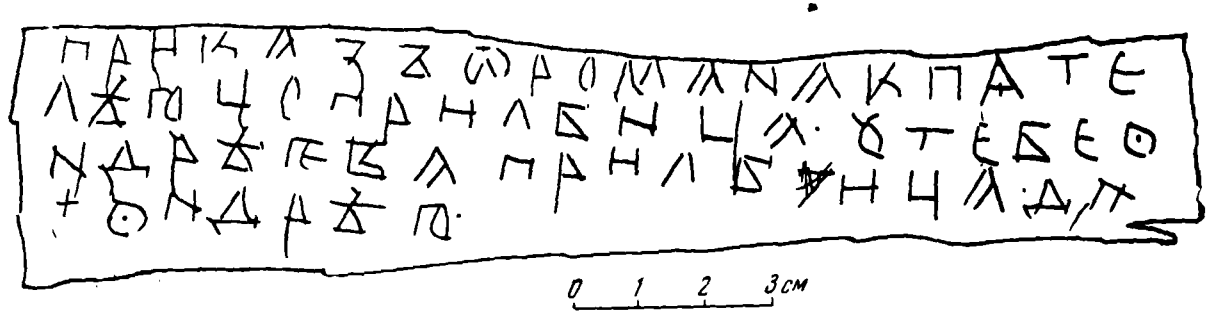


Рис. 2. Грамота № 383

384

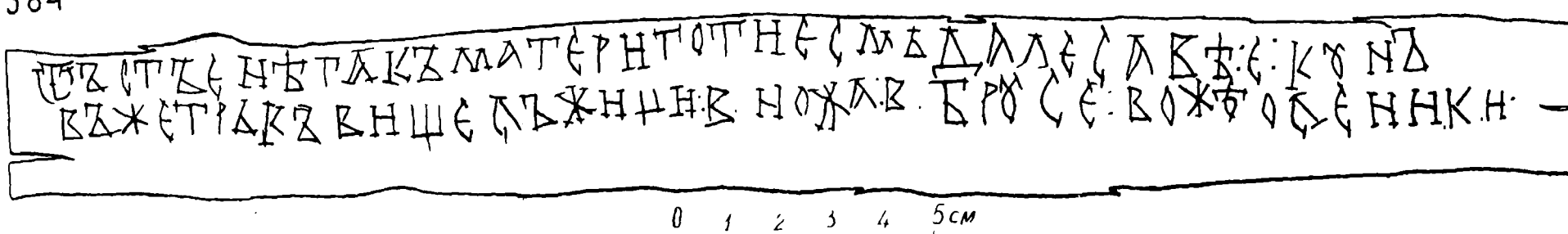


Рис. 3. Грамота № 384

письмо. Текст: «Приказъ от Романа к Пятелею. Цо прилбица у тебе Ондреева, прилбица даи Ондрею» (рис. 2).

Уже найдено восемь берестяных грамот, начинающихся словом «приказ». Это новый для науки тип древнерусского документа. Содержание всех приказов однородно: это распоряжения по феодальному хозяйству. «Цо» — что.

Слово «прилбица» встречено до сих пор лишь в летописях. Лаврентьевская летопись под 1169 г. говорит: «Володислав же замысли стяг взяти Михалков и наткнути на нь прилбицю». Здесь неясен предмет, который надо было надеть на стяг вместо сорванной берендеями «челки стяговой», т. е. бунчука, надевавшегося на древко. Ипатьевская и Воскресенская летописи и летописец Переяславля Суздальского повторяют тот же рассказ с небольшими вариациями в тексте и в хронологии. Ипатьевская летопись еще говорит под 1241 г. о епископских слугах, побитых княжескими слугами: «и прилбице их волчье и барсуковые раздраны быша». Здесь смысл тоже неясен.

Судя по этимологии, речь идет о головном уборе. И. И. Срезневский привлекает для объяснения польское слово przyłbica — шлем [3]. По-чешски доныне шлем — přilba или přilbice. В древнерусском языке надо предположить то же значение. Естественно, что в бою вместо бунчука, сорванного врагами с древка, надо было надеть на то же древко шлем (рассказ 1169 г.). Шлемы дополнялись мехами (рассказ 1241 г.); впрочем, вообще они не носились без подшлемников.

Пантелей, по приказу Романа, должен был выдать Андреев шлем Андрею. Вероятно, Пантелей заведовал складом, где хранились шлемы и вообще оружие отдельных воинов, т. е. арсеналом. Арсенал этот мог быть и казенным. Оружие выдавалось на руки лишь по приказу начальника, а таковым был Роман. Могли, впрочем, шлемы подчиненных Роману воинов храниться и на лично принадлежащем ему складе разного имущества. Конечно, шлем мог быть заложен у ростовщика, но такое объяснение здесь едва ли возможно: ростовщики всегда хранили свои заклады у себя, а тут кладовщик Пантелей находился в некотором отдалении от начальника (или хозяина) Романа, почему и потребовалось письмо.

Шлемы делались по размеру головы и были индивидуальны; могли они различаться и деталями или узорами.

Грамота № 384 найдена при строительных работах. С. Н. Орлов, ведущий в Новгороде археологические наблюдения, сохранил ее для науки. Она обнаружена среди земли, свезенной на территорию нового базара из разных мест. Происхождение ее тем самым неизвестно (ясно лишь, что она с Софийской стороны). Стратиграфической даты поэтому нет, палеографическая дата — XII в. Это целое письмо. Текст: «Отъ Стъенега къ матери. То ти есмь дале Саве 5 кунъ въже трькъвище, лъжици 2, ножа 2, брусе, воже оленики» (рис. 3).

Имя Стъенег, т. е. Стоенег, встречено впервые. Но имена с таким окончанием известны. В Первой Новгородской летописи упомянуты Милонег, Миронег и Перенег, в новгородской берестяной грамоте № 119 — Рознег. Стоенег пишет матери. Берестяные письма сыновей матерям найдены при новгородских раскопках неоднократно. «То» — обычный союз, ставимый в начале фразы, «ти» — обычная указательно-усилительная частица. «Есмь дале Саве 5 кунъ» — «я дал Савве 5 кун». Вместе с этой небольшой денежной суммой он дал ряд предметов. «Въже», воже — одна из форм союза «оже». Среди его значений было и значение «и» [4]. Слово «трькъвище» известно в форме «троквище», что И. И. Срезневский переводил: «кусок ткани, полотенце». «Троквище» стоит в русском переводе

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, СПб., 1902, стр. 1427.

[4] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. 2, стр. 629.

греческого текста в значении «тонкое полотно»[5]. «Лъжици 2» — 2 ложки. Ложка по-древнерусски всегда «лжица». Непосредственно за ложками названы «ножа 2». «Брусе» — брус. Здесь нельзя предположить точильный брусок; этот термин появился в позднейшее время вместе с брусовидными оселками, неизвестными археологии. Оселок ранней формы — обычная при раскопках находка; в древнерусском языке он называется «осла». Брус дерева и брус мыла упоминаются в русских источниках XV в., но для грамоты эти значения маловероятны. Думаю, что здесь краткая форма обычного древнерусского слова «убрус» — платок. «Воже» через ять — опять «оже», т. е. здесь, вероятно, «и». Последнее слово — «оленики». Слово «оленина» имело стойкое значение «оленья шкура», судя по многочисленным карточкам в картотеке Института русского языка Академии наук СССР. Тексты этих карточек относятся к XVI—XVII вв., но термин должен был возникнуть раньше. То же значение надо предположить и у слова «оленика».

Деревянные ложки довольно часто встречаются при новгородских раскопках. Повесть Временных Лет в известном рассказе о дружине Владимира называет деревянные и серебряные ложки. Другие материалы едва ли применялись. В грамоте речь идет о деревянных, иначе материал был бы оговорен. Железные ножи очень часто встречаются при новгородских раскопках.

Грамота № 385 найдена в шестом или седьмом ярусе. Дата — конец XIV или начало XV в. Это начало письма. Текст: «Поклоно посаднику Онсифору. Оже... по... наболися посзовно грамото...» (рис. 4).

Онцифор Лукинич был одним из замечательнейших деятелей новгородской истории вообще. Знатный боярин, возглавивший движение черных людей в 1342 г., победитель шведов в 1347 г., он с 1350 по 1354 г. был степенным посадником, в 1367 г. умер. Рассматриваемая грамота, судя по стратиграфии, попала в землю значительно позже смерти Онцифора. Вероятно, она хранилась в архиве, затем была разорвана и выброшена.

При раскопках найден уже целый ряд берестяных грамот с именем Онцифора (стратиграфия их вполне соответствовала времени его жизни). Одна из них (грамота № 98) была адресована «ко пос...». Дальше следовал разрыв, можно было предположить: «ко посаднику». Адресатом был Онцифор, судя по обращению в дальнейшем тексте. Найденная теперь грамота № 385 полностью сохранила адрес: «посаднику Онсифору». В летописных списках новгородских посадников это имя встречено лишь однажды. Адресат бесспорен. Грамота написана не ранее 1350 г.

«Наболися» может иметь смысл — позаботься. Возможна и форма «понаболися». Буквы «по» стоят в начале строки, но за ними следуют две неясные (из-за дефекта бересты) буквы: «оп» или «ри». Это, вместе с предыдущим разрывом, мешает здесь чтению. Дальше выражение «посзовно грамото» соответствует, по-видимому, позднейшему термину «позовница» (буква «с» отражает здесь связь с глаголом «созвать»). Позовницей Псковская Судная Грамота в XV в. называет повестку, вызов в суд.

В прежние годы при раскопках найдены и уже изданы берестяные грамоты, связанные не только с Онцифором Лукиничем, но также с его потомками: сыном, посадником Юрием Онцифоровичем, внуком Михаилом Юрьевичем, правнуком Адрианом Михайловичем. Все эти находки были сделаны на территории их родового двора. Теперь встречены грамоты, которые можно связать с предыдущими поколениями.

Грамота № 389 найдена в десятом ярусе. Дата — первая половина XIV в. Это начало письма. Текст: «От Лукы ко Марфи. Цто Олекса Колбинць далъ поруку в кунахъ, да ти бы дати куны на Пьтровъ днь

[5] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. 3, СПб., 1903, стр. 1002.

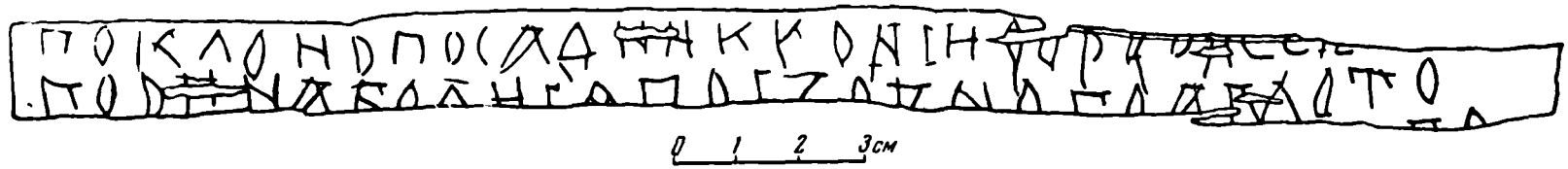


Рис. 4. Грамота № 385

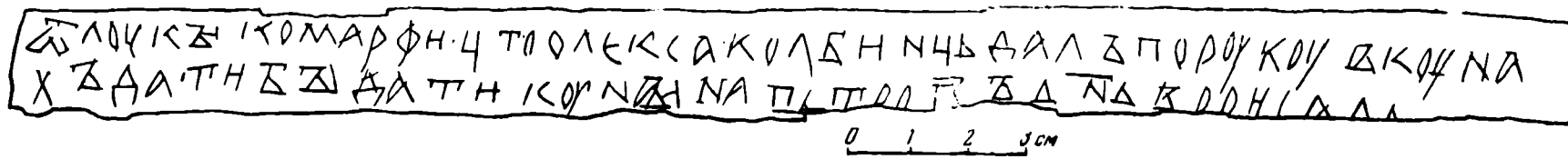


Рис. 5. Грамота № 389

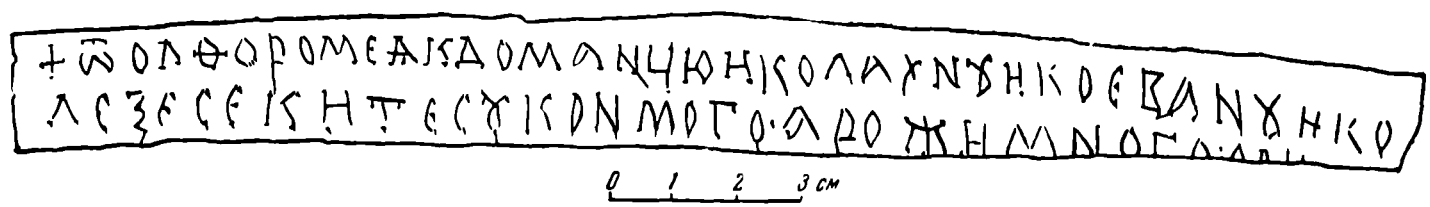


Рис. 6. Грамота № 391

во Рисаль...» (рис. 5). Перевод: «От Луки к Марфе. Что Олекса Колбинец дал поруку в кунах, да тебе бы дать куны на Петров день...». Дальше разрыв затрудняет толкование.

Вероятно, автором письма был Лука Варфоломеевич, отец Онцифора Лукинича. На первый взгляд такое предположение совершенно гадательно. Но надо учесть прежде всего топографию, ведь на этом участке найдено много грамот, несомненно связанных с этим боярским родом. Затем надо отметить полное хронологическое совпадение. Наконец, имя Лука встречалось в Новгороде редко. В Первой Новгородской летописи среди бояр упомянут только этот Лука. Для сравнения надо сказать, что та же летопись называет среди новгородских бояр (включая сюда вечевых магистратов, их родственников, воевод, основателей церквей, начальников посольств) 36 Иванов, 30 Михаилов, 19 Федоров, 17 Василиев, 14 Семенов, 13 Юриев, 10 Борисов, 10 Александров; затем многие имена названы по нескольку раз.

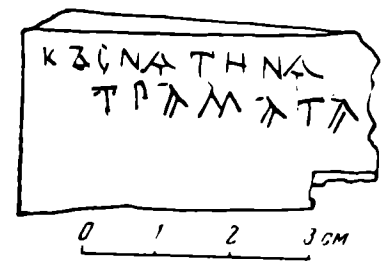


Рис. 7. Грамота № 397

Лука Варфоломеевич, в отличие от своих деда, отца, сына и внука, не стал посадником. Он был убит в год смерти своего отца, в 1342 г., на Северной Двине, где он основал важный город Орлец и «взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит» (Первая Новгородская летопись). До того летопись упоминает Луку Варфоломеевича под 1333 г. в числе послов к Ивану Калите.

Грамота посвящена уплате кун (основные денежные единицы того времени). «Колбинць» — Колбинец, вероятно, второе имя или прозвище поручителя (он, впрочем, мог происходить из местности Колбино). Менее вероятно чтение: «ко Лбинць» — ко Лбинце. Известна позднейшая фамилия Колбинцев. Петров день — 29 июня. Перед нами распоряжение об уплате, едва ли адресованное должнику. Подобные письма мог получать управитель. Здесь адресат — женщина, вероятно, родственница.

Грамота № 391 найдена в одиннадцатом ярусе. Дата — рубеж XIII—XIV вв. Это начало письма. Текст: «От Олфоромея к Доманцю и ко Лахну и ко Евану и к Олексе. Секите суко нмого, а рожи много...» (рис. 6).

Вероятно, автором письма был Варфоломей Юрьевич, отец Луки Варфоломеевича. Это тоже подтверждается топографией и хронологией. В Первой Новгородской летописи среди бояр упомянуты только два Варфоломея. Из письма видно, что автором был крупный землевладелец: он пишет четырем подчиненным лицам.

Варфоломей Юрьевич был внуком Миши, героя Невской битвы, и сыном посадника Юрия Мишинича. Это единственный Варфоломей в летописных списках новгородских посадников. В качестве посадника он заключил в 1323 г. союз с Ливонским Орденом против Литвы, в том же году заключил мир со Швецией, в 1326 г.— мир с Норвегией. Все эти акты до нас дошли. Летопись называет его посадником под 1331 г. В 1334 г. он ездил послом к Ивану Калите, в 1342 г.— умер. В год его смерти его внук Онцифор был уже полководцем (поход на Вагу), через восемь лет Онцифор стал посадником. Таким образом, Варфоломей, по минимальному расчету, умер в возрасте около 70 лет. Дата грамоты хорошо соответствует времени его жизни.

Адресатов здесь сразу четыре. Это старшие слуги боярина или деревенская администрация. Варфоломей мог не знать, кого из них застанет письмо. Доманец — не Демьян и едва ли Домн. В новгородских летописях есть имя Домаш, вероятно, славянское. Имя Лахно в других источниках мне неизвестно, но существует современная украинская фамилия

Лахно. Еван — обычная новгородская форма имени Иван. Олекса — обычная новгородская форма имени Алексей.

«Нмого», вероятно, случайная перестановка букв в слове «много». Чтение «секите сукон мого» не дает особого смысла: непонятно, зачем сечь сукна. К тому же тогда вместо одной описки надо предполагать две: пропуск ера или «о» после «н» и пропуск «н» после «м». Здесь приказание — сечь много сучьев, т. е. рубить много веток, которые могли иметь различное хозяйственное назначение. Дальше речь идет о ржи, но разрыв мешает пониманию.

Письма Луки и Варфоломея, будучи хозяйственными распоряжениями, закономерно оказались внутри городского двора, принадлежавшего авторам писем или, точнее говоря, их роду.

Грамота № 397 найдена в пятнадцатом ярусе. Дата — первая половина XIII в. Это целая этикетка. Текст краток: «Къснятиня грамата» (рис. 7). Перевод: «Константинова грамота».

«Къснятиня» — притяжательная форма. Имя «Къснятинъ» (закономерное преобразование имени Константин) в Первой Новгородской летописи встречается. «Грамата» через три «а» — архаичное написание; ту же огласовку имеет греческое слово γράμματα.

Подобные этикетки имели смысл только в своего рода архиве. Конечно, этот архив был небольшим и личным, иначе такой текст не был бы достаточен. Какой-то новгородец первой половины XIII в. хранил грамоты. Можно предположить, что они были берестяные; менее вероятно, что они были пергаменные. В обоих случаях они хранились в виде свитков. Чтобы при поисках не разворачивать лишние свитки, нужны были этикетки. Они могли плотно прижиматься к свитку при помощи обвязанной вокруг ленточки или веревки, ремня, лыка и т. п.

И. Ф. БОРОДИНА

ИНТЕРЬЕР ЗДАНИЙ САМАРКАНДА ВРЕМЕНИ УЛУГБЕКА

На рубеже XIV—XV вв. в архитектуре Самарканда сформировался новый стиль, порожденный эпохой развитого и мощного феодального государства, эпохой завоевательных войн и объединения всех среднеазиатских земель под эгидой Тимура.

Исторические и экономические предпосылки способствовали появлению грандиозных сооружений, щедро украшенных снаружи бирюзово-синими глазурями, а внутри — росписями с обилием позолоты. Рожденный в этот период облик здания с двойным куполом на высоком цилиндрическом барабане стал символом мощного феодального государства. Настолько выразителен был созданный образ, что на протяжении всего XV в. мастера стремятся придать этот внешний облик возводимым ими сооружениям, даже когда это не было оправдано применяемыми конструкциями.

Изменения в культурной жизни страны, в эстетических взглядах общества больше проявлялись в архитектуре интерьера. И если внешний вид зданий был до какой-то степени канонизирован, то в декоративном убранстве интерьеров первой половины XV в. в полную силу отразились веяния новой исторической эпохи.

Интерьеры первой половины XV в. мало привлекали исследователей, очевидно, из-за плохой сохранности их декоративного убранства. Очень коротко пишет Г. А. Пугаченкова о росписи одного из памятников архитектуры того времени — Гумбази-Сейидан в Шахрисябзе [1]. Б. П. Денике лишь упоминает о наличии росписи в мавзолее Казы-заде-Руми, не описывая ее [2]. В описании этого мавзолея Б. Н. Засыпкиным только отмечено, что мавзолей был украшен росписью [3]. Интерьеры остальных зданий этого времени остались вообще вне поля зрения исследователей. Настоящая статья явилась результатом изучения интерьеров сохранившихся до наших дней зданий времени Улугбека.

В первой половине XV в. рассеивается угар военных походов. В относительно мирный период правления Улугбека (с 1427 по 1447 г. он не вел войн) строительство проходило в более спокойной обстановке, чем в конце XIV в. Стремление к военным занятиям среди знати в какой-то степени сменилось тягой к знаниям, обучению, наукам. И если Тимур не был грамотен и не умел писать [4], то Улугбек был широкообразованным человеком, ученым. В Самарканде были сосредоточены лучшие научные и художественные силы Востока того времени.

---

[1] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке. Тр. САГУ, новая серия, вып. 61, кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 81—82.

[2] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 206.

[3] В. А. Джахангиров, Б. Н. Засыпкин. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде-Руми. Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951, стр. 226.

[4] В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. Российской Академии наук, т. VIII, серия по историко-филологическому отделению, т. XIII, вып. 5, Птрг., 1918, стр. 34.

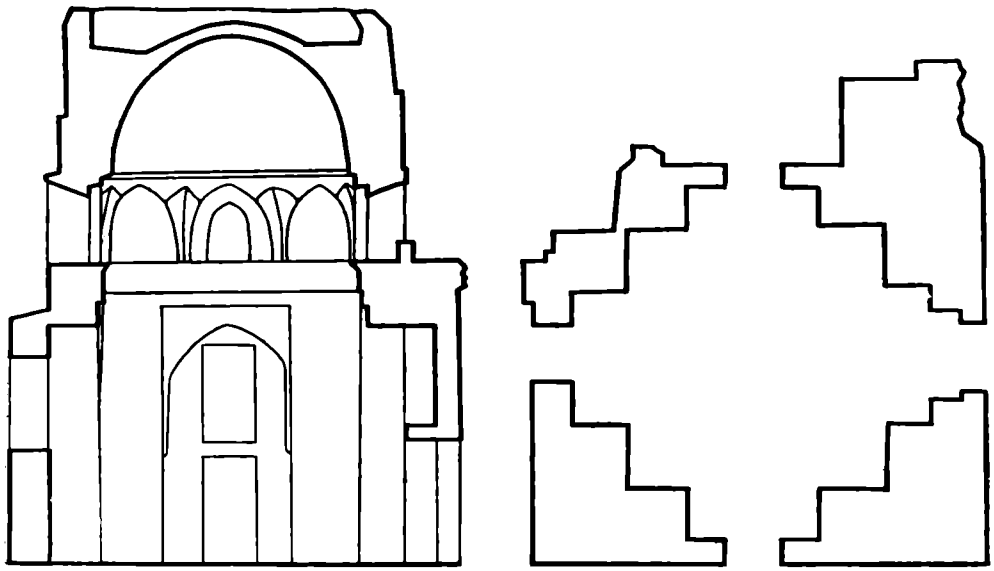


Рис. 1. Мавзолей Гумбази-Сейидан. Разрез юг — север (план)

Возросший интерес к знанию, книге, свидетельствовал о росте культуры в стране; это повлекло изменение в эстетических взглядах, вызвавшее новые течения в художественном творчестве, которые не могли не затронуть архитектуры.

Многое из построенного в первой половине XV в. не сохранилось. Исчезли в основном все гражданские сооружения. Многие были разрушены после убийства Улугбека реакционными фанатиками и приверженцами ордена Накшбандия, яростно сопротивлявшегося светскому «свободомыслию», поощряемому правителем. Описания современников сообщают о строительстве в правление Улугбека дворцов, бань, обсерватории. Фундаменты последней раскрыты археологами.

Сохранившиеся культовые сооружения — мавзолеи и мечети — по внешнему виду близки зданиям XIV в.; они завершаются куполами на высоком цилиндрическом барабане. Для перехода к купольному перекрытию в этот период используют разные конструкции. В первой половине XV в. начинаются поиски новых конструкций купольного перекрытия, которые дали бы возможность увеличить план и внутреннее пространство здания.

Мечети и мавзолеи первой половины XV в. можно объединить в группы по конструктивному решению их перекрытия. Причем, в хронологическом отношении нет строгой смены одних конструктивных приемов другими.

Проверенной временем конструкцией было возведение купола на арочных парусах. Так решено перекрытие мечети Кок-Гумбаз в Шахрисябзе, построенной в 839 г. х. (1435—1436 гг.). По плану и внутреннему пространству мечеть подобна интерьерам XIV в.— квадратное в плане помещение с глубокими нишами завершается куполом на восьмигранном основании парусного яруса. Схема XIV в. повторена с такой точностью, что до сих пор не решен вопрос, в какое время построено другое здание в Шахрисябзе с такой же конструкцией — мавзолей Гумбази-Сейидан[5] (рис. 1). Декоративное убранство интерьера Гумба-

[5] М. Е. Массон определяет время сооружения мавзолея прочитанной им в интерьере датой — 841 г. х. (1437—1438 гг.). См. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 81—82. Архитектор А. Н. Виноградов, исследовавший этот мавзолей, отождествляет здание Гумбази-Сейидан с мавзолеем вторичного захоронения отца Тимура — Тарагая, построенным в конце XIV в.

зи-Сейидан, как подтверждает надпись 841 г. х. (1437—1438 гг. н. э.), и мечети Кок-Гумбаз выполнено во второй четверти XV в. Интерьеры были расписаны. Росписи Гумбази-Сейидан сохранились в значительной части, а в мечети Кок-Гумбаз остались лишь небольшие фрагменты медальонов на куполе.

В убранстве интерьера среднеазиатских зданий на рубеже XIV—XV вв. четко выявлена схема размещения декора горизонтальными ярусами. При этом даже стены здания членятся на ряд таких ярусов: низ одет панелью, над ней помещена полоса надписи, затем следует разбивка панно, верх стен завершается надписью; выше стен находится восьмигранник тромпов, и, наконец, купол. Росписи каждого яруса имеют свою композицию, не связанную с росписями других ярусов, что подчеркивается полосами надписей, разделяющими их. В зданиях времени Улугбека с внутренним пространством, аналогичным интерьерам XIV в., принципы этой схемы сохраняются лишь в основном.

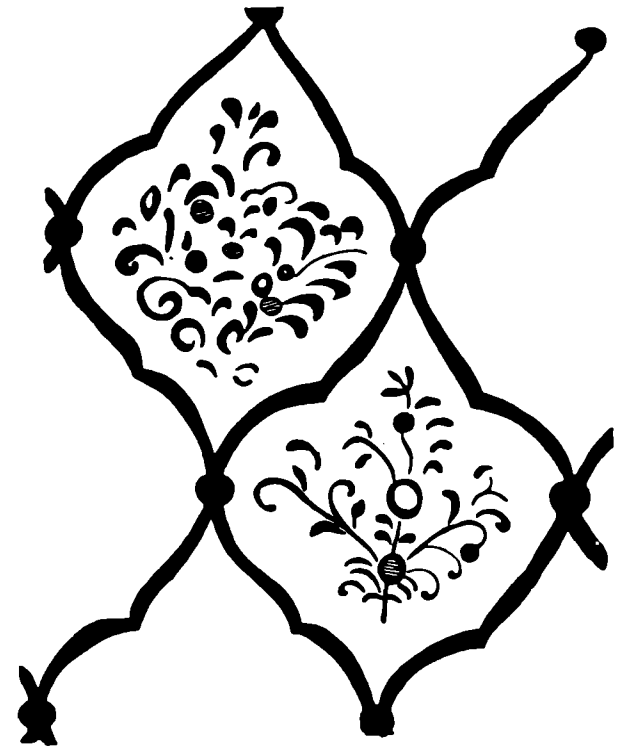


Рис. 2. Мавзолей Гумбази-Сейидан. Орнамент росписи

В Гумбази-Сейидан каждый архитектурный объем — основной кубический, парусный ярус и купол — имеет свое композиционное размещение росписей. Внизу стен оставлено место для панели, которая до нас не дошла. Выше же весь интерьер украшен росписями.

Стены четверика Гумбази-Сейидан (от углов до ниш) узкими горизонтальными куфическими надписями разделены на две части. Каждую из них занимает одно большое, вытянутое по вертикали панно. По верху стен проходит полоса надписи. Щеки и щипцовые стены ниш четверика, поверхность тромпов вовсе не членятся. Их украшают сплошные полотна орнамента. В композиции убранства Гумбази-Сейидан мастера стремятся не вводить дополнительных орнаментальных членений, кроме существующих архитектурных. Этим Гумбази-Сейидан выгодно отличается от убранства интерьеров XIV в., которое изобилует многочисленными горизонтальными полосами надписей и мелкой орнаментальной разбивкой.

В Гумбази-Сейидан преобладает геометрический орнамент. Росписи выполнены в основном синей краской по белому ганчевому грунту[6]. Противоположные стены расписаны одинаково. На верхних панно северной и южной стен в ромбовидных ячейках очень свободно изображены ветки с листьями и цветами (рис. 2). Все остальные панно стен четверика заполнены разными геометрическими звездчатыми орнамен-

[6] Грунт для росписи и в этом и других зданиях XV в. готовился очень тщательно. Он состоит из нескольких слоев: чернового (до 2 *см*), нанесенного на кирпичную кладку; выравнивающего — из ганча и чистовой гульганчевой затирки.

Рис. 3. Мавзолей Гумбази-Сейидан. Звездчатый геометрический орнамент (заштрихованы золотые капли)

тами. В крупных звездах написаны пальмовидные деревья, в мелких фигурах — листья и спирали. Софиты, щеки и щипцовые стены ниш и тромпы украшены геометрическими орнаментами из различных, но близких комбинаций звезд и пятиугольников. В фигурах орнамента нарисованы деревья и спирали (рис. 3).

Плетения всех рисунков выполнены кистью тонкой линией (до 0,5 *см*), в основном синей, а в некоторых случаях — жидкой черной краской. Растительные и орнаментальные мотивы заключены внутри фигур синего цвета. Заполняющий рисунок расположен очень свободно; он не закрывает целиком белый грунт, который просвечивает сквозь орнамент.

Весь рисунок росписей нанесен на грунт от руки, при помощи лишь самой простой разбивки. Обилие белого цвета грунта, тонкие линии геометрических орнаментов, монохромия придают росписям графический характер.

На тимпанах ниш четверика характер орнамента и манера письма иные. Здесь изображен крупный растительный орнамент — стебли с цветами. Написаны они синей краской, и только центральные розетки в углах тимпанов обведены красным. Совершенно отсутствует графичность. Рисунок написан сочными толстыми линиями.

На щитовидных парусах изображены синим круглые медальоны с растительным орнаментом (рис. 4).

Купол был украшен крупными медальонами, размещенными в шахматном порядке на фоне геометрического рисунка. От них сохранился лишь нижний ряд медальонов и фрагмент медальона второго ряда (рис. 5). Орнамент медальонов окрашен в синий и красный цвета. Выше на куполе роспись утрачена вместе с грунтом под нее. Подобные сине-красные медальоны украшали купола мечети Кок-Гумбаз в Шахрисябзе и мавзолея «Восьмигранник» в Шахи-Зинда в Самарканде, где от них сохранились лишь фрагменты нижних рядов (рис. 6).

В мавзолее Гумбази-Сейидан хорошо продуман масштаб орнаментов. Стены украшают мелкие рисунки, которые хорошо читаются благодаря сравнительно небольшой высоте помещения. С высотой детали орнаментов увеличиваются в размерах — довольно крупный рисунок тимпанов, крупные медальоны парусов и купола. Увеличение размеров рисунков повлекло некоторое изменение в технике выполнения. Мелкие тонкие ве-

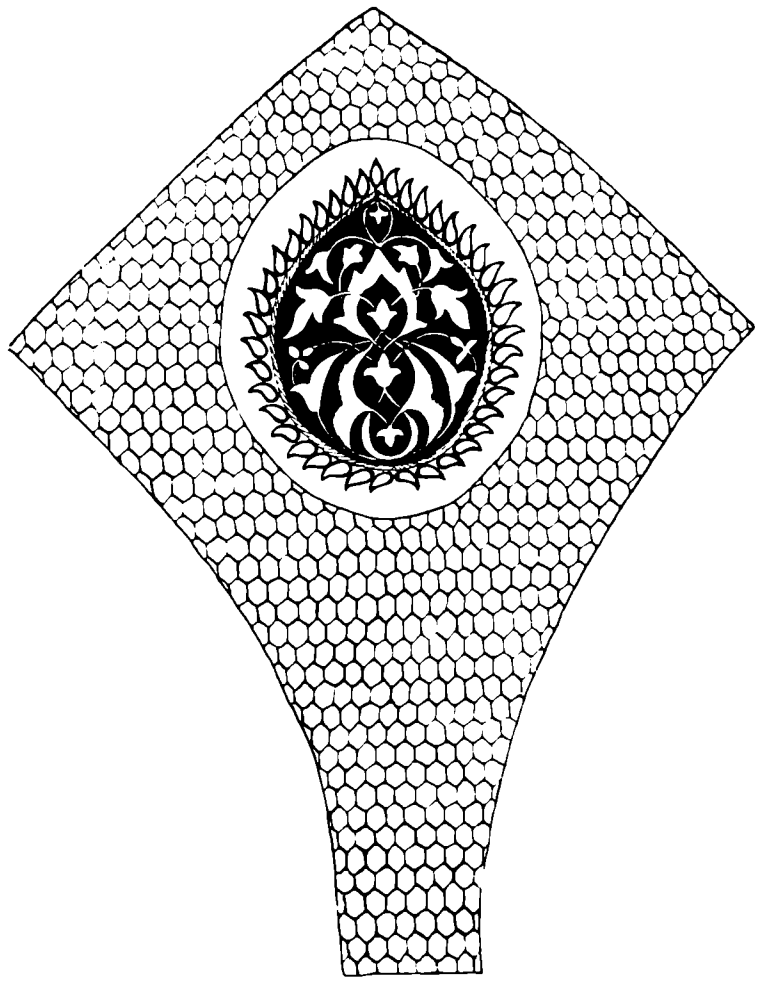


Рис. 4. Мавзолей Гумбази-Сейидан. Роспись щитовидного паруса заштрихован красный цвет)

Рис. 5. Мавзолей Гумбази-Сейидан. Сохранившиеся фрагменты росписи купола (зарисовка; заштрихован красный цвет)

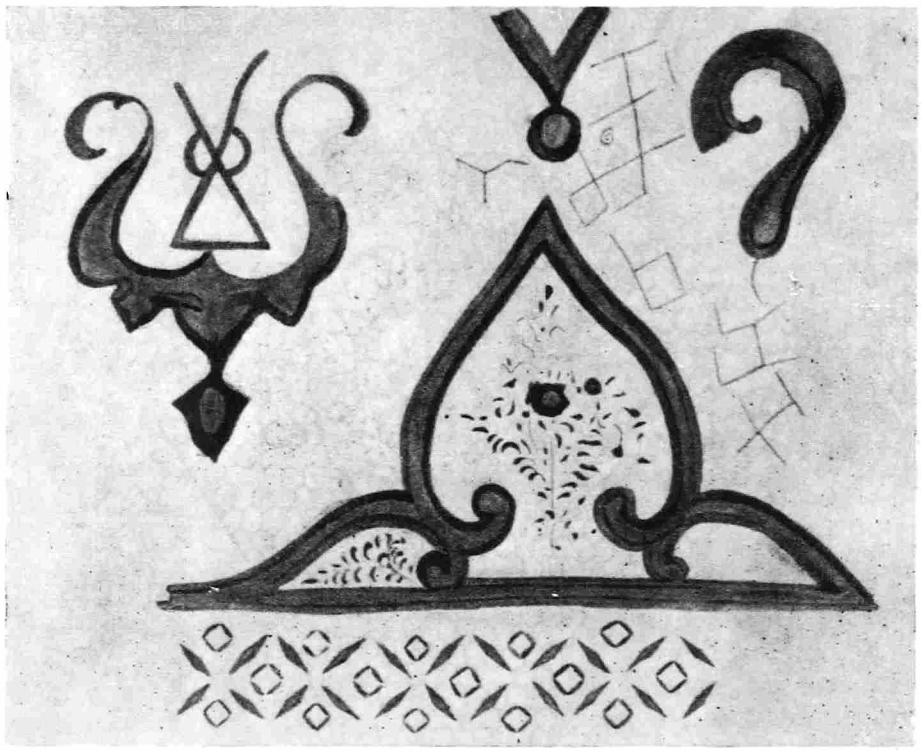


Рис. 6. Мавзолей «Восьмигранник». Фрагмент сохранившейся росписи купола

точки внизу стен разрастаются в медальонах купола в толстые побеги. Чтобы они были видны снизу, их сплошь окрашивают синей краской или оставляют белыми, заливая фон синим и красным.

С высотой происходит и обогащение колорита. Для лучшего выявления орнаментов дополнительно введен яркий красный цвет баканового оттенка. Им в рисунке тимпанов отмечены лишь центральные розетки, в медальонах же купола этот цвет равноценен синему. Нельзя согласиться с предположением Г. А. Пугаченковой, что красный тон в орнаменте служил грунтом под золото, по аналогии с росписями конца XIV в.[7], ибо на красной краске при тщательном осмотре не было обнаружено ни следов позолоты, ни отлипа золота. При изучении памятников рубежа XIV—XV вв. выяснено, что подкладкой под золото всегда служил кизил-кесак — глина оранжево-красного тона. Красный же цвет никогда не употребляли как грунт под золото; он играл самостоятельную роль и в росписях XIV в., и в орнаментах майолик конца XIV в.

Кроме синей и красной красок, в Гумбази-Сейидан применялось и золото, но оно не играло какой-либо орнаментальной роли. Золотая краска, теперь потускневшая, разбросана по всей поверхности четверика, именно разбросана в виде мерцающих пятнышек по всему синему орнаменту, а не на специально предназначенные для нее места. Они не претендуют на самостоятельную роль в орнаменте, а воспринимаются как искрящиеся блики, оживляющие роспись (см. рис. 2). На более высоко расположенных частях — парусах и куполе — таких блесток не обнаружено. На значительной высоте они бы терялись и не выполняли своей роли. Золото лежит на белом ганчевом грунте без всякой подгрунтовки.

В росписях Гумбази-Сейидан использованы орнаментальные мотивы, хорошо известные и раньше, в XIV в.: геометрический орнамент, спирали, шестигранники, изображение растительности. Но в росписи XIV в. орна-

[7] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 82.

мент строился на контрасте красочных пятен. Все детали решались цветом — широкими линиями, заливкой краской и сплошным золочением. Даже порой отдельные орнаменты — спирали и стилизованные ветки с листьями — выполняли только роль цветного фона. Ими заполняли пространство между вызолоченными элементами узора.

В Гумбази-Сейидан главное внимание обращено на форму, очертание орнаментальных деталей. Монохромные, прочерченные тонкими линиями, свободно расположенные спирали, ветки, шестигранники прежде всего привлекают внимание своим рисунком. В то же время в росписях нет сухости, которой можно было бы опасаться при такой манере письма. Орнаменты, даже геометрические, выполнены от руки, при помощи самой минимальной разбивки. Некоторая неточность, небрежность рисунка придают ему своеобразную мягкость. Сухая схема смягчается неизбежными при исполнении без шаблона неровностью линий, несколько разнящимися деталями.

В целом интерьер Гумбази-Сейидан, несмотря на большие утраты убранства, очень красив. Росписи его цельно и органично связаны с архитекурой. Полотна орнамента, обегающие ниши, крупные вертикальные панно подчеркивают монументальность стен и уводят взгляд вверх, к эффектным ярким медальонам купола.

В правление Улугбека в Самарканде был выстроен мавзолей, известный в литературе как мавзолей Казы-заде-Руми (1430-е годы). Очевидно, в поисках новых конструкций мастера в этом сооружении применили для перехода к куполу безраспорный парус — арчевые балки, перекрывающие углы четверика [8].

Мавзолей состоит из гурханы (усыпальницы) и зиаретханы (молельни при усыпальнице). Последняя дошла до нас с большими искажениями интерьера, сохранив лишь фрагменты декора, поэтому мы остановимся на усыпальнице (рис. 7).

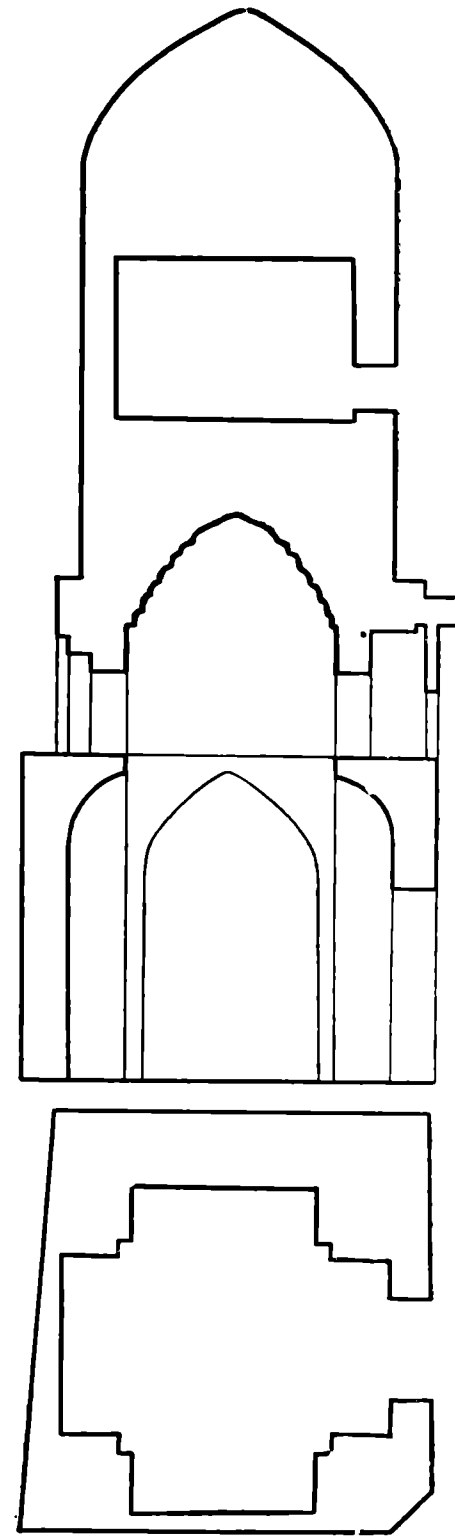


Рис. 7. Мавзолей Казы-заде-Руми. Разрез север — юг (план)

Это небольшое купольное здание. Очертание плана в интерьере крестообразное из-за ниш четверика, которые настолько широки и глу-

[8] Подобная конструкция была применена мастерами на рубеже XIV—XV вв. в мавзолеях Туман-Ака в ансамбле Шахи-Зинда и Биби-Ханым в Самарканде.

боки, что вдвое увеличивают площадь гурханы. Пропорции интерьера стройные, тянутые, так как высота его вдвое больше стороны основания. Купол покоится на арчевых балках, переброшенных над углами основного объема. Однако в интерьере эти конструкции замаскированы декоративными лепными ганчевыми сталактитами.

Очевидно, настолько сильны были традиции членения интерьеров на ряд уменьшающихся с высотой объемов, что мастера, пользуясь чисто декоративными средствами (и, в первую очередь, сталактитами), создавали зрительный эффект такого членения. Нижний основной объем интерьера воспринимается в целом с нишами, за счет которых намного увеличена площадь гурханы. Верхняя часть четверика, выше ниш, воспринимается новым ярусом, играющим роль светового фонаря, благодаря окнам в его стенах. Такой эффект достигнут пластическими средствами: верх ниш заполнен сталактитами, которые смягчают переход к стенам, как бы вливают ниши в основной объем, объединяют их с пространством четверика. Проходящий сразу же над нишами по стенам четверика узкий ганчевый выступ отделяет нижнюю часть с нишами от верхней.

Стены четверика и ниш расчленены узкими ганчевыми рейками на вертикальные панно. Вверху четверика они сменяются лепными сталактитами, которые, закрывая арчевые балки, создают очень пластичный переход от стен к куполу. Сталактиты же образуют изумительный по красоте купол. Конструкции служат лишь костяком, который дает возможность мастерам при помощи чисто декоративных средств лепить интерьер сообразно их замыслу.

Несмотря на стремление зрительно расчленить интерьер на отдельные объемы, заметно изменилось композиционное размещение росписи по сравнению со зданиями конца XIV в. В мавзолее нет традиционных горизонтальных полос надписей и многочисленных орнаментальных бордюров. Специфика архитектуры интерьера, обилие лепных сталактитов определили размещение убранства и композицию росписей отдельных панно. Низ стен гурханы опоясан панелью из шестигранных бирюзовых плиток, набранных в большие полотна, охватывающие целиком каждую нишу. Сразу от панели начинается разбивка ганчевыми рейками панно, сменяющихся вверху сталактитами. Орнаментальные композиции вписаны в плоскости этих панно и сталактитов.

Для росписи использована только синяя краска. При таком обилии декоративных лепных сталактитов, которыми заткан весь верх здания, усложнялась работа живописца. Нельзя было допустить преобладания цвета над рельефом. Большие крупные красочные пятна, закрывающие целиком плоскости сталактитов, скрадывали бы изумительную игру света и тени, которая особенно эффектна при обилии белого цвета. Мастерами тонко найдено соотношение краски и фона. Для орнаментов ими избраны незатейливые рисунки, мелкие, соответствующие масштабу плоскостей сталактитов. На вертикальной их оси в центре обычно нарисован несложный медальон — трилистник, овал, звезда, а вокруг поле украшено рисунком из шестиугольников. Завершающая купол ребристая звезда и полукупола́ ниш расписаны очень изящным рисунком из чередующихся звезд и крестиков (рис. 8). Орнамент неоднократно повторяется на разных поверхностях. Но все же нельзя найти точной копии одного и того же рисунка, потому что все здесь выполнено без припороха и даже разбивки, от руки, сообразно вымыслу художника. Мелкие сталактиты способствовали такому методу работы. Излом их вертикальных плоскостей служил осью композиции, которой совершенно достаточно, чтобы выполнить симметричный центральный медальон и окружающий его несложный рисунок. Изображения сделаны очень тонкой кистью и порой даже небрежно (неправильна форма шестигранников, не точно повторяется величина симметричных деталей в медальонах и т. д.). Но эти погрешности ни в коей мере не снижают художественной ценности росписи. Заметные толь-

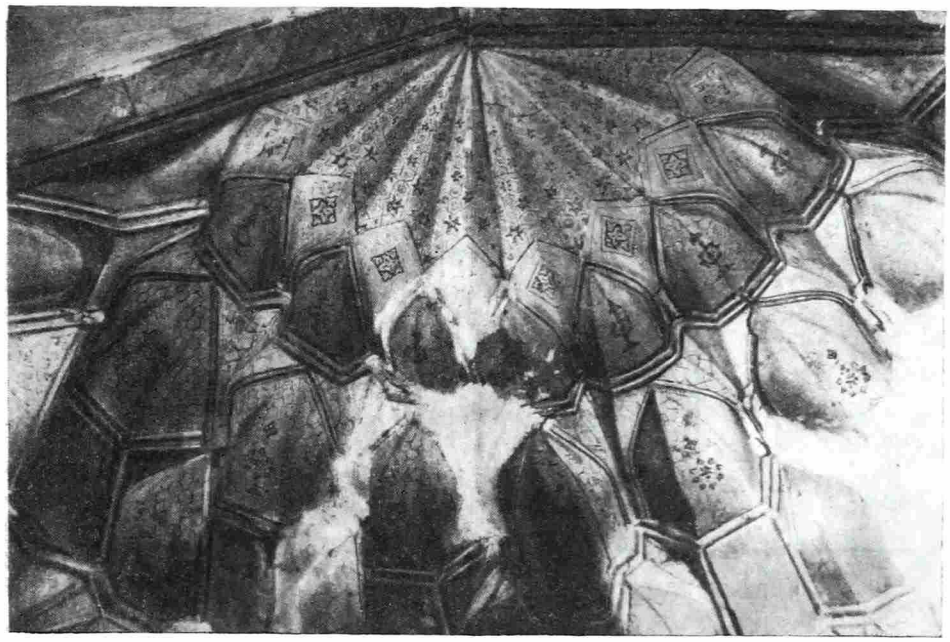


Рис. 8. Мавзолей Казы-заде-Руми. Роспись сталактитов ниши

ко при очень тщательном и специальном рассмотрении, они придают новизну и свежесть повторяющимся орнаментам. При входе в гурхану открывается красивая картина: голубой прозрачный рисунок, очень изящный, тончайшей вуалью покрывает здание внутри, смягчая резкость холодного белого грунта ровно настолько, чтобы он с интересом и без утомления смотрелся и вверху, под яркими лучами солнца, пробивающегося в окна, и в полумраке, внизу четверика.

В Самарканде от первой половины XV в. до нашего времени сохранились опыты перекрытия рядом куполов прямоугольных в плане зданий. Такие помещения делились поперечными арками на ряд отсеков. Если отсеки получались квадратными, то купола их опирались на поперечные арки и пары пристенных. Если же отсек был прямоуголен в плане, то, с целью создания квадратного основания для купола, арки, параллельные долевым стенам помещения, делали на некотором расстоянии от стен. В таких случаях они упирались в тело поперечных арок.

Такие конструкции использовались и для парадных зданий, и для второстепенных помещений. Так перекрыты мечеть медресе Улугбека в Самарканде, входные коридоры этого же медресе и галерея 1424 г. у мавзолея Гур-Эмир. К сожалению, в мечети от перекрытия остались только основания поперечных арок, отмеченные несколькими рядами сталактитов, от убранства не сохранилось ничего. Каков был декор подобных интерьеров, можно судить по двум другим названным помещениям.

В фасадном объеме медресе Улугбека в Самарканде находятся два симметрично расположенных коридора-входа во двор с площади Регистан. Пока из-под поздней штукатурки раскрыты только росписи северного коридора. Установлено, что росписи первоначальны и были выполнены в 1419—1420 гг.[9]. Коленчатый, довольно узкий коридор разделен арками различной ширины на кубические объемы, каждый из которых перекрыт куполом (рис. 9). Арки начинаются у самого пола и выступают на 10 *см* из плоскости стены. Непрерывная стена исчезает, она оказывается расчлененной лопатками на простенки стрельчатой формы.

[9] И. Ф. Бородина. Роспись стен медресе Улугбека и время ее создания. СА, 1961, № 2, стр. 266—272.

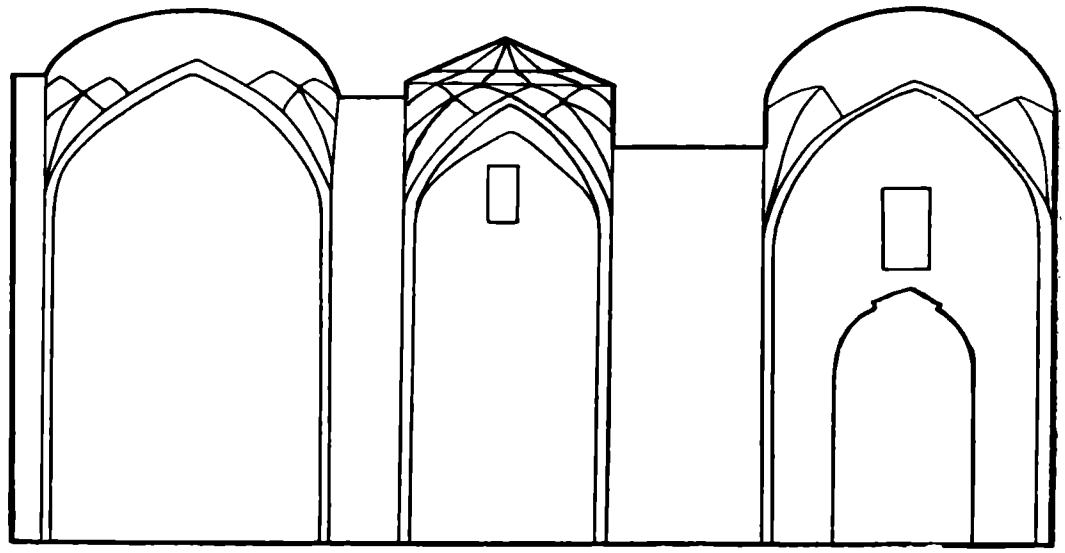


Рис. 9. Коридор медресе Улугбека в Самарканде. Разрез юг — север

Остатки декора сохранились на средней части простенков и щеках арок. На куполах теперь вовсе нет штукатурки, а иные из них, как видно, были переложены при ранних ремонтах. Нижняя часть стен также ремонтировалась, и трудно сказать, каков был ее декор, но, очевидно, была панель, так как композиция росписей оканчивается на высоте 1,6 *м* от современного уровня пола, а грунт под роспись — примерно на высоте 1 *м*.

Современное состояние росписей таково: черный неодинаковой интенсивности фон, на котором видны отдельные орнаментальные элементы белого цвета. При исследовании выяснилось, что сохранившиеся сейчас небольшие участки, покрытые раньше росписью, утеряли (за исключением небольших крупиц) красочный слой. Рисунок белого цвета — не что иное, как отлип,— место, покрытое прежде синей краской, а черный ныне фон — закопченная поверхность белого ганчевого грунта. Небольшие крупицы краски, которые еще сохранились на месте, так прокопчены, что не отличаются по цвету от черного теперь грунта. Установить истинный синий цвет краски удается, только поднимая ее со стены. Орнамент виден только благодаря тому, что осыпалась закопченная краска. Таким образом, сама роспись не сохранилась, остался лишь ее отпечаток. В первоначальном виде сохранился лишь небольшой фрагмент бордюра (не более 10 *см* в длину), раскрытый под поздней штукатуркой,— на белом фоне синяя полоса с виньетками.

В интерьере коридора нет каких-либо дополнительных орнаментальных членений разбивки на панно, кроме архитектурных.

Большие плоскости простенков, софитов арок, паруса не дробятся, их украшает одна орнаментальная композиция. Каждая такая плоскость по краю обведена бордюром, состоящим из одной или двух синих линий и остроконечных синих виньеток. Виньетки расположены на расстоянии 48—52 *см* друг от друга и обращены внутрь бордюра или поля.

На вертикальной оси плоскостей изображался один или несколько крупных медальонов, форма и размеры которых зависели от формы и размеров площади. Так, в центре маленьких стрельчатых плоскостей арочных парусов изображен один медальон-трилистник; на щитовидных парусах медальон повторяет форму паруса (рис. 10). На узких тянутых софитах расположена целая цепочка продолговатых фигурных медальонов (рис. 11), и, наконец, на более широких софитах и стрельчатых простенках — звездчатые медальоны. Между медальонами и бордюром оставлено широкое белое поле.

Все медальоны выполнены одинаково: их контур рисовали черной или синей краской, а затем внутри по краю в один ряд делали синие спирали диаметром в 2,5—3 *см*. Продолговатые медальоны и розетки завершались по краям иглистыми виньетками.

При всем сходстве и однотипности медальонов ни один из них не повторяется точно. Даже симметричные половины медальонов не могут быть наложены одна на другую. Все это дает право предположить, что припорохи не употреблялись, а мастер с помощью минимальной осевой разбивки от руки рисовал медальоны.

Убранство куполов коридора совсем не сохранилось. Но при обследовании стен на них (особенно в верхней части южной стены у выхода во двор) были обнаружены брызги — потеки красной краски, которые могли упасть на стены только сверху. Так как в орнаменте на стенах нет красной краски, то можно предположить, что она могла туда попасть при росписи куполов. Роспись интерьера всегда начинали сверху, с купола. Во многих других сооружениях также были замечены на стенах затекшие капли краски, упавшие сверху. По аналогии с сохранившейся росписью куполов других зданий этого времени можно предположить, что купола коридора тоже были украшены сине-красными медальонами, при написании которых брызги красной краски и попали

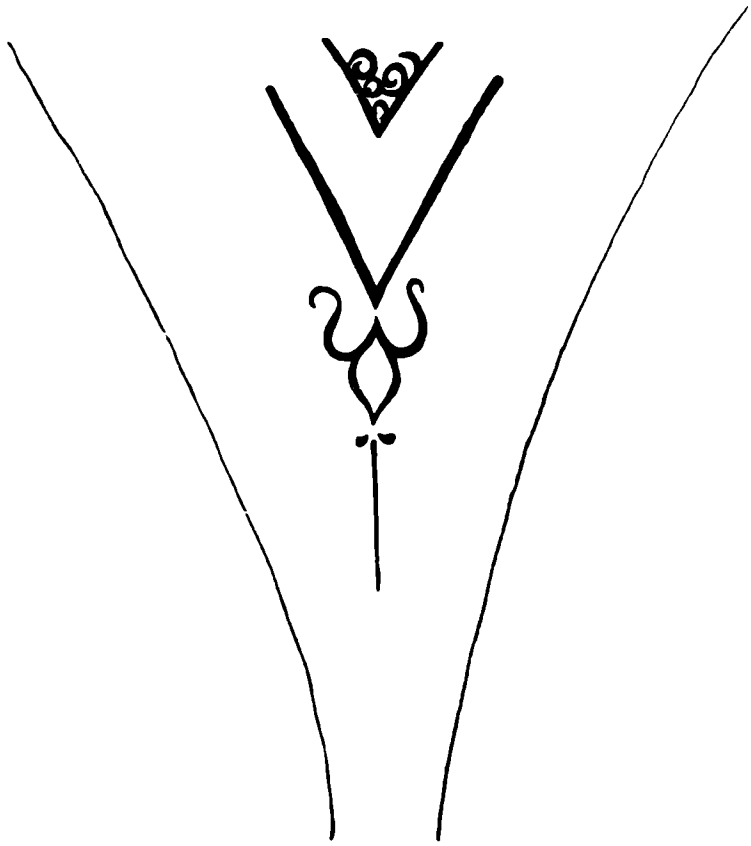


Рис. 10

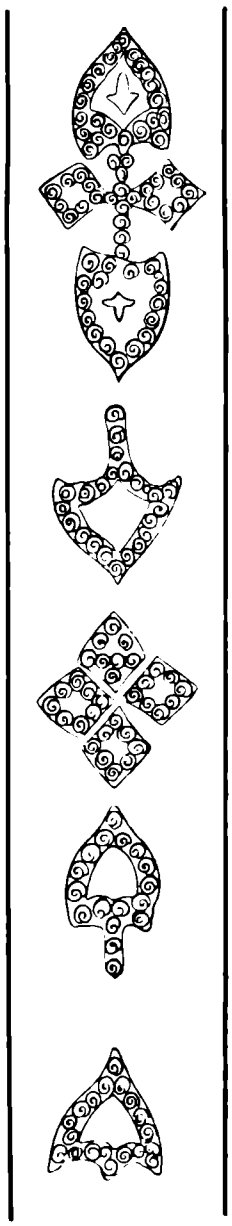


Рис. 11

Рис. 10. Коридор медресе Улугбека в Самарканде. Сохранившийся фрагмент росписи щитовидного паруса

Рис. 11. Коридор медресе Улугбека в Самарканде. Роспись софита (реконструкция)

на стены. Как и в росписи уже рассмотренных зданий, в росписи коридора (при реконструкции ее орнаментов) обращает на себя внимание графичность в ее исполнении. Здесь еще бóльшую роль играет белый грунт, который в большей части не закрыт орнаментом. Белый цвет сквозит во всех деталях медальонов.

Росписи умело размещены в интерьере. Их композиция целиком подчинена архитектуре. Бордюры, обегающие поверхности по краю, лишь усиливают, подчеркивают архитектурные членения. Росписи и архитектура здесь слиты воедино.

Зондажи показали, что были расписаны и южный коридор, и западный проход, ведущий в мечеть медресе со двора. Очевидно, была расписана и мечеть.

Галерея, пристроенная в 1424 г.[10] Улугбеком с востока к мавзолею Гур-Эмир, по конструкциям и декору аналогична коридору. Она перекрыта куполами на арках. По обе стороны галереи на ширину пролета пристенных арок устроены ниши. Из них в первоначальном виде до нас дошли лишь примыкающие к мавзолею, сохранив фрагментарно свой декор.

Низ стен был одет панелью, набранной из мелких шестигранных бирюзовых глазурованных плиток. Она не расчленена на мелкие полотна, а, как и в гурхане мавзолея Казы-заде-Руми, охватывает одним полотном низ каждой ниши.

Выше панели стены были покрыты росписью. Как и в медресе Улугбека и других зданиях, фоном для нее служит белый цвет грунта. На нем расположены орнаменты, очень близкие по рисунку и манере исполнения росписи коридора. Здесь мастера также использовали свободно расположенные медальоны, самые различные по форме (рис. 12).

Контур медальонов выполнен густой черной краской, а внутри они заполнены спиралями, геометрическим орнаментом, трилистниками синего цвета. В некоторых случаях сердцевина заполняющих медальон фигур окрашена в желтый цвет. Все детали медальонов графичны. Здесь нет красочных пятен, кроме незначительных желтых вкраплений. Белый фон сквозит во всех деталях, что делает орнамент ажурным.

В галерее Улугбека использован уже известный по Гумбазу-Сейидан прием оживления росписей золотыми пятнышками, разбросанными по орнаменту. В северной части коридора, в стене у самого входа, есть небольшая ниша со сталактитовым завершением и остатками росписи — синие спирали в синей же рамке, свободно повторяющей очертания контура сталактита.

Близкая аналогия с росписями медресе Улугбека подтверждает датировку росписи галереи 1424 годом, как она дается Малихо — автором XVII в.

При всем разнообразии архитектуры интерьеров первой половины XV в. убранство их одинаково. Хотя ни в одном из зданий декор не сохранился полностью, сопоставляя детали убранства разных сооружений, можно с примерной точностью представить картину любого интерьера времени Улугбека.

Весь приведенный фактический материал дает возможность проследить, как шло развитие интерьера в первой половине XV в. Мастера, стремясь расширить внутреннее пространство зданий, ищут новые конструктивные решения перекрытий, позволившие бы это сделать. Конструкции эти порой еще несовершенны, как, например заложенные в углах арчевые балки (мавзолей Казы-заде-Руми). Они требуют введе-

---

[10] Я. Г. Гулямов. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. Сб. «Великий узбекский поэт (Алишер Навои)», Ташкент, 1948, стр. 151.

ния чисто декоративных пластических средств, которые бы их маскировали. Для этой цели широко используются сталактиты, с помощью которых мастера как бы лепят интерьер, порой точно не соответствующий конструктивному остову здания.

Излюбленными в этот период являются бирюзовые глазурованные панели, не члененные бордюром на мелкие панно. Иногда их украшали крупными центральными розетками мозаичного набора, как это сделано в панели зиаретханы у гробницы Кусама-ибн-Аббаса в Шахи-Зинда или

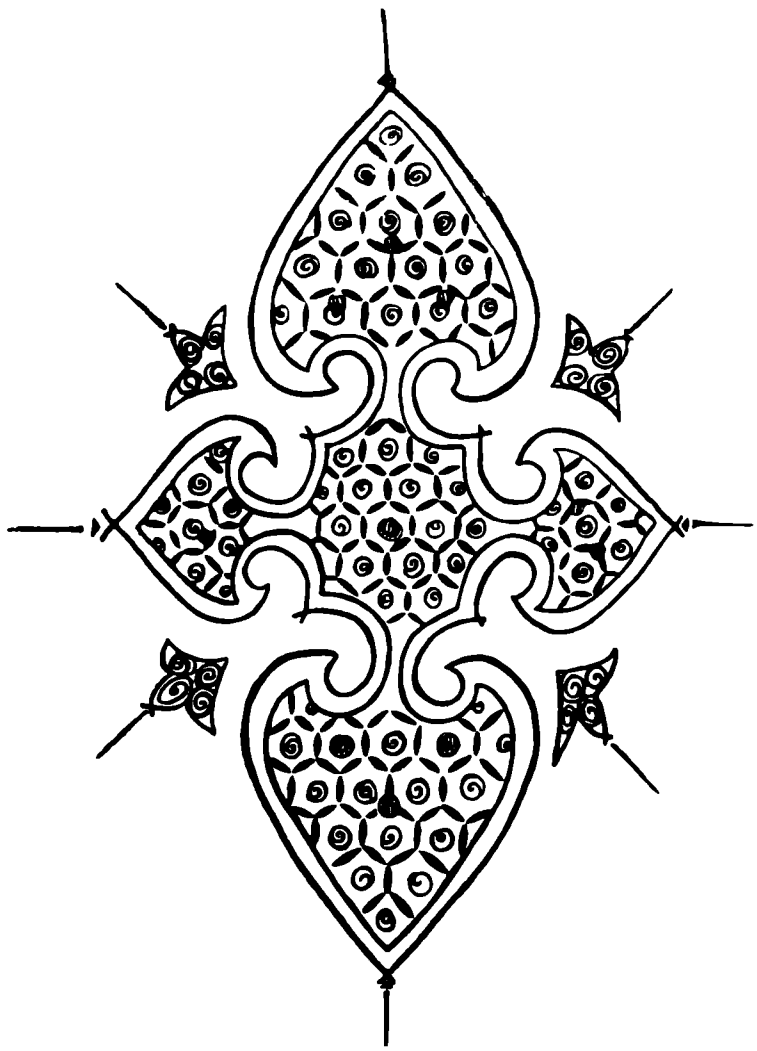


Рис. 12. Галерея 1424 г. у мавзолея Гур-Эмир. Медальон росписи

в мавзолее Абди-Дарун (рис. 13) в Самарканде. Выше панели интерьер, как правило, расписан. Орнаментальные композиции вписаны во всю плоскость архитектурной детали, обведенной бордюром лишь по краям.

Росписи времени Улугбека выполнены в основном синей краской по белому грунту. В росписи стен преобладают геометрические орнаменты, хотя они не лишены и растительных узоров. Орнаменты расположены на украшаемых плоскостях очень свободно, с большими просветами фона между ними. Часто встречаются в этот период лежащие отдельно крупные центральные медальоны.

Росписи графические по манере письма. Они выполнены тонкими линиями и ажурны от обилия просвечивающего в деталях белого грунта. На куполе, как правило, изображались крупные медальоны, но уже двухцветные — красно-синие.

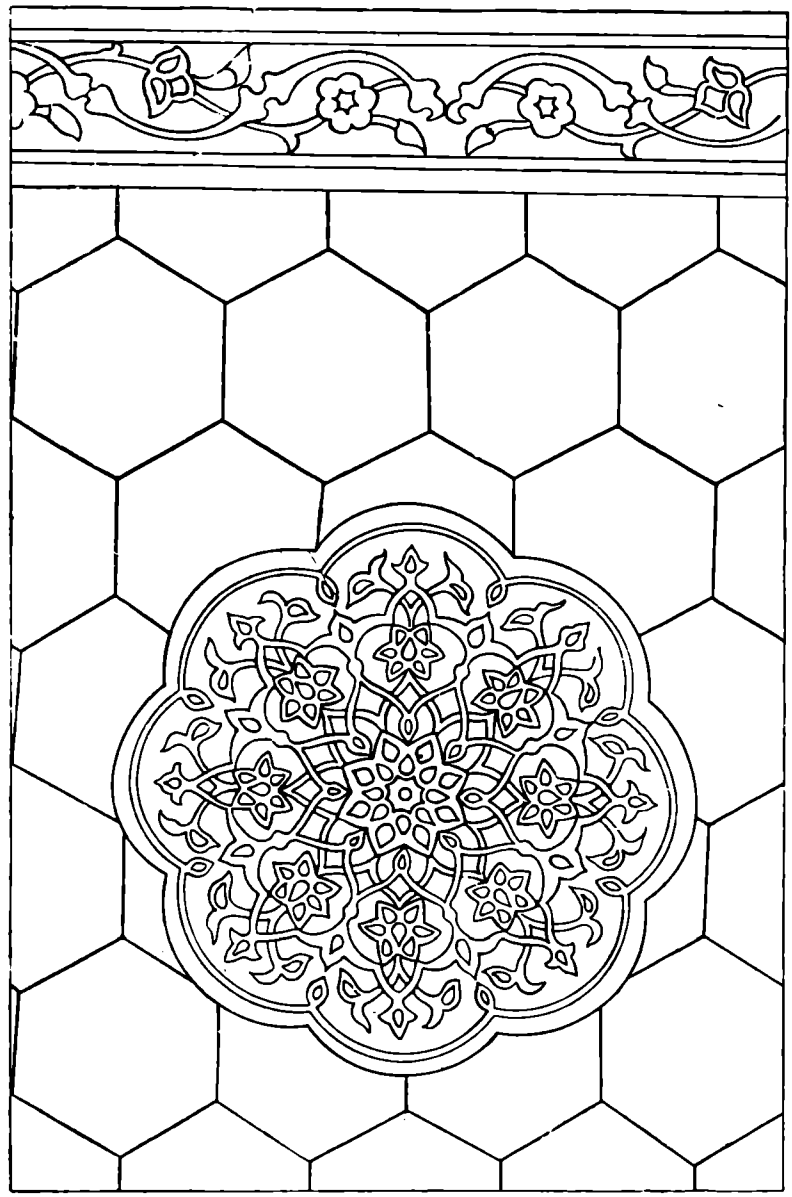


Рис. 13. Мавзолей Абди-Дарун. Панель

Для росписей использованы мотивы, традиционные в искусстве Средней Азии. Геометрический орнамент, растительные детали, мотив спирали, которыми так широко пользуются художники времени Улугбека, известны и по росписям конца XIV в. Только традиционные рисунки трактуются по-новому. В XIV в. стенные росписи создавались контрастами ярких красочных пятен, синего цвета и золота[11]. Порой даже некоторые мотивы использовались только как чисто цветовое заполнение фона или орнаментальной детали. Например, мотив спирали, веточки в мавзолее Гур-Эмир, мечети Биби-Ханым.

[11] О росписях конца XIV в. см. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 200—204; И. К. Мрочковский. Живопись мавзолея Биби-Ханым. Музей Восточных культур. М., 1924—1926, стр. 4—7; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М.— Л., 1940, стр. 88; И. Ф. Бородина. Интерьер памятников архитектуры Самарканда рубежа XIV—XV вв. Изв. ООН ТаджССР, № 2 (17), Сталинабад, 1958, стр. 11—30.

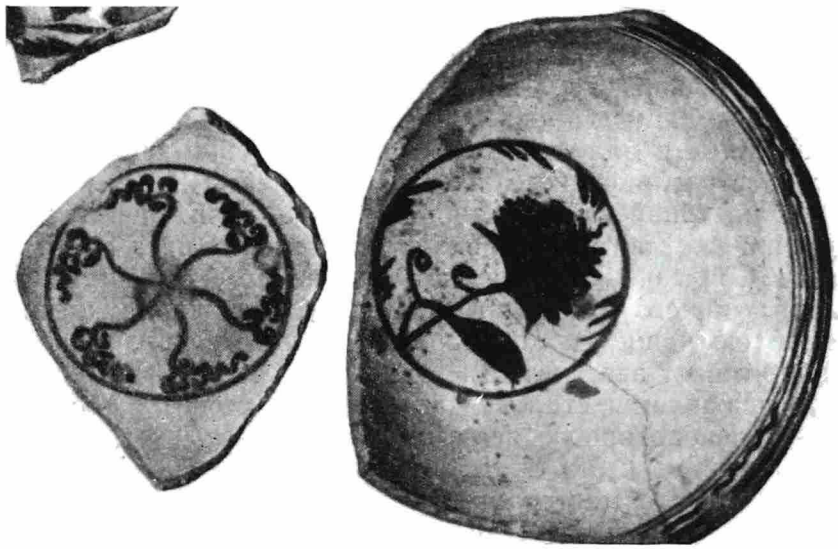


Рис. 14. Роспись чаш XV в. из коллекции Самаркандского музея

В росписи времени Улугбека обыгрывается рисунок орнаментального мотива. Почти полная монохромия росписей усиливает звучание графики. Росписи гораздо скромнее и спокойнее росписей конца XIV в., но не уступают им по художественному качеству и силе эмоционального воздействия. Только росписи времени Улугбека рассчитаны на создание совершенно иного впечатления у зрителей, нежели в предыдущем веке: синие ажурные орнаменты не тяготеют над зрителем, не подавляют его. Роспись органично связана с архитектурой, подчинена ей. Она призвана украсить здание и с успехом выполняет эту роль. Благодаря росписям интерьеры времени Улугбека приобретают интимность, простоту. Однако росписи не отмечены печатью примитивизма. За простотой их скрывается высокое мастерство художника в умелом размещении росписей, в виртуозности их выполнения.

При сопоставлении росписей конца XIV в. и росписей времени Улугбека становится несомненным, что в первой половине XV в. в Средней Азии появился новый стиль монументальных росписей, совершенно отличный от стиля конца XIV в., несмотря на использование традиционных орнаментальных мотивов.

Интерьеры первой половины XV в., разные по пространственному решению, украшены одинаковыми по стилю росписями, и, наоборот, росписи одинаковых по архитектуре интерьеров конца XIV в. и времени Улугбека различны по стилю. Из этого можно сделать вывод, что изменение стиля стенных росписей не было вызвано какими-либо новшествами в архитектуре.

Изучение росписей и сопоставление их с другими видами декоративного искусства выявили их общность. Графические синие стенописи напоминают по манере исполнения и характеру рисунков орнаментальные украшения рукописей на Востоке. Медальоны со стен медресе Улугбека или галереи Улугбека могли бы служить картушами для украшения переплетов, фронтисписов и титульных листов рукописных книг. Подобные им медальоны можно найти среди книжных орнаментов, опубликованных в трудах Академии наук УзССР и А. Попом [12], а прием оживления холодной ганчевой поверхности золотыми брызгами, несомненно, был успешно заимствован у оформителей книг, которыми широ-

[12] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 23, 26; т. II, стр. 152; A. Pope. The Art of the Book. SPA, т. VII, Oxford, 1939, стр. 96

ко использовался. Искрящиеся блестки хорошо украшают и страницы рукописей, и плоскости белых стен с орнаментом.

Обратясь к росписи керамики того времени, тоже находим аналогии стенописям. Посуда, как правило, расписывалась синим цветом по белому фону. Крупные и маленькие чаши этого времени чаще всего украшены очень простым рисунком по бортику (часто просто извилистыми линиями), а на донце внутри изображана орнаментальная розетка или цветок; стенки же остаются не расписанными (рис. 14) [13]. Как уже отмечала Г. А. Пугаченкова [14], орнаменты некоторых чаш этого времени имеют много общего с книжными медальонами-сарлаухами. Рисунок публикуемой ею чаши из коллекции Самаркандского краеведческого музея [15] напоминает звездчатые медальоны росписей медресе Улугбека.

Так прослеживается стилевая взаимосвязь стенных росписей с другими видами декоративного искусства. Это доказывает, что изменение стиля стенописей не было случайным, что это не зависело от индивидуальности какого-то мастера или группы мастеров. Причины изменения стиля монументальных росписей надо, очевидно, искать не в развитии архитектуры, а в изменениях общей культуры страны. Распространение книжного богословия, знаний, грамоты в правление Улугбека должно было сыграть положительную роль в общем развитии и повышении художественной культуры в стране.

В монументальных росписях, как и в других декоративных искусствах, эти изменения отразились более явно, чем в архитектуре в целом, поэтому в зодчестве новые веяния сильнее всего проявились в изменении облика интерьера.

Интерьеры времени Улугбека с большими полотнами бирюзовых панелей, хорошо сочетающихся по цвету с росписями, изящными орнаментами, нарядными куполами очень красивы. Пользуясь декоративными средствами, мастера наделяли интерьеры новым смыслом даже при старых архитектурных формах.

Интерьеры времени Улугбека с их декоративным убранством составили эпоху в истории искусства Средней Азии.

---

[13] Вывод сделан на основе изучения коллекции Самаркандского краеведческого музея и ознакомления с коллекцией археолога Комитета по охране памятников культуры УзССР С. Н. Юренева.

[14] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Тр. САГУ, новая серия, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 99, 114.

[15] Там же, стр. 114.

Заметки

В. Я. ШИПЕРОВИЧ

КАМЕННОЕ ОРУДИЕ ИЗ пос. БОРЦОВКИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

При проходке шурфов на сопках, прилегающих к горе Ревнюхе, близ пос. Борцовки, Алтайского края, в толще покровных суглинков местами обнаруживались мелкие обломки трубчатых костей [1]. Это обстоятельство заставило обратить особое внимание на смену различных генетических комплексов и слоев в толще четвертичных образований. Одновременно в этих слоях производились поиски предметов первобытной культуры [2]. В результате таких поисков в 0,5 *км* к юго-западу от пос. Борцовки, на левом берегу р. Большой Луговой (левый верхний приток р. Белой, бассейн р. Оби) на глубине около 8 *м*, вместе с обломками костей было найдено каменное орудие [3].

Пройденная нашими выработками толща четвертичных отложений является типичной для верхней части стратиграфического разреза рассматриваемого района и условно датируется возрастом в интервалах рисс-вюрм и вюрм.

Покровные суглинки на участке находки представлены пылеватыми лёссовидными разностями, образующими, по нашим данным, две генерации, разделенные небольшим по мощности (до 2 *м*) горизонтом размыва (рис. 1). Лёссовидные суглинки верхней генерации преимущественно тяжелые и средние, мощность их 2,5 *м*; они характеризуются желтовато-серой окраской, с частыми белесоватыми пятнами и буро-ржавыми закисными налетами, без видимых следов слоистости. Образование суглинков верхней генерации происходило (если принять условно европейскую схему) в современную эпоху и частично — в течение вюрма (Q_{III-IV}).

Лёссовидные суглинки нижней генерации преимущественно средние, реже тяжелые; они отличаются более светлой однородной окраской, чем вышележащие сутлинки 1-й генерации, и хорошо видимыми частыми зеленоватыми чешуйками. Пройденная мощность их составляет более 4 *м*. Образование суглинков нижней генерации (по той же схеме) происходило с начала рисса и частично в вюрме (Q_{II-III}).

Горизонт размыва представлен желто-бурыми с коричневым оттенком тяжелыми пылеватыми суглинками с редкой мелкой щебенкой, местами — с мелкими пресноводными моллюсками; здесь же встречены небольшие

---

[1] Найденные совместно с палеолитическим орудием кости, согласно определению И. Г. Пидопличко, принадлежали дикой лошади.

[2] До настоящего времени в рассматриваемом районе Алтая и в бассейне верхнего течения р. Оби палеолитические орудия обнаружены не были.

[3] За ценные консультации при изучении материалов выражаю глубокую признательность О. Н. Бадеру и М. Д. Гвоздовер.

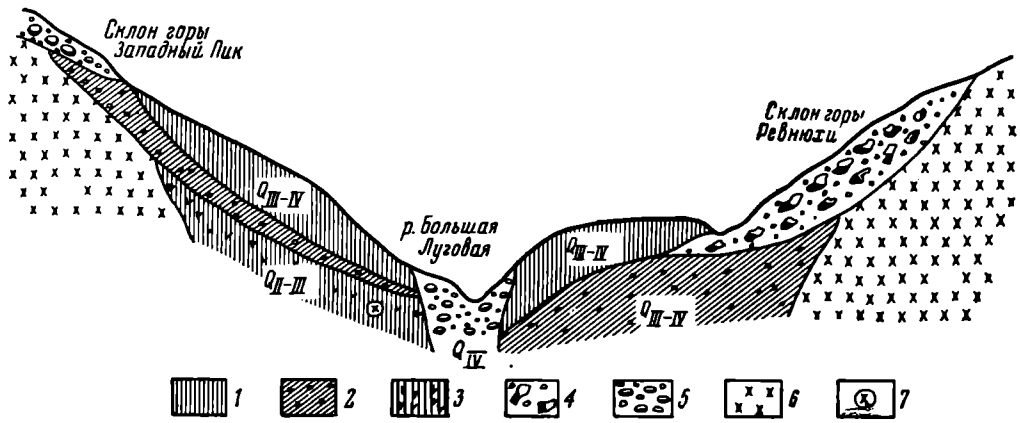


Рис. 1. Схематический геологический разрез долины р. Большой Луговой у пос. Борцовки

1 — лёссовидные суглинки желтовато-серые с ржавыми пятнами (1-я генерация); *2* — делювиальные пылеватые суглинки со щебнем; *3* — лёссовидные суглинки, однородные, желтовато-серые (2-я генерация); *4* — каменные осыпи и обвалы в зоне выветривания коренных пород; *5* — галька, валуны (современный аллювий); *6* — интрузивные породы (гранитоиды); *7* — место находки

овальные куски коричневой жирной глины. Возраст горизонта размыва определяется временем образования лёссовидных суглинков верхней генерации (Q_{III-IV}).

В толще лёссовидных суглинков нижней генерации на глубине 7,4—7,5 *м* найдены мелкие обломки трубчатых костей; несколько ниже, на глубине 7,6—7,8 *м*, в небольшой боковой рассечке обнаружено орудие, изготовленное из зеленовато-серой полосчатой фельзитовой лавы кислого состава (типа фельзитовых кварцевых порфиров). Орудие массивное, имеет форму уплощенной пластинки размером 14 × 8 × 3 *см*, со следами ударной площадки, расположенной под небольшим углом к брюшку (рис. 2). Ударная площадка забита рядом мелких сколов.

Существенно отметить, что на гладком брюшке ударный бугорок выражен очень слабо. Спинка довольно крутая, со следами трех крутых

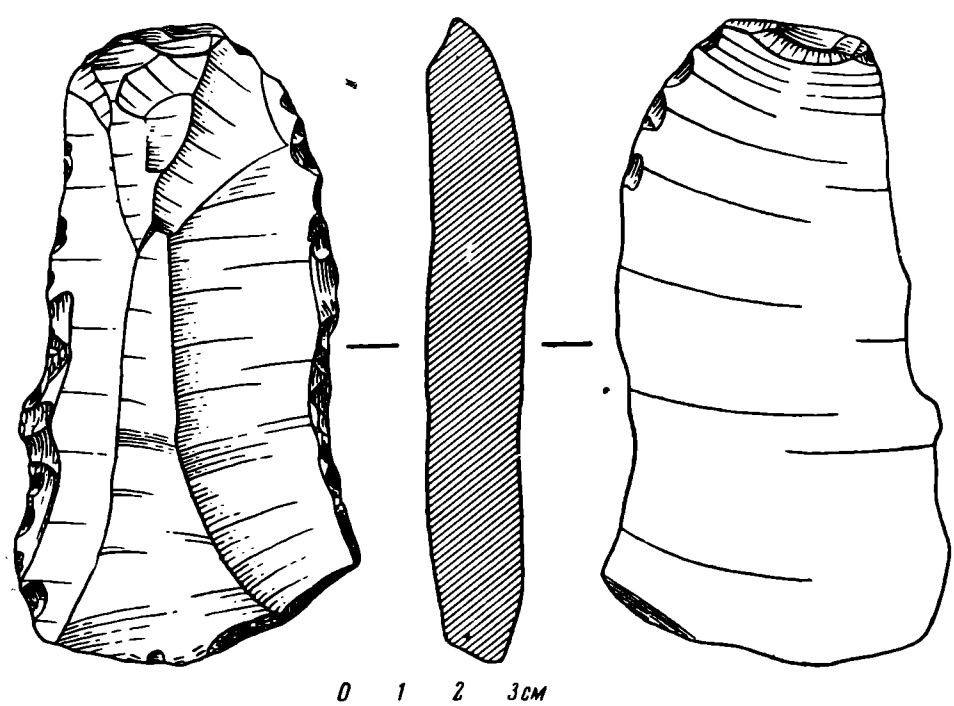


Рис. 2. Каменное орудие

продольных сколов. На спинке со стороны основания имеются три небольших асимметричных крутых скола. Со стороны спинки — вторичная обработка в виде систематической довольно крупной заломистой ретуши вдоль одного края и в виде ретуши случайного характера — вдоль другого; по характеру этой ретуши орудие напоминает незаконченный обработкой скребок.

Следует отметить, что поверхность граней и ретушь имеют острые края, нет следов изношенности и выветривания.

Благодаря наличию грубой ретуши, массивных сколов и сравнительно большому размеру орудие имеет архаичный облик, характерный для палеолита Сибири с его макролитическими формами. Однако слабая выраженность ударного бугорка говорит не в пользу очень раннего возраста отщепа. Орудие может относиться к палеолитическому времени, но не исключена возможность его более поздней даты. Возможно, что архаичный облик орудия в какой-то мере связан со свойствами горной породы, так как полосчатая фельзитовая лава из-за своей микрокристаллической структуры и резко выраженных анизотропных свойств хуже поддается обработке, чем кремневые породы.

По условиям залегания в слое лёссовидных суглинков нижней генерации находку можно датировать ориентировочно рисс-вюрмским временем.

М. А. ДЭВЛЕТ

КАМЕННАЯ ФИГУРКА АНДРОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1958 г. у подножья горы Сторожевой, в 2 *км* к северо-востоку от с. Большая Ерба и в 1 *км* от р. Ерба (Боградский район Хакасской АО), на поле учениками средней школы была обнаружена миниатюрная пестикообразная фигурка — памятник древнего изобразительного искусства южносибирских племен (рис. 1). Фигурка вырезана из черного камня-агальматолита и имеет вид столбика почти цилиндрической формы, длиной 4,5 *см*, один конец которого закруглен, а на другом выполнена круглой скульптурой голова человека. Лицо европеоидного типа, продолговатое, с низким крутым лбом, широкими скулами, рельефным прямым носом, глазами и бровями, исполненными резными линиями, массивным подбородком, маленьким углубленным ртом. Волосы прямые, видимо, несколько перепутанные, показаны резными черточками. От макушки, изображенной кольцеобразной линией, они расходятся вперед и в стороны, ниже затылка переданы рядом коротких прямых штрихов. От ушей спускаются серьги в виде колечка, выгравированные тонким металлическим острием. На уровне шеи с затылочной стороны проходит углубленная полоса — естественный дефект камня. Фигурка хорошо отполирована.

Подобная миниатюрная антропоморфная фигурка, обнаруженная в р. Таштып и приобретенная в 1887 г. финским археологом И. Р. Аспелином, хранится в Национальном музее г. Хельсинки[1]. По форме, пропорциям, размерам, по материалу и технике исполнения, а также физиономическому типу она очень близка публикуемой нами. Таштыпскую скульптуру отличают выступающий лоб, покатость затылочной части,

[1] H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 242; A. M. Tallgren. Some North-Eurasian Sculptures. ESA, XII, Helsinki, 1938, стр. 132, рис. 27; М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950, стр. 136, рис. 4; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 75, табл. VIII, *1*; Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 19, рис. II, *1*.

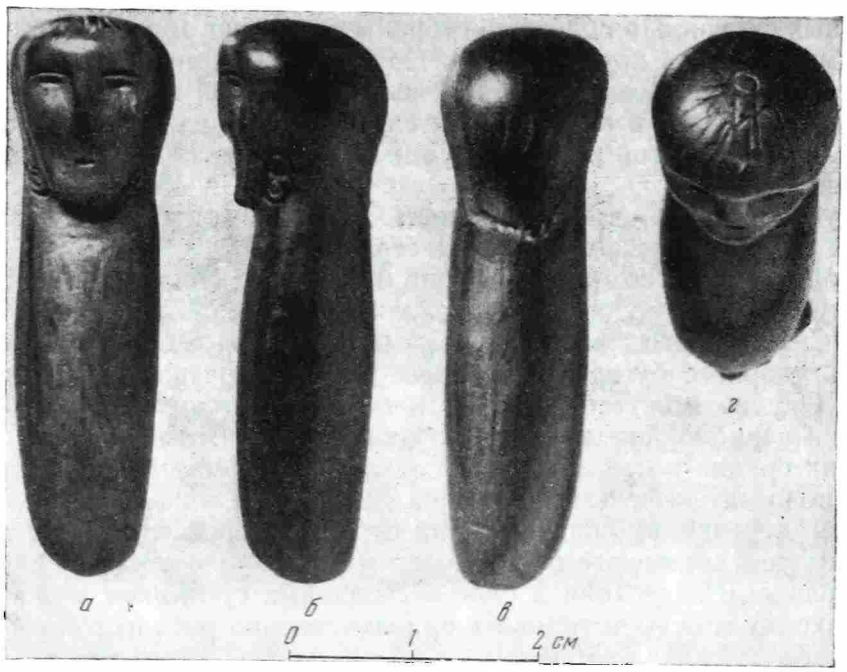


Рис. 1. Каменная фигурка из Боградского района Хакасской АО

более узкий и вытянутый подбородок, волосы, расходящиеся лучеобразно от макушки и спускающиеся по спине, иная форма ушных украшений.

Обе скульптуры, наряду с бейской [2], выбитой на конце изогнутого валуна, датируются андроновской эпохой по двум замечательным изображениям женщин на костяных пластинках из раскопанного С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой раннеандроновского погребения у церкви в г. Абакане [3].

Большое сходство с рассмотренными выше изображениями имеет реконструкция головы женщины из андроновского могильника близ Алексеевского поселения на Тоболе, выполненная М. М. Герасимовым [4].

Антропоморфные пестикообразные фигурки, как показал Л. Р. Кызласов, в андроновскую эпоху были распространены на обширной территории [5].

В пределах Хакасско-Минусинской котловины встречается еще один вид памятников с изображением головы человека — монументальные изваяния, так называемые минусинские каменные бабы [6]. Об андроновском происхождении некоторых из них можно судить по стилистическим особенностям изображения, хотя среди исследователей нет единства мнений о хронологическом определении этого вида памятников. С. В. Киселев, по аналогии с абаканскими пластинками, относит к андроновской эпохе уйбатскую и усть-есинскую кыс-таш [7]. М. М. Герасимов считает достоверно андроновскими лишь изваяние на р. Бире близ Тазмина

---

[2] А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 132, рис. 25; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 137, рис. 5; Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 19, рис. II, *2*.

[3] С. В. Киселев. Раскопки в г. Абакане. Советская Хакассия, № 159, 1945; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 136, рис. 3; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 75, табл. VIII, *3*, *4*.

[4] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 549, рис. 226.

[5] Л. Р. Кызласов. Ук. соч.

[6] В данной заметке не учитывается группа каменных изваяний тюркского типа, о которой см. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, № 24, 1952.

[7] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 74.

улуса и усть-есинскую кыс-таш [8]. М. П. Грязнов, специально занимавшийся вопросами датировки минусинских каменных баб и первоначально относивший их к карасукской эпохе [9], позднее пересмотрел свою датировку и определяет все памятники как андроновские [10].

Однако мы не можем согласиться с отнесением всех типов минусинских каменных баб к андроновской эпохе.

Большинство изваяний Хакасско-Минусинской котловины отличается рядом характерных особенностей, не свойственных изображениям на абаканских костяных пластинках и каменных пестиках: схематизмом, условностью трактовки образа, наличием горизонтальных линий, пересекающих лицо, а также рогов и других обрамляющих голову придатков. Обладающие этими признаками изображения человеческих личин, совершенно аналогичные лицам, выполненным графически на монументальных изваяниях, известны по эстампажным рисункам писаницы из Минусинского края, хранящимся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР [11]. М. П. Грязнов считал эти изображения более поздними, чем изваяния [12].

В 1957 г. А. Н. Липским в могильнике Тас-Хаза [13] были открыты замечательные личины доафанасьевского времени, аналогичные изображениям на вышеупомянутой писанице.

В свете новых открытий, по нашему мнению, следовало бы пересмотреть вопрос о хронологическом определении некоторых видов изваяний. Однако в недавно вышедшей статье М. П. Грязнов вновь пишет об андроновской принадлежности минусинских каменных баб [14].

Общность иконографического образа, однотипность в трактовке изображений, стилистические особенности позволяют по аналогии с абаканскими пластинками и пестикообразными фигурками с достоверностью отнести к андроновской эпохе лишь каменную бабу из улуса Асачкова [15], усть-есинскую кыс-таш [16], а также, по-видимому, уйбатскую кыс-таш [17]. Нам представляется, что нереальные, схематические, стилизованные лица, изображенные рисунком на плоскости, которые С. В. Киселев сопоставлял с личиной Тао-те эпохи Шан-Инь и раннего Чжоу, начали создаваться в доандроновское время, что они не завершают, а начинают эволюционный ряд развития типов минусинских каменных баб, предшествуя примитивно-реалистическим андроновским скульптурным изваяниям.

Вопрос о датировке минусинских каменных баб еще ждет своего решения. Задача состоит в распределении изваяний по хронологическим группам.

---

[8] М. М. Герасимов. Ук. соч., стр. 541.

[9] М. П. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2, 1929.

[10] М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.

[11] М. П. Грязнов, Е. Шнейдер. Ук. соч., стр. 81, рис. 9.

[12] Там же, стр. 83 и 86.

[13] В. Ильин. Визитная карточка фараона. Журн. «Советский Союз», 1960, № 10, стр. 57, рис. 1.

[14] М. П. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакассии. КСИИМК, вып. 80, 1960.

[15] См. М. Грязнов, Е. Шнейдер. Ук. соч., табл. VIII, *71*; М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., стр. 141, рис. 9.

[16] См. J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877—1884; рис. 340; J. P. Falk. Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs. 1785, ч. I, табл. 3; Н. А. Костров. Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губ. Зап. СОРГО, VII, 1864, стр. 80; А. И. Писарев. О месте нахождения каменных баб в России. ЗРАО, т. III, 1851, стр. 205; Н. И. Попов. О каменных бабах в Минусинском крае. ИСОРГО, II, № 4, 1871, стр. 61 В. В. Радлов. Сибирские древности. ЗРАО, т. VII, 1895, стр. 170; А. С. Уваров Сведения о каменных бабах. Тр. I АС, М., 1871, стр. 505; М. Грязнов, Е. Шнейдер. Ук. соч., табл. VI, *49*.

[17] См. М. Грязнов, Е. Шнейдер. Ук. соч., стр. 68, табл. II, *17*; М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы..., стр. 142, рис. 11; стр. 143, рис. 12.

И. И. ГУЩИНА

НАХОДКИ ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В Гос. Исторический музей в 1958 г. поступили вещи от колхозника колхоза «Путь Ильича», Лабинского района, Краснодарского края, Л. М. Чувалжанова, найденные им в могильнике у ст. Владимирской, на берегу р. Куксы, притока р. Лабы. По описанию Л. М. Чувалжанова, эти вещи найдены в «пещерах». По-видимому, он так называет склепы, камеры которых имели размеры в длину и ширину от 2 до 4 *м* и высоту до 2 *м*. В склепах были найдены плохо сохранившиеся скелеты, лежавшие головами на восток. В каждом склепе обнаружено по нескольку погребений (от трех до пяти человек). Вещи из этих склепов (глиняные сосуды, металлические зеркала, стеклянный канфар и др.) были присланы Л. М. Чувалжановым в Отдел полевых исследований ИА АН СССР, откуда они поступили в ГИМ. Сюда Л. М. Чувалжановым были присланы дополнительные вещи, а также краткое описание места находки.

В 1938 г. при земляных работах у ст. Владимирской впервые на Кубани были обнаружены земляные склепы, которые представляли собой небольшие камеры, высеченные в материке, имевшие вход с южной стороны. В склепах найдена керамика I—II вв. н. э. Склепы и подбойные могилы составляли грунтовой могильник [1], принадлежавший, видимо, небольшому городищу сарматского времени, обнаруженному на том же берегу р. Куксы. Очевидно, из этого самого могильника, происходят и вещи, полученные в 1958 г. музеем. Так как эти вещи происходят из шести разных склепов и не составляют единого комплекса, то, характеризуя их, следует датировать каждую вещь в отдельности.

Большой интерес представляет стеклянный канфар (см. ниже рис. 2, *2*) [2], выточенный из светло-зеленого стекла, очень близкий по форме кубкам из кургана у ст. Северской, впускного погребения в кургане у ст. Воздвиженской и некоторым другим, датируемым концом II—I в. до н. э. и представляющим собой образцы продукции мастерских Малой Азии [3].

Этому кубку близки хронологически два глиняных сосуда, являющихся, по-видимому, наиболее ранними из всей представленной в данной коллекции керамики. Форма одного из них очень редко встречается среди керамики Прикубанья. Это — лепной сосуд из серой глины, с шероховатой поверхностью (рис. 1, *1*) [4]. Горло сосуда короткое, переходящее в вытянутое тулово, поверхность которого снабжена пятью идущими сверху вниз налепами, заканчивающимися около дна сосуда. Дно не сохранилось, но, очевидно, оно было плоским, судя по аналогии с сосудом из погр. № 4 Пашковского могильника (раскопки 1949 г.), которое датируется IV—III вв. до н. э. [5]. Этот сосуд отличается от нашего значительными размерами и формой, но сближается с ним вертикальными налепами и горизонтальными ручками-выступами. Эти черты указывают на местные меотские традиции. По времени наш сосуд позже пашковского. Такая вытянутая форма характерна для прикубанской керамики II в. до н. э. [6]. По-видимому, к этому времени надо относить и рассматриваемый сосуд. Назначение его, так же как и пашковского, могло быть ритуальным.

---

[1] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1946, стр. 149.

[2] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 1.

[3] К. Ф. Смирнов. Северский курган. Тр. ГИМ. Памятники культуры, вып. 11, 1953, стр. 17 сл.

[4] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 16.

[5] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 288, рис. 9, *16*.

[6] Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 78, 80.

Рис. 1. Сероглиняные сосуды

1 — лепной сосуд; *2* — канфар трехручный; *3* — кувшин; *4* — миска

Наиболее близок по времени описанному сосуду другой интересный сосуд[7], в форме трехручного канфара (рис. 1,*2*). Сосуд этот гончарный, серого цвета, с заглаженной поверхностью. Ручки прикреплены сверху к краю, образуя горизонтальные площадки, выступающие над остальной частью ручек. Сероглиняные сосуды типа канфара встречаются в большом количестве в меото-сарматском Усть-Лабинском могильнике № 2 и датируются III—II вв. до н. э.[8]. Этот сосуд, сделанный, несомненно, жителем Прикубанья, подражает античным формам канфаров, но переработан в соответствии со вкусами местного населения. Античной является форма канфара и ручек. Но поверхность сосуда серолощеная, ножка или кольцевой поддон, которыми снабжаются обычно канфары Усть-Лабинского могильника, отсутствуют. Вместо двух имеются три ручки. Все отмеченные черты могут говорить о более поздней дате данного канфара, чем усть-лабинских, а именно II—I вв. до н. э.

Остальные типы сосудов из рассматриваемой коллекции могут быть отнесены к более позднему времени. Среди них — большой гончарный се-

[7] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 15.

[8] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской МИА, № 23, 1951, стр. 179, 190.

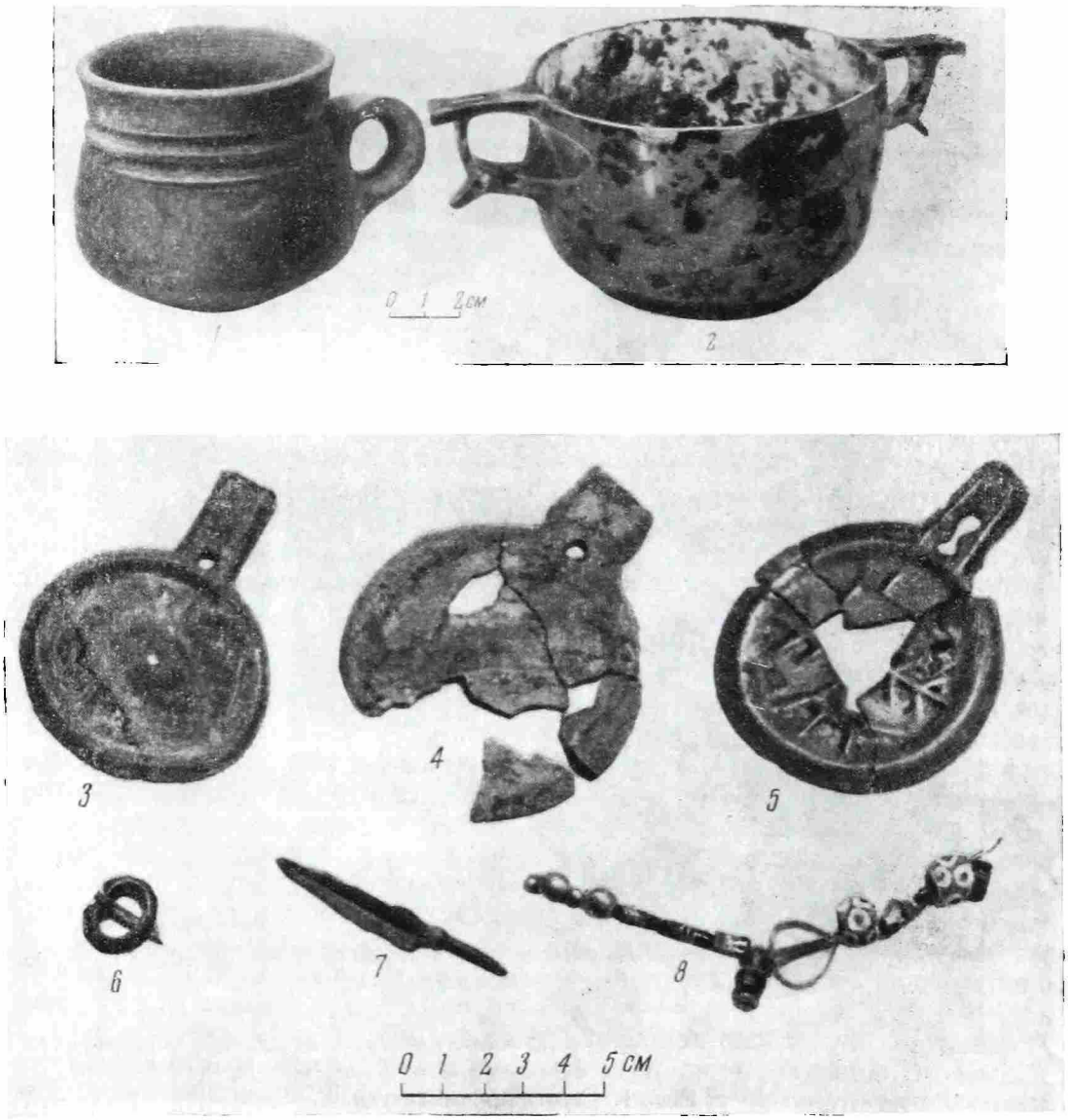


Рис. 2.

1 — кубок сероглиняный; *2* — канфар стеклянный; *3—5* — зеркала бронзовые; *6* — пряжка бронзовая; *7* — наконечник стрелы железный; *8* — бусины стеклянные

роглиняный одноручный кувшин с высоким горлом, имеющим слив, широким туловом и плоским дном (рис. 1, *3*) [9]. Поверхность сосуда серого цвета, лощеная. На горле и верхней части тулова — орнамент из лощеных полос, в виде концентрических поясов и треугольников между ними. От последнего пояса отходит несколько групп вертикальных полос. Форма сосуда типична для кубанских кувшинов I—II вв. н. э. Очень близкие аналогии данному сосуду можно найти среди керамики Усть-Лабинского могильника № 2 [10], впускного погребения кургана ст. Воздвиженской [11], кургана у ст. Костромской [12] и др. Этот сосуд имеет некоторые черты, сближающие его с античной керамикой: горло со сливом, подражание витым ручкам античных сосудов, но сама форма и орнамент сосуда типично местные. Лощение серого и черного цвета характерно для кубан-

[9] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 2.

[10] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 195, рис. 16, *1*.

[11] ГИМ, инв. № 42418.

[12] ГИМ, инв. № 37260.

ской керамики первых веков нашей эры, а орнамент данного сосуда — сарматский, характерный не только для керамики Прикубанья, но и Подонья, и Нижнего Поволжья и Дагестана. Судя по приведенным аналогиям, сосуд можно отнести к концу I в. до н. э.— II в. н. э.

Довольно обычную, широко распространенную форму керамики представляет собой большая гончарная сероглиняная миска (рис. 1, *4*) [13], с

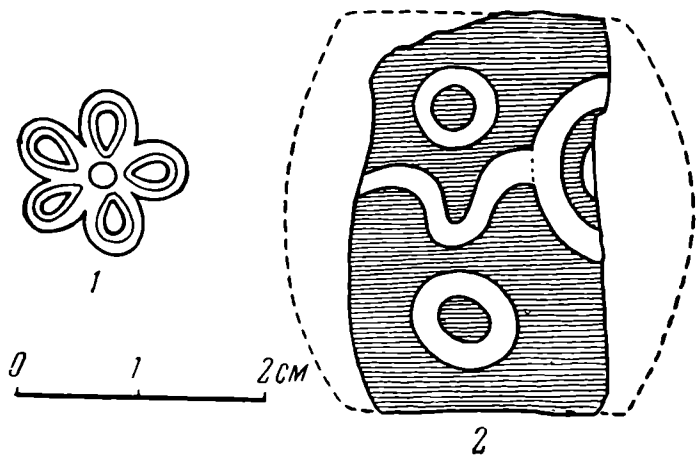


Рис. 3.

1 — золотая бляшка; *2* — глазчатая бусина

чуть округленными в верхней части стенками. Дно плоское, без поддона. Поверхность темно-серого цвета, лощеная. Миски такого типа датируются широким периодом времени, начиная с III в. до н. э. по первые века нашей эры. Но судя по характеру лощения и плоскому (без поддона) дну, наша миска скорее относится к I—II вв. н. э.

И, наконец, последний сосуд из данной коллекции — сероглиняный одноручный кубок с лощеной поверхностью (рис. 2,*1*). В месте перехода горла в тулово идут две вдавленные пролощенные полосы [14]. Кубки такого типа встречаются среди керамики могильников Прикубанья со II в. до н. э. и в первые века нашей эры и являются широко распространенной формой прикубанской керамики сарматского времени.

Таким образом, все описываемые сосуды являются типичными формами кубанской меото-сарматской керамики II в. до н. э.— II в. н. э. Некоторые сосуды (например, сосуд с налепами) представляют собой довольно редкие экземпляры

Из металлических предметов в коллекции находились три бронзовых зеркала [15], два из которых небольшие зеркала-привески с валиком по краю и умбовидной выпуклостью в центре (рис. 2, *3,4*). Такие зеркала часто встречаются в памятниках Прикубанья I—II вв. н. э. Третье зеркало-привеска, с утолщением по краю и с рельефным орнаментом на обратной стороне диска, разбито, и можно восстановить только детали орнамента в виде елочки, встречающегося на зеркалах Прикубанья и Нижнего Поволжья. Такие зеркала относятся ко II—III вв. н. э.

Это зеркало, а также железный черешковый наконечник стрелы с уступами на черенке (рис. 2,7) дают наиболее позднюю дату склепов. Такие стрелы встречаются в памятниках Прикубанья не ранее II—III вв. н. э. [16]. Из остальных вещей коллекции надо отметить небольшую

[13] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 23.
[14] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 3.
[15] ГИМ, инв. № 95946, опись 1085, № 4—5.
[16] ГИМ, инв. №№ 42380—42382. Ст. Казанская, курган № 3, раскопки Н. И. Веселовского, 1901 г.

бронзовую пряжку с подвижным язычком (рис. 2,*6*), золотые штампованные бляшки в виде пятилепестковой розетки (рис. 3,*1*) [17], несколько стеклянных бусин позднеэллинистического времени (рис. 2,*8* и рис. 3,*2*), невыразительные фрагменты железного меча и двух втулок копий.

Вещи, найденные в склепах у ст. Владимирской, свидетельствуют о том, что могильник этот использовался в течение нескольких веков — со II в. до н. э. по II — начало III в. н. э.— и принадлежал местному меото-сарматскому населению. Этому не противоречат устройство склепов и восточная ориентировка погребенных в них.

[17] Золотые бляшки встречаются в памятниках Прикубанья первых веков нашей эры. Например, ст. Тифлисская, № 18. См. ОАК за 1902 г., стр. 72, рис. 155.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ОЛЬВИЙСКИЕ АССЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОВЫ

Литые бронзовые монеты города Ольвии, отличающиеся своими необычными для древнегреческих монет размерами и весом, привлекли внимание ученых более полутораста лет назад [1]. При этом все известные до наших дней их типы и основные варианты были опубликованы еще в первой четверти XIX в. [2], и со времени выхода трудов А. С. Уварова и Б. В. Кёне, в которых эти монеты, названные по аналогии с монетным литьем Италии «ассами», впервые явились объектом исследования, казалось, что уже все виды и разновидности этих своеобразных нумизматических памятников стали достоянием науки [3]. Даже систематические раскопки городских кварталов и некрополя Ольвии, ведущиеся с начала текущего столетия, привели в данной области лишь к чисто количественному накоплению материала, подлежащего дальнейшему изучению [4]. В силу этого находка Роксоланской археологической экспедицией Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея нового, никогда ранее не издававшегося типа ольвийского монетного литья должна рассматриваться как чрезвычайное событие в области ольвийской нумизматики [5].

[1] Впервые некоторые ольвийские ассы были изданы в самом начале XIX в.; см Л Ваксель. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с памятников в 1797 и 1798 гг. СПб., 1801, стр. 7, рис. 24 (ср. L. de Waxel. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenants a l'Empire de Russie dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798. Berlin, 1803, стр. 12, № 24; стр. 24, №№ 47—48).

[2] H. K. E. Koehler. Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe. Nova Acta Academiae Petropolitanae, т. XIV, 1805, стр. 104—105, 108—109, табл. A, XVIII, XXI—XXII; T. E. Mionnet. Description de médailles antiques grecques et romaines. T. I. Paris, 1806, стр. 349 (ср. Supplément, т. II, Paris, 1822, стр. 12—27); S. de Chaudoir. Quelques médailles rares ou inédites en bronze. Genève, 1817, стр. 6, табл. I, *2*; D. Sestini. Lettere e dissertazioni numismatiche. T. IV, Firenze, 1818, стр. 33—35, 40—41, табл. I, *5*; IV, *1—5*; V, *2*; J. de Blaramberg. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris, 1822, стр. 35—36, табл. I, *1—6*.

[3] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. I, СПб., 1851, стр. 106—109. Б. В. Кёне. Описание музеума кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России. Т. I, СПб., 1856, стр. 33—40 (оба труда переизданы на франц. яз.).

[4] Например, П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I, Одесса, 1884, стр. 37—40, табл. I, *1* — III, *14*; В. В. Голубцов. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 г. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 77—90, 97—100, табл. V, *1* — XIV, *4*; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 123—126, табл. XXX, *3*, *4*; XXXI, *1—5*; А. И. Фурманская. Ассы из раскопок Ольвии 1948 г. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 60—65; П. И. Каришковський. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. 2. Ольвійські аси. Праці ОДУ, т. 149, сер. ист. наук, вып. 7, 1959, стр. 47—68.

[5] Пользуюсь случаем выразить благодарность начальнику экспедиции М. С. Синицыну за разрешение опубликовать монеты.

На древнем городище у с. Роксоланы Овидиопольского района Одесской области уже не раз бывали находимы ольвийские ассы. Первый случай такого рода зарегистрирован еще Л. Ваксе лем[6]. В ходе работ Роксоланской экспедиции ассы были обнаружены как в 1958 г., так и в последующие годы[7]; все эти монеты принадлежат к обычным, хорошо известным типам.

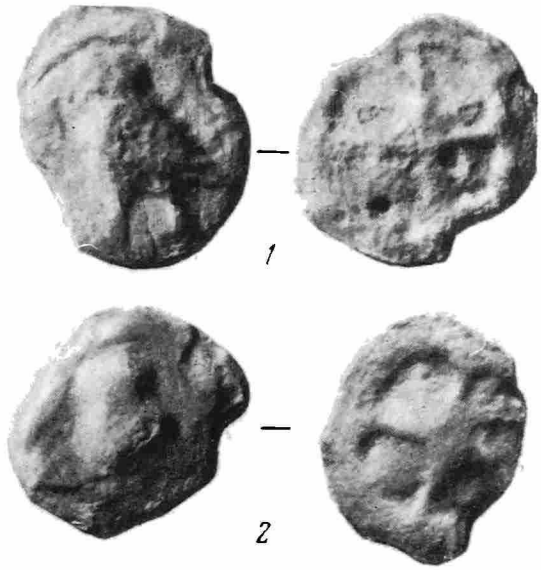


Рис. 1. Ольвийские ассы с изображением совы

Совершенно иным характером отличается находка 1960 г. При раскопках в прибрежной части Роксоланского городища, над обрывом к Днестровскому лиману, в засыпке хозяйственной ямы были найдены две одинаковые бронзовые литые монеты с изображениями совы и колеса[8]. Приводим их описание.

№ 1 (рис. 1,*1* и рис. 2,*1*).

Л. с. Сова со сложенными и прижатыми к туловищу крыльями, с широко разведенными лапами, влево; голова с большими круглыми глазами обращена впрямь.

О. с. Колесо с четырьмя спицами и крестообразной втулкой в центре; между спицами следы букв: в правом нижнем секторе П, в левом верхнем Υ; буквы обращены вершинами к краю монеты.

Диаметр 31 *мм*. Вес 14,86 *г*. Края монеты в нескольких местах обломаны.

№ 2 (рис. 1,*2* и рис. 2,*2*).

Л. с. Точно такое изображение, как на предшествующей монете.

О. с. Такое же колесо; между спицами следы букв: в правом нижнем секторе П, в левом — А, в левом верхнем — Υ, в правом — Σ.

Диаметр 29,5 *мм*. Вес 12,48 *г*. Нижний край монеты обломан (утрачена примерно одна треть монетного кружка).

Хотя публикуемые монеты обнаружены вдали от Ольвии и на первый взгляд им не присущи никакие признаки, прямо указывающие на то, что они отлиты на ольвийском монетном дворе, в этом не может быть сомнений. Не говоря о том, что

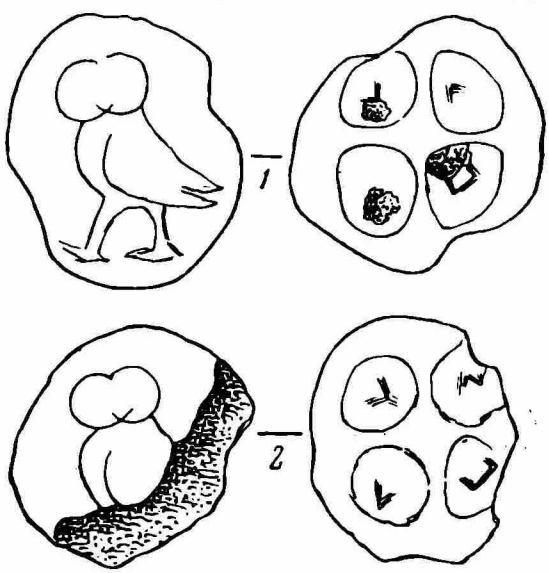


Рис. 2. Ольвийские ассы с изображением совы (прорись)

[6] Л. Ваксель. Ук. соч., стр. 7 (ср. L. de Waxel. Ук. соч., стр. 12).

[7] Находка 1958 г. издана (П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии. СА, 1960, № 3, стр. 305, рис. 2,*3*); в 1959 г. найден асс типа А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XXXI,*2*.

[8] М. С. Синицын. Некоторые результаты раскопок на Роксоланском городище (1957—1960 гг.). Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГУ и ОГАМ в 1960 г., Одесса, 1961, стр. 34—37; А. Г. Загинайло. Новые памятники Одесского государственного археологического музея. Там же, стр. 130.

литые монеты Ольвии встречаются во многих пунктах Северо-Западного Причерноморья[9], ольвийское происхождение монет с изображением совы устанавливается при изучении их оборотных сторон: точно такие колеса со сливающимися в центре и утоньшающимися к ободу спицами хорошо известны на двух первых сериях ассов Ольвии[10]; буквы ΠΑΥΣ, истолковывающиеся как начало личного имени Павсий, Павсим или Павсаний[11] и расположенные между спицами колеса точно так же, как на издаваемых монетах с совой, читаются и на ассах с изображением богини Афины в шлеме с высоким гребнем на лицевой стороне[12]. Таким образом, занимающие нас монеты входят в состав самой ранней серии ольвийских литых бронзовых монет, и принадлежность их Ольвии не вызывает сомнений.

Вопрос о времени выпуска ольвийских ассов вызвал немало научных споров. А. С. Уваров относил их к эпохе, предшествовавшей персидскому походу Дария, т. е. к VI в. до н. э.[13] П. О. Бурачков допускал в одно и то же время, что ассы отливались специально для уплаты государственного долга Протогену, надпись в честь которого он относил ко II и даже к I в. до н. э., и что все они относятся ко «второму периоду» истории Ольвии, границы которого этот ученый определял по А. С. Уварову (т. е. между 54 г. до н. э. и 194 г. н. э.)[14]. Б. В. Хед помещал все ассы в III в. до н. э.[15], а Б. В. Кёне и А. Л. Бертье-Делагард — в IV в. до н. э.[16] В. В. Голубцов, А. В. Орешников и Э. Миннз относили ранние выпуски этих монет к VI в. до н. э., что в последнее время пытался обосновать также Ч. Селтман, а самые поздние — к IV—III вв. до н. э.[17] Наконец, этого вопроса коснулся и А. Н. Зограф, который распределил все виды ассов Ольвии на протяжении двух столетий: первую их группу, к которой должны относиться, как указано выше, и публикуемые здесь в первый раз монеты с изображением совы, он датировал временем, близким к Марафонской битве (490 г. до н. э.), а последнюю — концом IV в. до н. э.[18] В других работах нами приведены соображения в пользу того, что все серии ольвийского монетного литья укладываются приблизительно в рамки одного столетия и относятся ко второй половине V и к первой половине IV в. до н. э., точнее — примерно к 440—

[9] Оставляя в стороне ближайшие окрестности Ольвии, укажем на находку двух ассов на греческом поселении у с. Лузановка около Одессы (А. Н. Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г. МАСП, вып. I, 1957, стр. 97—101, рис. 7 и 8), одного асса в Сальсовии на правом берегу Дуная (V. Pârvan. Un aes grave olbien à Salsovia. Dacia, т. II, 1925, стр. 420—421) и одного асса в Истрии (C. Preda. Monedele histriene cu roata şi legenda IΣT. SCN, т. III, 1960, стр. 29).

[10] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, *2*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. I, *1*; II, *10*; наряду с этим на монетах Ольвии известен и такой вариант колеса, который имеет непересекающиеся спицы и шарик в центре (А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, *3*; В. В. Голубцов. Ук. соч., табл. VII, *2*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. I, *2*; II, *9*).

[11] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 124; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 221; В. В. Голубцов. Ук. соч., стр. 78; так считали еще А. С. Уваров и Б. В. Кёне; насколько нам известно, только В. Френер пытался истолковывать сокращение ΠΑΥΣ как указание на место чекана, которого он, впрочем, не смог подыскать (W. Froehner. Catalogue de médailles du Bosphore Cimmérien formant la collection de J. Lemmé. Paris, 1872, стр. 25).

[12] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, *3*; B. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. T. I, ч. 1, Berlin, 1898, табл. VIII, *1*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. II, *9*, *10*.

[13] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 109.

[14] П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 7, 30, 39.

[15] B. V. Head. Historia numorum, 2 изд., Oxford, 1911, стр. 272.

[16] Б. В. Кёне. Ук. соч., стр. 36—37; А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. НС, т. I, 1911, стр. 67—72.

[17] В. В. Голубцов. Ук. соч., стр. 76—78; А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 221—225; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 484—485; ср. Ch. Seltman. Athens, its History and Coinage. Cambridge, 1924, стр. 132—133

[18] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 123—125.

330 гг. до н. э.[19] Не возвращаясь здесь к пересмотру хронологических вопросов, считаем достаточным отметить, что установленной нами хронологии ассов не противоречит характер изображения совы на новой разновидности ольвийских монет (ср. рис. 1—3), находящий наиболее близкие аналогии с совами на аттических тетрадрахмах, чеканенных в начале второй половины V в. до н. э.[20] С другой стороны, отнесение всей серии ольвийских литых монет с сокращением ΠΑΥΣ к тридцатым годам V в. до н. э.[21] хорошо согласуется с находкой монет с совою на Роксоланском городище в засыпке хозяйственной ямы совместно с обломками чернолаковой аттической керамики конца V — начала IV в. до н. э.; к этому же времени или к первой половине IV в. до н. э. относятся строительные остатки и прочие памятники того слоя городища, с которым связана упомянутая яма.

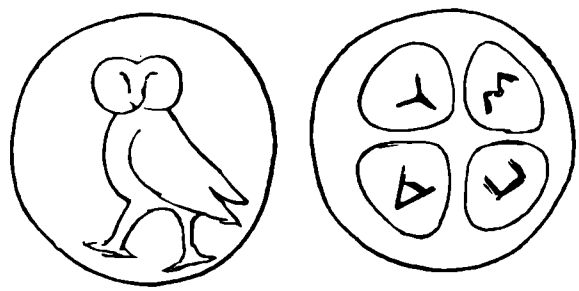


Рис. 3. Ольвийский асс с изображением совы (реконструкция)

Напомним, что в серии ольвийских литых монет с именем Павсима или Павсания различались до настоящего времени монеты двух номиналов: а) крупные, диаметром 68—72 *мм*[22], со средним весом около 117 *г* и б) меньшего размера (диаметр 40—44 *мм*)[23], со средним весом около 38 *г*[24]. Первые представляют собой, как догадывались еще А. Л. Бертье-Делагард и А. Н. Зограф, полноценные медные оболы[25], вторые — дихалки, т. е. монеты достоинством в $^1/_3$ обола, соответственно ионийскому делению обола на шесть халков, а не на восемь, как это было в Аттике[26]. Монеты с изображением совы, к сожалению, сильно повреждены и обломаны; веса их в нынешнем состоянии — 12,5 и 15 *г*. Но не приходится сомневаться, что в момент их выпуска монеты с совой представляли номинал достоинством в один халк со средним весом примерно 17—19 *г* и диаметром около 30 *мм*. Таким образом, первая серия ольвийского монетного литья состояла не из двух, как считали до настоящего времени, а из трех номиналов; она представляет, как мы видим, полную аналогию следующей серии литых монет с сокращением APIX, но к тому времени обол разделялся в Ольвии уже по аттическому образцу, т. е. на восемь халков[27].

---

[19] П. И. Каришковський. З історії монетної справи..., стр. 53—66; П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии, стр. 305—309; его же. Ольвия и Афинский союз. МАСП. вып. III. 1960, стр. 87—96.

[20] Удобнее всего пользоваться для сравнения хорошо датированной серией афинских тетрадрахм от середины VI до середины III в. до н. э. в книге Ч. Селтмана — Ch. Seltman. Greek Coins. 2 изд., London, 1955, табл. XVI, *9*, *10*; ср. табл. III, *16*; IV, *1*, *2*, *5—7*; V, *10*, *11*; XII, *15—18*; XVI, *1*; XXVII, *10*; XXX, *4*; XXXIX, *1*; LXII, *13*, *14* и LXIII, *1*. Ср. также J. Svoronos, B. Pick. Les monnaies d'Athènes. München, 1923—1926.

[21] П. И. Каришковський. З історії монетної справи..., стр. 60—62; П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 91, 94—96.

[22] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, *3*; F. Schlessinger. Antike Münzen. Auktionskatalog № 11. Berlin, 1934, табл. IV, *118*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. II, *9*.

[23] B. Pick. Ук. соч., табл. VIII, *1*; E. H. Minns. Ук. соч., табл. II, *2*; F. Schlessinger. Ук. соч., табл. IV, *119*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. II, *10*.

[24] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 72 (таблица весов).

[25] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 75, 76, 85, 86; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 125. Ср. П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии, стр. 301—305.

[26] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 40—43, 46.

[27] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 48, 125, табл. XXXI, *1—3*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. I, *1—4*.

При изучении ольвийских ассов о буквами ΠΑΥΣ бросается в глаза ярко выраженный аттический характер их типов — это вполне очевидно по отношению к Афине[28] и колесу[29], а изображение совы является даже более показательным, чем оба предыдущие[30]. В самом деле, при широком распространении культа Афины Паллады было бы нетрудно привести многочисленные примеры того, как изображение этой богини в шлеме, украшенном высоким гребнем, воспроизводилось на монетах городов, стоявших вне сферы прямого политического влияния Афинского государства; напротив, изображение совы появляется, как правило, лишь на монетах городов, подвластных или особенно близких к Афинской державе. Так, на серебряных монетах (сиклах) Амиса после его подчинения афинянам и переименования в Пирей чеканится изображение стоящей впрямь совы с распластанными по сторонам крыльями[31], представляющее собой заимствование с аттических декадрахм и тригемиоболов[32]; изображение совы в профиль со сложенными и прижатыми к туловищу крыльями, образцом для которого послужили подобные совы на афинских тетрадрахмах, драхмах и оболах[33], а также изображение стоящей впрямь с прижатыми к туловищу крыльями совы, скопированное с афинских триоболов[34], или изображение двух сов с одной общей головой, характерное для афинских диоболов[35], мы встречаем на монетах Сигея, оплота влияния Афин в районе Геллеспонта[36]. От подобных подражаний, являющихся прежде всего выражением политической зависимости соответствующих центров от Афинской державы, следует отличать простые имитации афинских монет, которые изготавливались с чисто торговыми целями; таковы, например, в V—IV вв. до н. э. выпуски серебряных тетрадрахм в Ликии, на палестинском побережье, в Месопотамии и в Египте[37]. В этих последних случаях речь идет не о заимствовании типов афинских монет, обусловленном политическими мотивами, а именно о рабском копировании всех их внешних признаков, включая даже надпись ΑΘΕ.

Нельзя не видеть, что в Ольвии мы встречаем пример иного порядка. Литые ассы никак не могут быть отнесены к категории подражаний аттическому серебру — перед нами, несомненно, заимствование афинской символики, усложненное, заметим попутно, тем, что на ольвийских ассах с изображением Афины у ее головы представлен дельфин[38]. Но

[28] Например, А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII, М., 1887, стр. 3, 4; его же. Этюды..., стр. 222; В. В. Голубцов. Ук. соч., стр. 80; Ch. Seltman. Athens..., стр. 132, 133.

[29] Ch. Seltman. Athens..., стр. 34, 35, 53; ср. П. О. Карышковский. Об обращении кизикинов в Ольвии. НЭ, II, 1960, стр. 4—6.

[30] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 58.

[31] W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I, вып. 1, Paris, 1904, табл. VI, 16—32; E. Babelon. Traité de monnaies grecques et romaines. Ч. II, т. II, Paris, 1910, табл. CLXXXV, *8—16*; ср. М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., 1956, стр. 87—88, 101, 157.

[32] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. IV, *1*; B. V. Head. Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Attica etc., London, 1888, табл. III, *1*; IV, *10*.

[33] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. IV, *2*, *3*, *6*; B. V. Head. CBM, Attica, табл. III, *2—5*; IV, *5*, *6*, *11*; V, *3—7*.

[34] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. IV, *4*; B. V. Head. CBM, Attica, табл. IV, *7*, *8*; V, *13*, *14*.

[35] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. IV, *5*; B. V. Head. CBM, Attica, табл. V, *16*.

[36] E. Babelon. Ук. соч., табл. CLXVII, *1—6*; ср. B. V. Head. Historia numorum, стр. 549.

[37] E. Babelon. Ук. соч., табл. CXXV—CXXVI; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. IV, *8—10*; Ch. Seltman. Greek Coins, табл. XXXII, *2*, *3*.

[38] А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, *2*, *3*; F. Schlessinger. Ук. соч., табл. IV, *118*, *119*; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. II, *9*, *10*. Можно предположить, что это указывает на заимствование данного типа не прямо с афинских монет, а со статеров Кизика, где у головы Афины помещается тунец, эмблема Кизика (ср. H. Fritze. Die Elektronprägung von Kyzikus. Nomisma, т. VII, 1912, табл. II,

это добавление к типу не меняет основного смысла изображений совы и Афины на ассах с именем Павсима или Павсания, и мы вправе считать, что появление этих подчеркнуто проафинских типов на монетах города далекой Скифии является одним из аргументов в пользу предположения о том, что во второй половине V в. до н. э. Ольвия входила в сферу политического влияния Афинской державы [39], а сам факт выпуска необычной для греческого мира полноценной медной монеты был обусловлен прямым запретом чеканить серебро, тяготевшим над членами Первого Афинского морского союза [40].

16, 17, 20; см. также П. О. Карышковский. Об обращении кизикинов в Ольвии, стр. 8—11).

[39] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 45—47; Б. В. Фармаковсьский. Розкопування Ольвії р. 1926. Одеса, 1929, стр. 54; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, стр. 3, 4; П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 57—100.

[40] E. G. S. Robinson. The Athenian Currency Decree and the Coinage of the Allies. Hesperia, т. VIII (приложение), 1949, стр. 324—340; П. О. Карышковский. Ольвия и Афинский союз, стр. 62—82.

А. И. САЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В АНАПЕ

В 1958 г. в Анапе при земляных работах во дворе Городского совета (угол набережной и ул. Свободы) была обнаружена гончарная печь, относящаяся к последним векам до нашей эры. Рабочими было извлечено до десятка различных керамических изделий, представляющих собой инвентарь для обжига продукции, готовую продукцию, а также много обломков амфор, кирпича и др. Все находки поступили в Анапский краеведческий музей. Сообщение о находках было сделано с запозданием, и поэтому зафиксировать точно, в каком слое находилась каждая из находок, не удалось. Однако на южном срезе ямы один из сотрудников музея видел контур печного свода и пода. Ориентирована печь примерно по линии север — юг и уходит в обрез в сторону Кубанской улицы. Над печью на поверхности земли проходит массивный каменный забор, что затрудняет раскопки. Ширина печи — 1,2 *м*, высота свода — 0,5 *м*. Глубина печи от поверхности — 1,5 *м*.

Из печи были извлечены следующие гончарные изделия.

1. Четыре вазочки (рис. 1, *1, 2*) желтой глины с хорошо заметными дефектами их изготовления — захватами пальцев, царапинами от инструментов, погрешностями формовки и др. Чистая поверхность изделий, отсутствие потертости и каких-либо других следов употребления говорят о том, что это — продукция данной гончарной печи. Обжиг посуды хороший, равномерный. Размеры вазочек: высота — 8 *см*, диаметр — 7 *см*.

2. Подставка желтой глины, полая, цилиндрической формы, с двумя рельефами в виде головы быка (рис. 2). Наружная поверхность покрыта известковыми отложениями. Изготовлена на гончарном круге, но еще в сыром виде была деформирована. Высота — 12 *см*. От второй аналогичной подставки сохранилась только нижняя часть.

3. Три фрагмента подставок меньшего размера, причем два из них, от нижних частей,— из желтой глины, с мелкими вкраплениями белого цвета, третий — из черной глины. Диаметр — 6 *см*.

4. Подставка из желтой глины. Верх сохранился частично. Прекрасно видны следы обработки. В употреблении, безусловно, не была. Высота — 9,2 *см*, диаметр — 7,3 *см*.

5. Заготовка донышка для подставки предыдущего типа. Диаметр — 5,2 *см*, глубина — 1,5 *см*.

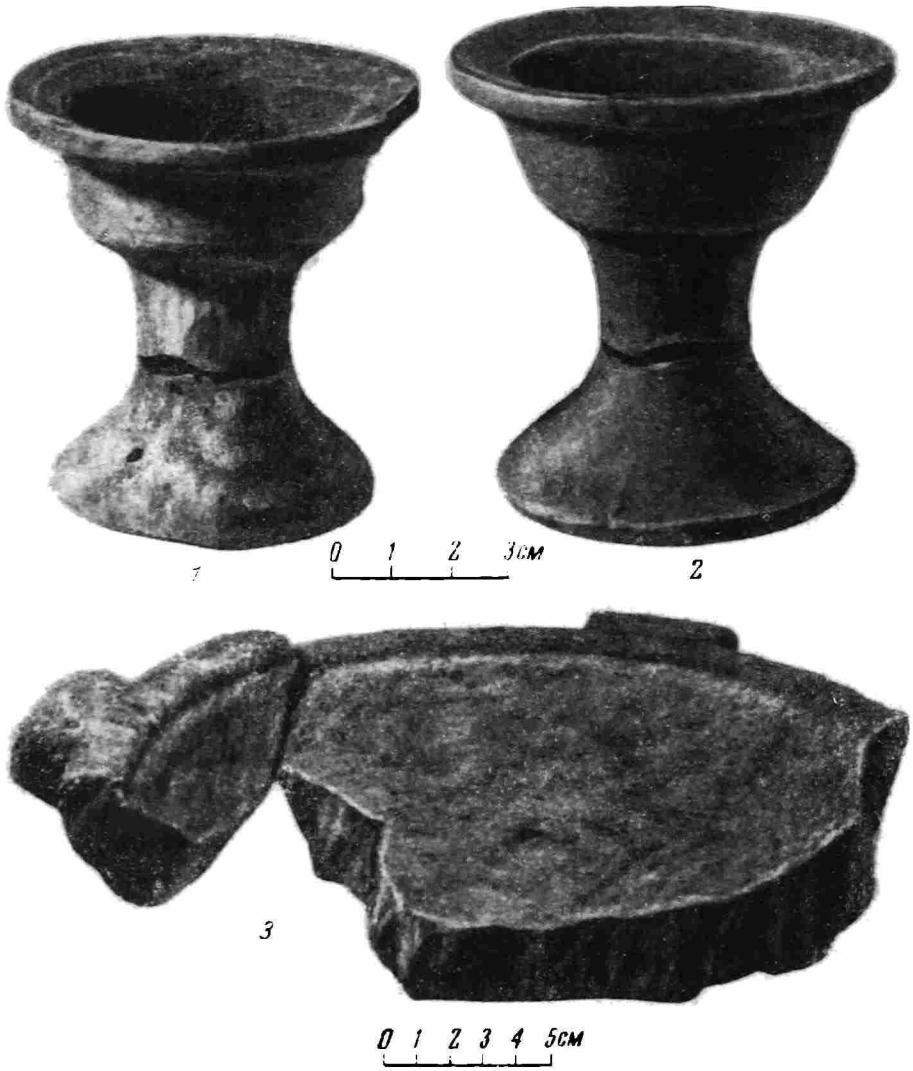


Рис. 1.

1, 2 — глиняные вазочки; *3* — каменное блюдо

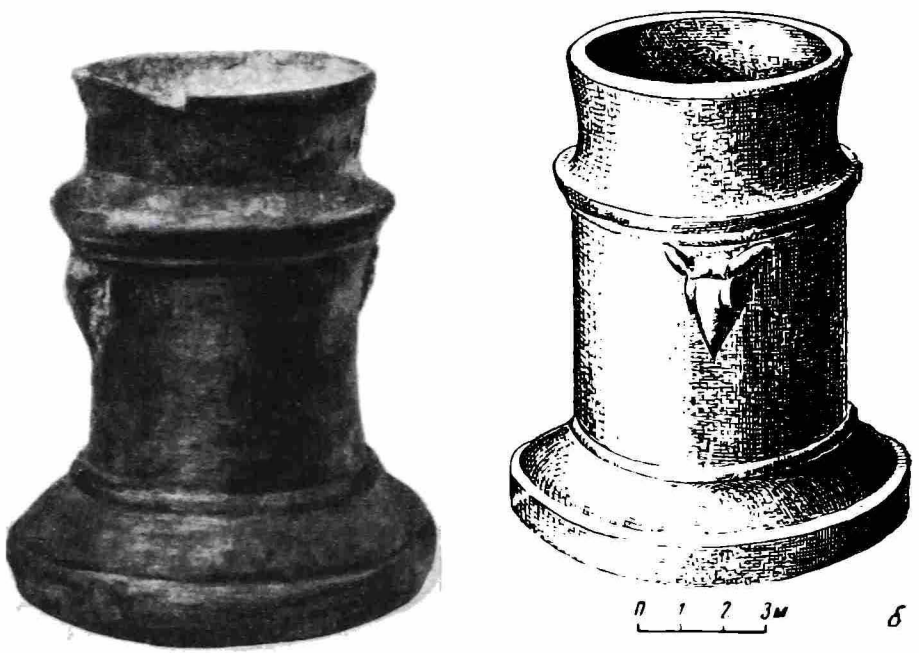


Рис. 2. Глиняная подставка

6. Два бронзовых выпукло-вогнутых кружка. Диаметр — 7,6 *см*, глубина — 1,5 *см*. Возможно, они являлись основаниями для формовки донышек подставок.

7. Два фрагмента массивного блюда из бурого железняка (рис. 1, *3*), с двумя выступами-упорами (блюдо имело четыре таких выступа). По верхней части венчика проходит линейный орнамент. Диаметр — 28 *см*.

8. Наиболее интересной находкой является чернолаковая терракота-светильник (рис. 3). Это гротескное изображение рабыни. Верхнее платье охватывает торс и одним узлом завязано на левом плече, а затем, опоясав талию, завязано бантом у левого бока. Обеими руками рабыня поддерживает на голове сосуд, на крышке которого изображены рельефом кисть винограда, рыба, фрукты, цветы. Под тяжестью сосуда женщина нагнулась. Лицо ее — негроидного типа, с приплюснутым носом, волосы курчавые. Сосуд, который держит женщина, предназначался для наливания масла. Он имеет форму опрокинутой шестигранной пирамиды с четырьмя отверстиями, три из которых расположены по углам основания пирамиды и одно в центре. В центральное отверстие наливалось масло для горения, остальные отверстия — для фитилей. Терракота покрыта черным лаком среднего качества. Судя по стертости лака, светильник был в употреблении,— очевидно, он являлся инвентарем гончара.

Рис. 3. Чернолаковая статуэтка-светильник

Кроме перечисленных находок, в выбросах из ямы очень много античной керамики, как простой, так и чернолаковой, что является вполне обычным на Горгиппийском городище. Так, например, подобрано пирамидальное грузило. Найдено несколько обломков амфор, чернолаковых сосудов, калиптера. Бо́льшая часть этой керамики, по-видимому, прямого отношения к печи не имеет. Из ямы извлечено около тонны печины.

Таким образом, на территории Горгиппии найдены остатки одной из гончарных печей. Трудно сказать, была ли эта печь одиночной или входила в состав большой гончарной мастерской. Желательны специальные археологические раскопки, которые выявили бы конструкцию печи и дали возможность судить о ее роли в гончарном ремесле Горгиппии.

И. Т. КРУГЛИКОВА

О ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ ГОРГИППИИ

В связи с разрушением при земляных работах гончарной печи, случайно обнаруженной в Анапе в 1958 г. [1], экспедиция Анапского краеведческого музея и Института археологии АН СССР в 1961 г. произвела доследование небольшого участка к востоку от котлована 1958 г. Условия застройки участка позволили вскрыть площадь 1,5 × 2 *м*. С двух сторон она ограничена каменными стенами: с запада — современной, с востока — античной. С юга она примыкает к котловану, вскрытому в 1959 г. [2], с севера — к большому дереву.

Рис. 1. Форма для оттиска терракоты

Площадь доведена до материка, обнаруженного в 2,6 *м* от современной поверхности. В верхнем слое до глубины 1 *м* встречался смешанный материал турецкого и римского времени. На глубине 1 *м* была вымостка из каменных плит. Под ней оказался материал начала нашей эры, и на глубине 1,6 *м* ниже современной поверхности начался завал обожженных сырцовых кирпичей. Размеры кирпичей: 47 × 42 × × 8 *см*; 34 × 39 × 8 *см*; 41 × × 34 × 8 *см* и др. Бо́льшая часть кирпичей распалась на мелкие части, но шесть кирпичей, хорошо сохранившихся, лежали без системы на глубине от 1,95 до 2,25 *м* и явно были сдвинуты с места. Они лежали в слое красной обожженной глины, рассыпающейся на мелкие кусочки. Среди сырцовых кирпичей в красной глине встречались обломки боспорских соленов и калиптеров, раздавленные сосуды, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев; на глубине 2,35—2,45 *м* было найдено много пирамидальных грузил.

По-видимому, сырцовые кирпичи и расплывшаяся глиняная обмазка купола гончарной печи как бы накрыли скопление сосудов, стоявших поблизости от печи у стены. Никаких следов пода печи или сильно обожженных ее стенок обнаружено не было. Слой пережженной глины толщиной

---

[1] См. помещенную в этом номере статью научного сотрудника Анапского краеведческого музея А. И. Салова.

[2] Площадь 7×5 *м*, непосредственно примыкавшая с юга к котловану 1958 г., была вскрыта в 1959 г. экспедицией Анапского краеведческого музея во главе с И. В. Поздеевой. По ее словам, на исследованном участке гончарной печи обнаружено не было, хотя, судя по статье А. И. Салова, свод печи уходил именно в этом направлении. Были найдены только скопления обгорелой глины и многочисленные обломки сосудов, аналогичных целым сосудам, найденным на участке 1961 г.

от 0,2 до 0,6 *м* с беспорядочно лежавшими кирпичами концентрировался вблизи котлована 1958 г., что подтверждает сведения о разрушении этим котлованом остатков гончарной печи, частично расплывшейся и разрушенной еще в античное время.

Среди керамики, сконцентрированной у восточной стены помещения, найдены форма для изготовления терракотовой статуэтки (рис. 1) и канфар, поверхность которого была покрыта коричневой краской и лощением, являвшийся, вероятно, браком производства, так как его ножка отпала при обжиге (рис. 2, *2*). Интересно, что рядом с ним лежал чернолаковый канфар, почти точной копией которого и являлся канфар лощеный (рис. 2, *1*). Были найдены куски красной минеральной краски, а также створка большой речной ракушки и овальной бронзовый щиток от пряжки, возможно служившие гончару орудиями для заглаживания поверхности сосудов. Среди керамики имелись сосуды, идентичные найденным в 1958 г. в печи: два рюмковидных сосуда (рис. 3, *1*), маленький глиняный сосуд типа алтарика или подставки (рис. 3, *2*), в виде полой трубки (тогда как найденные в 1958 г. закрыты сверху), и, возможно, так же как и канфар, являвшийся браком производства. Было найдено 29 пирамидальных грузил, слегка уплощенных, с оттисками геммы, изображающей римского воина в шлеме со щитом и копьем и 39 пирамидальных грузил с оттиском геммы в виде лошади, стоящей влево (рис. 3, *3, 4*). Все оттиски сделаны на верхней плоскости грузила. Кроме того, имелись пирамидальные грузила с неясным штампом (тоже на верхней плоскости) и совсем без оттисков. Все грузила сделаны из светло-коричневой глины, почти без примесей, все имели острые грани без всяких следов потертости. Несколько грузил со штампами было почти не обожжено и рассыпалось при выемке. Все эти находки свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело не просто со складом керамики, но и с продукцией гончара, вынутой из гончарной печи, частично недообожженной, частично испорченной при обжиге и еще не рассортированной.

Рис. 2. Канфары

1—чернолаковый; *2*—со следами лощения

Здесь же лежали орудия труда гончара и привозные изделия, служившие ему образцами.

Керамика стояла у стены в определенном порядке. С южного края стояли амфора небольших размеров, светло-коричневой глины (найден-

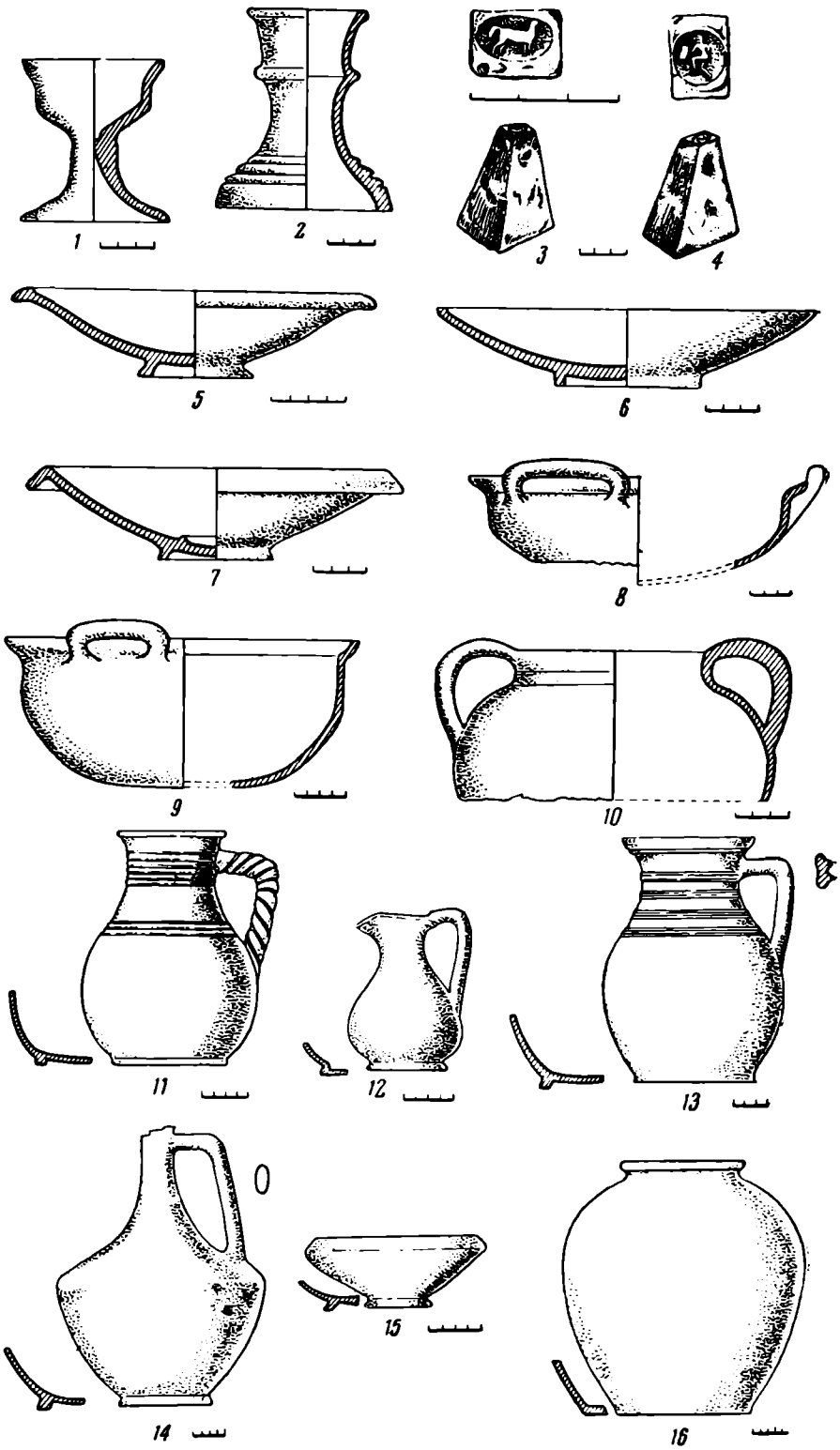


Рис. 3. Типы сосудов и пирамидальных грузил, найденных в 1961 г.

а *б*

Рис. 4. Декоративная фигурная ваза в виде мужской сидящей фигурки

ная еще в 1959 г.), и большой плоскодонный горшок (рис. 3, *16*). Рядом с ними были статуэтка сидящего мужчины (рис. 4), форма для терракоты сидящей женской фигурки (рис. 1), два канфара, светильник на высокой ножке (рис. 5), два кувшина (рис. 3, *11, 13*). Далее к северу вперемешку лежали многочисленные миски (рис. 3, *5—7, 15*), кастрюли (рис. 3, *8—10*), лагинос (рис. 3, *14*), ойнохоя (рис. 3, *12*), веретенообразный флакон, множество пирамидальных грузил и др. Возможно, наиболее крупные сосуды стояли на полу, а более мелкие помещались на каком-нибудь глинобитном выступе или подставке около печи, судя по тому, что при разрушении печи они упали поверх крупных сосудов и частично между ними. Подавляющее большинство сосудов сделано из светло-коричневой, иногда — розовой глины, без заметных посторонних примесей, что характерно для керамики Горгиппии, и являлось продукцией гончара, которому принадлежала печь. Но отдельные керамические изделия сделаны из другой глины и, вероятно, были привезены в Горгиппию. Они могли служить гончару в качестве образцов при изготовлении посуды или употреблялись им самим в быту. К таким изделиям надо отнести мегарскую чашу, чернолаковый кубок с орнаментом, нанесенным жидкой глиной и белой краской (рис. 6), оригинальный чернолаковый светильник в виде фигурки рабыни, найденный в 1958 г., чернолаковый канфар и др.

Особый интерес среди находок представляют терракота в виде сидящей мужской фигурки (см. рис. 4) и форма для оттискивания терракотовой фигурки богини (см. рис. 1). Терракотовая фигурка мужчины, высотой 15,5 *см*, из светлой зеленовато-коричневой глины без заметных примесей, сделана очень грубо. Ноги массивны и бесформенны, рука имеет лишь четыре пальца, верхняя часть плаща сделана в виде налепной линии. Статуэтка производит впечатление вылепленной от руки, а не отиснутой в форме. Мужчина одет в хитон, через левое плечо перекинут плащ, покрывающий также колени. В левой руке он держит сосуд с высоким горлом и округлым туловом, правая рука и голова отбиты. Ноги,

кисть левой руки и сохранившаяся часть шеи окрашены красной краской, того же цвета, что и куски краски, найденные при раскопках. Вероятно, эта терракота либо была ритуальной и употреблялась при возлияниях, либо являлась декоративной фигурной вазой. За спиной мужчины имеется полый воронкообразный прилеп со сквозным отверстием. Эта статуэтка не имеет себе прямых аналогий. Терракоты в виде сидящих мужских фигур встречаются довольно редко. Среди опубликованных Ф. Винтером имеются две фигурки сидящих мужчин в шляпах, с обнаженными правыми плечами, держащих на коленях сосуды[3]. Судя по шляпам, это — кабиры. Один из них, бородатый, держит лутерий, другой — открытый сосуд со стоящим в нем пирамидальным предметом и зверьком (может быть, мышью) на краю. Такого типа пирамидки изображались на надгробных памятниках со сценами погребальных трапез; их находили в могилах среди погребального инвентаря. Это вполне согласуется с представлением о кабирах как о божествах, связанных с хтоническим культом. Обнаженные части тела у статуэтки из Локр покрашены красно-коричневой краской, нанесенной без предварительной белой грунтовки, а на одежде следов краски не заметно. Такой характер окраски статуэтки сближает ее со статуэткой из Горгиппии. К сожалению, у нашей статуэтки не сохранилась голова, но мне кажется, что терракоту можно считать изображением жреца, возможно, связанного с культом Великой Богини. Сосуды с округлым туловом и вытянутым горлом неоднократно встречались в курганах Северного Причерноморья. Такой сосуд изображен в правой руке сидящей в кресле богини на золотом рельефе ритона из кургана у дер. Мерджаны в Прикубанье[4]. Похожий сосуд — в руках мужчины, стоящего справа от сидящей богини, на золотой пластинке из кургана Карагодеуашх, и в руках скифа — на золотой бляшке из кургана Куль-Оба. М. И. Ростовцев считает эти сосуды ритуальными[5]. Именно наличие такого сосуда в руках мужчины у нашей статуэтки и заставляет связать ее с культовыми изображениями.

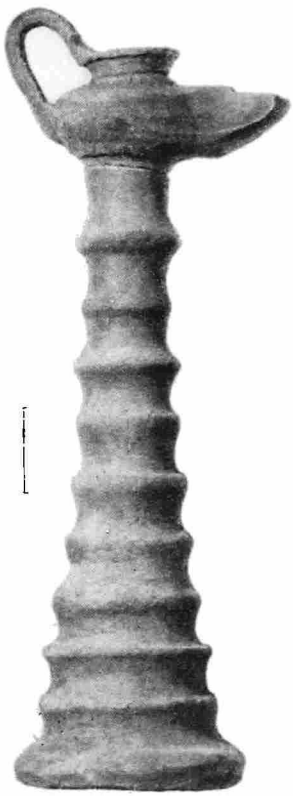


Рис. 5. Светильник на высокой ножке

Очень интересна и форма для оттиска терракотовой женской статуэтки (см. рис. 1), найденная в этом комплексе. Она сделана из розовой, хорошо промешанной глины. Высота ее — 21,1 *см*, наибольшая ширина — 13 *см*. Она представляет богиню в калафе, сидящую в кресле с высокой спинкой, имеющей сверху раздвоенные выступы. На шее богини — гривна, длинные волосы спадают на плечи, хитон с рукавами до локтей высоко подпоясан, что характерно для эпохи эллинизма, левое плечо и рука покрыты плащом, перекинутым через плечо и покрывающим колени. В правой руке она держит фиалу. Кисть левой руки не видна. Вероятно, она формовалась отдельно, как это можно видеть у ольвийской терако-

[3] F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, т. I, Berlin, 1903, стр. 179, рис. 1 (из Фив) и рис. 2 (из Локр); JDAI, VI, 1891, стр. 167, рис. 11.

[4] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, 1913, табл. X, *1*; табл. XI, *1*.

[5] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 10, табл. II, *1*, *7*.

Рис. 6. Аттический чернолаковый кубок

ты, изображающей Кибелу [6]. Возможно, к ней должна была прикрепляться какая-нибудь деталь, формовавшаяся отдельно. Впрочем, так же неясно заканчивается левая рука статуэтки сидящей богини из Тиритаки, найденной в слое эллинистического времени [7]. Форма эта очень четкая и производит впечатление новой. Все попытки сделать с нее гипсовый или пластилиновый оттиск были неудачны: оттиски свободно не вынимаются из формы, так как имеется несколько так называемых «замков», которые могли образоваться в результате деформации формы при обжиге; может быть, именно поэтому форма была отложена и находилась вместе с другими бракованными изделиями.

Терракотовые статуэтки, изображающие сидящие женские фигуры, очень многочисленны. В Северном Причерноморье статуэтки такого типа встречаются, начиная с архаической эпохи,— как привозные, так и местного производства [8]. Статуэтки в виде сидящих богинь с фиалой в правой руке и с фруктами в левой были найдены в Пестуме [9], на Родосе [10]; очень близки им статуэтки Кибелы из Галикарнаса [11], Приены [12] и Сирии [13], а также статуэтки Деметры середины V в. до н. э. из Пестума [14] и сидящей богини с горгонейоном на груди из Тиритаки [15].

Вполне возможно, что данная форма предназначалась для изготовления стандартных фигурок сидящих богинь, которым, по желанию мастера,

---

[6] Е. И. Леви. Терракоты из цистерны Ольвийской агоры. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 12.

[7] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 171, рис. 24, *1*.

[8] М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 27—32.

[9] F. Winter. Ук. соч., стр. 129, рис. 1.

[10] R. A. Higgins. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum, т. I, табл. 38, *223*.

[11] Там же, табл. 60, *422*.

[12] N. Breitenstein. Catalogue of Terracottas. Danish National Museum. Copenhagen, 1941, табл. 62, *507*.

[13] F. Winter. Ук. соч., стр. 175, рис. 1.

[14] P. Eberhard. Antike Welt in Ton. Griechische und Römische Terrakotten des archäologischen Institutes in Leipzig. Leipzig, табл. 25, *88* и *89*.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 171, рис. 24, *1*.

могли быть приданы различные атрибуты; тимпан в левой руке и львенок на коленях или сидящий рядом с креслом лев превращали эту богиню в Кибелу, фрукты — в Деметру, рог изобилия — в Тюхе, без всяких атрибутов могла изображаться сидящая в той же позе в кресле «Богиня-мать». Головной убор статуэтки, оттиснутой в нашей форме, мог быть легко превращен с помощью стэки в башенную корону, и в калаф. Фиала в правой руке встречается у статуэток Кибелы, Деметры, Тюхе, Богини-матери и др. и не является характерным атрибутом какой-нибудь одной из них. Возможно, что сама форма являлась привозной. Характер ее глины отличается от обычной горгиппийской глины наличием мелких белых частичек.

Мастерская гончара, судя по найденной в ней керамике, должна относиться к началу II в. до н. э. Об этом свидетельствуют форма и качество лака чернолакового канфара на высокой ножке, форма узкогорлого и простого кувшинов, аналогичных найденным Б. В. Фармаковским в некрополе Ольвии и датируемых им II в. до н. э.[16], чернолаковый аттический кубок на кольцевом поддоне (рис. 6), покрытый плохим черным лаком с графитовым оттенком, с орнаментом в виде пояса из косых пересекающихся линий, чередующихся с шашечным полем. Такого же типа орнамент, нанесенный жидкой глиной и белой краской, встречается на амфорах западного склона Афинского акрополя[17], на амфорах группы Е с афинской агоры[18], датирующихся II в. до н. э., на пелике из каменного склепа Артюховского кургана[19] и амфорах из Ольвии[20]. Ко II в. до н. э. нужно отнести и веретенообразный флакон, а также кастрюли (рис. 3, *9*), аналогию которым можно найти среди керамики групп Е и Д из афинской агоры[21]. Рюмковидные сосуды, хотя и несколько отличные от анапских, были найдены в Ольвии среди материала конца III — первой половины II в. до н. э.[22]. Этой дате не противоречат форма мисок и других простых сосудов, характер формы женской статуэтки и статуэтка рабыни, найденная в 1958 г.

Весь найденный материал свидетельствует о том, что в мастерской горгиппийского гончара производили как крупные, так и мелкие гончарные изделия и терракоты, что было характерно также и для близкой ей по времени херсонесской мастерской[23]. Эта гончарная мастерская погибла в I в. до н. э. в результате какой-то катастрофы. Большое количество изготовленной продукции осталось в мастерской и погибло в ее развалинах. Мастерская, по-видимому, находилась в помещении, ограниченном каменными стенами. Ее примерные размеры — 4,6 × 5,5 *м*. Имело ли это помещение сплошную крышу или частичный навес в восточной части, сказать трудно. Находки обломков черепицы и угольков от сгоревшего перекрытия в восточной части говорят в пользу наличия навеса над той частью помещения, где была собрана продукция. Развалины печи долгое время оставались незастроенными; лишь на рубеже нашей эры этот участок частично был перекрыт каменной вымосткой.

---

[16] Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 36, рис. 25, табл. V, *46*, *47*.

[17] C. Watzinger. Vasenfunde aus Athen. Athenische Mitteilungen, т. 26, Berlin, 1901, стр. 78, рис. 24.

[18] Homer A. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery. Hesperia, т. III, 1934, № 1, стр. 395, комплекс Е.

[19] М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 55, рис. 12.

[20] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 275, рис. 5, *4*, *6*.

[21] Homer A. Thompson. Ук. соч., рис. 121, E141 и E72.

[22] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 149, табл. XXXV, *6*.

[23] В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4, стр. 144 и 152. Эти печи прекратили свое существование в середине II в. до н. э.

Г. Е. ТРАПЕЗНИКОВ

БРОНЗОВАЯ ПАРФЯНСКАЯ МОНЕТА I в. н. э.

В 1958 г. в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа поступила бронзовая монета (рис. 1), найденная в 1955 г. при археолого-топографическом обследовании Чиркоу-Тепе, в 12 *км* к северо-западу от городища древнего Мерва (Гяур-Кала — Антиохия Маргианская).

Монета была найдена в развалинах одной из комнат тепе, среди керамики I—III вв. н. э. и обломков терракот. Стены тепе (замка?) были сложены на мощном пахсовом стилобате из кирпича-сырца размером 40 × 40 × × 10—12 *см*.

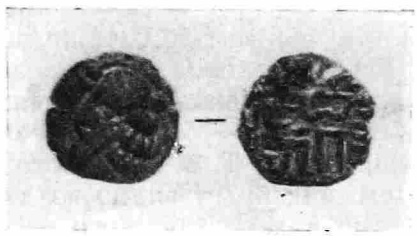


Рис. 1. Бронзовая парфянская монета из Чиркоу-Тепе

Л. с. Голова царя с бородой и усами, влево, волосы убраны в завитки, ниспадающие тремя прядями. Голова повязана диадемой, концы и бант завязок опущены сзади. В поле, на уровне лба — полумесяц со звездой.

О. с. Сидящая фигура (Аршак?), влево, в обычной позе. В вытянутой руке — лук. Под луком буква П. Остатки легенды ЕО. Бронза. 16 *мм*. Вес 3,10 *г*. Сохранность хорошая [1].

По иконографическим признакам лицевой стороны, прическе, головному убору, а также по оборотной стороне монеты она может быть сближена с монетами, изданными В. М. Массоном [2]. На нашем экземпляре хорошо воспроизводятся тип лица, прическа и диадема. Кроме того, на лицевой стороне монеты виден на уровне лба полумесяц со звездой [3]. Оборотная сторона восполняет многие детали.

Монеты данного типа известны в нумизматической литературе уже давно [4], однако В. М. Массону на основании глубокого анализа и находок новых монет, собранных при археологических работах ЮТАКЭ в древнем Мерве, удалось прийти к выводу, что подобный тип монет следует относить к чекану маргианского правителя Санабара последней трети I в. н. э. [5].

---

[1] Количество бронзовых монет подобного типа невелико: в Гос. Эрмитаже — 7, в Британском музее — 5. Почти все они плохой сохранности. Уникальной до сих пор считается бронзовая монета, изданная Э. Томасом, см. E. Tomas. Early Sassanian Inscriptions. London, 1868, стр. 121; его же. Early Armenian Coins. NChr., 1871, стр. 216—218. Поэтому всякая новая монета этого типа, хорошей сохранности и строго зафиксированная на месте находки, заслуживает внимания.

[2] В. М. Массон. Восточнопарфянский правитель Санабар. НС, II, 1957, табл. II, *7—10*.

[3] Подобное явление отмечено и на монетах Фраата IV.

[4] Начало определению монет с упоминанием имени Санабара было положено 100 лет тому назад, см. V. Prinsep. Essays on Indian Antiquities, т. II, London, 1858, стр. 215. Сравнительно хорошо читаемый экземпляр драхмы Санабара был издан П. Гарднером, относившим его, однако, к чекану греко-бактрийского круга, см. P. Gardner. Parthian Coinage. Numismata Orientalia. London, 1877, стр. 47, табл. IV, *29*.

[5] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 39 и 41. Автор считает Санабара современным общепарфянским царям Вологезу I, Пакору II, Вологезу II. Вероятнее всего, время его правления следует идентифицировать с правлением Пакора II, так как Н. Дебевойс относит последнее к 78—115/16 гг. н. э. См. N. C. Debevoise. A Political History of Parthia. Chicago, 1938, стр. 270.

М. И. МАКСИМОВА

АМУЛЕТ ИЗ ГОРГИППИИ И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ШАРИКИ-ПОДВЕСКИ»

Недавно найденный около Анапы амулет с греческой надписью уже неоднократно обсуждался в печати. Впервые он был опубликован Т. В. Блаватской, посвятившей этому памятнику подробное исследование [1]. Затем С. Я. Лурье выступил с критическими замечаниями по поводу предложенной издательницей амулета транскрипции и интерпретации текста «Б» и, в свою очередь, дал новое чтение этого текста [2]. Т. В. Блаватская приняла только часть замечаний С. Я. Лурье, а по ряду вопросов осталась при прежнем мнении [3]. Если мы теперь вновь возвращаемся к этому памятнику, то нами при этом руководят следующие соображения.

Оба вышеназванных автора сосредоточили свое внимание почти исключительно на надписях амулета [4]. Что же касается других его особенностей — формы, материала и т. д., то, если не считать краткого их описания у Т. В. Блаватской, они остались в стороне от изучения. А между тем, как будет видно из дальнейшего, обработка этого памятника методами археологического исследования позволяет представить себе изучаемый объект в правильной исторической перспективе и тем самым разрешает некоторые вопросы, считавшиеся пока спорными.

Амулет из Горгиппии, относимый на основании палеографических данных к первым векам нашей эры, имеет форму шарика, диаметром примерно 3,5 *см*. Он сделан из агата и просверлен по своей оси, а его поверхность сплошь покрыта рядами вырезанных миниатюрных букв. Как было установлено Т. В. Блаватской, здесь начертаны два раздельных греческих текста магического характера. Текст «А» представляет собой выдержанный в стандартной форме магических заклинаний заговор против ядов. Транскрипция и интерпретация этого текста Т. В. Блаватской не вызывают возражений. Текст «Б» содержит моление, обращенное к некоей безымянной богине «владычице», об исцелении от болезней головы. Хотя общий смысл этого текста может считаться выясненным, но в отношении ряда существенных деталей еще не достигнуто единства взглядов, и предложенные чтения значительно отличаются друг от друга. Отсюда и расхождения по ряду важных вопросов, связанных с общей оценкой амулета.

Спорным остается, например, вопрос о месте его изготовления. Т. В. Блаватская высказывается за чужеземное происхождение амулета — «из тех же мастерских, откуда вышли и другие греко-египетские обереги [5]». С. Я. Лурье не ставит прямо вопроса о месте изготовления амулета, однако из его изложения явствует, что он склонен считать амулет местным, а не привозным изделием. Правильность этой последней точки зрения может, как нам кажется, быть подтверждена путем сопоставления анапского амулета с рядом аналогичных памятников, происходящих из районов Северо-Восточного Причерноморья и несомненно там и изготовленных. Правда, эти амулеты анэпиграфичны, но тем не менее типологическая связь с ними амулета из Горгиппии вряд ли может оспариваться. Вот краткий перечень этих изделий.

№№ 1 и 2. Во впускной плитовой гробнице Зеленского кургана на груди и у шеи погребенного в ней воина были найдены четыре пары аму-

---

[1] Т. В. Блаватская. Амулет из окрестностей Горгиппии. Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80 годишнината му. София, 1958, стр. 231—239.

[2] С. Я. Лурье. Еще об амулете из Горгиппии. СА, 1960, № 4, стр. 234.

[3] Т. В. Блаватская. Об анапском амулете. СА, 1960, № 4, стр. 235 сл.

[4] Хотелось бы высказать пожелание о новом, более совершенном воспроизведении надписей, без чего вряд ли возможна дальнейшая работа над ними.

[5] Т. В. Блаватская. Об анапском амулете, стр. 236.

летов, носившихся, очевидно, в виде подвесок к ожерелью [6]. Среди них — два цилиндрика из черной пасты, оправленные в золото, два звериных зуба в золотых оправах, два коралла в форме звериной ноги, оправленные золотой проволокой, и два шарика из сердолика, диаметром 2,7 *см*, такой же формы, как амулет из Горгиппии. Эти шарики (рис. 1) сохранили свою оправу из довольно толстой золотой проволоки, оплетающей их со всех сторон и образующей наверху петлю для подвешивания. Все известные мне шарики-амулеты имеют такие же оправы, что возможно, не случайно: всякого вида узлы, как известно, древние наделяли таинственной магической силой (вспомним хотя бы так называемый Гераклов узел), и в данном случае оправа из переплетающейся проволоки, вероятно, должна была повысить действенность самого оберега [7]. Впускная гробница Зеленского кургана датируется первой половиной III в. до н. э. [8].

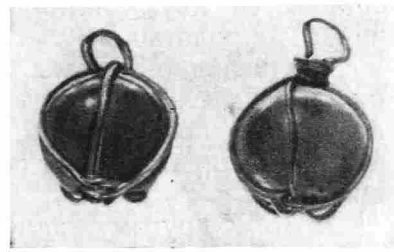


Рис. 1. Шарики-амулеты из Зеленского кургана. Сердолик в золотой оправе

№№ 3 и 4. Два таких же амулета несколько меньших размеров и в такой же оправе найдены в погребении на мысу Ак-Бурун [9]. Поскольку тело погребенного там знатного воина было сожжено в самой гробнице, то вещи оказались разбросанными. Шарики-амулеты подверглись действию огня, и порода камня не поддается определению. В гробнице была найдена поздняя панафинейская амфора, которую Дж. Бизли относит примерно к 320 г. до н. э. [10], и статер Александра Македонского, по определению А. Н. Зографа, выпуска предпоследнего десятилетия IVв. до н. э. [11]

№ 5. Из кургана в станице Таманской происходит еще один каменный шарик-амулет [12], перегоревший в огне, подвешенный вместе с другими амулетами из золота и камня (зайчики, барашек, астрагалы и вазочка) к золотому ожерелью в виде цепочки. В той же гробнице был найден статер Александра Македонского синопского чекана III в. до н. э. [13].

№ 6—9. Четыре таких же шарика-амулета из сердолика были обнаружены в кургане у станицы Курджипской [14]. Из них два — диаметром 1,2 *см* и два — 1,8 *см*.

№ 10—13. Особенно интересна находка четырех небольших амулетов этого типа в кургане станицы Марьевской на Кубани [15]. Здесь был обнаружен деревянный склеп с целым рядом захоронений. На шее одного женского костяка оказались четыре амулета знакомой формы из янтаря (в настоящее время все они, кроме одного, раскрошились) и маленькая

---

[6] Гос. Эрмитаж, инв. № Зел. 8—12; В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. ИАК, вып. 60, 1916, стр. 26.

[7] Оплетение шариков производилось следующим образом. Проволока складывалась вдвое, и на месте сгиба формировалась петля; оба конца проволоки пропускались затем через отверстие шарика, после чего они вновь отводились кверху и оборачивались вокруг основания петли; это повторялось иногда несколько раз, и таким образом весь шарик оплетался проволокой. Варьируют количество оборотов и способ их сцепления между собой. В одном случае (Курджипс) проволока частично расплющена так, что шарик попеременно оплетается золотой проволокой и золотыми полосками.

[8] На основании найденных там чернолаковой каннелированной амфоры и золотого медальона с камеей. См. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 26, рис. 7 и 8.

[9] ОАК за 1876 г., табл. II, *9*. Гос. Эрмитаж, инв. № АКБ 29.

[10] J. D. Beazley. Panathenaica. AJA, 1943, т. XLVI, № 4, стр. 461.

[11] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Тр. Античного отд. Гос. Эрмитажа, т. I, 1945, стр. 90—93.

[12] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 214 сл. Гос. Эрмитаж, инв. № Т 1910—2.

[13] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 96 сл.

[14] ОАК за 1895 г., стр. 62 сл., рис. 145; ОАК за 1896 г. Приложение, стр. 155, рис. 516. Гос. Эрмитаж, инв. № КУ 1895 4/18 и 4/35; КУ 1896 1/81 и 1/85.

[15] ОАК за 1912 г., стр. 55, рис. 79. Гос. Эрмитаж, инв. № КУ 1912 3/5.

статуэтка из серо-зеленой пасты, изображающая египетского бога врачевания Имхотепа, также оплетенная золотой проволокой [16].

Все перечисленные шарики-амулеты относятся к концу IV и к III в. до н. э. Однако есть основания полагать, что подобные изделия бытовали в тех же районах в течение гораздо более длительного времени.

№ 14. В главном погребении IV Семибратнего кургана, относящемся к середине V в. до н. э., при костяке погребенного там мужчины оказался набор из семи амулетов [17], по своему составу похожий на набор амулетов из Зеленского кургана, а именно: звериный зуб в золотой оправе, золотые оправы от двух цилиндриков, золотой амулет в виде личинки кузнечика, три золотых амулета, похожих на пуговицы, и сердолик неправильной грушевидной формы. Этот последний предмет, несмотря на несколько иную форму, вероятно, должен быть поставлен в один ряд с шариками-амулетами, поскольку он, так же, как и эти изделия, просверлен в вертикальном направлении и оплетен золотой проволокой с ушком для подвешивания.

№ 15. К другому времени, а именно ко II в. н. э., относится погребальный комплекс кургана № 42 у станицы Усть-Лабинской [18], в которой был найден еще один шарик-амулет, сделанный из горного хрусталя и в обычной золотой оправе [19]. Эта находка подтверждает бытование шариков-амулетов вплоть до того времени, к которому относится амулет из Горгиппии [20].

В форме рассмотренных подвесок за длительное время их существования не произошло никаких изменений. Возникает вопрос: имеется ли достаточно оснований для отнесения амулета из Горгиппии к этой группе памятников, связанной с Северо-Восточным Причерноморьем?

Сферическая форма камня с отверстием по оси допускает только две возможности ношения амулета: камень либо был одним из звеньев ожерелья, либо носился в виде подвески, и в таком случае у него должна была быть оправа. На каменных бусах и пронизках только в виде редких исключений можно встретить резьбу — отдельные буквы и фигуры. Горгиппийский шарик, сплошь покрытый буквами и знаками, был бы неуместен среди гладко отполированных бус из цветного камня. И еще одна особенность говорит в пользу того, что шарик имел оправу и, следовательно, его носили в качестве подвески, причем эта оправа, видимо, была такой же, как и у других шариков-амулетов. Бросается в глаза большая ширина отверстия в горгиппийском шарике — почти 0,6 *см*, при диаметре шарика 3,5 *см*. Для шнура, на который нанизывалось ожерелье, такая ширина излишня, но она необходима для плетеной оправы, так как в этом случае проволока, иногда солидной толщины, пропускалась сквозь отверстие неоднократно.

---

[16] ОАК за 1912 г., стр. 55, рис. 78; Б. А. Тураев. Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 128 сл.

[17] ОАК за 1877 г., стр. 11 и 27 сл., табл. II, *11—15*.

[18] ОАК за 1902 г., стр. 83.

[19] Гос. Эрмитаж, инв. № КУ 1902/3. 106.

[20] На территории древней Грузии найдено несколько изделий, сходных с шариками-амулетами нашего типа. В Армазис-Хеви, в богатой гробнице № 13, датируемой IV в. н. э., оказались две подвески из цветного камня. Камни не обработаны и имеют овальную, уплощенную форму. Их оправа состоит из перекрещенных узких и тонких золотых полосок с петлей наверху. (См. А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета, I. Армазис-Хеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1958, стр. 122, рис. 138; табл. XII, *1* и XCVII, *1*). Четыре сходные подвески найдены случайно в 1942 г. в Уреки (см. А. М. Апакидзе. Археологические памятники позднеантичного периода из Уреки. ВГМГ, т. XIV-B, 1947 (на груз. языке), стр. 117 сл. и рис. 6 на стр. 97); по монетам датируются концом III—IV в. н. э. Указывая, что подвески этого типа редки среди находок в Грузии, А. М. Апакидзе предположительно связывает их генетически с круглыми ажурными подвесками эпохи бронзы. Более вероятна, на наш взгляд, их типологическая связь с нашей серией тамано-кубанских амулетов. Эта форма была, вероятно, заимствована грузинскими мастерами у северных соседей и подвергнута затем переработке.

Но могут возникнуть сомнения другого порядка. Если допустить, что шарики-подвески, как их обычно называют в литературе, служили только украшениями, а не амулетами, то в таком случае, несмотря на сходство формы и оправы, нарушается прямая функциональная преемственность между анэпиграфичными шариками и горгиппийским амулетом, и последний остается в полной изоляции. Однако обстоятельства находки простых шариков достаточно ясно свидетельствуют о приписываемой им магической силе. Во всех случаях, когда при раскопках производились точные наблюдения, шарики зафиксированы на груди или у шеи костяка вместе с другими подвесками, назначение которых как оберегов не вызывает никаких сомнений. Такая картина отмечена в Семибратнем, Таманском и Зеленском курганах, а также в кургане станицы Марьевской. Эти случаи, а также присутствие подвесок в форме шариков в мужских, а не только в женских погребениях исключают возможность видеть в этих изделиях простые украшения, а в таком случае тесная связь, устанавливаемая между амулетом из Горгиппии и анэпиграфичными шариками-амулетами, вполне законна и правомочна.

С этой точки зрения небезынтересно обратить внимание еще на одно, возможно, не случайное совпадение. Судя по содержанию текстов, вырезанных на шарике из Горгиппии, этот амулет принадлежал к категории амулетов медицинских; он должен был оберегать своего носителя от болезней и действия ядов. Простые шарики-амулеты не содержат никаких указаний на то, от каких зол и напастей они спасали человека. Однако находка в станице Марьевской, где на одном ожерелье с четырьмя шариками-амулетами висела подвеска в виде фигурки египетского бога врачевания Имхотепа, как будто намекает на то, что и эти обереги имели какое-то отношение к медицинской профилактике.

Инвентарь богатых погребений Тамани и прилегающих районов Прикубанья поражает огромным количеством находимых в нем предметов, связанных со всякими суевериями. Это амулеты всевозможных типов: ладанки, бляхи с магическими знаками, перстни с особыми вставками из метеоритов и т. д. Срок их бытования невелик, а ареал распространения выходит далеко за пределы названной территории. Создается впечатление, что эти талисманы и обереги, по крайней мере большинство из них,— явление преходящее в этих краях. Верхушка местного общества пользовалась ими отчасти под влиянием моды, перенимая их у местной знати соседних областей. Иное дело — серия шариков-амулетов, к которым мы присоединяем теперь и амулет из Горгиппии. Огромное их большинство происходит с Тамани и из Среднего Прикубанья. Исключение составляет лишь находка на мысе Ак-Бурун, находящемся, правда, в близком соседстве с Таманью. В то же время можно наблюдать длительное бытование амулетов этого типа в данных районах. Все это показывает, что мы имеем здесь дело с какой-то местной традицией, очень устойчивой, коренящейся в идеологии населявших эти области племен и народностей. Факт нахождения шариков-амулетов в погребениях местной знати этому не противоречит. Сильная эллинизация не могла полностью оторвать представителей высших социальных слоев от родной почвы, что проявляется не только в обряде погребения, но и в наборе предметов, сопровождавших покойников в могилу. Среди тончайших изделий греческого ювелирного искусства и торевтики здесь нередко можно встретить совсем примитивные украшения и предметы обихода, изготовленные руками местных ремесленников-кустарей и отчасти знакомые нам по могилам местной бедноты. Шарики-амулеты, видимо, принадлежат к этому разряду изделий, чем и объясняется их большая живучесть.

После всего изложенного вряд ли можно сомневаться в том, что и амулет из Горгиппии был изготовлен не в заморских странах, а где-нибудь недалеко от места его находки. И независимо от того, подтвердится или не подтвердится гипотеза С. Я. Лурье, прочитавшего в тексте «Б» негре-

ческое имя собственницы амулета (Матенака), можно думать, что этот магический шарик принадлежал потомку тех людей, которые оберегали себя при помощи анэпиграфических шариков-амулетов, а та «владычица», к которой он обращал свои моления, была, вероятно, не Исида или другое божество греко-египетского пантеона, а близкая ему местная Великая богиня. Но, в отличие от своих предков, собственник этого амулета решил как бы удвоить его традиционную чудодейственную силу, присовокупив к нему силу магических заклинаний и использовав для этого греко-египетские магические формулы, широко распространившиеся в первые века нашей эры во всех странах, затронутых античной культурой. В этом, как мы полагаем, и заключается главный научный интерес амулета из Горгиппии. Рассматриваемый под таким углом зрения, он оказывается памятником, в котором своеобразно и ярко отразился культурный и религиозный синкретизм, столь характерный для античного мира первых веков нашей эры, и в частности — для Северного Причерноморья.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ШЛЕМ XI в. ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

При сборе материалов по средневековому русскому вооружению наше внимание привлекло одно давнее сообщение о том, что в 1892 г. при проведении железной дороги у дер. Немия, бывш. Могилевского у. Подольской губ. (около Могилева-Подольского), был обнаружен железный, без наносника, шлем, с краями, покрытыми бронзовой позолоченной орнаментальной пластинкой [1]. Находка тогда же поступила в Каменец-Подольский музей и была отнесена к «древнерусскому типу» (в разделе «исторических древностей») [2]. Издан этот памятник не был и, по-видимому, еще во время первой мировой войны утрачен из коллекций музея. Единственное, что случайно сохранилось от шлема,— это старая, не очень хорошая фотография, которая и дала возможность спустя более чем 60 лет после находки вещи сделать ее достоянием науки [3].

На основании этой фотографии удалось полностью представить сам шлем и восстановить все элементы его орнамента (рис. 1) [4].

Среди известных нам русских шлемов X—XIII вв. подольский экземпляр является уникальным [5]. Впрочем, о русских боевых наголовьях XI в. почти ничего не известно, а именно к этому времени, как мы увидим ниже, и может относиться вышеназванный шлем. Размеры его нигде не указаны. Корпус большинства древнерусских боевых наголовий в поперечнике имел размер 22—23 *см*. Этот размер условно принимается и для публикуемой вещи.

Тулья шлема правильной полуяйцевидной формы в продольном сечении и заостренной сверху — в поперечном. По краю корпуса —бронзовый золоченый венец с гравированным петлевидным орнаментом. На челе — другая золоченая пластина, с тем же петлевидным узором, осложненным крыловидными отростками. Верх начальной пластины оформлен в виде рельефной сильно схематизированной человеческой маски. Видны нос,

[1] Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. М., 1901, стр. 91.

[2] Е. Сецинский. Музей Подольского церковного историко-археологического общества. Опись предметов старины. Каменец-Подольск, 1909, стр. 12.

[3] Благодарю директора Каменец-Подольского исторического музея-заповедника Г. П. Хотюн и научного сотрудника И. Д. Зельманович за предоставление копии этой фотографии.

[4] Рисунок шлема выполнен художником Артиллерийского исторического музея О. В. Харитоновым.

[5] А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, № 4, стр. 47 сл. Рассматриваемый шлем во время написания статьи был мне неизвестен.

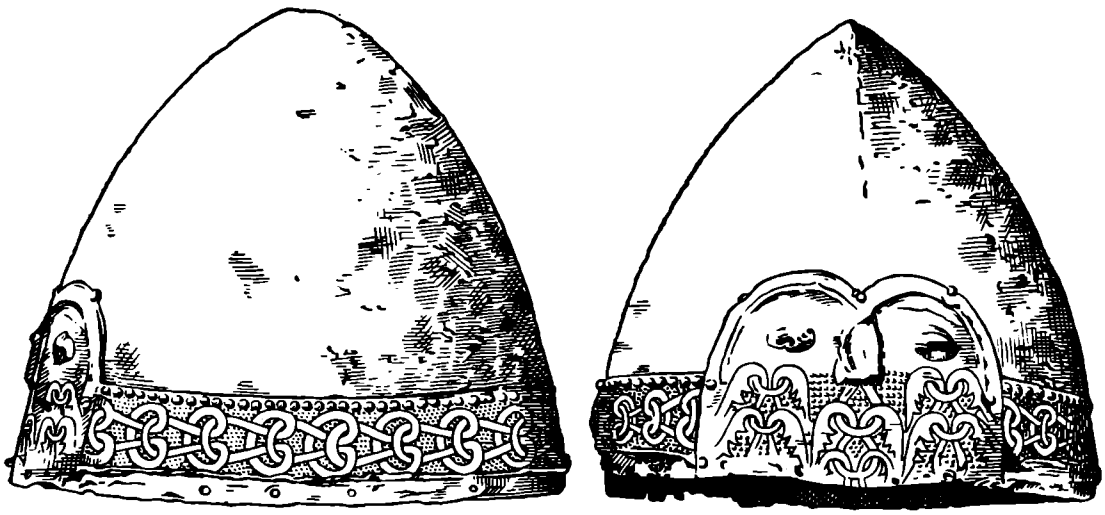


Рис. 1. Шлем из дер. Немня

глаза и брови. Ленты орнаментального плетения — повторяющегося рисунка, всюду на точечном фоне. Они прочерчены уверенной рукой, с подчеркнутой правильностью и симметрией. По краю тульи — отверстия для прикрепления бармицы; когда-то они были, вероятно, закрыты золоченым венцом. Наносника не было. На челе сохранилась прямоугольная петелька, свидетельствующая о прикреплении кольчужной сетки прямо под глазами.

Нарядный убор шлема и особая правильность его формы не оставляют сомнения в принадлежности его какому-то представителю феодальной знати.

Форма шлема отличается от сфероконической формы русских шлемов и находит ближайшие аналогии среди памятников Центральной и Западной Европы, в большинстве случаев относящихся к XI в. Такие образцы известны в Польше [6], Венгрии [7], Германии [8], Моравии [9] и Сербии [10]. Совершенно идентичен по форме подольский экземпляр знаменитому пражскому шлему, приписываемому св. Вацлаву. Тулья последнего артистически выкована из одного куска металла, что можно предполагать и в нашем случае. Шлем св. Вацлава снабжен наносником со схематическим изображением распятия и плетеной каймой вокруг тульи. Чешские и польские ученые относят шлем к X в. и считают, что он сделан где-то на западе Европы [11].

Конические шлемы этого типа хорошо известны также по изображениям ковра (точнее, вышивки) из Байе (1066—1082 гг.), и их часто неверно называют норманскими [12]. Вернее, однако, считать их форму общеевропейской. Находка подольского шлема, который, по нашему мнению, не относится к культуре викингов, также подтверждает эту мысль.

---

[6] Журнал «Польша», 1960, № 1, рис. на стр. 26.

[7] J. Szendrej. Ungarische kriegsgeschichtliche Denkmäler. Budapest, 1896, стр. 69—70, № 180.

[8] A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1891, рис. 13, стр. 502 (форма шлема известна также в стенных росписях).

[9] Там же, рис. 16, стр. 502; Л. Ниедерле. Славянские древности. М., 1956, рис 124, *2*, *3*, стр. 382; W. Boeheim. Waffenkunde. Leipzig, 1890, рис. 6, стр. 27.

[10] Г. А. Шкриванич. Оружје у средньовековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, 1957, рис. 93, *1*.

[11] J. Eisner. Spor o přilbu sv. Václava. Obzor prehistorický, XIII, Praha, 1946, стр. 5—9. Шведское происхождение шлема и его несколько более поздняя дата (конец X — начало XI в.), предложенные П. Паульсеном, не встретили у них поддержки (P. Paulsen. Wikingerfunde aus Ungarn. Archaeologia Hungarica, XII, 1933, стр. 50—64).

[12] Ср. H. Müller. Historische Waffen. Berlin, 1957, стр. 81.

Описанная выше заостренно-полуяйцевидная форма шлема была распространена во многих странах; при этом важно, что большинство находок обнаружено у западных и южных славян, включая Юго-Западную Русь. Отметим, что особенность подольского шлема — это отсутствие наносника, характерного для большинства европейских находок. Носовая защита часто отсутствовала также и у ранних русских шлемов X в. Кроме того, шлем из Немии не рассчитан на типичный на Западе кольчужный капюшон, а был скорее всего снабжен, как отмечено выше, бармицей, что также сближает его с русскими боевыми наголовьями.

Наибольший интерес представляет оригинальное орнаментальное убранство подольского шлема. Оно во многом уточняет хронологическую и территориальную определенность находки. Сразу оговоримся, что шлема с подобными украшениями европейское оружиеведение не знает [13].

Петлевидное плетение на пластинах подольского шлема имеет скорее восточноевропейский характер. На этом мнении, например, сходится несколько скандинавских ученых, видевших сам памятник [14]. Шведский ученый В. Холмквист полагает, что этот шлем мог быть русского происхождения, хотя в орнаментике есть определенное сходство с северным искусством XI в. [15]. Однако само это сходство северные археологи склонны объяснять влиянием Южной и Восточной Европы на искусство их родины [16]. С другой стороны, Х. Арбман считает, что наш шлем среднеевропейского происхождения и ничего общего не имеет со Скандинавией [17]. Таким образом, «международная анкета» относит подольский шлем к памятникам Восточной или Средней Европы.

Пока мы не нашли на вещах других стран точных аналогий нашему орнаменту, что, впрочем, при малочисленности памятников XI в. и разнообразии орнаментальных мотивов неудивительно.

Если говорить о ленточном плетении, то в различных вариантах оно распространено в искусстве средневековой Европы повсеместно [18]. Здесь необходимо остановиться на некоторых ответвлениях этого стиля. Поиски наиболее близкого сравнительного орнаментального материала привели нас в области славянской и русской культуры.

Известно, что в XII в. плетеный орнамент завоевывает господствующее положение в русском прикладном искусстве [19] — в памятниках декоративной пластики литья и книжной орнаментики. Корни этого искусства уходят в X—XI вв. Распространенность на Руси. в X—XI вв. общеславянского ленточного плетения недавно доказал А. В. Арциховский. Это убедительно подтверждают деревянные изделия из новгородских раскопок [20]. Как указывает А. В. Арциховский, эти орнаменты могли возникнуть только в деревянной резьбе [21].

В общеславянских памятниках X—XI вв. ленточное петлевидное пле-

---

[13] Рельефная схематично выполненная маска на шлеме известна нам только на одном болгарском экземпляре IX—X вв. (найден в районе Озана). Издатель находки неверно трактовал схематическое изображение человеческого лица на шлеме как княжеский знак — двузубец (см. Н. Мавродинов. Разкопки и проучвания в Плиска. Разкопки и проучвания, т. III, София, 1949, стр. 165—166, рис. 2).

[14] Учитывая редкость и значение публикуемого памятника для европейской археологии, автор обратился к ряду зарубежных ученых с просьбой высказать о нем свое мнение. Благодарю всех лиц, приславших свои замечания: М. Стенбергера, В. Холмквиста, Х. Арбмана (Швеция), В. Сломан, З. Грига, Ш. Блиндгейма (Норвегия).

[15] Письмо В. Холмквиста от 13.I. 1959 г.

[16] Письмо В. Сломан от 15.XI. 1959 г.

[17] Письмо Х. Арбмана от 23. II. 1959 г.

[18] Этот вид орнаментального искусства, по-видимому, восточносредиземноморского происхождения.

[19] См. Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 264—265.

[20] А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. Вестник МГУ, № 4, 1954, стр. 65—68.

[21] Там же, стр. 66.

тение слагается в основном из двух, часто связанных друг с другом, элементов узора.

1. Узор заплетен в петли, образованные одной зигзагообразной извивающейся лентой и непосредственно не переплетающиеся друг с другом [22]. В целом такие узоры отличаются симметрией и правильностью расположения. Кажется, что подобный рисунок не встречается на изделиях позже XI в.

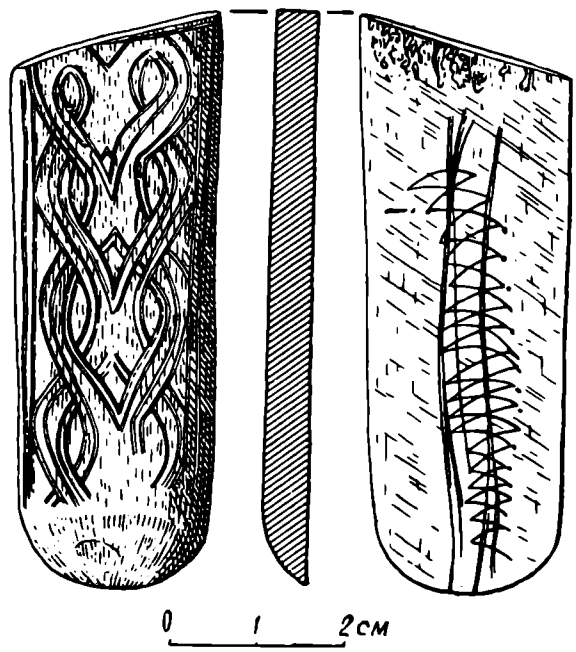


Рис. 2. Костяная пластинка с городища у с. Вербичка

2. Узор заплетен в петли, образованные двумя или тремя плавно переплетающими между собой лентами и непосредственно переплетающиеся друг с другом. По размещению узора выделяются две разновидности: а) линии рисунка расположены настолько тесно вместе, что ясно выраженная петля исчезает, и остаются две волнообразные перевитые ленты; такое «витье» употреблялось для отделки узких плоскостей, создания каемок, поясков и т. д. [23]; б) размещение узора подчинено широкому полю, петли отчетливо переплетаются друг с другом, рисунок чаще всего регулярен, хотя встречаются случаи свободной композиции. Такого рода украшения были особенно распространены в архитектурном убранстве и на

[22] Аналогичные узоры на бронзовых бляшках из Приладожья и Княжой горы, на костяной рукоятке из бывш. Каневского у. Киевской губ. (см. W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, рис. 113 на стр. 126; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XV, *484*, и табл. XXXIV, *1204*), на рукояти ножа из Белой Вежи (М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 71, рис. 49). Встречен такой орнамент и на скандинавских бронзовых ключах времени викингов, но там не типичен. (см. B. Almgren. Bronsnyclar och djurornamentik. Uppsala, 1955, табл. 35, *b, c;* 37, *c*).

[23] Такой «каемочный» узор имеется на костяных поделках X—XI вв. из Шестовиц и Пересопницы (см. Я. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, 1949, рис. 2; W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1956, рис. 235), на костяных ложках X в. из Киева (М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, табл. XVII) и из Старой Ладоги (Гос. Эрмитаж), на деревянном навершии в виде головы орла первой четверти XI в. из Новгорода (Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, рис. 17. *4*), на бронзовых перстнях из курганов XI в. (Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. III, *10*; IV, *12*; V, *10*), на костяной рукояти ножа из Гнезно (W. Hensel. Ук. соч., рис. 148).

некоторых бытовых изделиях [24]. В XII в. обе разновидности ленточного плетения получают самое полное развитие.

Мотивы плетеного орнамента были, конечно, весьма разнообразны. Нужно отметить, что обе выделенные здесь группы узоров встречаются нередко в одной композиции [25].

Украшения подольского шлема можно отнести ко 2-й орнаментальной группе, однако они имеют отклонения от типичных мотивов этой группы. Узор шлема, как было сказано, подчинен строгому ритму переплетенных петель, что сближает его с размещением плетения одновременно обеих групп. Кроме того, ленты плетения нашего шлема состоят из одной, а не из двух (или трех) соединенных вместе полос, что типично как для 1-й, так и для 2-й группы. Особенно своеобразны здесь крыловидные отростки в композиции начельного украшения. Эти особенности только отчасти объяснимы спецификой ювелирной задачи художника (узкая длинная плоскость для нанесения рисунка) и техникой самого орнамента (гравировка по золоченой меди). Интересно, что наиболее близкий пример орнамента, аналогичного венечному плетению подольского шлема, удалось отыскать там же, где найден и сам шлем. Речь идет о костяной пластинке с резной каймой из городища XI—XIII вв. у с. Вербичка Каменец-Подольской области (рис. 2) [26]. В целом можно, по-видимому, принять, что рассматриваемый узор находится в тесном родстве с общеславянским орнаментальным искусством X—XI вв. Думается, что украшения подольского шлема вернее отнести к XI в. Таким образом, шлем и его убор сделаны, скорее всего, одновременно. Наряду с золочеными шлемами X в. подольский экземпляр представляет собой древнейший пример гравировки и техники позолоченной меди на Руси.

Как бы ни рассматривать орнаментальное убранство шлема, его можно считать предшественником изделий XII в. с петлевидным узором и выполненных в технике золоченой меди («жженое золото»). Хорошие памятники этого искусства найдены в районе Гродно в слоях XI—XIII вв. [27].

Таким образом, по форме, украшениям и технике орнамента шлем, по-видимому, относится к русской или западнославянской культуре XI в. В этом смысле находка шлема в Юго-Западной Руси, непосредственно соприкасавшейся с западнославянским и центральноевропейским миром, не так уже случайна.

---

[24] Плетение этой разновидности — на резной деревянной колонне начала XI в. из Новгорода (см. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, стр. 32, рис. 13), на рукоятке ковша в виде головы дракона середины XI в. из Новгорода (Б. А. Колчин. Ук. соч., рис. 39, *1*, *2*), на спинках деревянных кресел из Новгорода (там же, рис. 22, правая часть), на каменных рельефных плитах IX—X вв. из Далмации и Польши (J. Strzygowski. Die altslavische Kunst. Augsburg, 1929, рис. 82, 81 и 203), на пустотелых золоченых пуговицах IX—X вв. из Чехии (W. Hensel. Ук. соч., рис. 372, *5*).

[25] Например: бронзовое перекрестье меча около 1000 г. из Киева (А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, 1961, № 4; рукоять меча X в. из Черной Могилы; деревянная чаша X в. из Новгорода (А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 45, *б*).

[26] Materialy wczesnośredniowieczne, т. V, Warszawa, 1960, табл. XIX, *1*.

[27] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1956, рис. 14; рис. 62, *3*; рис. 63.

Н. В. ХОЛОСТЕНКО

КЛАД У БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРА В ЧЕРНИГОВЕ

При проведении планировочных и исследовательских работ у южного фасада Борисоглебского собора в г. Чернигове в 1957 г. был найден клад золотых и серебряных вещей. Здесь были обнаружены остатки стен паперти и каплицы, поврежденные многочисленными захоронения-

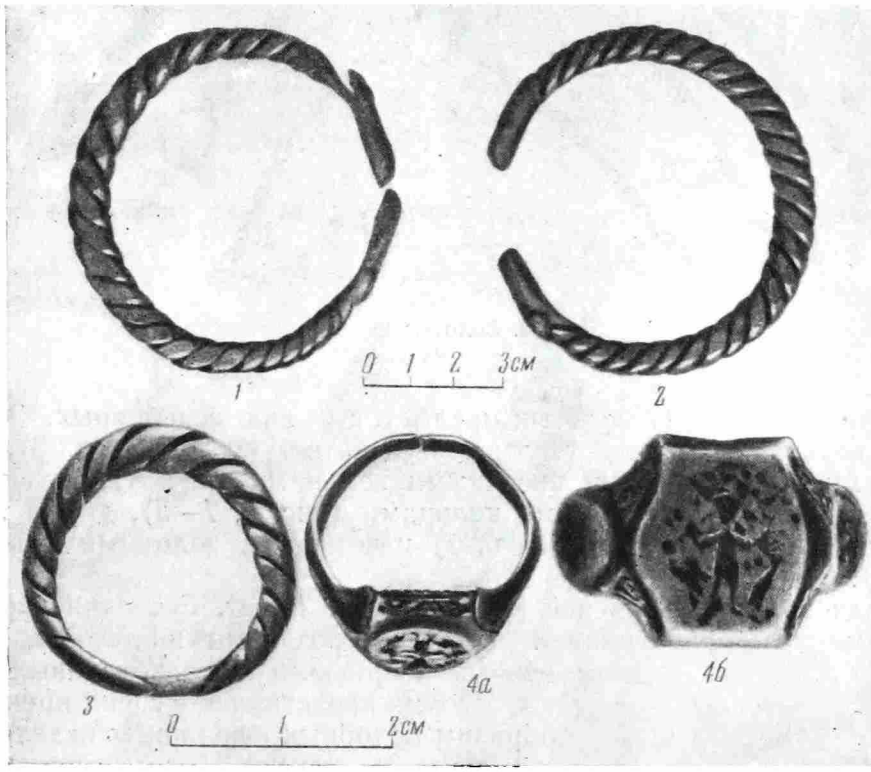


Рис. 1.

1, 2 — серебряные браслеты; *3* — золотое кольцо; *4 а* — золотой перстень; *4 б* — щиток того же перстня

ми, делавшимися вплоть до наших дней. Стены как паперти, так и каплицы сложены из светло-желтого кирпича, аналогичного кирпичу стен собора. При раскопках западнее южного портала было вскрыто захоронение XIX в., лежавшее параллельно южной стене паперти, в 0,35 *м* от нее. При разборке завала кладки между погребением и остатками этой стены, на уровне древней отмостки, был найден клад[1]. Он лежал в виде компактной кучки на самом краю могилы XIX в., среди развала кирпича и раствора кладки, в черной земле и трухе перегнившего дерева.

Клад представлял собой специально уложенные драгоценные украшения: два серебряных витых браслета (рис. 1, *1, 2*) были надеты на золотое кольцо со щитком (рис. 1, *4*) и поставлены под углом друг к другу. Внутри образовавшегося пространства были положены 11 золотых женских украшений и золотое витое кольцо (рис. 1, *3*), сложенные в кучку и обмотанные четырьмя золотыми цепочками (рис. 2). Возможно, что этот столь тщательно сложенный клад был чем-то обернут и вложен в деревянную кубышку, но все это сгнило. Клад, очевидно, был вложен в щель или в нишу стенки паперти и при разрушении стенки оказался в развале.

[1] Передан в Черниговский гос. обл. исторический музей.

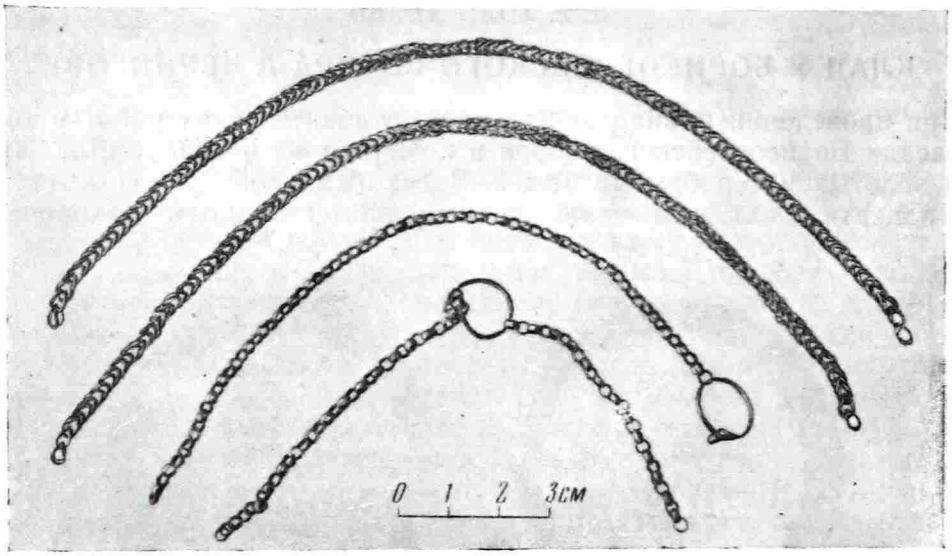


Рис. 2. Золотые цепочки

Всего в кладе — 17 золотых предметов и два серебряных. Золотые женские украшения представлены звездчатым колтом (рис. 3), тремя ажурными трехбусинными височными кольцами (рис. 4), пятью трехбусинными полыми височными кольцами (рис. 5, *1—5*), двумя трехбусинными сережками (рис. 5, *6, 7*) и четырьмя золотыми цепочками (рис. 2).

Звездчатый шестилучевой колт пары не имеет. Его лучи украшены веточками лозы филигранной работы и гроздьями винограда, выполненными зернью. Три трехбусинных височных кольца представляют собой прекрасные образцы подобных ювелирных изделий. Система петель каждой бусины с напаянными на них шариками представляет собой пространственную композицию. Внутри пустых ячеек этих бусин подвешены на тонких золотых проволочках жемчужины. В одном из этих колец почти все жемчужины сохранились — их было 14; в двух других сохранились лишь некоторые. Находка такого типа колец с жемчужинами — редкость, так как обычно встречались трехбусинные кольца без жемчужин внутри. Из пяти трехбусинных височных колец ни одно не имеет пары. Бусинки их представляют собой полые шарики. Два кольца украшены только зернью, а остальные три — разными сканными узорами и зернью, причем одно — в виде веток виноградной лозы. Две сережки трехбусинного типа тоже непарные и обе украшены зернью.

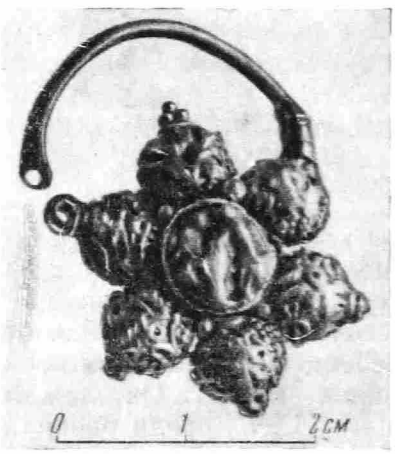


Рис. 3. Золотой звездчатый колт

Все эти изделия имеют аналогии с вещами из черниговских и киевских кладов[2], особенно — клада 1883 г. из Чернигова[3].

---

[2] См. Д. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916, рис. 4; Н. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, табл. XVIII; ОАК за 1911 г., рис. 102 и 103; В. Гончаров. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. Археологія, т. X, 1957, табл. II.

[3] Н. Кондаков. Ук. соч., табл. XIII.

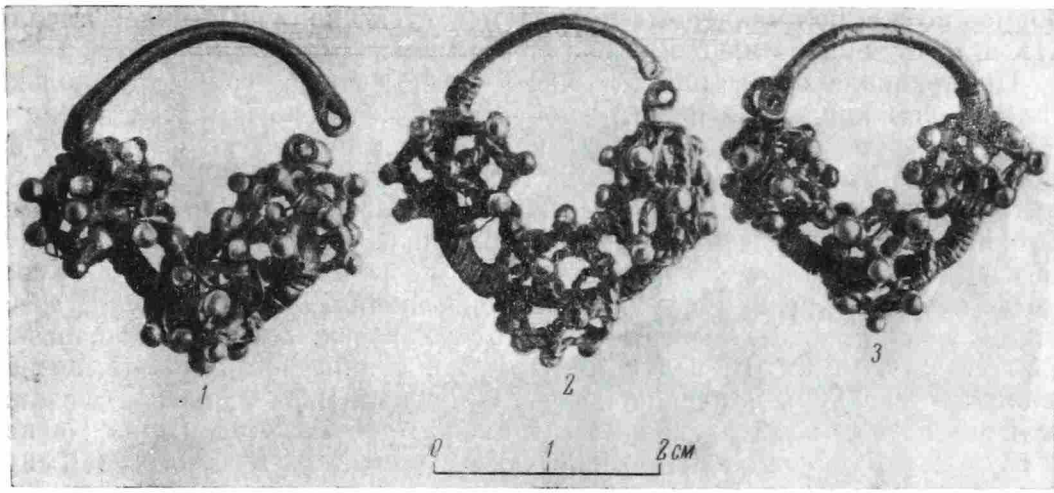


Рис. 4. Ажурные трехбусинные височные кольца, золотые с жемчужинами

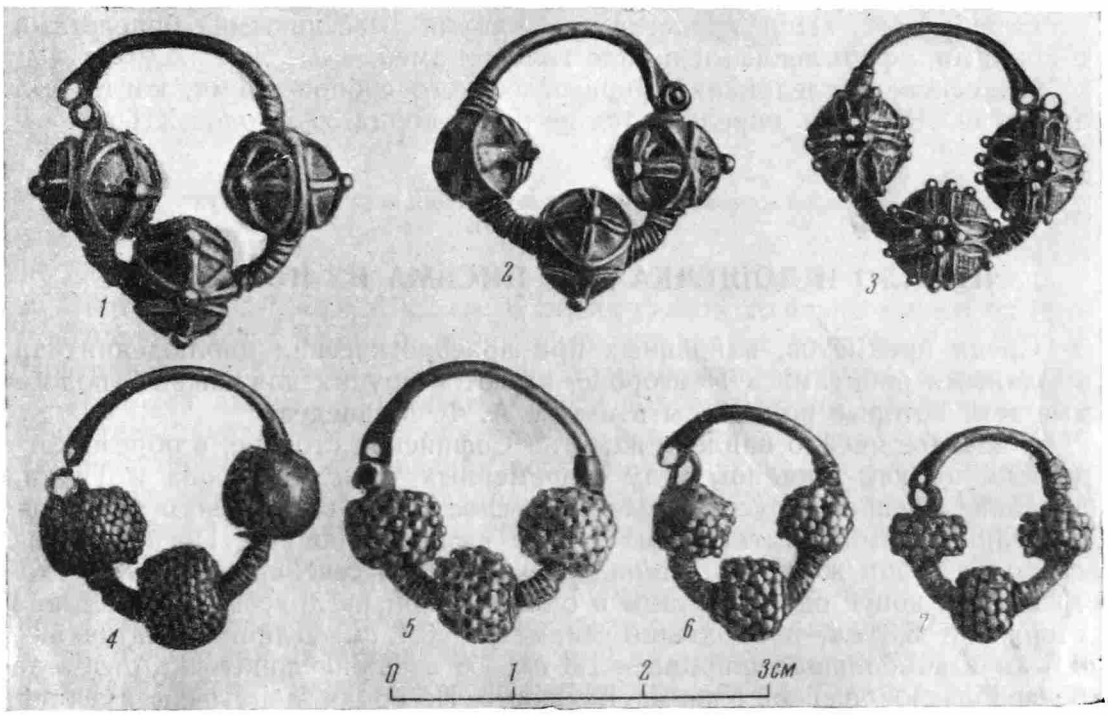


Рис. 5. Золотые украшения

1—3 — трехбусинные полые височные кольца; *4, 5* — трехбусинные височные кольца с зернью; *6, 7* — серьги с зернью.

Сравнение найденных вещей с вещами этого последнего клада показало не только их очень близкое сходство, но еще то, что к шести трехбусинным височным кольцам (или сережкам) в кладе 1883 г., являвшимся непарными, подбираются в нашем кладе пары.

Клад 1883 г., как указывают исторические источники, был найден «на погосте кафедрального собора». Во время находки клада «погост кафедрального собора» был общим, как и сейчас, для Спасского и Борисоглебского соборов. Возможно, что копая могилу «на погосте» (по некоторым сведениям, «у склепа»), нашли лишь часть клада. Н. П. Кондаковым было высказано предположение, что не все вещи клада были сданы. Мы же при раскопках обнаружили клад между могилой XIX в. и стеной паперти, которую могли принять за «склеп».

Возможно же, под «склепом» подразумевается кирпичный склеп начала XIX в. находящийся в 1,5 *м* к югу от этой могилы.

При развале стены паперти часть клада могла упасть несколько дальше, чем найденная нами, и попасть на место могилы XIX в.

Как мы упоминали, в составе клада имеются два кольца: одно из них (рис. 1, *3*) массивное, витое (весом 14 *г*), второе — перстень со щитком-печатью (рис. 1, *4*). Он украшен орнаментами, выполненными в технике контурной черни, на двух продольных боковых сторонах щитка и по обеим сторонам в месте примыкания кольца к щитку. На самом щитке-печати вырезана фигура человека, поднявшего обе руки, а по бокам от него — две птицы в характерных позах, спинами к человеку и с повернутыми к нему головами. Этот сюжет обычно называют «вознесением Александра Македонского». Подобный сюжет, очень близкий по исполнению, изображен на центральном щитке диадемы из Киева. В скульптурном исполнении такой сюжет помещен на закомаре Дмитриевского собора во Владимире.

Кроме перечисленных вещей, в состав клада входили четыре куска золотых цепочек. Две из них сделаны из плоских колечек, а две сплетены из круглой проволоки.

Серебряные вещи представлены двумя массивными браслетами с концами, оформленными в виде головок змей.

На основе исследований Борисоглебского собора время, когда был запрятан этот клад, определяется не ранее конца 30-х годов XII в.

С. Н. ОРЛОВ

ПИСАЛО И ДОЩЕЧКА ДЛЯ ПИСЬМА ИЗ НОВГОРОДА

Среди предметов, найденных при археологических наблюдениях за земляными работами в Новгороде, имеются орудия для письма, подобные тем, которые приведены в статье А. Ф. Медведева [1].

Железное писáло найдено нами на Софийской стороне, в обрезе котлована, на юго-западном углу современных улиц Желябова и Труда, в районе древней Прусской улицы, в слое темно-коричневого перегноя с органическими остатками, на 1,10 *м* выше материка [2]. Писáло представляет собой железный стержень, круглый в сечении, с острым, сходящим на конус одним концом и с лопаточкой на другом конце. Длина стержня — 8,3 *см*, наибольший диаметр — 0,4 *см*. Длина лопаточки — 1,6 *см* и наибольшая ширина — 1,3 *см*. От стержня лопаточка отделена бочкообразной шейкой с двумя валиками. По бокам лопаточки имеются зубчатые украшения (рис. 1, *2*). Лопаточка имеет острый рабочий край, удобный для соскребания воска с дощечки.

Ближайшей аналогией для описываемого предмета служит писáло из Новгорода, найденное в слоях XII в. [3]. Исходя из этого и из местоположения нашей находки, ее можно датировать XII в.

Деревянная дощечка для писания по воску (рис. 1, *1*) найдена нами в отвале траншеи на торговой стороне, на Никитинской улице, в 80 *м* к востоку от угла с Московской улицей. Траншея шла вдоль южной панели улицы и имела глубину 2,5 *м*. С глубины 1 *м* от поверхности здесь залегает слой темно-коричневого перегноя с органическими остатками. В выбросе этого слоя и найдена дощечка.

---

[1] А. Ф. Медведев. Древнерусские писáла X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 63—88.

[2] Общая толщина культурного слоя здесь достигает 4,5 *м*.

[3] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 73, рис. 2, *1*.

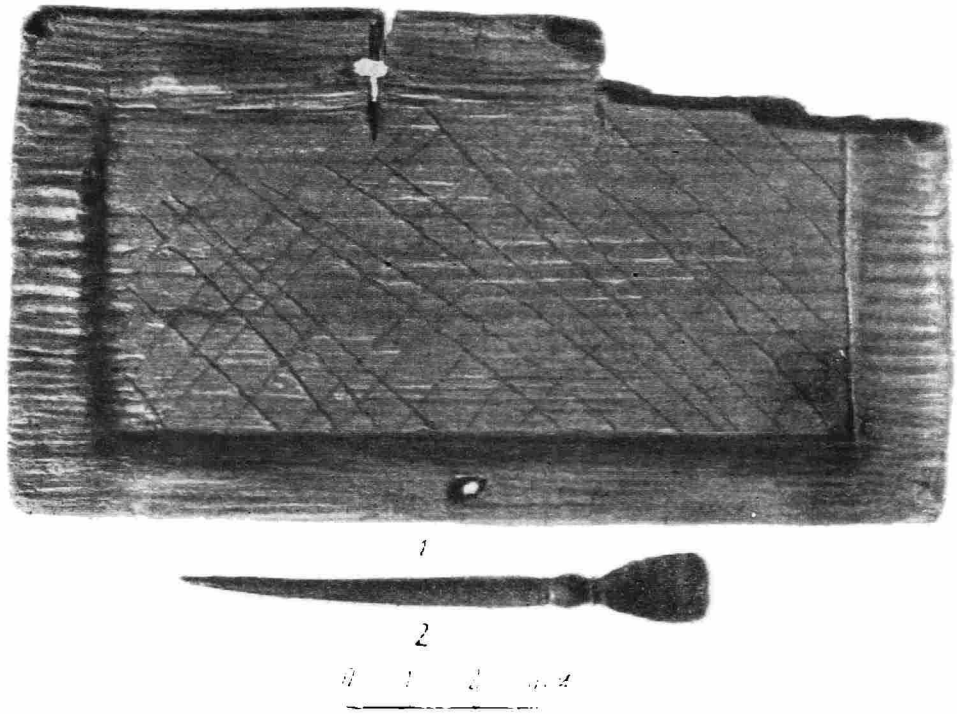


Рис. 1. Деревянная дощечка для письма по воску и железное писало из Новгорода

Дощечка изготовлена из сосны, имеет прямоугольную форму; ее размеры: 14,3 *см* × 7,9 *см* × 1,2 *см*. С обеих сторон дощечки вырезаны прямоугольные углубления, ограниченные бортиками высотой 0,2—0,3 *см*. Поверхность углублений изрезана двумя рядами косых взаимно пересекающихся линий, нанесенных без особой симметрии и системы. Это свидетельствует о том, что они не являлись украшением, а служили для целей лучшего удержания слоя воска на дощечке. На одном продольном бортике дощечка имеет два сквозных отверстия, расположенных на расстоянии 3,1 *см* друг от друга. На другом продольном бортике, в середине его, имеется одно подобное же отверстие.

Из приведенных в статье А. Ф. Медведева материалов видно, что подобные дощечки в древнем Новогороде служили для письма. На площадь углублений налагали слой воска и по нему писали. Наша находка принадлежит к трилистной «деревянной тетради» — триптиху — и была его средним «листом». Такая дощечка в Новгороде найдена впервые[4]. Судя по условиям находки, нашу дощечку можно датировать XIII—XIV вв.[5].

---

[4] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 86.

[5] Дощечка и писáло хранятся в музее Новгородского пединститута.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ДВА КАМЕННЫХ НАДГРОБИЯ XVI в. ИЗ МОСКВЫ

Своеобразные эпиграфические памятники русского средневековья — каменные резные надгробия — известны в Москве с XV в.[1] XVI век — время их распространения, однако надгробий этого времени найдено все же не так много, а от первой половины XVI в. дошло всего 50 экз.[2]. Недавно в Москве обнаружены еще две плиты первой половины XVI в. Обе они белокаменные.

Первая из них (рис. 1) была найдена при земляных работах на Хохловской площади, где, видимо, находилось когда-то кладбище одной из соседних церквей. Глубина залегания памятника — 2 *м*. Сохранилась плита приблизительно наполовину, низ отколот. В таком виде длина ее — 80 *см*, ширина — 65 *см*, толщина — 10 *см*. Орнамент сделан из мелких треугольников, окаймляющих плиту двумя рядами. У верхнего среза плиты прибавлены еще две полоски узора. От них к тягам идут также дополнительные полоски, образуя здесь таким образом тройную рамку. Из треугольников же сделаны тяги и оба «сияния», которые совершенно одинаковы, если не считать того, что одно из них (верхнее) представляет собой половину другого. Под плитой находилось захоронение в полуистлевшей дубовой колоде.

Надпись на плите, расположенная в шесть строк, гласит: ЛЕТА 7048 (1540 г.) [М]ЦА АВГУСТА /ВОСЬМЫЙ НА ДЕСЯТЬ ДНЬ/ ПРЕ[С]ТАВИС РАБА БЖИ /[Я] ВАРВАРА ИВА/ НОВА ЖЕ/ НА.

Надпись сделана очень просто и читается без труда. Выносных букв всего две: «та» в слове «лета». Титла обычные: «мца» — «месяца» (первая буква стерлась), «днь» — «день» и «бжия» — «божия» (последняя буква, перенесенная резчиком в другую строку, также стерлась). Лигатур нет совершенно. Обращает на себя внимание неуместно поставленный знак сокращения над словом «лета», так как слово написано полностью. Первый раз нам встречается на таких памятниках и словесное обозначение даты — «восьмыйнадесять», т. е. восемнадцатый.

Сам шрифт надписи — нехудожественный, он представляет собой свободную интерпретацию полуустава, хотя резьба художественного шрифта на камне тогда уже существовала[3], были и хорошие мастера-резчики[4]. Очевидно, данную надпись выполнял не мастер, а кто-то из местных посадских грамотеев.

Сама плита еще до нанесения надписи имела изъян. Об этом говорит написание слова «раба», разделенного резчиком на два слога, далеко отстоящих друг от друга, так как написать их слитно ему помешала глубокая выбоина, имевшаяся здесь.

Все отмеченные особенности, вероятно, могут говорить о том, что заказчики плиты — люди незнатные: разбогатевшие ремесленники, торговцы или представители духовенства[5]. Характерно, что ни у погребенной, ни у ее мужа не обозначено даже отчества, не говоря уже об их звании, чине или должности. Для того времени это факт довольно многозначительный[6]. Однако настаивать на нашем предположении мы

---

[1] В. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. НЭ, I, 1960, стр. 54.

[2] Там же, стр. 16—30, 47—55; В. П. Левенок. Надгробия князей Трубецких. СА, 1960, № 1, стр. 245—253.

[3] А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 147; В. Б. Гиршберг. Ук. соч., стр. 23; В. П. Левенок. Ук. соч.

[4] А. И. Некрасов. Города Московской губернии. М., 1928, стр. 99, 100; В. Б. Гиршберг. Надпись мастера Повилики. СА, 1959, № 2, стр. 248, 249.

[5] В. Б. Гиршберг. Материалы..., стр. 17, 18; Ю. М. Золотов. Надгробия московских ремесленников XVII в. СА, 1961, № 1, стр. 291—294.

[6] В. Б. Гиршберг. Материалы..., стр. 8, 9.

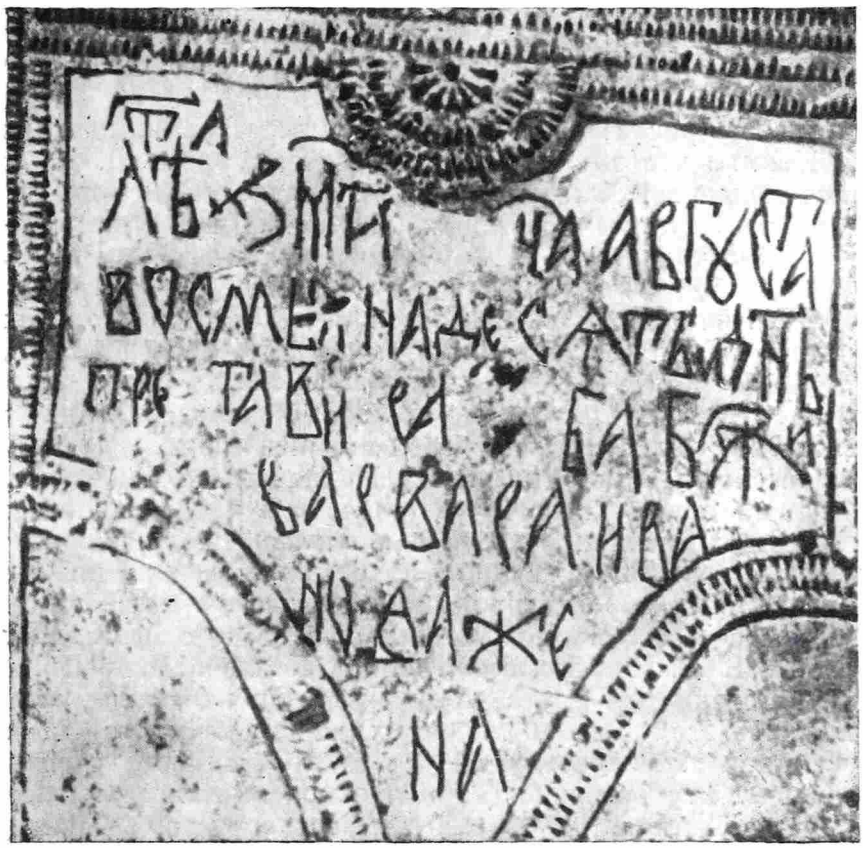


Рис. 1.

Рис. 2.

не можем, так как плит с одним именем на них от того времени сохранилось немало [7]. Считать их все надгробиями незнатных людей нет оснований.

Другая плита (рис. 2) была найдена при реставрации церкви великомученика Никиты что за Яузой (руководитель работ Л. А. Давид) [8]. Сохранился только верх плиты, расколотый надвое. Сбита также и часть надписи, впрочем, легко восстанавливаемой. Длина плиты — 48 *см*, ширина — 58 *см*, толщина — 11 *см*, высота букв — 8,5 *см*. Плита украшена тройным ободком треугольничного орнамента, из которого выполнено и единственное сохранившееся «сияние». Текст расположен в три строки; он гласит: ЛЕТ 7055 г. (1547 г.) М[Ц]А ИЮЛЯ 17 ДНЬ /[ПРЕС]Т[А]ВИСЯ ИНОКЪ ТИ/ ХОНЪ.

Выносных букв здесь две, сокращений два: в словах «месяц» и «день». Лигатур для такой короткой надписи много — пять. Соединены даже два слова: «мца» [9] и «июля». Надпись исполнена, несомненно, прекрасным мастером, хорошо чувствовавшим красоту и своеобразие своего искусства. Рисунок букв можно назвать изысканным, тонким. Их удлиненные пропорции, изящная прорезь роднят их с наиболее ранними, архаическими образцами резной московской вязи, такими, как надпись о построении Спасской башни Московского Кремля (1491 г.) или надгробие В. В. Шуйского из Троице-Сергиевой Лавры (1538 г.) [10].

И действительно, эта плита — один из ранних образцов московской резной вязи. На это, кроме отмеченных черт, указывает еще и такая особенность, как написание буквы «Т» в слове «Тихон» с резко удлиненным шипом. Эту особенность можно рассматривать как остатки в нашей эпиграфике так называемого южнославянского влияния, когда эта буква писалась с тремя равными мачтами [11]. Для середины XVI в. это было уже архаично. Интересно, что в надписи нет обычной для этих памятников формулы «раб божий». Эти слова, почти всегда имеющиеся на позднейших плитах, в первой половине XVI в. часто опускались [12].

Личность Тихона установить не удалось. Однако, по всей видимости, это был не монах: монастыря при церкви св. Никиты никогда не было, он находился неподалеку, у Спаса в Чигасах [13]. Скорее всего, Тихон был одним из московских феодалов, среди которых, как известно, был широко распространен обычай принимать перед кончиной схиму.

[7] Там же, стр. 18—20, 29.

[8] Приношу глубокую благодарность Л. А. Давиду и С. С. Подъяпольскому за их помощь в собирании эпиграфических материалов древней Москвы.

[9] Буква «ц» в слове «мца», трудно различимая из-за ссадин, расположена в середине верхней части буквы «м» и соединена с ее правой мачтой. Лигатура эта известна уже с надгробия великой княгини Елены Глинской (1538 г.): см. В. Б. Гиршберг. Материалы..., стр. 55, 56, табл. VII, *2*.

[10] А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 147, 148, № 245; Т. В. Николаева. О некоторых надгробных надписях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, № 3, стр. 172—174, рис. 2.

[11] В. Б. Гиршберг. Материалы..., стр. 11.

[12] Там же, стр. 13.

[13] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 55, 193.

Э. С. СМИРНОВА

ДВА ПАМЯТНИКА ПСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЬЯ XVI в.

Псковским мастерам-«колокольникам» принадлежит видное место среди русских литейщиков XVI в.[1]. Их произведения, богато орнаментированные, имеющие подробные надписи с именами мастеров и датами исполнения, дают возможность проследить развитие техники и стиля и помогают в изучении других областей художественного ремесла, где памятники не имеют точных дат.

Многие произведения псковских литейщиков погибли еще в древности во время пожаров и войн. Большое количество колоколов, в том числе и псковских, было перелито на пушки в начале XVIII в.[2]. Значительное число памятников (вся коллекция колоколов Псковского музея) утрачено во время Великой Отечественной войны, поэтому учет всех сохранившихся произведений является насущной задачей. Цель настоящей заметки — указать на два памятника псковского художественного литья, оставшихся вне поля зрения исследователей.

В г. Белозерске у церкви Успения 1553—1574 гг., на поздней деревянной паперти, стоит колокол со следующей надписью: «Божиею милостию и пресвятыя его богоматере заступлением и помощию и всех святых молитвами в лето 7053 (1544) месяца ноября // 21 день на Введение пресвятей богородици во области святыя ж... (утрач.) Троици в богоспасаемом в преименитом и славном граде Пскове лит бысть сеи колокол ко храму святых чюдотворец Козмы и Демьяна на Запсковье при великом // князе Иване Васильевиче... (неразб.), архиепископе Великого Новаграда и Пскова владыке Феодосьи и при наместникех псковских при боярине князе Олександре Борисовичи Горбатого да при боярине великого князя Иване Ивановиче Хабарева // да при диякех великаго князя Михайле Вешнакове и Третьяке Дубровине. А мастер преименита и славна града Пскова Андреев сын псковитин Михайло. Слава свершителю богу».

Первые три строки надписи располагаются в верхней части колокола (рис. 1), а последняя, четвертая,— по его нижнему краю.

Михаил Андреев — крупнейший псковский литейщик XVI в., представитель большой семьи литейных мастеров[3]. Существуют сведения о многих колоколах его работы, начиная с 1520 г. и по 1551 г.[4]. Утрата всех известных ранее произведений Михаила Андреева придает особое значение обнаруженному в Белозерске памятнику.

В XVI в. на Запсковье существовали две церкви Козьмы и Демьяна — на Гремячей горе и у Примостья. Обе они горели в 1541 г.[5]. Для

---

[1] А. И. Семенов. Новгородские и псковские литейщики XVI—XVII вв. Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. IX, Новгород, 1928, стр. 51—56; В. А. Богусевич. Псковские литейщики XVI—XVIII вв. ПИДО, 1934, № 9-10, стр. 157—161; его же. Литейный мастер Михаил Андреев. Новгородский исторический сборник, т. II, Л., 1937, стр. 83—104.

[2] Н. Оловянишников. История колоколов и колокололитейное искусство. Изд. 2-е, М., 1912, стр. 201—202. Н. И. Никольский сообщает о нескольких монастырских колоколах псковской работы, перелитых при Петре I. См. Н. И. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века, т. I, вып. I, СПб., 1897, стр. 173—174.

[3] А. И. Семенов. Ук. соч., стр. 51.

[4] И. И. Васильев. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898, стр. 61, 63, 67; Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II, М., 1860, стр. 279—280; Н. И. Никольский. Ук. соч., стр. 174, 180—181; В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 85—86.

[5] Д. И. Прозоровский. Древний Псков по двум псковским летописям. ЗОРСА РАО, т. IV, 1887, стр. 235—236.

Рис. 1. Колокол **1544 г. работы Михаила Андреева.** Белозерск. Деталь

какой из них отлит указанный колокол и как он попал в Белозерск, установить не удается [6]. Случаи, когда колокол, отлитый по заказу определенной церкви, оказывался перевезенным в другой город или монастырь, нередки. Так, новгородский софийский колокол 1555 г. был увезен в 1570 г. Иваном Грозным в Александрову слободу; колокол 1560 г., отлитый для Печерского монастыря под Нижним Новгородом, очутился в Кидекше [7]; колокол 1557 г., исполненный по заказу Псково-Печерского монастыря, находился на звоннице Богоявленской церкви во Пскове [8].

В Суздале, в западном притворе собора Рождества Богородицы, находится колокол со следующей надписью: «Божиею милостию и помощию святыя живоначалныя Троицы лета 7057 (1548) // месяца сентября в 8 день на Рождество Пресвятей Богородицы слит бысть колокол сей при // державе царства благоверного и христолюбив... (утрач.) великого князя Ивана Васильевича всея Руси. А лил мастер Прокопей Григорьев. Слава единому богу».

Надпись расположена в три строки, из которых две начальные опоясывают верхнюю часть колокола, а последняя идет по нижнему краю.

Прокопий Григорьев — известный псковский литейщик. В 30-е годы XVI в. он работает совместно с Тимофеем Андреевым [9], а затем становится самостоятельным мастером. На суздальском колоколе, как и на других произведениях Григорьева, не указано, для какой цели предназначен колокол, так как мастер работал, видимо, не по определенному

[6] Курьезное утверждение, что это вывезенный Иваном Грозным вечевой новгородский колокол, содержится в книге Вл. Малкова, см. Вл. Малков. По родному краю. Вологда. 1956, стр. 237.

[7] Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир. 1913, стр. 247. В настоящее время находится в Суздальском музее.

[8] В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 93.

[9] И. И. Василев. Ук. соч., стр. 33—34, 62; А. И. Семенов. Ук. соч., стр. 51.

заказу. Прославленные псковские мастера лили колокола не только для Пскова, но и для других русских центров [10].

Богородице-Рождественский собор в Суздале подвергался большой перестройке в 20—30-е годы XVI в. [11]. После этого могла появиться нужда в новом колоколе.

Изучение надписей на колоколах Прокопия Григорьева позволяет сделать следующие наблюдения. На семи из девяти известных колоколов, отлитых им самостоятельно, указан точный день отливки [12]. И хотя его колокола отлиты в разные годы (1533, 1547, 1548, 1549, 1550, 1551; на седьмом колоколе год не сохранился) и в разных формах (надписи на них текстуально никогда не совпадают), день отливки всегда — 8 сентября, на праздник Рождества Богоматери [13].

В работах всех псковских мастеров 20—70-х годов XVI в. обнаруживается определенная закономерность. Из 34 колоколов, на которых указан точный день отливки, 17 отлиты по праздникам, связанным с Богоматерью (8 сентября, 1 октября, 21 ноября, 25 марта, 13 ноября, т. е. на Рождество Богоматери, Покров, Введение во храм, Благовещение, Сретение иконы Владимирской Богоматери) [14]; пять отлиты по господским праздникам (главным образом 25 декабря и 6 января, т. е. на Рождество Христово и Крещение) [15]; три отлиты 9 мая, на перенесение мощей Николы [16]; два изготовлены 20 июля, на память Огненного восхождения Ильи [17].

Сроки отливки не связаны с наименованием церкви, для которой делался колокол [18].

[10] Н. И. Никольский. Ук. соч., стр. 173—174, 181—182; Досифей. Историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. I, М., 1836, стр. 230—232; В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 94—95. В Ярославском музее находится колокол, изготовленный во Пскове в 1554 г. для с. Курба: «Лета 7060 третяго (1554) месяца декабря в 25 день на рожество Господа Бога //Спаса нашего Исуса Христа литы колоколы сии в граде Пскове к святей великомученице// Парасковеи нареченныя Пятницы повеленьем князя Ондрея Михайловича Курпъскаго при державе царства благовернаго и христолюбиваго царя и государя великаго князя...» (продолжение было на несохранившемся парном колоколе). Колокол не издан.

[11] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 181.

[12] Надпись на колоколе 1559 г. не издана. Упомянутые колокола см. В. А. Богусевич. Псковские литейщики XVI—XVIII вв., стр. 159. На одном из колоколов указан лишь месяц отливки — сентябрь, см. И. И. Василев. Ук. соч., стр. 49.

[13] И. И. Василев. Ук. соч., стр. 49—50; А. И. Семенов. Ук. соч., стр. 56, примеч. 6; А. Благовещенский. Остров Эзель и его древности. Сборник Археологического института, т. V, вып. 1, СПб., 1881, стр. 197—198.

[14] Кроме работ Прокопия Григорьева, это следующие памятники: колокола Михаила Андреева 1 октября 1532 г. (Макарий. Ук. соч., стр. 279—280), 21 ноября 1544 г. (Белозерск), 8 сентября 1551 г. (Н. И. Никольский. Ук. соч., стр. 180—181); колокол Матвея и Кузьмы Михайловых 8 сентября 1555 г. (В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 95—96); колокола Тимофея Андреева 25 марта 1534 г. (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 33—34), 8 сентября 40-х годов XVI в. (Н. Оловянишников. Ук. соч., стр. 88); колокол Логина Семенова 25 марта 1574 г. (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 35); колокол Максима Андреева 8 сентября 1532 г. (там же, стр. 44); колокол мастера Андрея 25 марта 1558 г. (там же, стр. 63—64); колокол неизвестного мастера 13 ноября 1558 г. (там же, стр. 46).

[15] Колокола Михаила Андреева 6 января 1520 г., 25 декабря 1546 г. (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 61—67); колокола неизвестных мастеров 6 января 1532 г. (там же, стр. 45), 25 декабря 1554 г. (для с. Курба, Ярославский музей); колокол Михаила Андреева 14 сентября 1521 г. на Воздвижение креста (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 67).

[16] Два колокола Тимофея Андреева 1534 и 1540 гг. (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 34 и 62), колокол Логина Семенова 1578 г. (В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 100).

[17] Колокол 1557 г. для Псково-Печерского монастыря («Михайловы дети Матфей да Кузьма». См. В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев, стр. 102). Колокол того же 1557 г. для Соловецкого монастыря («Матвей Григорьев, Кузьма Михайлов». См. Н. Оловянишников. Ук. соч., стр. 88).

[18] В более поздних произведениях псковских мастеров, как и в работах других русских литейщиков XVI—XVII вв., подобной закономерности проследить не удается.

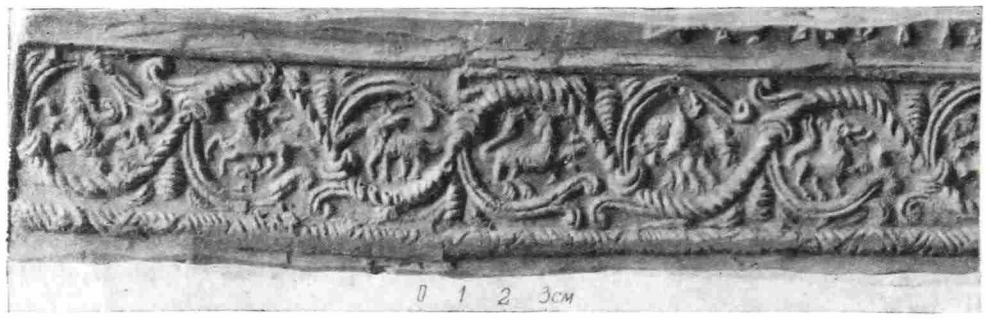


Рис. 2. Колокол 1548 г. работы Прокопия Григорьева. Суздаль. Деталь орнамента. Слепок

Можно предположить, что отливку колокола по изготовлявшимся длительное время восковой модели и глиняной форме псковские мастера стремились приурочить к определенному дню, считавшемуся наиболее благоприятным. Этот день и указывали заранее в надписи на модели. По мнению В. А. Богусевича, псковские литейщики были тесно связаны с одной из церквей, посвященных Богоматери — церковью Похвалы Богородице на Романихе [19]. Этим обстоятельством, возможно, и объясняется преобладание богородичных праздников в датах отливки колоколов [20].

Рис. 3. Колокол 1548 г. работы Прокопия Григорьева. Деталь надписи и орнамент. Слепок

Оба рассматриваемых колокола богато орнаментированы. На белозерском колоколе Михаила Андреева 1544 г. петли украшены орнаментом из плетенки и волнообразного стебля, а тулово — двумя широкими горизонтальными фризами. Один из них опоясывает верхнюю часть колокола, а другой, более узкий, идет по нижнему краю. Верхний пояс образован пышными кустами, состоящими из аканфовых листьев, розеток и кринов. Между ними помещаются изображения скачущих животных: львов, оленей, коней, крылатых козлов. Нижний пояс состоит из образованных вьющимся побегом медальонов, где также помещены

[19] В. А. Богусевич. Псковские литейщики XVI—XVIII вв., стр. 157—158.

[20] В надписи мастера Михальки на колоколе 1553 г. указано, что он отлит 16 июня «на память Рождества Пресвятой Пречистой», хотя этот день не является богородичным праздником (И. И. Василев. Ук. соч., стр. 34).

изображения сказочных животных и птиц. В надписи между отдельными словами вставлены небольшие фигурки зверей, сфинксов или изображения пешего, закованного в латы Георгия, поражающего змея.

Находящийся в Суздале колокол Прокопия Григорьева 1548 г. также украшен двумя орнаментальными фризами, расположенными, как на белозерском колоколе. Верхний (рис. 2), состоящий из образованных стеблем медальонов с заключенными в них изображениями животных, аналогичен нижней орнаментальной ленте белозерского колокола, хотя фигуры животных в них не совпадают. Нижний пояс на суздальском колоколе образован волнообразным побегом, между изгибами которого помещены фигуры фантастических существ с человеческой головой и змеиным телом. Между словами надписи — изображения животных и человеческие фигурки (рис. 3). Петли на суздальском памятнике гладкие.

Изображения животных по сторонам растений или между завитками волнистого стебля были широко известны в русском орнаменте с глубокой древности. В XVI в. этот орнамент получает в Пскове, по сравнению с другими областями, особенно большое распространение. Он часто встречается в псковской керамике[21], имеется в деревянной резьбе[22], в серебряных изделиях[23].

Интересной деталью являются изображения человеческих фигур на колоколе Прокопия Григорьева 1548 г. Приземистые и большеголовые, в коротких подпоясанных одеждах, они отличаются от остального орнамента своим архаизмом. Некоторые из них — фронтальные, с поднятыми руками — напоминают характерные образы народной вышивки. Известна большая роль светских, народных мотивов в псковском прикладном искусстве. Укажем на еще не ясные по своим сюжетам изразцы церкви Георгия со Взвоза 1494 г., Сереткина монастыря[24]. Исследование орнамента псковского литья с привлечением всех сохранившихся его памятников может расширить наше представление о своеобразной художественной культуре древнего Пскова.

---

[21] А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. Вып. I. XV—XVIII вв. М., 1938, стр. 21—25, табл. 6, 7.

[22] Царские врата из Снетогорского монастыря. Правая створка хранится в ГИМ.

[23] Басменный оклад иконы «Алексей Митрополит», конец XVI — начало XVII в. ГРМ, инв. № 453. На псковское происхождение оклада указывает М. М. Постникова-Лосева. Некоторые из этих мотивов сохраняются в псковском народном искусстве и в более позднее время. Так, в псковской народной вышивке XIX в. нередки изображения скачущих оленей и барсов по сторонам дерева (ГРМ, Отдел народного искусства, инв. №№ В-642, В-661, В-7076, В-7282).

[24] См. А. В. Филиппов. Ук. соч., стр. 56—57, табл. 10—12.

Критика и библиография

Frank C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe. Paléolithique — Mésolithique — Néolithique, Paris, 1960. 350 стр.

При чтении этой книги[1] прежде всего возникает вопрос: на какого читателя она рассчитана? Бо́льшая часть этой книги содержит известные описания различных европейских и отчасти — африканских и азиатских археологических культур; причем, соответственно размерам книги, эти описания весьма кратки и рисунками не сопровождаются. Археологов поэтому могут интересовать только выводы, которые делает автор из описываемых знакомых им фактов, а эти выводы, как я постараюсь показать ниже, очень легковесны во многих случаях. Для неархеологов же приводимые Ф. Гиббеном факты (описания археологических памятников и вещественного материала) слишком недостаточны, особенно если учитывать отсутствие иллюстративного материала.

Содержание книги не соответствует ее заглавию: автор назвал ее «Доисторический человек в Европе. Палеолит — мезолит — неолит», а в действительности захватывает и ранний железный век до эпохи классической Греции и императорского Рима, почти исключает из рассмотрения территорию европейской части СССР, довольно много места отводя при этом Северной Африке и Юго-Восточной Азии.

Пространное обоснование выбора автором данной темы, изложенное в 1-й главе, можно свести к следующему силлогизму, или, точнее, к большей и меньшей посылке его с подразумеваемым заключением:

А. История и археология являются только двумя частями единой истории человечества.

Б. Цивилизации Америки возникли на базе европейских цивилизаций, причем идеи, возникшие в Европе, «глубоко воздействовали на большинство других цивилизаций во всем мире», что привело, в конце концов, ко всеместному подражанию европейскому образу жизни.

В. Кроме того, древности Европы исследованы лучше, чем в других странах (дополнительная посылка).

Не высказанный автором вывод очевиден: изучение данного периода истории в Европе имеет кардинальное значение для всего мира. При этом, как я уже сказал, под Европой, судя по содержанию всей книги, подразумевается Западная Европа.

В следующей главе, живописно названной «Пьеса и декорации», автор именует историю человечества «драмой» на фоне вечно меняющегося пейзажа. И далее сообщаются в конспективной форме основные сведения по геологии, начиная с археозоя, о ледниковых периодах, речных террасах, лёссе и т. д. Отметив при этом, что в истории Земли человек играет роль только на последней ступени ее развития, занимающей всего $^1/_{2000}$ часть всей этой истории, Ф. Гиббен заявляет, что это не противоречит библейскому сказанию о сотворении мира. «Дни и ночи сотворения мира,— пишет он,— в том виде, как они представлены в библейской литературе, являются единицами геологического времени, а не обязательно днями и ночами, сравнимыми с нашими житейскими, составляющими всего 24 часа» (стр. 18).

Эта старая, избитая формула церковников невольно заставляет вспомнить такой же старый анекдот о том, как один нищий молился богу: «Господи, господи! Для тебя сто лет, как одна минуточка. Для тебя сто рублей, как одна копеечка. Подай мне копеечку!». Только в анекдоте этому горе-математику прозвучал ответ с неба: «Хорошо. Подожди одну минуточку».

Кто бы ни был творцом Библии, по тому же Ф. Гиббену, это мог быть только «доисторический» человек. Полагает ли Ф. Гиббен, что этот человек мыслил геологическими категориями?

---

[1] Настоящая рецензия написана по французскому изданию, поскольку оно является последним. Впервые книга была издана на англ. яз.: F. C. Hibben. Prehistoric Man in Europe. University of Oklahoma Press, 1958, стр. 24.

Уже приведенная цитата позволяет предугадать дальнейшие выступления автора по пути «согласования» науки и религии. И действительно, в густой чаще многочисленных фактов, приводимых Ф. Гиббеном, рассеяны там и сям якобы основанные на этих фактах выводы, открывающие лазейки для такого «согласования». Делается это довольно просто. Подбирается несколько фактов или сделанных другими исследователями выводов и датировок, умалчивается или только вскользь говорится о сделанных против них возражениях и в качестве «возможного» дается из этих фактов вывод. Затем это предположение несколько раз повторяется в иных комбинациях, а через несколько страниц уже используется как нечто несомненное и доказанное для последующих выводов. Используя затем это якобы доказанное предположение и окружая его многочисленными безусловно правильными фактами и выводами частного порядка, автор запутывает этим читателя, мешая ему понять, в чем же заключается ошибка делаемого заключения.

Примером может служить следующая, 3-я глава, в которой автор «доказывает», что неоантроп возник одновременно с палеоантропом. Уже с самого начала заставляет насторожиться заявление Ф. Гиббена о том, что «многочисленные научные открытия» с несомненностью показали, что процесс развития от первобытного к современному человеку, вопреки Ч. Дарвину, «не был ни прямым, ни упрощенным» (стр. 31). А несколько ниже раскрывается и цель, ради которой была написана эта глава, о чем можно судить по следующей цитате: «Часто дискуссия касалась вопроса о точном определении того, что называют „порогом человеческого состояния". Когда именно примитивная обезьяна перестала быть обезьяной и превратилась в человека? Как только подходят к этому вопросу, все становится спорным. Многие аргументы религии состоят просто в том, что „человек не происходит от обезьяны", и с технической точки зрения это — правильно. Нет никакого противоречия между духовной точкой зрения и фактами, доказывающими эволюцию. Самым поразительным феноменом, относящимся к сотворению человека, является непрерывная прогрессивная трансформация. Ни приматы, ни другие млекопитающие никогда не обладали стабильной формой... Что же касается развития приматов, то поразительная смена трансформаций закончилась человеческим видом. Люди науки пытаются еще прочитать все главы этой истории и определить точный порядок их последовательности. Несомненно, что сотворение человека, с этой точки зрения, так же назидательно с духовной точки зрения, как и более литературные рассказы библейской истории, рассказы, стремившиеся сделать доступными некоторые истины читателям, далеким от науки» (стр. 34—35).

Что же делает Ф. Гиббен, чтобы подтвердить якобы научными методами библейскую легенду о сотворении человека богом? Он прежде всего приписывает антропологам телеологическую точку зрения на происхождение человека и пишет: «Доказательства, свидетельствовавшие об эволюции человека, казалось, восстанавливали довольно простой образ возникающего человечества: в качестве отправной точки прогресса было грубое (incultе) и лишенное разума состояние, характеризующее обезьяну типа дриопитека. Под непреодолимым влиянием эволюции изменялись сначала зубы, потом мозг и в последнюю очередь, может быть, лицо этих предопределенных (prédestinés) (разрядка моя.— *А. Б.*) приматов. При таком упрощенном толковании первичного человечества антропологам оставалось только определить два важных момента человеческого прогресса: первый заключался в определении порога перехода к состоянию человека...; во-вторых, надо было определить момент, когда палеоантроп превратился в неоантропа» (стр. 43—44).

Произвольно приписав антропологам тезис о непременной трансформации всех млекопитающих вплоть до современности и так же произвольно умолчав о выдвинутых антропологами предположениях о возможности перехода от неандертальца к неоантропу[2], автор замечает: «Вместо постепенного уменьшения примитивных черт палеоантропа, черт, которые могли бы трансформироваться в черты современного человека, произошел внезапный перерыв. Неандертальский тип достиг, по-видимому, предела своей эволюции и исчез. Типы современных людей, или неоантропов, как кажется, появились так же внезапно, как исчезли другие. Бесполезно говорить, что эти внезапные появления не согласуются с общепринятыми идеями об эволюции» (стр. 45).

Затем, подобрав серию спорных находок человеческих останков (родезийский человек, череп из Галлей-Хилла, лондонская находка 1925 г., находки в Фонтешеваде, Сванскомбе, Кануме, Каньере, Касабланке и Тернефине), он утверждает, что слои, в которых были сделаны эти находки, датируются серединой, а может быть, и более ранней порой плейстоцена, а черепа обнаруживают признаки, характерные для неоантропа. «Согласно с этими фактами,— заключает Ф. Гиббен,— возможно только одно объяснение — типы неоантропа и палеоантропа существовали одновременно... Хочется предположить, что более развитой человек в силу какого-то превосходства, которое трудно определить, вытеснил своих современников неандертальцев, истребив их». И отсюда Ф. Гиббен делает новое предположение, что могли существовать одновременно и другие человеческие виды: «Одна ветвь человечества могла появиться в Восточной Азии и дать монгольский ствол. Другая, африканская ветвь могла породить негроидов. И, может быть, сванскомбский череп принадлежал одному из самых отдаленных пред-

[2] В этом отношении см. интересную статью: H. Weinert. Die Neandertaler Gruppe und die «Praesapiens»-Funde. Forschungen und Fortschritte, 1955, № 10.

ков кавказской расы... Существует достаточно культурных свидетельств (каких именно, конечно, не говорится.— *А. Б.*), что люди современного типа могли появиться в Европе,— с морфологической точки зрения,— даже ранее примитивных неандертальцев» (стр. 46—50).

Эта погудка об извечности человеческих рас не нова. Подновлен только вариант о превосходстве неоантропа, представителя «кавказской», т. е. белой расы.

Не менее показательна и следующая глава, служащая продолжением предыдущей и озаглавленная «Кремень и разум». В ней автор пытается прежде всего определить момент возникновения человека — того, что он назвал «порогом человеческого существования». Ключом к этому служит у него все та же имманентная трансформация, царящая в животном мире.

«Наиболее замечательным является факт трансформации мозга,— пишет Ф. Гиббен.— Увеличение его объема и сложности строения приводит к возникновению того, что называют разумом. В результате разумного человеческого мышления возникает культура... Культура, создаваемая разумом, может быть двоякого типа: материальная и духовная (язык, религиозные верования, обряды)» (стр. 53 и 55).

Ф. Гиббен не ставит даже вопроса о том, чем был обусловлен самый процесс изменения мозга, что появилось ранее — язык или разумное мышление, когда и почему возникли религиозные верования. Разум, по автору, есть следствие развития мозга, а развитие мозга есть следствие необъяснимого закона морфологического развития — трансформации. А раз появился разум, он становится творцом культуры. Для полного согласования с библейскими легендами Ф. Гиббену недоставало только сказать, что «порогом человеческого существования», т. е. моментом возникновения разума, «создающего культуру», было вкушение человеком плодов от древа добра и зла. Впрочем, Ф. Гиббен до этого не дошел и попытался выразиться более наукообразно.

«По мере того как происходила в различных направлениях эволюция человеческого тела,— продолжает он,— человек постепенно становился более слабым по сравнению с многочисленными и мощными млекопитающими плейстоцена, его современниками. Однако с появлением разума наши отдаленные предки использовали первые и новые отблески мысли для выделки оружия или орудий, которые в этом враждебном мире могли служить противовесом слабости человека... Наиболее древние конкретные свидетельства человеческой культуры представлены в виде кремня... Мы предполагаем, что первобытный человек, череп и тело которого достигли достаточного развития для того, чтобы он стал способным к действию и рассуждению, овладел идеей использовать кремень. Мы допускаем a priori, что только человеческий мозг мог заметить специальные преимущества кремня. Таким образом, этим фактом был преодолен порог превращения в человека» (стр. 55—58).

Такова, так сказать, философская опора той эстрады, на которой должна разыгрываться человечеством «пьеса», написанная Ф. Гиббеном. Я не могу, разумеется, описывать и разбирать эту пьесу во всех ее подробностях, с эолитической эпохи и до падения Рима. Остановлюсь только на некоторых наиболее характерных моментах этой «пьесы».

Вернемся к проблеме возникновения человеческих рас, которой автор посвящает много внимания, касаясь палеолитической эпохи. Отметив, что ручные ударники никогда не были найдены вместе с останками человека нижнего палеолита, а останки неандертальцев всегда сопровождаются кремневыми орудиями, сделанными из осколков, Ф. Гиббен предполагает, что ручные ударники «были, вероятно, изделиями другой, особой группы первобытных людей». Поскольку же «массивные орудия обычно ассоциируются позднее с неоантропами, быть может, позволительно увязывать наиболее древнюю часть плейстоцена с этими последними. Следуя этому рассуждению, можно допустить, что на заре первого оледенения в Западной Европе существовали одновременно палеоантропы и неоантропы» (стр. 63).

Конечно, ни один археолог не согласится с характеристикой кремневого инвентаря верхнего палеолита как «массивных орудий», а тем более с попыткой «увязывать» его с нижнепалеолитическими ручными ударниками. Но Ф. Гиббен, сделав такую беспримерную попытку, идет далее и уже не предполагает, а утверждает, ссылаясь на находки в пещере Чжоу-Коу-Дянь в Китае, что техника изготовления орудий из осколков кремня «должна была явиться сюда (в Западную Европу! — *А. Б.*) с Севера или Северо-Востока, из Азии» (стр. 63).

Техника же выделки кремневых орудий из ядрищ сосредоточивается, по Ф. Гиббену, в Европе, но возникла в Северной Африке, где в Канаме был найден ископаемый человек «с положительной нижней челюстью» и где «культура ручных ударников развивается непрерывно в противоположность Европе... Аббевильский (шелльский.— *А. Б.*) период,— пишет он,— был только африканской интерлюдией, занесенной в Европу из Африки» (стр. 64—65). Он представляет себе это так, что «люди ручных ударников вторгались во Францию преимущественно в теплые периоды межледниковий» и основывает это на обнаруженных Брейлем следах солюфлюкции на северофранцузских ашельских стоянках» (стр. 68). В периоды похолодания неоантропы, по догадке Ф. Гиббена, снова удалялись в Африку.

На основании подобных предположений и догадок Ф. Гиббен строит гипотезу, что «в отдаленную эпоху, судя по имеющимся данным, традиция выделки орудий из осколков принадлежала палеоантропам и достигла своего апогея у неандертальца. С другой

стороны, орудия из кремневого ядрища, может быть, были изобретены разумным человеком примитивной формы, представителем неоантропа» (стр. 73).

Сделав такие маловероятные и совсем невероятные предположения, Ф. Гиббен в дальнейшем использует их в таких выражениях, как: «Поскольку в настоящее время несомненно (разрядка моя.— *А. Б.*), что человек сапиентного типа существовал еще в среднем палеолите...», т. е. считая, что нагромождение ряда предположений и догадок делает теорему доказанной. Прием нередкий, но совершенно порочный.

Так же и даже более упрощенно Ф. Гиббен решает и другие кардинальные вопросы древней истории. Говоря о возникновении искусства и признавая, что «проявление артистического вкуса возникло в верхнем палеолите, если не ранее» (стр. 87), он считает возможным ограничиться в объяснении причины этого явления словами: «Некоторые более трезвые умы (?! — *А. Б.*) полагают, что стремление к украшению является внутренней потребностью человека» (стр. 87).

Очевидно, что автор не делает различия между чисто физиологическими потребностями, такими, как сон, еда и пр., и потребностями, возникающими из производства. Он даже не замечает, что его собственное замечание, что искусство возникает в верхнем палеолите, обязывало бы его подумать, почему же не обнаружено следов искусства ранее, если эстетическое чувство является врожденной потребностью человека. Магия слов «трансформация», «потребность» и т. п. кажется ему достаточной для объяснения даже наиболее сложных вопросов древней истории.

Кстати, говоря о палеолитических статуэтках, Ф. Гиббен заявляет, что в Сибири была найдена только одна такая статуэтка — в Мальте, тогда как их было найдено там около 20, не считая находок в других местах Сибири. Но советской археологической литературы Ф. Гиббен не знает, и в приложенном им к своему труду списке литературы не фигурирует ни одной книги на русском языке.

Дальнейшие главы, посвященные собственно мезолиту, неолиту, бронзовой и раннежелезной эпохам, переполнены очень краткими справками о соответствующих археологических культурах, перечислением характерных для них типов каменных, бронзовых, костяных и железных изделий, керамики, отдельных археологических памятников и пр. На основании этих фактов он делает различные исторические выводы. Там, где эти факты касаются европейской части СССР, они нередко искажены.

Так, например, Ф. Гиббен, утверждает, что свидерскую культуру обнаруживают далеко на юге России и Украины, и делает предположение, что Украина, возможно, служила областью происхождения этой культуры (стр. 107). Даже по трудам западноевропейских археологов автор мог бы получить более правильное представление о свидерской культуре [3]. Ямная культура отнесена Ф. Гиббеном к серии культур с боевыми топорами, таких, как культура шнуровой керамики, фатьяновская и др., очевидно, под влиянием гипотезы М. Гимбутас, считающей, что эти культуры возникают из второй стадии ямной культуры [4], а то, что между той и другими культурами лежит промежуток в несколько сот лет, его не беспокоит.

Но и в описании памятников Западной Европы имеются досадные погрешности. Поселение Гластонбюри в Англии описывается Ф. Гиббеном как имевшее «мощные укрепления», тогда как речь может идти только о деревянном палисаде.

Ограничусь этими примерами. Но, конечно, большинство из описываемых им фактов (поскольку значительное число описаний, очевидно, заимствовано из работ крупных археологов) не подлежат оспариванию. Другое дело — историзация приводимых Ф. Гиббеном фактов. Здесь есть о чем поговорить. Модернизации здесь хоть отбавляй. Тут, не считаясь с эпохой, действуют и купцы, и господствующие классы, и даже миссионеры; история Римской империи сравнивается с историей США и т. д.

Вот, например, как упрощенно автор излагает причины появления земледелия: «Обильные пастбища Северной Африки иссыхали по мере уменьшения влияния ледников на Севере. Пустынные и полупустынные условия делали жизнь невозможной на большей части этих областей. Только некоторые оазисы располагались пятнами на этих иссушенных землях. Чтобы сохранить существование, человеческая жизнь должна была сосредоточиться вокруг этих влажных островков... Мы предполагаем, что... примитивное человечество в муках голода и поисков новых запасов пищи нашло подмогу в сборе диких зерновых» (стр. 127).

Так же просто изображается появление животноводства. Постоянное иссушение пастбищ создавало в оазисах скопления животных и людей. Близкое соприкосновение их друг с другом создавало предпосылку для приручения животных. Впрочем, Ф. Гиббен допускает возможность и иной гипотезы «других ученых», что возделанные поля привлекали к себе травоядных животных (стр. 131).

Нет смысла даже возражать против таких «гипотез». Таких упрощенных толкований рассеяно в книге Ф. Гиббена много. Например, о том, как с оседлостью поселки

[3] Если даже для Ф. Гиббена недоступна основная статья Л. Савицкого, написанная на польском языке, но с большим резюме на французском языке, то он мог взглянуть хотя бы на карту в статье Э. Штурма (См. E. Sturms. Der Ursprung der kamm- und grübchenkeramischen Kulturen Osteuropas. Commentationes Balticae, т. III, № 7, Bonn, 1957, рис. 10.

[4] M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge — Massachusets, 1956.

«при случае» становились городами, а города нуждались в аппарате управления и законодательстве. «Состояние войны стало характерным для этого периода, так как в этих группах постоянно возникали разногласия... позднее появилась королевская власть... Некоторые группы стали привилегированными владельцами, земли которых обрабатывались низшим классом, классом рабов... Более значительные объединения неолитических земледельцев и животноводов нуждались в чем-то ином, чем какой-то охотнический обряд для воздействия на небесных и земных богов. Обряд превратился в церемонии, и неолитические люди собирались для их выполнения...» (стр. 135).

И заканчивается это описание развития жизни неолитических общин поистине неподражаемым и, по-видимому, искренним восхищением перед картиной того, что «в организованном таким образом обществе» материальная жизнь должна была достигнуть процветания. И действительно, чего больше желать автору этой книги, когда в описанном им обществе уже появились законодательство, цари, рабы, привилегированные владельцы земли, пользовавшиеся услугами рабов. Недостает только церкви и ее типичных представителей. Но скоро и они появляются на страницах труда Ф. Гиббена, и притом также в неолите.

Наиболее характерные для Ф. Гиббена замечания и предположения в этом отношении мы находим в той части его труда, где он описывает мегалитические сооружения. Что касается исходной области, откуда распространились эти сооружения, вызванные к жизни особой религиозной идеей, то он полагает, что исходной областью надо считать Крит или Сирию, где они служили на Крите погребальными камерами, а в Сирии — храмами (стр. 190). Далее, описывая различные формы мегалитических сооружений, автор приписывает эти разновидности существованию различных религиозных «сект»: секта гробниц с ходом, секта крытых галерей и т. д.

«По мере того, как различные мегалитические секты распространялись все далее к северу,— пишет он,— и обосновывались в разных местах на северо-западе Европы и на Британских островах, неолитические туземцы воспринимали обряды нового культа. Возможно, что существовали какие-то жрецы или какие-то семейства, которые направлялись с намерением распространить свою религию и обратить в нее жителей отдаленных стран» (стр. 194).

Мало этого, эти неолитические миссионеры имели, по Ф. Гиббену, все черты современных миссионеров и не ограничивались только проповедями, но и искали в этих дальних странах экономические выгоды.

«Впервые в область Балтики,— пишет Ф. Гиббен,— проник мегалитический тип Бишарра, проник в эпоху, когда люди Бишарра отправились разыскивать обширные земли в отдаленных областях в целях вести там торговлю. Может быть, их побуждали к этому любовь к богатствам, желание найти новые источники металла или торговать этим новым материалом» (стр. 196).

Но венцом рассуждений Ф. Гиббена о путях и способах распространения религиозных верований в Европе является в главе о бронзовом веке его предположение о методах религиозной пропаганды, применявшихся племенами культур шнуровой керамики и колоколовидных сосудов. Рассматривая формы глиняных сосудов, характерные для этих культур, Ф. Гиббен приходит к выводу, что они служили для питья какого-то «перебродившего напитка». Отсюда он делает вывод, что питье пива было религиозным обрядом при погребениях. Поскольку же сосуды, которые клали в могилу племена культур шнуровой керамики и колоколообразных сосудов, были почти одинаковыми по форме (что совершенно неверно, по нашему мнению), то это дает основание Ф. Гиббену писать: «Люди с такими чашами, привозившие с собой алкогольный напиток, очень хорошо принимались неолитическими группировками скорее благодаря этому напитку, чем малому количеству меди, которое они доставляли. В большинстве случаев выделка чаш и обычай пить пиво охотно воспринимались различными группировками. Происходило курьезное смешение культур и керамики» (стр. 218).

Картина, нарисованная Ф. Гиббеном, завершена. Доисторические миссионеры из-за любви к богатству не только распространяют в далеких странах свою сектантскую разновидность мегалитической или иной древней религии, но и спаивают туземцев. Поистине можно только удивляться, до какой степени модернизации древней истории могут дойти некоторые — по счастью, немногие — представители буржуазной науки!

Было бы затруднительно привести в этой рецензии многочисленные менее яркие по их наивности и невероятности заключения автора этой книги. Только в качестве примера приведу некоторые из них.

Так, описывая богатые погребения бронзового века в Скандинавии, Ф. Гиббен следующим простым способом разрешает трудную загадку причины этого исключительного расцвета скандинавской культуры в бронзовом веке: «Без сомнения,— пишет он,— эти обогатившиеся скандинавские вожди были потомками строителей мегалитов, которые в предыдущий период затратили столько энергии на построение своих могил из необтесанных камней. Теперь они использовали эту энергию в металлургии» (стр. 266).

Описывая гальштатскую культуру и предполагая, что эта культура была «распространена конными воинами, а не кузнецами и странствующими торговцами», автор пишет: «Гальштатские народы имели феодальный строй и управлялись аристократией. Некоторые из этих аристократов представляли собой подлинные суверенные королевские семейства... Несомненно, что обилие железа, которое делало доступными для всех, а не только для привилегированных, железные орудия, сделало жизнь более легкой,

а продукцию более регулярной. Как это свойственно человеческим объединениям, при обеспеченности пищей население возрастает и войны становятся более частыми» (стр. 277).

Критская линейная письменность развилась, по мнению Ф. Гиббена, «под влиянием критских купцов, которым необходима была какая-нибудь письменная форма для их коммерческих дел» (стр. 313).

Другим примером малого уважения Ф. Гиббеном логики служат некоторые делаемые им сопоставления истории человечества в разные эпохи. «Есть много общего,— заявляет он,— в эллинской цивилизации и цивилизации Соединенных Штатов Америки. Обе они были пришлыми. Обе испытали известный прогресс, полный излишеств, и страдали иногда отсутствием утонченности. Эллинская культура, как и культура Соединенных Штатов Америки, была в свое время центром политической жизни страны». Кому нужны такие сопоставления, напоминающие разделение человечества по цвету волос, если не хуже?

Заканчивая рассмотрение труда Франца Гиббена, я снова возвращаюсь к вопросу, поставленному мною в самом начале рецензии: для кого писалась эта книга? Подлинно научному работнику, историку или археологу, она ничего не дает, кроме кратких и далеко не всегда удачных конспективных заметок, выписанных из различных трудов археологов. Историческая трактовка приводимых им бесчисленных фактов, в большинстве своем переданных вполне правильно, но далеко не полно, напоминает мне характеристику, данную Иоахимом Вернером 14 походам индогерманцев Густава Коссины, как концепции, сложившейся «в детской комнате» доисторических исследований [5]. Ни советский, ни зарубежный ученый не может принять серьезно многих исторических выводов Ф. Гиббена. В мировой науке эта книга не может иметь никакого веса.

К сожалению, такие «труды» способны воздействовать на умы читателей, далеких, как выражается Ф. Гиббен, от науки, и которым он рекомендует «более литературные рассказы библейской истории». Книга Ф. Гиббена, написанная научно-популярным языком и переполненная ссылками на действительные факты, строящая на основании этих фактов малоубедительные, с научной точки зрения, предположения, а на этих предположениях — частью допустимые, частью совершенно фантастические выводы, способна запутать такого читателя. Под этой дымовой завесой автором, по существу, делается попытка внушить своему читателю, что современная наука на основании всей истории (или, точнее, до- и предыстории) подтверждает извечность человеческих рас, приоритет белой расы над остальными, глубокую древность религии и ее культурно-политическую положительную роль, благоденствие народов под властью «королей и аристократии» и даже библейское сказание о сотворении богом мира и человечества.

Книга Ф. Гиббена рассчитана не на людей науки, которым нетрудно разгадать ее ненаучную сущность, а на определенный круг среднего обывателя в буржуазных странах, способного поддаться такой квазинаучной пропаганде. К сожалению, подобного рода книги еще печатаются в этих странах и находят распространение. Но надо думать, что и там книга Ф. Гиббена не найдет сочувственного отклика среди настоящих ученых.

А. Я. Брюсов

[5] J. Werner. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik. Forschungen und Fortschritte, 1954, № 8.

Древнейший Афганистан. (Некоторые вопросы первобытной археологии)

Территория, занимаемая ныне афганским государством, включает в свой состав ряд областей и районов, издревле бывших местом интенсивного развития человеческой культуры. Однако из-за значительного отставания в развитии археологических исследований буквально лишь в последние годы начала приподниматься завеса над древнейшим прошлым этой страны. Когда в 1924 г. Всероссийской научной ассоциацией востоковедов был выпущен сборник статей, посвященных Афганистану, включенная в него статья В. А. Городцова содержала лишь перечень тех проблем, которые могли бы возникнуть при развертывании археологических работ на территории соседней с нами страны [1]. Какие-либо конкретные материалы, относящиеся к периоду каменного или бронзового века, тогда еще полностью отсутствовали. С тех пор афганская археология сделала большой шаг вперед. Широко изучались памятники античности и раннего средневековья, в последние годы проведены раскопки средневековых памятников [2], впервые стали известны памятники и большей древности. Эти успехи могли быть и более значительными, если бы систематически работающая в Афганистане французская археологическая экспедиция не увлекалась отдельно взятыми памятниками искусства, а в большей мере уделяла внимание планомерному составлению археологической карты страны и непосредственному изучению массового археологического материала.

К сожалению, почти совершенно неизученной остается геология четвертичного

[1] В. А. Городцов. Археологические проблемы Афганистана. Сб. «Афганистан», ч. I, М., 1924, стр. 108—117.

[2] А. М. Мандельштам. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. СА, XXI, 1954; М. Р. Арунова. О некоторых общих результатах археологических раскопок в Лашкар-Гахе. КСИВАН, XXXIII, 1959.

периода на территории Афганистана, и здесь приходится ориентироваться на более разработанные геологические схемы Индии и Средней Азии. Имеется ряд данных, свидетельствующих о ледниковой деятельности в отрогах Гиндукуша, перерезающих Афганистан. На территории Кашмира и Тибета установлено наличие четырех оледенений, из которых максимальным было второе, возможно соответствующее по времени рисскому оледенению Европы [3].

Сходным образом, по-видимому, протекало развитие ледников в горах на территории Афганистана. В более низменных районах фазам оледенения соответствовали периоды интенсивной деятельности рек. Так, например, сеистанские озера, принимая на себя воды бурно вздувшихся рек, занимали площадь, в несколько раз превышавшую современное зеркало вод [4].

Однако в целом климат в четвертичный период не столь уже значительно отличается от современного. Исследованиями советских ученых в Средней Азии установлено, что здесь на великих аллювиальных равнинах уже с начала четвертичного периода развивается близкий современному пустынный ландшафт с зарослями саксаула и других пустынных растений. Преобладавший в более раннее время субтропический климат постепенно с некоторыми колебаниями сменяется внетропическим континентально-пустынным, преобладающим и в настоящее время [5]. Можно думать, что аналогично происходило изменение природных условий в афганском Туркестане и в Сеистано-Фаррахском районе. Сухой континентальный климат лишь в незначительной степени смягчался развитием ледников в высокогорных районах Гиндукуша.

Весьма возможно, что Афганистан входил в ту область, где произошел процесс становления человека. В Северо-Западной Индии, в Сиваликских холмах, были найдены кости трех различных родов человекообразных обезьян, из которых один, названный рамапитеком, особенно близок к человеку [6]. Не исключено, что в южных районах Афганистана, особенно в Джелалабадской провинции, могут быть сделаны аналогичные находки. Во всяком случае, древнейший человек освоил район рассматриваемой территории уже в сравнительно ранний период. Об этом косвенно свидетельствуют находки орудий нижнего палеолита в соседних областях — в целом ряде районов Средней Азии и Южного Казахстана и в Кашмире.

Исследования последних лет установили широкое распространение культуры мустьерских охотников на территории Средней Азии. Особенно существенно для нашей темы широкое распространение памятников мустьерского периода на юге Узбекистана и Таджикистана, т. е. в районах, непосредственно примыкающих к афганскому Туркестану [7].

Культура мустьерских охотников была широко распространена и на территории Ирана. Здесь недавно была исследована пещера в ущелье Бисутун со знаменитой трехъязычной надписью Дария I, дававшая в мустьерский период приют охотникам на джейранов, быков и оленей. В Южном Хорасане, в с. Хуник, недалеко от ирано-афганской границы, обнаружен навес, использовавшийся палеолитическими охотниками. Найденные здесь кремневые изделия — остроконечники, пластины, дисковидные нуклеусы — весьма характерны для мустьерского периода [8].

Все изложенные выше данные дают основание считать, что территория Афганистана в какой-то мере была обжита уже в эпоху палеолита. Этому в значительной степени способствовали и благоприятные природные условия. Одним из таких наиболее благоприятных для древних охотников мест несомненно являлся широко обводненный в ту пору район сеистанских озер, или хамунов, где вплоть до настоящего времени охота и рыболовство играют главную роль в жизни некоторой части населения [9]. Правда, первые разведочные работы не обнаружили здесь следов каменного века, но это отнюдь

---

[3] D. N. Wadia. Geology of India. London, 1953, стр. 378—381; H. De Terra, T. T. Paterson. Studies on the Ice Age in India and Associated Human Culture. Washington, 1939. Высказывались также мнения, что после второго максимального оледенения в Индии было не два, а три ледниковых периода.

[4] C. Huntington. The Basin of Eastern Persia and Seistan. В кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Washington, 1905; R. Furon. Géologie du plateau Iranien. Mémoires du Muséum National d'Histoire Naturelle, новая серия, т. VII, ч. 2, Paris, 1941, стр. 405—406.

[5] Б. А. Феодорович. Вопросы палеографии равнин Средней Азии. Тр. Института географии АН СССР, вып. 37, 1947; его же. Древние реки в пустынях Турана. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 3, 1952. Б. А. Феодорович предполагает, что в периоды оледенений на Севере температура в Средней Азии понижалась не более чем на 8° по сравнению с современными средними температурами.

[6] Г. Ф. Дебец. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. Тр. ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVI, 1951, стр. 355.

[7] Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949; В. А. Ранов. Результаты разведок каменного века в 1957 г. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CII, 1959, стр. 21—26.

[8] C. S. Coon. Cave Explorations in Iran. 1949. Philadelphia, 1951, стр. 3—5, 20, 66—67, табл. IV—V.

не исключает возможности обнаружения палеолита в ходе дальнейших исследований [10]. Более успешными оказались исследования предгорий, где древние охотники, подобно своим современникам, занимавшим южные районы Таджикистана, могли укрываться в многочисленных гротах и навесах. К их числу принадлежит скальный навес Кара-Камар — первый памятник каменного века, обнаруженный в Афганистане. Этот навес расположен на высоте около 1100 *м* над уровнем моря в северных отрогах Гиндукуша, около селения Хайбак, по дороге из Пул-и-Хумри в Ташкурган. Природные условия здесь в значительной мере напоминают район, упоминавшейся выше пещеры Тешик-Таш на юге Узбекистана. Как и в Тешик-Таше, здесь находили убежище палеолитические охотники на горного барана, но наряду с баранами добычей им служили также дикие лошади и олени.

В Кара-Камаре обнаружено несколько культурных слоев, относящихся к разным периодам. Самые нижние по времени, возможно, близки мустьерскому периоду, хотя здесь не найдено орудий, несомненно относящихся к этому типу кремневой индустрии. Наличие же в Кара-Камаре слоев верхнего палеолита не может вызывать особых сомнений [11].

Свои орудия жители Кара-Камара изготовляли из кремня белого цвета, но, к сожалению, при раскопках не было найдено сколько-нибудь законченных и совершенных форм. Находки, главным образом, представлены нуклеусами, с которых откалывались пластины для орудий, или отщепами, ряд из которых обработан с одного конца ретушью. Были обнаружены также грубые скребки.

Более характерен материал из верхнего слоя навеса Кара-Камар, где распространены тонкие, тщательно отделанные пластины, иногда покрытые ретушью, а также другие изделия, носящие следы микролитической техники и бесспорно относящиеся к мезолиту, что подтверждается и датой, полученной в результате радиокарбонового анализа [12].

Можно ожидать, что за этими первыми открытиями последуют новые исследования, которые позволят более конкретно охарактеризовать каменный век на территории Афганистана.

Значительно бо́льшим числом памятников представлен в рассматриваемых областях период энеолита и бронзового века. В свое время В. А. Городцов высказал убеждение в том, что соответствующие памятники Афганистана должны будут напоминать культуру Анау или ранних Суз [13]. В настоящее время это предположение нашло себе прямое подтверждение в открытии нескольких десятков памятников соответствующего типа. Это остатки поселений оседлых земледельческо-скотоводческих общин, оплывшие руины которых в виде многочисленных холмов в изобилии встречаются на юге Афганистана. По мнению некоторых ботаников, с территорией Афганистана тесно связана и сама проблема происхождения древнейшего земледелия. Акад. Н. И. Вавилов на основании геоботанических наблюдений пришел к выводу, что горные районы Афганистана с примыкающей к ним Северо-Западной Индией были одним из центров происхождения культурных растений [14]. Однако подобное заключение пока не находит подтверждения в имеющихся археологических материалах. До сих пор ни в Афганистане, ни в Северо-Западной Индии не обнаружено культур древнейших племен, занимавшихся в широких масштабах собирательством, на базе которого и произошел переход к искусственному возделыванию растений. Правда, не следует исключать возможность обнаружения подобных культур в ходе дальнейших работ. Однако характер

---

[9] Исследователи Сеистана ярко характеризуют архаический уклад этих охотников-сеядов. Они «считают себя коренными жителями и потомками первобытного населения страны, живут в шалашах, сложенных из снопов тростника, в палатках, или гасирах, образованных циновками, сплетенными из того же растения» (Е. Чернявская. Сеистан. Изв. РГО, т. LX, вып. 1, 1928, стр. 131).

[10] W. A. Fairservis. Archaeological Research in Afghanistan. Transactions of the New York Academy of Sciences, серия II, т. 12, № 5, 1950, стр. 137; его же. Future Archaeological Research in Afghanistan. South-Western Journal of Anthropology, т. 9, № 2, 1953, стр. 145. Онаружение палеолита в этих районах весьма затруднено значительным развитием поздних аллювиальных отложений.

[11] В первоначальном сообщении исследователи Кара-Камара с уверенностью пишут об обнаружении слоев мустьерского времени. См. C. S. Conn, H. W. Coulter. Excavation of the Kamar Rock Shelter. «Afghanistan», 1955, № 1, стр. 14—15. Позднее нижние слои Кара-Камара характеризуются в более осторожных выражениях (см. C. S. Coon. Seven Caves. London, 1957, стр. 231, 296). Возможно, публикация материалов из Кара-Камара (пока изданы лишь два кремневых изделия из нижних слоев) будет способствовать разрешению этого вопроса.

[12] По этому анализу верхний слой Кара-Камара датирован 8630 г. до н. э. (± 720).

[13] См. В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 113.

[14] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Труды по прикладной ботанике и селекции, т. XVI, вып. 2, Л., 1926, стр. 25, 27, 134. См также Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929. В Афганистане насчитывается до 60 разновидностей мягкой пшеницы (Triticum vulgare) и до 50 видов пшеницы карликовой (Triticum compactum).

распространения наиболее ранних земледельческих поселений в Афганистане и соседних районах Индии, а также их датировка позволяют предполагать, что собирательство у предшествующих этим земледельцам местных племен было развито в меньшей мере и, возможно, в более поздних хронологических пределах, чем у племен Палестины и Ирака (Джармо, древнейший Иерихон).

Известные в настоящее время земледельческие поселения распространены на территории Афганистана далеко не равномерно. Их остатки в виде высоких оплывших холмов встречаются лишь на юге страны. Они до сих пор, несмотря на специальные поиски, не обнаружены в афганском Туркестане. Интересно отметить, что еще Н. И. Вавилов писал, что, судя по сравнительно-географическому и ботанико-агрономическому анализу, такие районы, как Герат, Кандагар и Юго-Восточный Афганистан, должны обратить на себя внимание при изучении древнейшего земледелия [15]. Южный Афганистан и примыкающие к нему районы Белуджистана являются местом сосредоточения значительного числа остатков раннеземледельческих поселений. Одним из наиболее древних поселений в этих областях является Кили-Гхул-Мухаммед в районе г. Кветта, где в нижних слоях найдены черепки глиняной посуды, лепленной от руки, кости домашних животных и остатки домов, построенных из сырцового кирпича. Показательно распространение кремневых орудий — ножевидных пластин и грубых концевых скребков. В целом перед нами характерая картина раннеземледельческого поселения. Карбоновым анализом эти слои датированы 3350 г. до н. э. (± 200) [16].

Видимо, ко второй половине или к концу IV тысячелетия до н. э. относится возникновение земледельческих поселений в районе Кандагара (нижние слои Саид-Кали [17] и нижние слои Мундигака [18]), где распространены глинобитные постройки и лепленная от руки керамика без росписи.

Пока трудно судить о происхождении наиболее ранней земледельческой культуры в рассматриваемых районах. Ее относительно поздняя по сравнению с соседними странами датировка, казалось бы, подсказывает вывод, что появление земледельческих поселений в районе Кандагара и Кветты явилось результатом постепенного расселения по территории Ирана раннеземледельческих племен, тем более что такое расселение племен с запада на восток в Южном Туркменистане для IV тысячелетия до н. э. устанавливается вполне определенно [19]. Однако керамика древнейших поселений Кветты и Кандагара весьма архаична по своему виду и не находит прямых параллелей в синхронных культурах Ирана и юго-запада Средней Азии. Это обстоятельство может свидетельствовать о местном происхождении комплексов нижних слоев Кили и Мундигака, сложившихся в результате перехода к оседлости и интенсивному земледелию местных племен. Дальнейшие исследования как в Афганистане, так и в соседних странах должны помочь освещению этой проблемы [20].

С образованием земледельческих племен значительно усложнилась картина исторического развития стран Востока. Все сильнее и заметнее стала проявляться неравномерность в развитии отдельных районов и областей. Эта неравномерность усилилась с сложением в долинах крупных рек первых классовых обществ и государств. В целом можно наблюдать следующую закономерность в развитии стран Ближнего и Среднего Востока в IV—III тысячелетиях до н. э. Основными очагами культуры были долины таких крупных рек, как Тигр и Евфрат, Нил и Инд. Здесь рано возникают города, зарождается письменность, процветает монументальная архитектура. В Междуречье это мы можем проследить по истории Шумера, Элама и Вавилонии, а в Индии — на при-

[15] Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Ук. соч., стр. 82.

[16] W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley. New York, 1956, стр. 222, 223, 234, 235, 335, 356. Автор полагает, что в нижних слоях, выделяемых им в Кили I, еще не существовало глинобитных строений и не было в употреблении керамики. Однако ввиду ограниченного масштаба работ судить об этом преждевременно. Результаты последних исследований на Востоке показывают, что ранние земледельцы, как правило, уже пользовались глинобитными домами. В. Фэрсервис несколько архаизирует комплекс Кили I, в связи с чем его удивляет и незначительное количество костей диких животных (стр. 381). В действительности Кили I — вполне сложившееся поселение оседлых земледельцев-скотоводов, и естественно, что роль охоты здесь ничтожна.

[17] W. A. Fairservis. Preliminary Report on the Prehistoric Archaeology of the Afghan-Baluchi Areas. American Museum Novitates, Sept. 12, 1952, № 1587, стр. 24.

[18] J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. Arts Asiatiques, т. I, ч. 3, 1955, стр. 166. Относительно первого снизу слоя Мундигака, где не было встречено следов глинобитных построек, следует иметь в виду ту же оговорку, что и для комплекса Кили I.

[19] В. М. Массон. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959, стр. 9—14.

[20] В свое время Г. Чайлд считал, что о местном генезисе культуры земледельцев-скотоводов Северо-Западной Индии свидетельствует наличие в слоях Рана-Гхундай I (к востоку от Кветты) костей домашних животных местных пород (Bos indicus). См. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 297—298. Новые раскопки показывают, что в более ранний период, чем Рана-Гхундай I, был распространен крупный рогатый скот, отличный от Bos indicus. См. W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley, стр. 382.

мере городской цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро. Следует подчеркнуть, что сложение городской цивилизации в долине Инда, как и появление здесь первых земледельческих поселений, относится к более позднему времени, чем в Междуречье. В настоящее время едва ли можно относить начало культуры Хараппы к более раннему времени, чем 2300 г. до н. э.

К этим городским цивилизациям примыкал обширный пояс земледельческих общин, протянувшийся от Балкан через Малую Азию, Иран и Закавказье до Южного Афганистана и Белуджистана. Еще далее на север от этих земледельческих племен находились многочисленные племена, занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством. Эта неравномерность развития часто проявлялась и на территории отдельных стран. Так, например, земледельческие племена занимали лишь узкую полоску на юго-западе Средней Азии, а на севере и северо-востоке от них обитали неолитические племена с архаическими формами хозяйства. Возможно, подобная неравномерность наблюдалась и в пределах Афганистана. Здесь поселения оседлых земледельцев мы встречаем лишь на юге и юго-западе: в долине Хильменда, в Сеистане и к северу от Фарраха. Возможно, в IV—III тысячелетиях до н. э. интенсивное земледелие еще не было распространено в северных районах страны, но памятники проживавших там в это время племен (будь то охотники или собиратели) еще не обнаружены.

Напротив, в южных районах на основании имеющихся материалов можно выделять даже несколько групп раннеземледельческих племен, возможно как-то различавшихся в этническом отношении. Едва ли не наибольшего развития достигли раннеземледельческие племена, освоившие район Сеистана. Мы уже отмечали, что этот район был весьма благоприятен для охоты и рыболовства. Но и другая особенность природных условий Сеистана весьма благоприятствовала раннему развитию культуры. Здесь находилась дельта Хильменда, разлившаяся бесчисленными протоками, впадающими в беспрестанно меняющиеся в своих размерах озера-хамуны. Во время паводков вода заливала обширнейшие пространства, которые, медленно высыхая, представляли собой идеальные поля для древнейших земледельцев. Все это обусловило широкое развитие здесь раннеземледельческой культуры. Сеистанские поселения не подвергались раскопкам, но уже собранный на них подъемный материал позволяет сделать некоторые общие заключения [21].

Наиболее значительные поселения расположены в персидской части Сеистана в древней дельте Хильменда, находящейся к югу от современной. Здесь отмечено более полутора десятков древних поселений, главным образом весьма небольших по величине — не более 1 *га* площадью (Рамруд, Калати-Гирд и др.). Но самым крупным из них и скорее всего центром оазиса было поселение, остатки которого ныне известны под именем Шахри-Сохте («сгоревший город»). В настоящее время Шахри-Сохте представляет собой ряд всхолмлений высотой до 12 *м* и общей площадью около 30 *га*. Неподалеку от поселения проходит сухое русло Руди-Биябан. Большое количество обломков глиняной посуды, каменных бус, кремневых наконечников стрел и обломков медных изделий собрано на Шахри-Сохте и других поселениях Сеистана. Судя по этим коллекциям, существование сеистанского оазиса ранних земледельцев относится к III — первой половине II тысячелетия до н. э. [22]. Вся посуда сделана на гончарном круге, что свидетельствует о развитии ремесленного производства. Роспись на посуде производилась темно-коричневой краской на кремовом или красном фоне и представлена главным образом геометрическими мотивами (розетками, контурными крестами, заштрихованными ромбами и т. п.). Имеются рисунки, изображающие животных (змею и козла). По мотивам росписи сеистанская керамика ближе всего стоит к посуде Элама и соседних с ним районов (Сузы, Тали-Бакун). В то же время может быть отмечен и ряд восточных влияний, например со стороны культуры Кветты.

Сравнительно густо был заселен в этот период и афганский Сеистан, где известно около 40 пунктов с находками ранней расписной керамики. Поселения эти невелики по размерам, и культурный слой их в настоящее время почти полностью развеян. Крупных центров, подобных Шахри-Сохте, здесь не было. На поселениях, помимо расписной керамики, такой же, как и в иранском Сеистане, обнаружены кремневые наконечники стрел и проколки, зернотерки, песты, обломки алебастровых сосудов и различные мел-

---

[21] A. Stein. Innermost Asia, т. II, Oxford, 1928, стр. 949—958; т. III, табл. CXII—CXIV; F. Andrews. Painted Neolithic Pottery in Sistan. Burlington Magazine, т. CCLXXIII, дек. 1925, стр. 304—308.

[22] Одну из поздних дат дают кремневые наконечники стрел с выделенным черешком, идентичные наконечникам стрел из южнотуркменистанского комплекса Намазга VI. См. A. Stein. Ук. соч., т. III, табл. CXII, *RR VI, 016*; В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 60, рис. 18, *III*. Нерасписные сосуды сеистанских поселений близки по формам керамике типа Намазга V (начало II тысячелетия до н. э.). Рельефная медная поделка (печать?) из Сеистана с изображением креста идентична одной каменной печати из Мохенджо-Даро (см. A. Stein. Ук. соч., т. III, табл. CXVI, *RR, XI, 014*; E. Mackay. Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Dehli, 1938, т. II, табл. LXXXVI, *156*.

кие изделия (проколки, бусы, часть орнаментированной плакетки или печати) [23]. Особенно интересно нахождение медных шлаков, указывающих на местное изготовление предметов из меди. Как известно, Афганистан богат месторождениями этой руды, и вполне возможно, что в III—II тысячелетии до н. э. ее даже вывозили в соседние малорудные районы.

В афганском Сеистане, неподалеку от одного поселения раскопан древний могильник, где погребенные располагались на левом боку, лицом на север. Возможно, некоторые могилы обкладывались сырцовым кирпичом. Черепа погребенных оказались долихокефальными, т. е. того антропологического типа, который в настоящее время широко распространен в этих районах.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в III—II тысячелетиях до н. э. Сеистан был заселен многочисленными земледельческими племенами. Несомненно, что для орошения полей они не только использовали периодические паводки, но и проводили специальные каналы, а возможно, даже возводили плотины. Все это способствовало развитию здесь высокой культуры, и не приходится сомневаться, что раскопки древнего центра оазиса — поселения Шахри-Сохте — раскроют одну из интереснейших страниц жизни раннеземледельческих племен Среднего Востока.

Другая группа племен, перешедших к оседлой жизни и занимавшихся земледелием, сосредоточивалась в районе г. Кветты. Хотя поселения этой группы расположены главным образом вне современных границ Афганистана, изучение их культуры существенно дополнит картину древнейшего прошлого страны [24].

Около двух десятков небольших поселений (сейчас площадь оплывших холмов, содержащих их руины, колеблется от 0,5 до 1,5 *га*) занимало во второй половине III—первой половине II тысячелетия до н. э. плодородную Кветтскую долину, расположенную к северу от знаменитого Боланского ущелья. Поселения состояли из нескольких многокомнатных домов, разделявшихся узкими проходами. Стены домов в нижней части возводились из бутового камня, выше клались из продолговатого сырцового кирпича. Дома состояли из небольших помещений, в которых находились очаги и печи для выпечки хлеба, обычно представляющие собой просто слегка вкопанный в пол крупный сосуд без дна.

Основным занятием проживавших здесь племен было земледелие и скотоводство. Для орошения полей можно было легко использовать многочисленные небольшие ручьи, сбегавшие с гор, и временные водостоки. В составе стада козы и овцы решительно преобладали над крупным рогатым скотом, принадлежавшим, судя по глиняным фигуркам животных, к зебувидной индийской породе. Важным достижением было изготовление металлических орудий: медных ножей, кинжалов и шильев. Однако эти изделия плохо сохраняются, и их редко находят при раскопках, поэтому трудно сказать, когда в этом районе впервые вошли в употребление изделия из меди. В незначительной степени сохранились в быту и кремневые орудия — скребки и грубые лезвия. Наряду с медными проколками употреблялись и костяные.

Своеобразие культуры кветтских племен ярко проявляется в мотивах росписи, украшавшей глиняную посуду. Новые формы сосудов, выделанных на гончарном круге, пришли на смену грубым сосудам ручной лепки, бытовавшим здесь в конце IV—первой половине III тысячелетия до н. э. Роспись наносилась темно-коричневой или черной краской на зеленовато-белом или светло-сером фоне. Одно время был широко распространен двухцветный рисунок, когда темно-коричневым линиям добавлялись темно-красные. Как и на сеистанской посуде, здесь преобладали геометрические мотивы, но несколько иного характера, чем на поселениях в древней дельте Хильменда. Можно отметить зигзаги, различные ступенчатые фигуры, шахматную сетку, оригинальные варианты крестов, отличные от сеистанских, и многое другое. Обращают на себя внимание рисунки листьев растений и солярные символы в виде круга, иногда с зубчатой короной. Изображались на сосудах и животные — козлы, птицы, рыбы и быки. Туловища животных, в угоду геометрическому стилю росписи, иногда перечеркивались косыми линиями.

О достижениях древнего искусства свидетельствуют и разнообразные терракотовые статуэтки, часто выполненные с большой реалистической экспрессией. Здесь мы встречаем фигурки животных (быки, лошади и др.) и, что особенно интересно, людей. Фигурки людей обычно изображают обнаженную женщину с полной грудью, узкой талией и пышными бедрами. У нее высокая прическа и, возможно, сложный головной убор, а на шее — украшение вроде ожерелья. Эти статуэтки передают образ женского божества, широко распространенный у всех раннеземледельческих племен.

С кветтской группой племен были тесно связаны племена, проживавшие в районе современного Кандагара, где известно несколько раннеземледельческих поселений, из

---

[23] W. A. Fairservis. Preliminary Report..., стр. 25—30. Интересно отметить, что голова козла на одном из черепков, изданных В. Фэрсервисом (стр. 29, рис. 5, *A*), находит полную аналогию в керамике из слоя III западноиранского памятника Тепе-Гиян, датирующегося второй половиной III тысячелетия до н. э. См. G. Contenau. The Early Ceramic Art. SPA, I, New York, 1938, стр. 184, рис. 31, *g*.

[24] Впервые культура этой группы племен была выделена С. Пиготом. См. S. Piggot. A New Prehistoric Ceramic from Baluchistan. Ancient India, № 3, 1947. Новые материалы: W. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley.

числа которых выделяется Мундигак — поселение, игравшее, возможно, в древности роль своеобразного местного центра [25].

Область Кандагара имела весьма благоприятные условия для развития земледельческой культуры. Конечно, древним земледельцам не приходилось и думать об использовании вод такой крупной реки, как Хильменд в ее среднем течении. Но многочисленные притоки Хильменда и Аргендаба могли быть использованы для орошения полей без особого труда. Неподалеку, в горах, находились в значительном числе залежи основного металла того периода — меди. Все это способствовало тому, что земледельческие поселения в течение длительного периода существовали на одном и том же месте, в одной и той же горной долине. Одним из таких поселений и был Мундигак, культура которого достигает особенного подъема во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э.

В это время поселение занимало площадь в несколько гектаров. Центром его был высокий холм, образовавшийся из оплывших развалин более древних строений. На этом холме было возведено монументальное здание из сырцового кирпича, имевшее по фасаду около 45 *м*. Фасад украшали сомкнутые полуколонны, поверх которых шел фриз из фигурно выложенных кирпичей, изображающих ступенчатые пирамиды. Внутрь здания вел дверной проем, окрашенный по глиняной облицовке красной краской. Помимо большого зала, здание состояло из целого ряда небольших помещений. В некоторых из них были обнаружены заботливо сложенные глиняные сосуды. Когда это величественное архитектурное сооружение пришло в упадок, на его развалинах была возведена новая, не менее значительная постройка, возвышавшаяся над остальной частью поселения. Скорее всего, это было обширное святилище или жилище богатой патриархальной семьи [26]. Дома на остальной части поселения также строились из сырцового кирпича, но не имели столь эффектного внешнего вида. Внутри помещений располагались прямоугольные очаги.

Обнаруженная на Мундигаке керамика как по геометрическим мотивам, так и по общему стилю изображения животных (козлы, крупные птицы вроде дроф) имеет много общего с расписной посудой кветтских поселений. Похожи и встречающиеся здесь женские статуэтки. Но вместе с тем целый ряд отличий как в росписи, так и в формах сосудов позволяет сделать вывод о наличии самостоятельной кандагарской группы раннеземледельческих племен [27].

Материальная культура этих трех групп племен — сеистанской, кветтской и кандагарской — обнаруживает тесные связи с культурой соседних раннеземледельческих поселений. Правда, направление и характер этих связей в ряде случаев позволяют предполагать этнические перемещения, происходившие на рассматриваемой территории в III—II тысячелетиях до н. э.

Как отмечалось выше, расписная керамика Сеистана в целом связана с гончарным искусством Юго-Западного Ирана и совершенно идентична расписной посуде с ряда поселений Бампура и Макрана [28]. Это позволяет считать, что район древней дельты Хильменда был освоен главным образом в результате продвижения сюда земледельческих племен с юго-запада. Правда, отсутствие раскопок на сеистанских поселениях пока не позволяет с уверенностью утверждать, что именно этим путем здесь появились и самые первые оседлые обитатели этого района.

Совершенно иную картину дает нам культура кветтской и кандагарской групп племен. Здесь можно обнаружить значительные черты сходства с такими раннеземледельческими культурами Белуджистана, как Наль, Амри и Кулли, бывшими в значительной мере современниками древнеиндийской цивилизации. В опосредствованной форме можно проследить связи и с цивилизацией древней Индии, известной по раскопкам Хараппы и Мохенджо-Даро. Но еще более значительно другое, а именно северо-восточное направление древних культурных влияний и взаимоконтактов. Одна из основных керамических форм Мундигака — шаровидный сосуд на высокой ножке,— отсутствующая среди керамики кветтской группы племен и других белуджистанских поселений, полностью идентична одной из основных форм такого североиранского памятника, как Тепе-Гисар [29]. Это является новым подтверждением ранее высказанных

[25] Материалы раскопок на Мундигаке полностью еще не изданы. Имеются лишь предварительные сообщения. См. J. M. Casal. Quatre campagnes...; его же. Mundigak as a Link between Pakistan and Iran in Prehistory. Journal of the Asiatic Society of Pakistan, 1957, т. 2; В. М. Массон. Поселение бронзового века в Южном Афганистане. СА, 1957, № 2.

[26] Ж. Касаль, первоначально склонявшийся к мысли о храмовом характере второго здания, теперь решительно называет здание с полуколоннами дворцом, что является известной модернизацией. Полная публикация материала, несомненно, поможет решить этот вопрос.

[27] В. Фэрсервис, произведший разведочные раскопки на одном поселении около Кандагара, предложил назвать местную культуру типом Мораси, что является излишним усложнением терминологии. См. W. Fairservis. Preliminary Report..., стр. 23—24.

[28] A. Stein. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, табл. VIII—X, XIII.

[29] E. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937. Это одна из основных форм расписной керамики Гисара I B — C продолжает сохраняться и в пору Гисара II A—B, когда она скорее всего и послужила прототипом сосудам Мундигака.

гипотез о тесной связи Северного Белуджистана с культурой Тепе-Гисар[30]. Но еще бо́льшие аналогии можно найти между культурой кветтско-кандагарских племен и памятниками раннеземледельческих племен Южной Туркмении, прежде всего памятниками Геоксюрского оазиса в древней дельте р. Теджен (Герируд), к востоку от современного г. Теджен. Здесь почти полностью идентичны и мотивы росписи на керамике, и глиняные статуэтки, и орнамент печатей. Весьма существенны также следующие два обстоятельства. Во-первых, все эти элементы в Геоксюрском оазисе восходят к более раннему времени, чем в Кветте и Кандагаре, и, во-вторых, именно эти элементы нехарактерны для всей группы белуджистанско-индийских памятников в целом[31]. Все это позволяет считать, что во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. имело место, возможно, неоднократное продвижение земледельческих племен из Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении в Афганистан и Белуджистан. Видимо, неслучайно кветтская группа раннеземледельческих поселений располагается в горной долине перед Боланским проходом — на пути в Индию. Оседлое население, как мы видели, существовало здесь уже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э., и последующая культура в значительной степени является результатом преемственного развития. Однако вместе с тем наблюдается и инфильтрация новых этнических элементов с северо-запада. Путь, по которому могло идти это продвижение новых племен в Южный Афганистан, остается не вполне ясным до проведения археологических работ в районе Мешхеда и Герата. Где-то здесь произошло соединение двух культурных традиций — гератской и геоксюрской, влияние которых мы ощущаем в Кветте и Мундигаке. Возможно, что в этот период Гератский оазис, где для орошения требуется выведение из Геримуда крупных магистральных каналов, еще не был освоен. Но отсутствие в известных материалах из Сеистана сколько-нибудь значительных следов северо-восточных связей заставляет предполагать, что в своем продвижении на юго-восток древнеземледельческие племена Северного Ирана и Южной Туркмении едва ли могли миновать Гератскую долину.

Такова картина древнейшего прошлого Афганистана, вырисовывающаяся на основании имеющихся материалов, в большинстве своем происходящих из сборов на поверхности или разведочных раскопок, весьма скромных по своим масштабам. Единственное поселение, где размах раскопок был достаточно широк,— это Мундигак, но добытые здесь материалы полностью еще не опубликованы. Вместе с тем весьма заметен и тот значительный прогресс, который проделала афганская археология за четверть века, прошедшую со времени публикации цитировавшейся в начале нашего изложения статьи В. А. Городцова. История древнейшего Афганистана становится одним из звеньев в сложной и многообразной истории стран древнего Востока.

[30] На основании материалов Рана-Гхундай II об этом писал еще Д. Маккаун. См. JNES, 1946, № 4, стр. 285—289. На основании тех же данных этот вопрос был позднее исследован С. Пиготом (см. S. Piggot. Prehistoric India..., стр. 121 сл.) и Г. Чайлдом (Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 298—310).

[31] В. М. Массон. W. A Fairservis. Excavations in the Quetta Valley. CA, 1960, № 1.

В. М. Массон

П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины Фрунзе, 1959. 134 стр.+70 рис. +17 табл. Тираж 500. Цена 11 р. 30 к.

В рецензируемой книге излагаются итоги многолетних археологических исследований автора, поставившего перед собой задачу дать историко-топографическую характеристику раннесредневековых поселений Чуйской долины.

Ввиду малочисленности данных письменных источников по средневековой истории Семиречья первостепенное значение приобретают источники вещественные, и поэтому сам факт введения в научный оборот значительного количества новых археологических материалов делает эту книгу особо интересной.

Правда, значительная часть археологических памятников Чуйской долины уже публиковалась в специальной литературе[1], но книга П. Н. Кожемяко является наиболее полной сводкой данных об известных ранее памятниках и вводит в круг исследования целый ряд новых городищ и поселений, открытых и обследованных самим автором.

Первая глава — «Историко-географическая справка» — носит вводный характер. Она знакомит читателя с географическим положением Чуйской долины и основными моментами исторического развития Семиречья. Здесь также дается подробный исто-

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам БЧК. Фрунзе, 1943; Чуйская долина. МИА, № 14, 1951; Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСЦЭ, XXVI, 1957, и др.

риографический обзор. Вся вторая глава — «Вопросы датировки поселений» — посвящена хронологической классификации керамики. Это труд большой и необходимый, но, конечно, не охватывающий всех средств датировки. Поэтому следовало бы привлечь и другие датирующие материалы.

Центральное место в книге, как по значению, так и по объему, занимают третья и четвертая главы: «Историко-топографическая характеристика городищ с длинными валами» и «Мелкие поселения и укрепления».

В топографии 15 крупных городищ автору удалось подметить особенность, упущенную предыдущими исследователями. Раньше на них не были замечены длинные валы, одним, а иногда и двумя поясами окружающие застроенную часть города. Открытие длинных валов вносит значительные коррективы в прежние представления об исследуемых памятниках. Автор убедительно рисует социально-экономическую картину раннесредневековых городов Чуйской долины, торгово-ремесленных центров, жители которых одновременно занимались и земледелием. Материал исследования неизбежно приводит к сделанному еще К. Марксом выводу об особенности азиатской истории, где наблюдалось «нерасчлененное единство города и деревни»[2].

Данные новых раскопок позволяют датировать верхний слой городища Ак-Бешим X в.[3]. В связи с этим становится невозможным отождествление Ак-Бешима с городом Баласагуном, как это делалось раньше[4]. В верхнем слое городища найдено значительное количество караханидских монет XI в. и керамики IX—XII вв. (стр. 78). Это дало возможность автору отнести верхнюю дату Ак-Бешима к XII в. Л. Р. Кызласов, редактируя книгу, высказался против такой датировки, а в цитируемой выше статье объясняет наличие поздних вещей тем, что жители сельской округи посещали впоследствии руины города. При современном состоянии изученности Ак-Бешима трудно решить, кто из указанных авторов прав. Во всяком случае, объяснение Л. Р. Кызласова вряд ли убедительно, да и сельской округи в такого рода городах не было, как это показано в рецензируемой книге (стр. 176—177) и в других исследованиях.

Вызывает возражение несколько произвольное обращение автора с названиями памятников, уже вошедших в литературу. Так, Ключевское городище уже известно как Ново-Павловское, Сретенское — под названием Ак-Тепе[5].

Мелкие поселения и укрепления, которых теперь насчитывается свыше сорока, большей частью открыты самим автором. В книге эти памятники делятся на две большие группы: 1) поселения вблизи городищ с длинными валами и 2) поселения при выходе больших ущелий хребта Киргизского Ала-Тоо в Чуйскую долину.

Первая группа вполне убедительно рассматривается автором как форпосты вокруг крупных городов, как дочерние поселения, со временем отпочковавшиеся и разросшиеся. Стратиграфические наблюдения подтверждают этот вывод. Вторую группу П. Н. Кожемяко считает также принадлежавшей жителям долины, которые таким образом защищали свои поля и жилища от набегов кочевников. В этом вопросе автор спорит с А. Н. Бернштамом[6], считавшим предгорья зоной обитания кочевников. А. Н. Бернштам не знал о существовании многих поселений в ущельях, открытых П. Н. Кожемяко, и, естественно, новые материалы дают автору рецензируемого труда основу для новых обобщений. Однако такое утверждение автора, на наш взгляд, преждевременно.

Во-первых, гипотеза автора противоречит неоднократно отмеченному им самим (стр. 176, 183) историческому факту о принадлежности политической власти в Семиречье знати тюркских кочевых племен. Имеются также данные некоторых письменных источников о наличии в городах тюркских гарнизонов[7]. Это вряд ли допускает возможность строительства жителями городов укреплений против кочевников. Во-вторых, стратиграфические наблюдения пока недостаточно подробны, чтобы предполагать что-либо определенное. Во всяком случае, отмеченный автором на этих памятниках незначительный культурный слой (стр. 154) наталкивает скорее на мысль о кочевническом укреплении типа ставки, чем об оседло-земледельческом, внутри стен которого должны были бы быть строительные напластования.

Из «Заключения» не совсем ясно, что же сыграло решающую роль в развитии городов и поселений Чуйской долины — переход кочевников-скотоводов к оседлой жизни или переселение сюда жителей Согда и Чача. На наш взгляд, большее значение имел первый фактор, так как приход согдийцев — явление внешнего порядка, ускорившее данный процесс. В языковом же отношении согдийцы были ассимилированы местным тюркоязычным населением.

---

[2] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 13.

[3] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 235.

[4] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 75; М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Тр. САГУ, нов. сер., вып. 81, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 23.

[5] Чуйская долина. МИА, № 14, табл. III, *2*; табл. VI, *3*.

[6] Там же, стр. 104.

[7] Ал-Мервези. Таба' и ал-Хайаван. Архив АН Киргизской ССР, № 1820, стр. 41.

Книга богато иллюстрирована, но техническая сторона воспроизведения таблиц и чертежей оставляет желать много лучшего. Это упрек не автору, а издательству АН Киргизской ССР. К сожалению, книга выпущена маленьким тиражом.

Указанные замечания не снижают научной ценности книги. Ее значение состоит прежде всего в том, что сделана подробная и глубокая историко-топографическая характеристика средневековых поселений Чуйской долины, что позволило автору дать ряд интересных выводов. Это общий очерк, без которого невозможно дальнейшее, более глубокое изучение археологических памятников Северной Киргизии. Следует пожелать автору и Институту истории АН Киргизской ССР продолжить исследования в данной области.

Я. А. Шер

Археология Туркменской ССР (Обзор статей в «Известиях АН ТССР» за 1951—1959 гг.)

После образования в 1951 г. Академии наук Туркменской ССР в «Известиях АН ТССР» регулярно помещаются небольшие статьи, освещающие историю и культуру народов, населявших в древности территорию Туркменистана. Большинство статей написано на археолого-этнографическом материале, вводимом в научный оборот плодотворными работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции при Президиуме АН ТССР (ЮТАКЭ; начальник — проф. М. Е. Массон), образованной в 1946 г.[1], и сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Большинство их посвящено археологии Южного Туркменистана. Это главным образом публикации новых материалов, охватывающих время от каменного века до средневековья; отдельные статьи написаны на основании письменных источников, а часть имеет более обобщающий характер. В настоящем обзоре все работы подразделяются на несколько групп: 1) посвященные памятникам первобытнообщинного строя, 2) античному времени и 3) средневековью; в самостоятельные группы выделены работы по антропологии и этнографии, ремеслу и технике.

Памятники каменного века, открытые в Южном Туркменистане только в послевоенные годы, находятся в Западной Туркмении, в Прикаспии[2]. В пещерах Дам-Дам-Чешме II (у Небит-Дага) и Кайлю (у одноименной ж.-д. станции) был открыт мезолитический комплекс, характерный наличием кремневых орудий в виде круглых сегментов с притупленной спинкой и асимметричных трапеций с вогнутыми боковыми сторонами. Этот комплекс в обеих пещерах был перекрыт слоями с остатками неолитической культуры, где уже наблюдаются некоторые различия. Если керамика из неолитических слоев Дам-Дам-Чешме II представлена фрагментами черных круглодонных сосудов, часть которых орнаментирована своеобразным «шнуровым» орнаментом, то в синхронных слоях Кайлю имеются плоскодонные черные сосуды с иной орнаментацией и обломки красноглиняных сосудов с легким наружным лощением.

Стоянки открытого типа обнаружены у колодцев Огланлы (мезолит) и в Кош-Оба (неолит). Интересной находкой следует считать два захоронения близ Кайлю. Их погребальный обряд — обильная засыпка покойников красной охрой и помещение в могилу большого количества раковинных бус — находит себе реплики в Мариупольском могильнике и др.

Ключевой проблемой для понимания исторических процессов, связанных с родовым обществом и началом формирования рабовладельческих отношений, является проблема так называемых культур Анау. Систематическое изучение ряда вопросов, вытекающих из этой проблемы, было начато в 1952 г. Б. А. Куфтиным[3], а с 1955 г. в этом направлении продолжает работать XIV отряд ЮТАКЭ.

Б. А. Куфтин начал сплошное обследование подгорной полосы. Им было заново осмотрено до 20 поселений от Геок-Тепе до Меана; на ряде памятников были заложены шурфы (Кара-Тепе и Джейтун) и раскопы (Яссы-Тепе у Каахка), а холм Намазга-Тепе был подвергнут всестороннему исследованию. Была установлена стратиграфическая колонка (Намазга I—VI), охватывающая время с IV по середину II тысячелетия до н. э., заменившая периодизацию «культур Анау», выдвинутую американской экспедицией Р. Пампелли в 1904 г.[4]. Кроме этого, материал дал возможность сделать ряд ценных предположений, которые, как правило, подтверждаются последующими раскопками.

---

[1] Об итогах работ ЮТАКЭ за пять лет см. М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. ИАН ТССР, 1951, № 1, стр. 90—98.

[2] Л. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТССР, 1953, № 2, стр. 28—32.

[3] М. Е. Массон. Б. А. Куфтин (некролог). ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 91, 92; Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Там же, стр. 22—29.

[4] К сожалению, некоторые исследователи продолжают пользоваться параллельно с периодизацией Б. А. Куфтина устаревшей схемой Пампелли — Шмидта, что приводит к путанице.

Одновременно с этим сотрудники сектора археологии ИИАЭ АН ТССР от сборов подъемного материала перешли к раскопкам древнеземледельческих поселений. Одним из первых объектов стало Яссы-Тепе, но раскопки его не дали, по сути дела, положительных результатов [5].

Весьма интересные результаты дала разведка горных районов Копет-Дага 1952 г. [6], причем часть обследованных объектов относится к памятникам не только первобытного, но и более позднего времени. К эпохе энеолита и бронзы относятся две группы памятников. Первая включает в себя поселения, керамика с которых имеет соответствия в памятниках анауского типа подгорной полосы (Карантки-Токай у аула Караул, стоянка у Сулюкли, Кошлы-Багы у Дешта); вторая — памятники с керамикой типа архаического Дахистана (Туслы-Тепе и некоторые случайные находки в Кара-Кала). Своеобразной является находка из окрестностей аула Дайна, состоящая из трех сосудов светло-коричневого цвета (один из них украшен лощением и налепами) и медного втульчатого топора-тесла, которые имеют соответствия с изделиями бронзового века Северо-Западного Ирана (Гисар III B; первая половина II тысячелетия до н. э.). Выводы, сделанные автором на основании этой разведки, не всегда, на наш взгляд, бесспорны. Так, в настоящее время представляется возможным удревнение даты начала освоения земледельцами горных районов, которое автор относит к III тысячелетию до н. э. Широкое же освоение, по его мнению, могло произойти не ранее ак-тепинского времени (т. е. Намазга IV), поскольку существенную роль в этом должно было сыграть применение примитивного плуга. Однако еще нет данных о появлении плуга на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., а наличие в Копет-Даге дикой богары говорит о возможности освоения горных районов несколько раньше III тысячелетия до н. э. Обследование XIV отрядом ЮТАКЭ поселения Карантки-Токай в 1958 г. как будто подтверждает эту мысль, тем более что керамический материал позволил отнести конец первого периода жизни на нем ко времени позднего Анау IБ (керамика типа Дашлы-Тепе у Изганта).

Многие поселения древних земледельцев северных предгорий Копет-Дага раскапываются силами XIV отряда ЮТАКЭ [7], но предварительные результаты о работах только на двух из них нашли свое отражение на страницах «Известий АН ТССР». Дашлыджи-Тепе и Яландгач-Тепе раскапывались в 1957 г. [8]. Первое поселение относится ко времени позднего Анау IБ (Намазга I) и состоит не менее чем из трех строительных горизонтов (два вскрыты полностью) [9]. На втором поселении (раннее Анау II — Намазга II) вскрыта часть верхнего строительного горизонта. Расписная керамика обоих поселений показывает самостоятельную линию развития некоторых орнаментов на посуде, отличную от керамики подгорной полосы времени Анау II (Намазга II). Это дает право говорить о локальных отличиях культуры Геоксюрского оазиса примерно со второй половины IV тысячелетия до н. э.

Древним этапам истории Мисрианской равнины посвящены работы В. М. Массона, проводившего на этой территории в 1951—1953 гг. разведки и небольшие раскопки [10] (Изат-Кули — 1951 г. и Мадау-Тепе — 1952—1953 гг.). Собрано много керамики, изделия из металла и камня, что позволило автору не только выделить своеобразную культуру архаического Дахистана (вторая половина II тысячелетия до н. э. — первая треть I тысячелетия до н. э.), но и предположить, что «некоторые сходные формы керамики архаического Дахистана являются более поздним развитием керамических форм астрабадского бронзового века», с одной стороны, и что «генетическим предшественником культуры архаического Дахистана может быть еще неизвестная нам пока культура бронзового века по долинам Сумбара и Атрека, близкая по типу культуре Шах-Тепе — Тюренг-Тепе» — с другой. Показателем наличия на Мисрианской равнине классового раннерабовладельческого общества в начале I тысячелетия до н. э. служит, по мнению автора, наличие широкой сети оросительных каналов длиной до 60 *км*, выведенных из р. Атрека [11].

---

[5] С. А. Ершов. Холм Яссы-Тепе 2. ИАН ТССР, 1952, № 6, стр. 3—7.

[6] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 14—19.

[7] В 1955—1958 гг. XIV отряд ЮТАКЭ вел раскопки на поселениях Джейтун, Кара-Тепе у Артыка, Геоксюр, Яландгач-Тепе и Дашлыджи-Тепе к востоку от Теджена. Сообщения о раскопках опубликованы в СА и КСИИМК.

[8] И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, 1958, № 5, стр. 100—107.

[9] В 1958 г. поселение Дашлыджи-Тепе было раскопано полностью. Отчет см. Тр ЮТАКЭ, т. X, 1960.

[10] В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. ИАН ТССР, 1953, № 1, стр. 54—61; его же. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН ТССР, 1954, № 2, стр. 3—9.

[11] В одной из своих последующих работ (см. В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 455) В. М. Массон придерживается иной точки зрения. Он ставит под сомнение принадлежность Изат-Кули и подобных ему поселений Мисрианской равнины к памятникам классового общества, оговаривая категоричность первоначальных формулировок в предварительных сообщениях (ИАН ТССР, 1954, № 2, стр. 3—9).

В 1954—1955 гг. работами ЮТАКЭ проводилось широкое изучение древнемаргианских поселений бронзового и раннежелезного веков [12].

Наиболее ранним следует считать Аучин-Тепе, керамика которого не только близка посуде типа Намазга VI подгорной полосы, но и в отдельных случаях восходит к формам сосудов времени Намазга V. Следующий этап (позднее Намазга VI) представлен коллекцией, собранной при раскопках поселения Тахирбай-3. Автор статей полагает, что освоение дельты Мургаба произошло за счет переселения части земледельческих общин из подгорной полосы, вызванного внутренним экономическим кризисом, повлекшим за собой запустение или значительное сокращение обжитой площади таких крупных поселений, как Намазга-Тепе у Каахка и Алтын-Тепе у Меана. В результате освоения дельты Мургаба сложились три земледельческих оазиса: восточный (центр Тахирбай I), центральный (Яз-Тепе) и западный (Аравали-Тепе).

На основании раскопок поселения Яз-Тепе выделены три комплекса, наиболее ранний из которых (Яз-I) относится к предахеменидскому времени (960—650 гг. до н. э.). Конец этого периода знаменуется сооружением мощной платформы, на которой строится монументальное здание. Второй комплекс, Яз-II, датируется 650—400 гг. до н. э.; в начале этого периода была заброшена часть цитадели. Комплекс Яз-III (400—300 гг. до н. э.) характерен широким распространением железных изделий и полным запустением цитадели. Выделение этих комплексов позволило, с одной стороны, продолжить стратиграфическую колонку памятников подгорной полосы, поскольку теперь стало возможным говорить о генетической связи Яз-I и Яз-II, т. е. слоя расписной керамики (эпохи варварской оккупации, по Р. Пампелли) и Анау IV; с другой стороны, Яз-Тепе является крупнейшим на территории Средней Азии архитектурным памятником с доахеменидской цитаделью; это поднимает вопрос о сложении в Маргиане государственного образования (resp. классового общества) в предахеменидское время.

Вопросам среднеазиатской античности, главным образом памятникам парфянского времени, отводится большое место в работе ЮТАКЭ. Основной упор делается на исследование столицы Парфянской империи — Митридатокерта (Нисы), развалины которой находятся у аула Багир близ Ашхабада, и Антиохии Маргианской (Гяур-Калы) у Байрам-Али.

Крепость Старой Нисы представляет собой грандиозное сооружение на высокой искусственной платформе; стены ее, длиной до 1,5 *км*, укреплены при помощи 40 башен, включенных в линию стен, и четырех угловых, более мощных. То, что в двух башнях имелись в древности ворота, убедительно доказано Г. А. Пугаченковой [13]. Не следует считать все башни крепости фланкирующими. К этой категории можно относить только угловые, что же касается остальных, то они только усиливали длинное прясло стены, с одной стороны, и служили своеобразным членением длинной глади стены — с другой, выполняя частично декоративные функции.

Одной из выдающихся находок на Старой Нисе является хозяйственный архив, состоящий из обломков хумов с парфянскими текстами, написанными разновидностью арамейского письма [14]. Из всего количества опубликованы 43 документа по учету сбора вина (75—63 гг. до н. э.). Вино, согласно этим документам, поступало с виноградников, носивших имена парфянских царей Фриапатия и Артабана. Эти документы являются неопровержимым свидетельством об организованном государственном обложении. Досадно, что в транскрипцию текстов вкрались по вине издательства опечатки.

ЮТАКЭ проводила разведки периферийных позднепарфянских поселений как на подгорной равнине и в горных районах, так и в Маргиане. В районе Старой Нисы были обследованы Бакынынг-Тепе [15], поселения в ущелье Чули и в Геок-Тепе. Тщательное обследование парфянских поселений к северу от Байрам-Али (Чичанлык-Тепе, Акча-Тепе, Дурнали-Тепе и др.) позволило прийти к интересным и важным выводам. Наблюдения показали, что кроющий слой «позднепарфянского типа» сопровождается медными монетами сасанидского чекана III и начала IV в. н. э. Это свидетельствует, по мнению М. Е. Массона [16], о том, что в течение нескольких десятилетий после падения парфянского государства, в правление первых членов династии Сасанидов, в облике бытового инвентаря не произошло никаких изменений. В этом нельзя не усматривать, что окончательное крушение рабовладельческого общества с резко проявившейся переменой экономического базиса произошло лишь в IV в. н. э., хотя наступление этого кризиса было вызвано падением Парфянского царства.

Наряду с публикацией и изучением истории крупных археологических объектов некоторые работы содержат издание и интерпретацию отдельных предметов. Изобра-

---

[12] В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-Депе. ИАН ТССР, 1955, № 3, стр. 3—9; его же. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. ИАН ТССР, 1956, № 2, стр. 17—24.

[13] Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. ИАН ТССР, 1952, № 1, стр. 16—21.

[14] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Новые находки парфянских документов. ИАН ТССР, 1953, № 6, стр. 3—10.

[15] Д. М. Овезов. К истории селения Мурча. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 9—13.

[16] М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. ИАН ТССР, 1952, № 5, стр. 14—20.

жения на публикуемых Г. А. Пугаченковой[17] геммах-печатях (зебувидный бык, Ника, скачущий козел, «знак Шиз» и др.) настолько часто встречаются на территории как юга Средней Азии, так и Закавказья, что автор ставит вопрос о том, не могли ли геммы свидетельствовать не только о широком развитии частной собственности, но и о принадлежности их владельцев к определенной социальной группе.

Чрезвычайно интересна публикация нового материала, связанного с распространением христианства в Южной Туркмении. М. Е. Массоном приведен анализ нескольких бляшек круглой и сердечкообразной формы с изображениями христианской символики (баран-агнец, хоругвь, Христос-пастырь и т. д.)[18]. К этому следует добавить, что впервые для Средней Азии обнаружены остатки здания, отождествляемого с христианской церковью, в 15 км к северу от Мерва[19]. Это прямоугольное здание с анфиладным расположением комнат и алтарной апсидой.

По планировке оно сближается с малоазийскими церквями, отличаясь от классических базилик. Можно предполагать, что церковь была построена мервскими мастерами-несторианами.

В результате рекогносцировки района среднего течения р. Мургаб стало возможным описание архитектурного устройства пещер X—XI вв. у Ташкепри и Тахта-Базара, вырытых в плотных песчаниках и имеющих стрельчатые своды, переходящие в полукупола и арочные проходы[20].

Ряд городищ вдоль Мургаба убедительно согласуется с данными дорожников арабоязычных авторов. Относительно города Асадабада, который В. В. Бартольд считал уже не существовавшим в XII—XIII вв., Г. А. Пугаченкова пишет, что «археологически подтверждается существование его в эту пору» (стр. 75). Не оспаривая этого мнения, надо все же отметить его некоторую голословность, поскольку нет публикации археологического материала. Отождествление городища Улуг-Тепе у Тахта-Базара со средневековым городом Каср-и-Ахнаф (вопреки мнению В. В. Бартольда и Ле-Стренжа) также не может считаться окончательным, так как построено лишь на внешних данных.

Три статьи посвящены изучению ряда поселений, расположенных к югу от г. Мары[21]. В статье В. М. Массона дается описание поселений Геок-Тепе и Гуркли-Тепе, причем развалины наиболее крупного — Кельте-Минара — являются остатками крупного средневекового города, существовавшего с IX по XII в., и, возможно, соответствуют городу Генугирду — первой станции на пути Мерв — Серахс. К. А. Адыков, производивший археологическое изучение этого же района, склонен отождествлять город Синдж с современными развалинами Топчи-хан-Тепе и Порсы-Кала, а Тильситана арабоязычных авторов — с развалинами Хоуз-хан-Кала.

Ряд статей посвящен уточнению маршрутов средневековых дорожников. Так, П. Б. Булгаковым[22] устанавливается более правильное название отдельных станций древнего пути Нишапур — Серахс. Сопоставляя отдельные свидетельства, автор дает убедительные историко-географические комментарии этому караванному пути. В другой статье, также на основании письменных источников, приводится дата прекращения существования цитадели Мерва-Эрк-Калы (40—90-е годы VIII в.) и намечается местоположение средневековых городов в Мервском оазисе[23].

Следует признать еще более удачной практикой сопоставление письменных сведений с данными обследования на месте, что было проделано М. Е. Массоном[24]. Так, изучение участка средневековой дороги Мерв — Амуль не только выявило название ряда крупных остановок, но и дополнило маршрут более мелкими станциями, не упомянутыми в дорожниках.

Удалось установить, что эти станции — в основном рабаты, в которых четко выделяются мощные оборонительные устройства. Встреченные в работах горны для обжига посуды и кирпича, видимо, служили для нужд путников и ремонтных работ. Кроме рабатов, отмечены остатки сигнальных башен.

Вопросы историко-архитектурного исследования ряда памятников затронуты в статьях Г. А. Пугаченковой и отчасти — М. Е. Массона.

---

[17] Г. А. Пугаченкова. Геммы из Мерва. ИАН ТССР, 1957, № 3, стр. 65—73.

[18] М. Е. Массон. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-Тепе. ИАН ТССР, 1956, № 5, стр. 45—48.

[19] Г. А. Пугаченкова. Хароба-Кошук. ИАН ТССР, 1954, № 3, стр. 15—18.

[20] Г. А. Пугаченкова. Археологическая рекогносцировка области Среднего Мургаба. ИАН ТССР, 1958, № 6, стр. 74—83.

[21] В. М. Массон. Развалины Генугирда. ИАН ТССР, 1951, № 3, стр. 11—15; К. А. Адыков. К истории средневековых поселений Мервского оазиса. ИАН ТССР, 1957, № 4, стр. 120—123; его же. Тильситана. ИАН ТССР, 1959, № 1, стр. 96—103.

[22] П. Б. Булгаков. Маршрут Нишапур — Серахс в сочинениях ранних средневековых авторов. ИАН ТССР, 1955, № 2, стр. 11—15.

[23] П. Б. Булгаков. Некоторые данные о цитадели Мерва и исторической топографии его оазиса. ИАН ТССР, 1959, № 2, стр. 77—80.

[24] М. Е. Массон. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). ИАН ТССР, 1955, № 1, стр. 3—13; его же. Обнаружение и опознание руин средневекового селения Шавваль. ИАН ТССР, № 6, 1959, стр. 86—91.

Обследование караванной дороги Чарджоу — Хорезм выявило ряд рабатов, караван-сараев и мавзолеев [25].

Мавзолей Дарган-Ата, состоящий из двух помещений со стрельчатыми куполами и высоким порталом, на основании анализа надписей (сульсованный несхи) резной двери, а также аналогий с мавзолеями Ургенча, отнесен к середине XIV в. Более уточненная датировка, приведенная Г. А. Пугаченковой (60-е годы XIV в.), не может считаться окончательной. Автор, исходя из полного отсутствия в настоящее время декора, допускает, что его не было и в древности, так как окончательные работы, возможно, были прерваны походом Тимура на Хорезм (60-е годы XIV в.). Однако отмеченные автором же поливные плитки вокруг мавзолея могли принадлежать его первоначальной изразцовой отделке, позднее разрушившейся.

Очень интересные наблюдения сделаны на крупном караван-сарае Чаш-Кала, стены которого украшены гофрами, а углы усилены ризалитами. Он, по мнению автора, тяготеет скорее к памятникам Хорезма, чем Хорасана и Мавераннахра. Совершенно отличен другой караван-сарай, Дая-Хатын (первая четверть XII в.), обнаруживающий бо́льшую близость к северохорасанской архитектуре, чем к Хорезму. Сопоставление этих данных ведет к определению историко-культурной границы между Хорезмом и Хорасаном.

Статья того же автора посвящена изучению конструктивно-инженерных особенностей мавзолея Санджара [26]. Отмечается очень интересное устройство подкупольных парусов мавзолея Санджара в виде необычного «тромпа», а также по-новому дается генезис наружной галереи. Такие галереи автор возводит к обводным коридорам культовых построек античного времени. Вместе с тем арочные галереи XI—XII вв. служили для погашения распора купола, одновременно маскируя переходные подкупольные устройства. Двойной купол является зародышем высокоприподнятых куполов Средней Азии и Ирана XIV—XV вв. Удалось установить, что мастер-строитель происходил из Мерва; это, в совокупности с другими данными, видимо, указывает на существование в этом городе в XI—XII вв. корпорации мастеров-архитекторов.

Другая большая статья того же автора является обощающей сводкой по средневековому строительству в Туркмении [27], на основании которой делается вывод принципиального характера о единой хорасанской школе средневековой архитектуры, заметно отличной от хорезмской и мавераннахрской.

В небольшой заметке М. Е. Массона дается исчерпывающий анализ событий, связанных со строительством мавзолея Тюрябек-Ханым [28]. В результате предлагается новая дата возведения мавзолея (60-е годы XIV в.) и вместе с тем устанавливается, что мавзолей был возведен Юсуфом Суфи для своего брата Хусейна Суфи.

Вопросы древнего ремесла и техники занимают большое место в тематике работ ЮТАКЭ. Так, были специально изучены строительные растворы, жженый кирпич, кладка полов средневековых водохранилищ-сардоб [29].

Вопросы керамического производства, обжигательного процесса, конструктивного устройства горнов и т. д. отражены в трех специальных статьях. Целая серия древних горнов II тысячелетия до н. э. открыта на Намазга-Тепе [30]. В последние годы много средневековых горнов раскопано в квартале керамистов (площадью свыше 12 *га*) Султан-Калы [31]. Квартал возник на рубеже IX—X вв. за чертой складывающегося города, а ко второй половине XI в. окончательно изолируется от Султан-Калы городской стеной. Запустение квартала связано с монгольским нашествием XIII в.

В статье А. А. Рослякова, посвященной экономике средневековой Туркмении, делается вывод, что в X—XII вв. было развито интенсивное поливное земледелие, связанное с рынком [32]. В земледельческих районах ремесло имело товарный характер, а в скотоводческих — преимущественно домашний. После монгольского нашествия в XIV—XV вв. сильно уменьшается ирригационная сеть, сокращаются посевы хлеба, который, как и ремесло, рассчитан лишь на внутреннее потребление. Зато распространяется земледелие в скотоводческих районах и возрастает роль скотоводства.

---

[25] Г. А. Пугаченкова. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. ИАН ТССР, 1955, № 4, стр. 3—12.

[26] Г. А. Пугаченкова. Конструктивные элементы мавзолея Санджар. ИАН ТССР, 1952, № 2, стр. 24—30.

[27] Г. А. Пугаченкова. Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана (VI—XV вв.), ИАН ТССР, 1956, № 3, стр. 5—14.

[28] М. Е. Массон. О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-Ханым в Куня-Ургенче. ИАН ТССР, 1952, № 4, стр. 86—87.

[29] Н. С. Гражданкина. Некоторые данные по строительным материалам водохранилищ-сардоб Южной Туркмении. ИАН ТССР, № 4, 1954, стр. 3—10.

[30] В. И. Сарианиди. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. ИАН ТССР, 1956, № 6, стр. 66—72.

[31] К. А. Адыков. К характеристике гончарного производства конца XII — начала XIII вв. ИАН ТССР, 1955, № 6, стр. 30—37; С. Б. Лунина. Квартал керамистов в западной части рабада Мерва. ИАН ТССР, 1959, № 4, стр. 68—72.

[32] А. А. Росляков. К истории народного хозяйства Туркменистана. ИАН ТССР, 1953, № 1, стр. 47—53.

Две статьи С. Г. Агаджанова посвящены истории огузских племен, участвовавших в этногенезе туркмен [33]. Устанавливается, что племя бёлоков, входившее в огузскую группировку, связано было по происхождению с горно-алтайскими племенами, торговля огузских племен имела большой размах и была тесно связана с дипломатическими миссиями.

Сводная работа Л. В. Ошанина, посвященная вопросам антропологии населения Туркмении, имеет первостепенное значение для археологии Средней Азии [34]. Почти тридцатилетняя работа в этой области приводит автора к выводу, что «долихоцефалия туркмен является не результатом искусственной деформации, а расовым признаком» (стр. 30). Преобладающий европеоидный долихоцефальный тип современных туркменских племен был характерен и для более древнего населения закаспийских степей (скифо-сарматские племена). Этот субстрат позднее был монголизирован по типу и полностью тюркизирован по языку (XI в.). Исследование значительных палеоантропологических серий со II тысячелетия до н. э. по XVII—XVIII вв. дает все бо́льшие основания в пользу этого предположения. Об этом же как будто свидетельствует находка пучка волос на Эрк-Кала (конец II — начало I в. н. э.). Микроскопическое изучение показало, что волосы были темными, волнистыми, мягкими и по типу — европеоидными, что имеет определенное значение для выяснения этногенеза туркмен [35].

Археолого-этнографическое изучение туркменских поселений XIX в. дало возможность заполнить разрыв между археологическими и этнографическими данными [36]. Так комплексное изучение покинутых в настоящее время усадеб и укреплений, а также ирригационной сети в Ташаузской области показало полную преемственность архитектурных традиций раннесредневекового Хорезма. Большой фактический материал свидетельствует о тесных историко-культурных связях современных хорезмских туркмен и древних хорезмийцев.

По линии ЮТАКЭ аналогичное изучение народных жилищ для территории Южной Туркмении было начато еще в 1949 г. [37]. В результате установлено, что для жилищ туркмен-эрсари характерна замкнутая планировка с трехчастным делением. Основным строительным материалом служили глинобитные блоки (пахса); перекрытия двух типов: 1) стоечно-балочные и 2) своды, выложенные из кирпича. В архитектурной композиции и деталях сохраняются старые крепостные традиции, выполняющие уже чисто декоративную роль.

Изучение ремесел племени мурчали показало, что такие виды ремесла, как кузнечное, столярное, шелкоткацкое существовали издавна [38]. Вместе с тем отдельные люди занимались сапожным делом, шапочным, были каменщики, скорняки и т. д., но эти виды ремесла занимали второстепенное место в жизни крестьянина-земледельца. Все эти моменты не могут не учитываться при археологических реконструкциях хозяйства древних жителей Туркменистана. Однако пользование этнографическими параллелями требует очень осторожного подхода. Так, оказалось, что шелководством и шелкоткачеством у одних племен занимались исключительно женщины, а у других — и мужчины (стр. 124); точно так же отдельные виды ремесла были распространены у одних племен и совершенно отсутствовали у других, что, видимо, действительно связано с самим характером хозяйства (земледельческое, скотоводческое). Это тем более важно учитывать, так как в ряде археологических исследований приводятся этнографические данные, не всегда отвечающие своему назначению.

Две статьи посвящены вопросам историко-географического обзора Туркмении XVIII в. [39].

Хорошей традицией «Известий АН ТССР» является указание времени поступления статьи в редакцию и организации, представившей данную статью.

В заключение следует пожелать большего количества публикаций фактического археологического материала и даже небольших, предварительных отчетов. Это поможет скорейшему введению в научный оборот нового материала.

В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин

---

[33] С. Г. Агаджанов. Из истории огузо-туркменских племен раннего средневековья. ИАН ТССР, 1959, № 2, стр. 32—38; его же. К вопросу о торговой и дипломатической практике огузо-туркменских племен X—XI вв. ИАН ТССР, 1955, № 3, стр. 74—79.

[34] Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. ИАН ТССР, 1952, № 4, стр. 27—38.

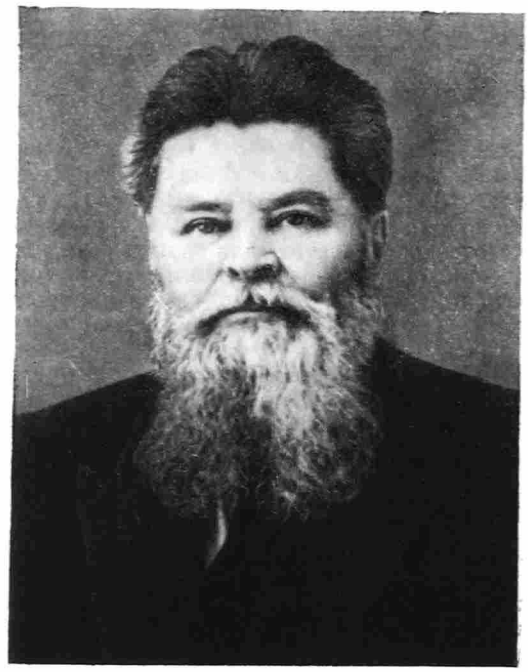
[35] М. Е. Массон. Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней давности в крепости древнего Мерва. ИАН ТССР, 1957, № 1, стр. 118—120.

[36] Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. ИАН ТССР, 1957, № 2, стр. 99—106.

[37] В. А. Левина. Жилище туркмен-эрсари Керкинского района. ИАН ТССР, 1952, № 3, стр. 44—51.

[38] Д. Овезов. Ремесла и домашние промыслы у племени мурчали. ИАН ТССР, 1957, № 2, стр. 122—125.

[39] М. Е. Массон. Новые картографические данные о прошлом Туркменистана XVIII в. ИАН ТССР, 1958, № 1, стр. 44—52; Е. К. Беттер. Самарский купец Данила Рукавкин и его караван в Хиву в 1753 г. ИАН ТССР, 1952, № 6, стр. 8—11.



П. Ф. ИЩЕРИКОВ

5 сентября 1961 г. в Ленинграде скончался известный краевед и археолог Петр Федорович Ищериков.

П. Ф. Ищериков родился 28 июня 1892 г. в с. Япова, Сергачского уезда, Нижегородской губернии, в семье крестьянина. В 1908 г. он окончил городское училище в г. Уфе, в 1909 г. был принят в члены секции изучения местного края Уфимского семейно-педагогического общества и принял участие в обработке архивных материалов краеведа Д. С. Волкова. С этого времени начинается увлечение историей края, которое не покидало Петра Федоровича всю жизнь. П. Ф. Ищериков становится неутомимым пропагандистом истории края, выступает на заседаниях секции с докладами об археологических находках. Им же было сделано первое сообщение в газете «Уфимский вестник» о находках древних погребений на даче Озерецковского, которые впоследствии были раскопаны В. В. Гольмстен и в археологической науке известны под именем Уфимского могильника. В раскопках Уфимского могильника Петр Федорович принял личное участие. Петр Федорович был одним из организаторов Музея наглядных пособий (ныне педагогический кабинет в г. Уфе) и долгое время был хранителем археологических коллекций, собиравшихся в секции семейно-педагогического общества.

Начиная с 20-х годов и до последних дней своей жизни Петр Федорович являлся активным корреспондентом местной периодической печати, выступая на страницах газет и журналов со статьями на археологические и исторические темы. Отсутствие специального образования не дало возможности целиком посвятить себя любимой науке — археологии, но, несмотря на это, Петр Федорович всю жизнь живо интересовался археологическими памятниками. В 1936 г. он принял участие в раскопках древних погребений на территории г. Уфы. С 1945 по 1958 г. Петр Федорович работал научным сотрудником Института истории Башкирского филиала АН СССР и принимал участие в работе экспедиций. Он руководил раскопками городища Уфа II.

В эти же годы им был написан ряд статей на археологические темы, некоторые из которых («Аланский могильник близ г. Стерлитамака» и «Городище Уфа II») опубликованы в местных и центральных изданиях.

Петр Федорович навсегда останется в памяти знавших его как человек большой души, как чуткий и отзывчивый товарищ, отдавший все свои силы бескорыстному служению науке.

М. Садыкова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В июльском номере «Иллюстрированных лондонских известий» за 1961 г. в археологической секции была напечатана статья Артура Кана о последних раскопках в Аполлонии [1]. Статья, представляющая собой довольно поверхностный обзор открытых в Аполлонии памятников, не заслуживала бы нашего внимания, если бы не содержала искажений некоторых фактов и не имела бы известной тенденциозной направленности.

Статья напечатана под общим, подчас еще обычным для буржуазной науки, недоброжелательным заголовком «Археология за железным занавесом». Краткое содержание статьи следующее. После беглого вступления о значимости Аполлонии в античности автор рассказывает об истории ее исследования, создании и развитии албанской археологии, цели раскопок и дает общий обзор открытых в Аполлонии памятников, сопровождаемый 23 иллюстрациями, частично сделанными самим автором, но большей частью полученными от албанских археологов из архива экспедиции. Читая обзор Кана, трудно понять, что же открыто в Аполлонии в последние годы, ибо об этом умалчивается. Создается впечатление, что албанской археологии приписываются все открытия 20-х годов Леона Рея, что совершенно неверно, или что автор просто не счел нужным сообщить, какие открытия были сделаны экспедициями последних лет. В статье имеется, кроме того, целый ряд фактических искажений. Так, Аполлония часто называется иллирийским городом, тогда как чисто иллирийским городом она никогда не была. Внутренняя подпорная стена неверно принята за оборонительную, вследствие чего все административные постройки оказались у автора вынесенными за оборонительную стену, что не соответствует действительности. Статуи магистратов не были использованы при сооружении варварских построек, как сообщает автор, а были найдены в помещении «дома магистратов». Неосновательно на малом холме видеть храм Афродиты, так же, как считать, что культ этой богини был главным для Аполлонии, и т. д.

Невозможно перечислить все мелкие неточности, имеющиеся в статье. Избежать их не помог и тот великолепный, еще не опубликованный самими исследователями материал, в котором не отказали автору албанские археологи.

Статья не дает также представления о том, как была создана молодая албанская археология. Естественно, не названы и те «иностранные специалисты», которые были приглашены в Албанию для помощи в проведении раскопок. Между тем в 1958—1960 гг. в археологической экспедиции, организованной Тиранским университетом, принимала участие группа квалифицированных советских археологов, о чем уже неоднократно упоминалось как в советской, так и в албанской печати. Автор статьи говорит только: «В 1957 г., при основании первого албанского университета, правительство решило сосредоточить все национальные археологические усилия в Аполлонии и пригласить иностранных специалистов для участия в больших археологических раскопках».

Г. А. Цветаева

---

[1] The Illustrated London News, № 6361, т. 239, июль 1, 1961. Archaeology behind the Iron Curtain: A Report on the Large-scale Albanian. Excavations at «The Greatest of the Apollonias». By Arthur Kahn, Graduate Student in Classics at New York University.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АОГЭ — Археологический отдел Государственного Эрмитажа
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БАН — Библиотека Академии наук в Ленинграде
ВГМГ — Вестник государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМГ — Государственный музей Грузии
ГРМ — Государственный русский музей
Зап. СОРГО — Записки Сибирского отделения Русского географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРЛ — Институт русской литературы
ИСНИК — Известия Саратовского научного института краеведения
ИСОРГО — Известия Сибирского отделения Русского географического общества
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОГУ — Одесский государственный университет
ОН ГИМ — Отдел нумизматики Гос. исторического музея
ОН ГЭ — Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РОГЭ — Русский отдел Гос. Эрмитажа
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СОПС АН СССР — Совет по изучению производительных сил АН СССР
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ВАХ — Труды Всероссийской академии художеств
Тр. ИИАЭ АН Туркм. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
Тр. ОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЦНИГРИ — Труды Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИИАЭ Дагест. ФАН СССР — Ученые записки Института истории, археологии и этнографии Дагестанского филиала АН СССР
Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
AJA — American Journal of Archaeology
CBM — Catalogue of the British Museum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
SCN — Studii şi cercetări numismatice
SPA — Survey of Persian Art

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Л. Монгайт (Москва). Археология и религия 3
В. Л. Янин (Москва). К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева . . . 10
П. И. Борисковский (Ленинград). Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—1961 г. 17
Л. С. Клейн (Ленинград). Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур 26
Э. А. Сымонович (Москва). К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры 39
Ю. А. Рапопорт (Москва). Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. 50
П. А. Раппопорт (Ленинград). Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. 61
Ю. Л. Щапова (Москва). О происхождении некоторых типов древнерусских бус 81

Публикации

Л. Я. Крижевская (Ленинград). Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии 97
Л. Р. Кызласов (Москва). Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь . 112
К. В. Сальников (Уфа), **А. С. Новиченко** (Оренбургская обл.). Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области . . . 124
Н. И. Сокольский (Москва). Курос из Кеп 134
В. К. Пудовин (Москва). Три боспорские лучевые фибулы 142
Д. М. Атаев (Махачкала). Поясные пряжки из Нагорного Дагестана . 149
В. Л. Янин (Москва). Печати с надписью «Дьнѣслово» 157
А. В. Арциховский (Москва). Новые берестяные грамоты 178
И. Ф. Бородина (Москва). Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека 185

Заметки

В. Я. Шиперович (Москва). Каменное орудие из пос. Борцовки в Алтайском крае 201
М. А. Дэвлет (Москва). Каменная фигурка андроновского времени . . . 203
И. И. Гущина (Москва). Находки из Краснодарского края 206
П. О. Карышковский (Одесса). Ольвийские ассы с изображением совы . . 210
А. И. Салов (Анапа). Археологические находки в Анапе 215
И. Т. Кругликова (Москва). О гончарной мастерской Горгиппии 218
Г. Е. Трапезников (Ленинград). Бронзовая парфянская монета I в. н. э. . . 225
М. И. Максимова (Ленинград). Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» 226
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Шлем XI в. из Юго-Западной Руси . . 230
Н. В. Холостенко (Киев). Клад у Борисоглебского собора в Чернигове . 235
С. Н. Орлов (Новгород). Писáло и дощечка для письма из Новгорода . 238
Ю. М. Золотов (Москва). Два каменных надгробия XVI в. из Москвы . . . 240
Э. С. Смирнова (Ленинград). Два памятника псковского художественного литья XVI в. 243

Критика и библиография

А. Я. Брюсов (Москва). F. C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe . . . 248
В. М. Массон (Ленинград). Древнейший Афганистан 253
Я. А. Шер (Ленинград). П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины 260
В. И. Сарианиди (Москва), **И. Н. Хлопин** (Ленинград). Археология Туркменской ССР 262

Хроника

П. Ф. Ищериков 268
Г. А. Цветаева. Письмо в редакцию 269

SOMMAIRE

Articles

A. L. Mongaït (Moscou): Archéologie et religion 3
V. L. Yanine (Moscou): Pour le centenaire de la naissance de N. P. Likhatchev 10
P. I. Boriskovski (Léningrad): Etudes des monuments de l'âge de pierre dans la République Démocratique du Vietnam en 1960—1961 17
L. S. Klein (Léningrad): Monuments de catacombes de l'âge du bronze et problèmes de la distinction de civilisations archéologiques 26
E. A. Symonovitch (Moscou): Sur la question de l'appartenance de la civilisation tcherniakhovienne 39
I. A. Rapoport (Moscou): Sur le sujet décoratif du plat Bartyme trouvé en 1951 50
P. A. Rappoport (Léningrad): Recherches archéologiques sur des monuments de l'architecture russe des Xe—XIIIe siècles 61
I. L. Stchapova (Moscou): Sur l'origine de certains types de colliers antiques russes 81

Pubilcations

L. J. Krijevskaya (Léningrad): Etablissements néolithiques au Nord-Est de la Bachkirie 97
L. R Kyzlasov (Moscou): Les tumulus athanasieviens sur les rivières Ouïbat et Biure 112
K. V. Salnikov (Oufa), **A. I. Novitchenko** (district d'Orenburg): Monuments de l'âge du bronze dans le district d'Orenburg 124
N. I. Sokolski (Moscou): La tête d'homme en marbre de Kepoï 134
V. K. Poudovine (Moscou): Trois agrafes bosporiennes 142
D. M. Ataev (Makhatchkala): Boucles de ceintures lu Haut-Daghestan . 149
V. L. Yanine (Moscou): Cachets portant l'inscription «Dniéslovo» 157
A. V. Artsikhovski (Moscou): Nouvelles lettres sur écorce de bouleau 172
I. F. Borodina (Moscou): Intérieurs de bâtimenst de Samarkande du temps d'Oulougbek 185

Notes

V. J. Chipérovitch (Moscou): L'instrument de pierre du village Bortsovka dans la région de l'Altaï 201
M. A. Dévlet (Moscou): Figurine en pierre du temps d'Andronovo 203
I. I. Goustchina (Moscou): Trouvailles de la région de Krasnodar 206
P. O. Karychkovski (Odessa): Monnaies d'Olbie avec figure de hibou 210
A. I. Salov (Anapa): Trouvailles archéologiques dans Anapa 215
I. T. Krouglikova (Moscou): Sur l'atelier de potier de Gorguippie 218
G. E. Trapeznikov (Léningrad): Monnaie parthe en bronze du Ier siècle de notre ère 225
M. I. Maximova (Léningrad): Amulette de Gorguippie et boules dites «pendeloques» 230
A. N. Kirpitchnikov (Léningrad): Casque du XIe siècle du Sud-Ouest de la Russie 231
E. V. Kholostenko (Kiev): Trésor près de la cathédrale Boris et Gleb de Tchernigov 235
S. N. Orlov (Novgorod): Style et tablette à écrire de Novgorod 238
I. M. Zolotov (Moscou): Deux pierres tombales du XVIe siècle de Moscou . . 240
E. S. Smirnova (Léningrad): Deux monuments de fonderie d'art de Pskov du XVIe siècle 243

Critique et Bibliographie

A. J. Brusov (Moscou): F. C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe . . . 248
V. M. Masson (Léningrad): L'Afghanistan le plus ancien 253
J. A. Cher (Léningrad): P. N. Kojémiako. Les villes et les établissements de la vallée de la Tchou du moyen âge antérieur 260
V. I. Sarianidi (Moscou), **I. N. Khlopine** (Léningrad): L'archéologie dans la RSS de Turkrénie 262

Chronique

P. F. Istchérikov 268
G. A. Tsvetaeva (Moscou): Lettre à la Rédaction 269